

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2
(22)

№ 2
(22)
2011

2011

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2
(22)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2011

ISSN 1681-1062

Научный журнал

Основан в январе 2001 года

Выходит два раза в год

Редакционная коллегия:

А. М. Молдован (главный редактор), *А. А. Алексеев*, *Х. Андерсен* (США), *Ю. Д. Апресян*, *А. Богуславский* (Польша), *И. М. Богуславский*, *Д. Вайс* (Швейцария), *Ж. Ж. Варбот*, *А. Вежбицкая* (Австралия), *А. А. Гиппиус*, *М. Ди Сальво* (Италия), *Д. О. Добровольский*, *В. М. Живов*, *А. Ф. Журавлев*, *А. А. Зализняк*, *Е. А. Земская*, *Х. Кайперт* (Германия), *Л. Л. Касаткин*, *Э. Кленин* (США), *А. Д. Кошелев*, *Л. П. Крысин*, *Р. Лясковский* (Польша), *Х.-Р. Мелиг* (Германия), *И. Мельчук* (Канада), *Н. Б. Мечковская* (Беларусь), *Е. В. Падучева*, *А. А. Пичхадзе* (ответственный секретарь), *В. А. Плунгян*, *Т. В. Рождественская*, *Д. В. Сичинава*, *А. Тимберлейк* (США), *Х. Томмола* (Финляндия), *М. Флайер* (США), *А. Я. Шайкевич*, *А. Д. Шмелев*

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».

Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail rusyaz@yandex.ru.

Издательство: e-mail lrc.phouse@gmail.com, сайт www.lrc-press.ru.

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*

Редакторы номера *А. А. Пичхадзе*, *Е. И. Державина*

Корректоры *Е. Сметанникова*, *Г. Эрли*

Издатель *А. Д. Кошелев*

Редакция журнала «Русский язык в научном освещении» просит авторов
присылать статьи в журнал на адрес: rusyaz@yandex.ru.

Все публикации бесплатны.

Подписка на журнал оформляется в любом отделении связи
по Объединенному каталогу «Пресса России», индекс 44088.

Подписано в печать 09.12.2011. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Усл. п. л. 20. Заказ №

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2011
© Авторы, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>Е. Л. Березович</i> Деривационная семантика <i>русского</i> в русских народных говорах	5
<i>С. А. Мельникова</i> <i>Здоровье / болезнь ~ веселье / печаль</i> (К вопросу о направлениях семантических изменений).....	33
<i>А. М. Молдован</i> К этимологии слова <i>мент</i>	47
<i>И. С. Юрьева</i> Инфинитивные сочетания с глаголами <i>имамь</i> и <i>имоу</i> в древнерусских текстах	68
<i>А. В. Сахарова</i> Содержательные параметры употребления кратких причастий в русской летописи для некоторых глаголов движения	89
<i>Мария Лазар</i> Эвиденциальная частица <i>де(и)</i> и другие эвиденциальные частицы в истории русского языка	116
<i>И. И. Макеева</i> Описание акцентной микросистемы русской рукописи XVII века. II. Имена	139
<i>Е. А. Галинская</i> Склонение количественных числительных в псковском диалекте первой половины XVII века	186
<i>А. Ф. Сагитова</i> Словообразовательный аспект чередования О/А в глаголах на <i>-ивать (-ывать)</i> в современном русском литературном языке	204
<i>Д. О. Добровольский</i> Сопоставительная фразеология: межъязыковая эквивалентность и проблемы перевода идиом	219
<i>У. Долешалъ, В. В. Дубичинский, Т. Ройтер</i> Суржик: лексико-грамматический и социолингвистический анализ (на материале аутентичных аудиозаписей телепередачи)	247

Из истории науки

В. М. Живов

- Венок на могилу Александра Васильевича Исаченко.
К столетию со дня рождения: Письма А. В. Исаченко В. М. Живову.....268

Рецензии

- Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX в.: В 2 т. / Сост. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко и др.; Отв. ред. Т. Н. Буцева. Ин-т лингвистических исследований РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. — Т. 1 (А—К). — 813 с. (*Л. В. Рацибурская, С. Д. Шелов*).....305

Новые книги

- Б. И. Осипов*. Судьбы русского письма: История русской графики, орфографии и пунктуации. М.: Ин-т русского языка РАН; Омск: ИЦ «Омский научный вестник», 2010. — 320 с.310
- Categorye verbali e problemi dell'organizzazione testuale. Studi contrastivi Slavo-Romanzi / Глагольные категории и проблемы организации текста. Сопоставительное описание славянских и романских языков / A cura di Anna Bonola e Olga Inkova. Milano: EDUCatt, 2011 (L'analisi linguistica e letteraria, XVIII, 1/2010, Numero Speciale). — 280 p.311
- О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров*. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. — 1087 с.312
- М. Г. Колбенева, Ю. И. Александров*. Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка. Лингво-психологический словарь. М.: Языки славянских культур, 2010. — 368 с.314
- А. М. Бруни*. Византийская традиция и старославянский перевод Слов Григория Назианзина. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2010. Т. I (Россия и Христианский Восток. Библиотека. Вып. 9). — 288 с.315
- Борисоглебский сборник. Collectanea borisoglebica. Вып. I / Под ред. Константина Цукермана [Occasional Monographs, II. Published by the Ukrainian National Committee for Byzantine Studies]. Paris, 2009. — 364 с.316
- О. Н. Киянова*. Поздние летописи в истории русского литературного языка: конец XVI — начало XVIII веков. СПб.: Алетейа, 2010. — 320 с.317

ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. Л. БЕРЕЗОВИЧ

ДЕРИВАЦИОННАЯ СЕМАНТИКА *РУССКОГО* В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ *

Комплекс наивных языковых представлений о русском и Руси (России) в последние десятилетия привлекает особое внимание лингвистов, которые подвергают анализу различные по своему статусу языковые данные, в первую очередь тексты (художественные, публицистические, фольклорные), а также результаты психолингвистических экспериментов, проведенных как с носителями русского языка, так и с иностранцами (см., например, в [Апанасенко 2007; Баранов, Добровольский 2009; Воробьев 1996; Горюнова 1995; Евтушенко 2007; Кобозева 1995; Колосова 2008; Леви 2008; Михайлова, Исакова 2008; Образ России 2008; Онищенко 2009; Пипер 2004; Правда, Кошова 2004; Правда, Яурова 2004; Свицова 2008; Федосюк 2010; Юрьева 2009; Bartmiński, Larro, Majer-Baranowska 2002] и др.). В ходе обработки разных языковых данных (даже в пределах одного русского языка) могут быть получены «портреты» русского, которые обнаруживают существенные отличия друг от друга. Несовпадения касаются как общей тональности, так и конкретных составляющих образа (к примеру, в одних работах описываются *русская лень, хамство, пьянство*, в других — *«всемирная отзывчивость», щедрость, широта души* и др.). К подобным несовпадениям не всегда готовы исследователи, склонные считать собственные выкладки наиболее представительными и «правильными» (о причинах этих расхождений см. в [Плунгян, Рахилина 1996; Березович 1999]).

Для получения совокупной картины, позволяющей наиболее полно представить структуру образа и выявить закономерности его варьирования, важно расширить круг изучаемого материала — и, в частности, рас-

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении») и Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Русские ономастические словари как источник культурно-исторической информации»).

Автор выражает сердечную благодарность Ж. Ж. Варбот и С. М. Толстой за ценные замечания, которые помогли в работе над статьей.

смотреть тот его пласт, которому пока уделяется недостаточное внимание: семантические дериваты этнонима *русский* и топонимов *Русь*, *Россия* (*Расея*), например, *русь* 'удобное, подходящее для чего-либо место', *русак* 'местный твердый камень, идущий на жернова', *обрусеть* 'стать обжитым, многолюдным', *расейский* 'общительный, доброжелательный' и т. п. (паспортизация материала будет приведена ниже). Они составляют семантико-деривационное гнездо, условно обозначенное именем *рус-* // *рос-*, которое будет изучаться в данной статье. Помимо однословных дериватов, будут учитываться устойчивые сочетания, в которые входят слова *русский*, *Русь*, *российский*, а также их семантические производные (*выйти на русь* 'выйти из леса на светлое место', *русский виноград* 'крыжовник' и т. п.). Фраземы такого рода имеют четко определенное значение и могут заменяться цельноформленными единицами (*русская водка* = *русейка*).

К анализу не будут привлекаться слова вроде *обрусеть* 'стать русским по культуре, обычаям и др., приобрести русский вид, характер' или же сочетания типа *русская лень*, которые не содержат семантического сдвига. В то же время в поле нашего внимания попадают языковые факты, не испытывавшие сдвига как такового, но имеющие определенные акценты в семантике, проявляемые, к примеру, в оппозициях русского и «нерусского»: так, в сочетании *русская камлëя* 'верхняя одежда с капюшоном из ткани' (которое входит в пару с *камлëя* 'непромокаемая глухая верхняя одежда с капюшоном, сшитая из кишок морских животных') *русская* означает «используемая русскими (одежда) — в отличие от используемой якутами». Такие акценты (особенно в тех случаях, когда они реализуются в целой серии лексических фактов) значимы для воссоздания культурно-исторической составляющей «портрета» русского и России.

Выбор материала обусловлен тем, что семантические дериваты составляют системно-языковое ядро образа русского и Руси, так как они содержат непосредственное и регулярно воспроизводимое указание на связь с соответствующим этнонимом и топонимом.

Решено рассмотреть данные русских народных говоров, не принимая во внимание факты литературного языка (к примеру, сочетания вроде *русская рулетка* или *русские горки*). Такое ограничение диктуется необходимостью специального анализа диалектного материала: объем гнезда *рус-* // *рос-* в говорах весьма велик, а определение границ гнезда представляет собой нетривиальную проблему из-за наличия близких в формальном и содержательном отношении гнезд; эти данные в гораздо меньшей степени, чем литературные, введены в научный оборот и вообще практически «не на слуху» у специалистов. Кроме того, изучаемый диалектный материал более или менее однороден в социолингвистическом плане и показателен в плане этнолингвистическом. В то же время в некоторых (редких) случаях используются факты общенародного языка или народной речи города: это делается тогда, когда в концептуальном отношении они созвучны диалектным.

Мы сочли возможным совместно рассматривать производные от *русский* и *Россия*, которые иногда обнаруживают существенные семантические различия (об этом см., в частности, в [Трубачев 2004]), поскольку в говорах эти различия, как правило, несущественны, ср., например, новг., том. *россейский* 'относящийся к русским, принадлежащий им': «Стал слушать — наш россейский голос — песни поют» (том.) [СРНГ 35: 191].

Для носителей русского языка этноним *русский* близок по смыслу дейктическому слову *мы*. Небесспорно предположение, что в деривационной семантике *рус-* // *рос-* могут наблюдаться дейктические явления, т. е. смена точки зрения наблюдателя, определяющая включение его в число *русских* или выключение его из их числа. В статье будут рассматриваться особенности отражения в номинативных фактах фокуса эмпатии, вследствие чего предпринимаемый анализ будет иметь прагматическую составляющую.

Наконец, для уточнения линий семантического развития и их типологической верификации будут привлекаться номинативные параллели — производные от слов *люди*, *народ*, *мир*, а также от топонимов *Москва*, *Питер* и др.

Итак, цель статьи — охарактеризовать семантико-прагматическое своеобразие гнезда *рус-* // *рос-* в русских народных говорах. Такая формулировка цели относит эту работу скорее к семантической реконструкции, нежели к концептуальному анализу. Действительно, в ряде случаев дериваты *рус-* не имеют отношения собственно к концепту «русскости», так как они живут в языке собственной жизнью: проходят длинный путь смыслового развития, удаляясь от первоначального значения производящей основы, подвергаются процессам аттракции и др. Для нас важнее всего обозначить состав, границы гнезда, проследить линии семантико-прагматического развития, найти связи с другими гнездами — как контактные, так и типологические. Выводы относительно специфики концепта, разумеется, тоже будут сделаны, но они не являются самоцелью, а производны от нашей основной задачи.

* * *

В семантическом пространстве *рус-* // *рос-* выделяются два основных блока значений: **пространственный** и **социальный**. Они будут организовывать подачу материала. Эти два блока не исчерпывают всего объема гнезда, однако включают в себе подавляющее большинство фактов и наиболее показательны в плане репрезентации семантико-прагматических особенностей гнезда.

Пространственная семантика

«География» Руси. Помимо основной пространственной семантики *русского* ('занимающий территорию России или связанный с ней'), выделяются и другие значения, обнаруживающие возможность перемещения точки зрения номинатора, который, находясь формально в «администра-

тивных» пределах России, фактически называет *русской* территорию вне себя. Такие значения, «сжимающие» пространство *русского*, отмечаются, как и следовало бы ожидать, в удалении от центра России. Их появление провоцирует не только удаленность, но и социально-политические факторы — непростые отношения, а подчас и прямое противостояние с «Москвой» (ср., к примеру, историю покорения Сибири). Перечислим эмпатические значения, которые фиксируются наиболее устойчиво.

Для наблюдателя внутри Сибири и Дальнего Востока (в редких случаях на Урале) *русский* — **‘находящийся в Европейской России, не сибирский’** (не *челдонский*¹, *кержацкий*): сиб. *Русь* ‘Европейская Россия (в отличие от Сибири)’, *русский ветер* ‘западный ветер’, ст.-сиб. *русский товар* ‘привозной товар из России’, *русский город* противопоставлен *сибирскому городу* [Аникин 2000: 467]; сиб., тобол. *русь* ‘переселенцы из европейской части России’: «Понаперла к нам русь, переселенцы вобщем, по отрубам селятся» [СРНГ 35: 274]; алт., амур., бурят., кемер., краснояр., нвсиб., приангар., прииртыш., том., хабар., челяб. *россейский* ‘приехавший, переселившийся из европейской части России’: «Когда россейских наслали, они лапти стали плести. У сибиряков все одинаково, у россейских все по-другому» (прииртыш.), «Что-нибудь скажет не по-путевому, сразу видно, что россейский» (амур.); «Оне не кержаки, оне россейски жителя, пришлы у нас были. Я-то здесь родилась, а родители мои россейские» (нвсиб.) [Там же: 191; СРГС 4: 182] и проч.

У архангельских поморов *русский* — **‘более восточный, материковый, не западный, не «немецкий»’**: арх. *русский (русской) ветер, ветер с Руси* ‘южный или юго-восточный ветер’: «Русский ветер пошёл, из центра дует, с России» [КСГРС; Подвысоцкий 1885: 85], *русский шторм* ‘шторм на море, который вызывает ветер, идущий с побережья’ [КСГРС]².

В бассейне Дона и Яика *русский* — **‘более северный, находящийся за пределами мест проживания казаков’**: (р. Урал) *Русь* ‘устар. Россия (без земли Уральского казачьего войска)’ [Малеча 3: 554], дон. *русская вода* ‘второй после разлива подъем воды в реке вследствие таяния снега в верховьях Дона’ [СРНГ 35: 272].

Аналогом *Руси* в указанных значениях может выступать *Москва*: дон. *московская вода* ‘холодное половодье с верховьев Дона’ [БТДК: 81], *московский* ‘все русское, кроме Дона или Украины’ [Даль 2: 349].

Смещение точек зрения фиксируется и при выходе за пределы русского языка: так, известно, что в польском языке прилагательное *ruski* может

¹ Ср. *чалдон (челдон)* ‘коренной житель, старожил Сибири’.

² Ср. широко используемое поморами противопоставление *русский* — *немецкий*: «Понятие ‘немецкий’ в Беломорье означало западный, ‘русский’ — более восточный» [Попов 1991: 52]; ср. также арх. *немецкая сторона, в немецкую сторону* — «Так выражают поморы направление своего пути, идучи Северным океаном в Норвегию или на о-в Новую Землю» [СРНГ 21: 79].

иметь недифференцированное значение 'восточнославянский', 'украинский' и проч. Такая смысловая диффузность характерна для многих макротопонимов и макроэтнонимов³.

Пространство Руси вне географических ориентиров. Русское — это **местное**: костр. *русский* 'местный, живущий в данной местности': «Мама — рязаночка, а вышла за русского, и я здесь родилась» [ЛКТЭ], влг. *в нашей России, у нас в России* 'в наших местах': «Молчи, ты что бьешь девку? Это уже не в нашей России», «У нас в России мало деревён осталось» [КСГРС]. «Русскость» маркирует не только пространство, но и собственно **среду обитания**, окружающую говорящего: костр. *русский* 'местный, произрастающий в данной местности': «Толькё русские грибы едим, из своего леса. Из других местов не надо мне, какие там у их ядовитые» [ЛКТЭ], *русак* симб. 'местный твердый камень, идущий на жернова', (р. Урал) 'вид осетра': «Осётр русак остаётся здесь, он после нереста не сплывает в море» [СРНГ 35: 267], перм. *русская рыба* 'речная рыба': «Я только русскую рыбу ем, ну, из своей реки, из магазина задаром не надо, кикимора не примат» [СПГ 2: 308].

В применении к растениям и животным в семантике *русского* проявляется дополнительный смысловой компонент **естественного, природного**. *Русские* растения — дикорастущие, не завезенные извне, не селекционированные: *русская мята* 'мята курчавая, простая, дикая' — в отличие от *английской мяты* 'мяты перечной' [Даль₂ 2: 375], *русские бобы* 'бобы обыкновенные, *Vicia faba*' — в отличие от *турецких бобов* 'фасоли' [Даль₂ 1: 101]. *Русские* животные противопоставляются выведенным искусственно, ср. (р. Урал) *русский* 'не инкубаторский': «Куры у нас русские, не инкубаторские», «Куры-ти у нас были анкубаторски да русски» [СРНГ 35: 272; Малеча 3: 554].

Вместе с тем *русское* — не только, так сказать, природное, но и **освоенное**, пригодное для жизни, **заселенное пространство** — в отличие от пространства необжитого, «неочеловеченного» (лесов, болот, моря, гор). Такое восприятие отражено в комплексе значений выражения *выйти (идти) на русь* (фиксируются также употребления слова *русь* вне этого выражения, но семантически с ним связанные), которые можно обобщить в инварианте 'выйти из неосвоенного пространства в более освоенное'. Семантические варианты данной идиомы чутко реагируют на конкретные ландшафтные условия, в которых находится наблюдатель. В ходе полевой работы на Русском Севере нам приходилось фиксировать такое варьирование в речи жителей деревень, расположенных всего в нескольких километрах друг от друга, но находящихся в различной природной среде.

³ Эта диффузность в известной мере отражает этимологическую «память» слова: *русь* из приб.-фин. **rōtsi*, близкого фин. *Ruotsi* 'Швеция', *ruotsalajnen* 'швед' и восходящего, вероятно, к первому члену древнескандинавского сложения *rōþs-tenn* или *rōþs-karlar* 'гребущие люди, гребцы' — название варягов-дружинников, участников похода на гребных судах [Аникин 2000: 467].

Так, в говорах архангельских поморов *русь* — береговая линия (в отличие от открытого моря): арх. (мезен.) *выйти на русь* ‘возвращаясь из открытого моря, подойти ближе к жилью’: «Вышли на русь, до дому километров пять осталось», «Вышли на русь, скоро родная матера (берег)» [СГРС 2: 226]; арх. *выйти на Русь* ‘прийти на родные места’: «Пожни идут к Мезени, блиско — ну слаа боуу, на русь вышли» [АОС 6—7: 240]. У *руси* в этом значении обнаруживается любопытная семантическая параллель: влг. *москвá* ‘о берегу озера, где находятся деревни, жильё’: «Москва уж видать, скоро приплывём» [КСГРС]. Москва здесь не только символ и заместитель Руси, но и эталон заселенного места, см. [Березович 2007: 189—193]. Москва, как и Русь, противопоставляется в данном случае водной стихии.

Приведенные факты помогают понять внутреннюю форму арх. глаголов *обру́сить*, *обнару́сить* ‘укрепить на берегу один из концов ловушки на рыбу’, соотносимых с наречием *на́русь* ‘в сторону берега (о постановке ловушки на рыбу)’: «Нарусь её становим, не на голомень (удаленное от берега водное пространство), не в море» [КСГРС].

Жители лесных районов Русского Севера видят *русь* при движении из леса к светлым полянам, опушкам, покосам, предвещающим, как правило, близость жилья: арх., влг., костр. *выйти на русь* ‘выйти из леса на открытое, светлое место, ближе к жилью’: «Идёшь из леса и увидел просвет среди деревьев — так вышел на русь» (арх.), «В лесу долго ходил, а потом на свет вышел, на русь, близко к людям» (арх.), «Заблудилися, а потом увидали знакомую полянку, слава Богу, вышли на русь» (влг.), «Из леса вышла на русь, скажет, на стожьё какое» (влг.), «Из леса я на русь вышел, тут луг, дальше деревни, людьми пахнет» (арх.) [СГРС 2: 226; КСГРС; ЛКТЭ; СРНГ 35: 273—274]⁴. Ср. также влг. *русь* ‘светлое место в лесу (поляна, луг и т. п.)’: «В темном увидишь светлое — русь видна» [КСГРС], арх. *русь* ‘поселение, обычно на открытом ровном месте’: «“Поди, кума, на русь! — говорит волк лисе, — что найдешь, то и тащи, а не то с голоду умрем”. А лиса ни слова в ответ и шмыг на русь» [СРНГ 35: 273—274].

Показательна также антитеза *на́русный* — *вольный*⁵, т. е. ‘обращенный в сторону поселений — обращенный к лесу, полю’ и т. п.: арх.

⁴ Ср. яркое отражение противопоставления *руси* («домашнего» пространства) и *сузёма* («стороннего» лесного пространства) в романе Ф. Абрамова «Братья и сестры» (диалог происходит между Варварой и Лукашиным на лесной пожне): «— Что, комарики кусают? — посочувствовала Варвара... — Известное дело, здесь не на руси. — Не на Руси? — Варвара удивилась: чего тут непонятого? — У нас русьюто домашнее называют. А здесь, в сузёме, какая уж русь...»

“Да, — размышлял Лукашин... — Вот она, жизнь северного мужика! Какой же ценой дались ему эти сторонние сенокосы, если у него язык не повернулся, чтобы назвать их дорогим именем Русь! А ведь отсюда до деревни километров десять — не больше...”»

⁵ Ср. арх., влг. *во́льный* ‘внешний, обращенный наружу, в открытое пространство’ [СГРС 2: 168].

нарусный конец 'край деревни, обращенный к другим деревням': «Пойди в нарусный конец, не в вольный» [КСГРС].

Перечень возможных противопоставлений дополняют данные украинских прикарпатских говоров, трактующие *русь* как долину — в противопоставлении горам: укр. бойк. *іти на Русь* 'идти с гор в долину' [Онишкевич 2: 197].

Вне ландшафтных антитез *русь* понимается как **открытое место**: карел. (рус.) *русь* 'открытое место, луг': «Девки не кехтают (не хотят) граблей-то на русь нести» [СРГК 5: 585], арх. *русь* 'открытое, ничем не ограниченное пространство' [Нефедова 2001: 105], твер. *совсем на Руси* 'на виду, на открытом месте, на юру' [Даль₂ 4: 114]. Возможен и смысловой сдвиг «открытое место» → «поверхность»: влг. *русь* 'поверхность воды в водоеме (?)': «Весной на озере пенка выйдет на русь» [СВГ 9: 73].

Семантика открытого места закономерно ведет к появлению значения **наружного** пространства, которое может даже противопоставляться дому: перм. *на русь выйти* 'выйти из дома на улицу, на открытое пространство': «Бабы, все на русь выходите, фотографироваться будем» [СПГ 1: 137], *нарусь* смол. 'наружу': «Вышла ета я с митра (метро) нарусь и думыю, куды ж тяперь идить» [ССГ 7: 39], новг. 'наружу, на люди' [НОС 6: 10]. Здесь отчетливо фиксируется смена фокуса эмпатии: при взгляде из неосвоенного пространства русское воспринимается как домашнее; при взгляде из дома — как наружное.

Значение наружного родственно значению **видимого глазом, ставшего заметным**: новг. *нарусі* 'на виду, на глазах': «Весной я и помидоры посажу на руси, на глазах, значит» [НОС 6: 10], арх. *выйти на русь* 'стать осязуемым, заметным': «Он уш вышел на русь (о грыже)» [Нефедова 2001: 105].

Усиление оценочной линии в семантике *руси* дает значение **пространственного и социального центра** (влг. *ехать на русь* 'ехать в центр — сельсовета, района и т. п.': «Все едут на русь, на ширь, место поближе к сельсовету» [СГРС 3: 333]) и **удобного** (в первую очередь для заселения) **места**: влг. *русь* 'удобное, подходящее для чего-либо место': «Нет руси лутше этыя. Этта дом становитё» [СВГ 9: 73].

Ценностный взгляд на пространство *руси* закономерно приводит к восприятию ее как **света** (белого света) = **мира**, причем параллелизм *руси* и *света* просматривается как в собственно пространственной семантике (*Светорусь*⁶ 'русский мир, земля; белый, вольный свет на Руси' [Даль₂ 4: 159]), так и в производной от нее «онтологической» (печор. *на русь выйти* 'появиться на свет, родиться': «Ох, и не в добро же время я на русь вышел» [ФСНП: 46], новг., орл., перм. *выйти на русь* 'то же' [НОС 1: 148; СРНГ 5: 286; СРНГ 35: 273]).

Описанные значения суть реализации двух смысловых доминант, организующих семантическое пространство изучаемого гнезда: «русский = че-

⁶ Это слово сближается с производными *свят-*, ср. *святая Русь*.

ловеческий», «русь = мир». Центробежное расширение пределов *рус* от узкого окружения говорящего до всего мира людей — логичное проявление дейктивности этого слова.

В значениях социального центра, а также света и мира ярко проявляется взаимодействие и наложение пространственной и социальной семантики гнезда *рус-* // *рос-*.

К изучаемому лексико-семантическому блоку, в рамках которого *русь* понимается как «очеловеченное» пространство в противопоставлении неосвоенному, хочется подключить также глаголы, реализующие приставочную словообразовательную модель: *обрусить* арх. (сев.-двин.) ‘очистить от леса, заселить (о местности)’ [СРНГ 22: 213], костр. ‘о лесном пространстве: освоить, вырубить лес, превращая его в поля и покосы’: «Прадеды наши обрусили тут всё, новины-те прятали (расчищали лес под поля), а ныне обратно всё запустили, одна дикость» [ЛКТЭ], карел. (рус.) *обрусеть* ‘стать обжитым, многолюдным’ [СРГК 4: 112].

Оба глагола семантически и словообразовательно релевантны гнезду *рус-* (в плане словообразования ср. литер. *обрусеть* и *обрусить*), но если для *обрусеть* производность от *рус-* в данном случае кажется единственно возможной, то по отношению к *обрусить* не стоит сбрасывать со счетов и другую версию, включающую его в гнездо **brusiti* ‘тереть, обдирать, точить’ — итератива к **brъsněti* ‘тереть, растирать, бросать, мять’ [ЭССЯ 3: 48—49; SP 1: 393, 398]. В этом случае в составе *обрусить* выделяется не *об-*, а *о-*; в семантическом плане следует привести арх. *обрусить* ‘обрубить сучья, ветки у дерева’, ‘оборвать, снять листья, ягоды, семена’ и др. [СРНГ 22: 213], связь которого с **brusiti* не вызывает сомнений. На основе семантики обрубания ветвей вполне возможно появление значения ‘очистить от леса’.

Однако наиболее корректным видится компромиссное решение, согласно которому костр., арх. *обрусить* ‘очистить от леса, заселить’ — результат контаминации двух гнезд. Со стороны *рус-* в процессе взаимодействия могли участвовать слова с семантикой обживания, привыкания (помимо приведенного выше *обрусеть* ‘стать обжитым, многолюдным’, ср. также *обрусить*, *обрусеть* ‘привыкнуть к кому-, чему-л., обжиться’, *русеть* ‘привыкать, осваиваться; приспосабливаться к жизни, местным условиям’; об этих словах подробнее см. ниже, в разделе «Социальная семантика»). Важно помнить, что на Русском Севере обживание, освоение территории немислимо без расчистки лесов под поля, покосы, хутора и др. Со стороны **brusiti* во взаимодействии могли участвовать слова со значением обрубания, обтесывания.

Отметим, что явление аттракции с участием производных *рус-* возможно допустить и для других слов, приведенных выше. Вторым актантом взаимодействия могли стать элементы гнезда **rudsъ* (< **rud-*) ‘краснобурый, светлый’ (в семантике продолжений **rudsъ* отражается цветовая

гамма от светло-коричневого (с сероватым или желтоватым оттенком) до обесцвеченного, ср., к примеру, смол. *русый* 'седой' [ССГ 9: 147])⁷.

Так, смысловой компонент светлого места, просвета в темном пространстве, открытого (= светлого) пространства, присутствующий в семантике выражения *выйти на русь*, возможно, появился не без влияния цветовой семантики **rudsъ*. Против этой версии есть следующее соображение: денотативная соотнесенность «русого» имеет ограничения и связана главным образом с характеристикой цвета волос. Однако в русских диалектах эта соотнесенность более широка: *порусеть* 'посветлеть': «*Шуба порусела*, видно, подцвечена была, побурела, полиняла, светлеет» [Даль₂ 4: 115], арх. *русеть* 'зреть, становиться светлее (о зерне в колосьях)' [СРНГ 35: 269], костр. *русью взяться* 'подвергнуться отбеливанию (о белье, расстеленном на снегу)', *изрусеть* 'побелеть, выцвести (о ткани)' [ЛКТЭ]. Эти факты дают право высказать версию об аттракции двух гнезд (интересно выражение *русью взяться*, создающее фундамент этой версии со стороны словообразования) — пусть и с изрядной долей сомнения.

В то же время появление цветовых (световых) коннотаций в гнезде *рус* можно объяснить и без внешних влияний. Сочетание пространственно-социальной и цветовой (световой) семантики значимо в типологическом плане и наблюдается, к примеру, в гнездах **světъ* 1 'lux' и **světъ* 2 'mundus'. Эти два гнезда образуют единое поле, в котором представлены такие смысловые блоки, как 'мир, вселенная, космос', 'земной мир, земля', 'сфера, среда существования', 'люди', 'сообщество людей' [Толстая 2010]. Таким образом, здесь тоже оказываются соединенными пространственные и социальные смыслы, свойственные «русскому» — либо без поддержки «цветового» гнезда **rudsъ*, либо с ней. Однако версию об аттракции гнезд мы считаем более вероятной, чем предположение о типологически независимом развитии цветовой (световой) семантики.

Социальная семантика

Личное пространство и физическое состояние человека. «Свой» мир. Семантика «местного», наблюдавшаяся в пространственном регистре, продолжается в «пространстве» отдельной личности. Иначе говоря, *русь* — то, что сейчас бы назвали «личным пространством» человека, слившаяся с ним обстановка, его «тарелка»: влг. *быть на руси* 'чувствовать себя в привычной обстановке': «В деревянной-то избе я на руси, не болею, а в городе сразу захвораю» [КСГРС]. «Русскость» характеризует **нормальное, при-**

⁷ К явным случаям аттракции *русого* и *русского* можно отнести, к примеру, карел. (рус.) *русский* 'русый, светлый': «У нее русский цвет волос, белой» [СРГК 5: 584]. Мотивационная основа для подобных сближений отражена в поговорке *Русский народ русый народ* [Даль₂ 4: 115].

вычное физическое состояние человека: влг. *русѣть, русовать* ‘чувствовать себя хорошо, быть в своей тарелке (обычно с отрицанием)’: «Не русела с утра, голова как чужая», «Теперь давно не русую, то одно болит, то другое» [КСГРС], костр. *обрусеть* ‘выздороветь’: «Бабка ходила за им, быстро обрусел» [ЛКТЭ], орл. *выйти на русь* ‘то же’ [СРНГ 5: 286]. Внутреннюю форму этих слов, очевидно, можно прочесть так: «становиться русским = самим собой, хорошо себя чувствовать». Есть смысл предполагать сходную мотивацию и для этимологически темного костр. глагола *московать*, который зафиксирован в СРНГ с пометой «знач.?» и контекстом «Не москвует тело, не москвует и душа моя» (нет силы, мочи) [СРНГ 18: 285]. Возможно, этот глагол образован от топонима *Москва* (исходно **московать?*), а его внутренняя форма раскрывается как «быть в Москве = в привычном месте и состоянии». Ср. также дериваты *люд-, человек-, мир-* со значением физического состояния человека: перм. *людный* ‘здоровый, полный, крепкий (о человеке)’ [СПГ 1: 498], казан., нижегор., новг. *человѣчный* ‘рослый и плотный, видный собою, мужественный, молодец, ражий’ [Даль₂ 4: 588], ворон. *мирской* ‘прозвище — очень полный (о человеке)’ [СРНГ 18: 174], но орл. *излюдеть* ‘стать больным, хилым’ [СРНГ 12: 142], псков. *выйти с людей* ‘потерять силы, состариться, ослабеть’ [СПП: 51].

Идея своего, освоенного и помогающего осваивать чужое, косвенно присутствует в активной (и набирающей обороты в разговорном языке и просторечии) модели, в рамках которой создаются шутивно-парадоксальные номинации, где *русский* выступает как **местный (отечественный) аналог известного иностранного продукта, явления** и др. (нередко это сниженный аналог). Эта модель показывает пути освоения внешнего мира через соотнесение своего и чужого: влг. *русский цикорий* ‘растение одуванчик аптечный, *Taraxacum Officinale Wigg*’ [СРНГ 35: 273], костр. *русский (северный) шелк* ‘лен’ [ЛКТЭ], влг. *русский (сибирский) виноград* ‘крыжовник’ [КСГРС]⁸, простореч. *русские носки* ‘портянки’ и др.⁹

⁸ Благодаря своему широкому распространению, неприхотливости и колочести, крыжовник «добился» того, что в его названиях часто отражено сопоставление с более «престижным» виноградом, ср. костр. *кострмской (доброумовский) виноград* [ЛКТЭ], ср.-урал. *уральский виноград* [ДЭИС], арх. *северный виноград* [КСГРС] и др. Показательно, что у болгар, для которых виноград — «свое», данная модель функционирует как внешняя: болг. *влашко грозде, нѣмско грозде, руско грозде, татарско грозде, френско грозде, цариградско грозде* (см. об этом в [Березович 2007: 407, 413]).

⁹ Ср. более новые факты в рамках этой модели, фиксируемые в городской народно-разговорной речи: *русский йогурт* ‘появившиеся в 90-х гг. XX в. стаканчики с водкой, напоминающие баночки с йогуртом’ [<http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=33287>], *русская пальма* ‘верба’ [http://www.maneken-online.ru/articles/Russkay_palma_roysok_iz.html], *русские роллы* ‘огурцы с салом’, *русский кондиционер* ‘открытый багажник при работающем моторе автомашины’ [сообщено Т. А. Агап-

Традиционный образ жизни и быт. Русское — то, что является **самодельным, не фабричным**: дон. *рассейка* ‘сеть ручной работы, в отличие от заграничной, машинной’ [БТДК: 452], дон. *русская повозка* ‘самодельная телега без кузова для перевозки тяжестей’: «Павоски русския — ета ишо када были. Их старья люди сами делали. Ана шырокая, никаких ящикаф, ничаво, проста доски да фсе. Вазили на павоски фсе» [СРНГ 35: 272; БТДК: 464] и др.

Русское — то, что в наибольшей степени **распространено и типично** для данной местности по способу изготовления или применения. Фактов, иллюстрирующих это положение, очень много, потому приведем несколько выборочных примеров. Данная семантическая грань нередко раскрывается в противопоставлениях: костр. *русские лапти* — *могилевские лапти*: «Могилевские-то лапти совсем не как наши, русские, они как босоножки, узорные такие» [ЛКТЭ], *русская рубаха* ‘косоворотка, с застежкой на левом плече’ — *немецкая, хохлацкая рубаха* ‘с запонкой или завязкой на душке’ [Даль₂ 4: 106], *русская крыша* ‘под слегу, когда солома наваливается вилами и пригнетается переметинами’ — твер. *польская крыша* ‘крытая соломой не ворохом, а снопами, вгладь, со стрехой, обрубом’ [Даль₂ 3: 267], *русская печь* ‘кирпичная или битая, для тепла и варки пищи, печенья хлеба’ — *голландская печь* ‘комнатная, разных видов и устройства, ради тепла, угреву’ [Там же: 108]¹⁰ и др. Особенно распространены такие противопоставления в зонах активных контактов с другими народами. Так, в Сибири, на территориях совместного проживания русских с малыми народами Севера *русскими* называют нити, одежду из растительных волокон — в отличие от нитей из жил или одежды из шкур: сиб. (колым.) *русская камлея* ‘верхняя одежда с капюшоном из ткани’ — *камлея* ‘непромокаемая глухая верхняя одежда с капюшоном, сшитая из кишок морских животных, а также из оленьих или лосиных шкур’ [СРНГ 13: 26], якут. *русская нитка* ‘нитка, ссученная из растительных волокон’: «Русская нитка не достала, поневоле жильными дошила» [СРНГ 35: 272]. В этой же зоне особо выделяется *русский* способ строительства изб: якут. *русская изба, русский дом* ‘рубленая изба из положенных горизонтально бревен в отличие от юрты’ [Там же].

Есть ситуации, когда противопоставление русского «чужому» затушено или лексически не маркировано — и на первый план выходит признак русского «эксклюзива» / «специалитета». Яркий пример — *русская водка*, ср. ее диалектные названия: морд. *русейка* [СРГМ 4], сиб. *рускáч, русскогорькая* [СРГС 4: 194; ССП-Д2: 108] и др. Ср. также *русская балалайка*,

киной], *русский пенициллин* ‘щи из кислой капусты’ [<http://z0.ru/article/a-2607.html>], ‘чеснок’ [<http://econera.com/a/notes/chesnok-russkiy-penicillin-1.aspx>] и т. п.

¹⁰ Ср. и другие обозначения «чужеземных» печей, сопоставляемых с русской: тобол. *полька* ‘голландская печь’ [СРНГ 29: 182], яросл. *шведка* ‘печь с закрытой плитой и духовкой’ [ЯОС 10: 71], карел. *финка* ‘особый вид печи’ [СРГК 6: 684] и др.

яроsl. *русские сапоги* ‘у стонщиков леса — длинные почти до паха сапоги’, ряз. *русское кружево* ‘кружевной узор шириной в 8,8 см’ [СРНГ 35: 272] и проч.

Сдвиг точки зрения наблюдается в тех случаях, когда появляется потребность особым образом выделить какие-либо узколокальные бытовые или социокультурные особенности на фоне общерусских. В этом случае более сильным в номинативном плане членом оппозиции становится название местного феномена, противопоставляемое *русскому*. Эта ситуация проявляется, к примеру, в номинации местных плясок, которые становятся своего рода эмблемой локальной культурной традиции. Так, везде пляшут *русского (русскую)* — но особо выделяют собственные вариации, ср. костр. *ветлужский, ветлужай* ‘пляска, распространенная в деревнях по берегам реки Ветлуги’: «Всюду русский, а у нас своё, у нас ветлужский» [ЛКТЭ]¹¹.

Названия, обозначающие типично русские реалии, могут иметь оценочную подоплеку, причем оценка эта амбивалентна.

С одной стороны, *русское* — нередко простейшее по технике изготовления. В. И. Даль регулярно использует в своих толкованиях определения *русский* и *простой* как синонимичные: «...*русская соха, простая соха, без полицы*», «...*трехпольное хозяйство, простое, русское*», «овчина *русская, простая...*» [Даль 2: 532; 4: 433; 3: 641]. Отсюда появление негативного оттенка в семантике названий таких реалий, которые не отличаются тонкой выделкой и даже примитивны. К примеру, *русские варежки, чулки* и проч. вяжутся в одну нитку — в отличие от *панских*, которые вяжутся в четыре-пять ниток, а потому более нарядны: арх. *русские исподки* ‘рукавицы, связанные одной спицей’ [КСГРС], казан., карел. *русские варежки, дельницы, чулки* и т. п. ‘изделия, связанные из толстой шерсти в одну нитку’: «Варяги, вязанные в пять игол, называли панские, а шитые одной иглой — русские» [СРНГ 35: 272]¹². Такой способ заделки углов дома, как *русский угол*, является менее аккуратным, чем *немецкий угол*: сибир., хабар. *русский угол* ‘способ заделки угла деревянной постройки, при котором концы бревен выступают из сруба’ — *немецкий угол (чистый угол)* ‘способ заделки угла в деревянной постройке, при котором концы бревен не выступают из сруба’: «Русский угол рубили в охряпку, а это чистый угол, немецкий угол, он рубится в лапу» [СРНГ 35: 272; ФСРС: 202]. Параллель

¹¹ Ср. еще названия плясок: твер. *ковряцкий* (← дер. Ковряки Новгород обл.) [Селигер 3: 55], влг. *рабангский* (← дер. Рабаньга Вологод обл.) [КСГРС], влг. *святолуцкая* (← дер. Погост святого Луки Вологод обл.) [СВГ 9: 109], арх. *ваганьская* (← река Вага), [СГРС 2: 5], *капшинская* (← пос. Капшинский Ленингр. обл.), *оятская* (← река Оять) [СРГК 2: 327; 4: 362] и т. п.

¹² С *русскими* рукавицами может связываться также представление о тяжелом физическом труде: карел. (рус.) *русские исподки* ‘грубые, связанные в два слоя шерсти рукавицы для работы’ — *панские исподки* ‘рукавицы, связанные в один слой шерсти’ [СРГК 2: 298].

можно усмотреть в употреблении слов *советский* или *наш* в значении 'второсортный', которое наблюдалось в застойные годы (противоположно — *импортное*).

С другой стороны, более сильны позитивные смыслы. *Русское* — более **удобное, нормальное**, привычное по способу изготовления, ср. арх. *русский узел*, завязываемый обычным способом, — в отличие от *татарского* (когда конец веревки идет в петлю с другой стороны) [КСГРС]. Русское — то, что **пригодно для использования**, «**окультурено**», не является диким. Так, сиб. *русская пучка, русянка* 'борщевик рассеченолистный, *Heracleum dissectum*' [СРГС 4: 195] образует «антонимичную» пару с приоб. *нерусская пучка* 'дягиль низбегающий, *Archangelica decurrens* Ldb.' [Арьянова 3: 141, 161]: борщевик рассеченолистный используется в пищу, а дягиль низбегающий в пищу не идет, применяясь лишь в народной медицине. Интересно, что при взгляде извне, отраженном в чешских диалектных фактах, оценки зеркально меняются: «русским» становится дягиль низбегающий, а «чешским» — борщевик, ср. чеш. диал. *anjelička česká* '*Heracleum dissectum*' ≠ *anjelička ruská* '*Archangelica decurrens* Ldb.' [Dial-Brno]. Аналогичная пара — приоб. *русская крапива* 'крапива малая' и *остяцкая крапива* 'крапива обыкновенная' [Арьянова 3: 144, 161]. В первом случае речь идет об однолетней крапиве жгучей, *Urtica urens*, которая используется в народной медицине и в пищу; во втором — о многолетней крапиве обыкновенной, которая больше размером, образует заросли, выглядящие дикими и глухими, и имеет более узкое применение.

В сфере номинации растений сходную семантику имеют дериваты корневой *люд-* и *свой-*: дон. *людской щавель* (= *свойский*) 'щавель домашний' [БТДК: 272], ряз. *людный* 'предназначенный для людей': «Щавель людный» [СРНГ 17: 242].

Усиление градуса оценки ведет к трактовке русского как **настоящего** (влг. *русский* '«настоящий»' [СРНГ 35: 272], ср. разг. *нерусский* 'неправильный, непривычный, не такой, как все' [ССРГ: 330]), **лучшего, наиболее ценного**, ср. костр. *русский гриб* 'белый гриб' [ЛКТЭ]. Показательно, что среди различных обозначений белого гриба есть и другие оттопонимические номинации, имеющие явное оценочное звучание: морд. *московский гриб* [СРГМ 1: 128], арх. *москóвик (дорогой гриб)* [КСГРС], арх., петерб. *питерский гриб* [СРНГ 27: 53; СРГК 4: 521; АОС 10: 59].

В сфере оценки интеллектуальной деятельности *русское* = **понятное**: разг. *русским языком говорить* 'ясно, недвусмысленно, так, что должно быть понятно каждому', *русским счетом* 'толком, понятным счетом' [Даль₂ 4: 114], нвсиб. *нэрусь* 'о бестолковом человеке': «Нерусь говорим, когда ругаемся, у-у, нерусь, ничто не понимаешь» [СРНГ 21: 147], 'человек, плохо разбирающийся в чем-л.' [ССРГ: 331].

Подобные оценки представлены и в деривационных гнездах *люд-* и *мир-*: арх. *людскй-ладóм*, влг. *людья* 'хорошо, правильно, благополучно' [КСГРС], простореч. *мировой* 'очень хороший, замечательный', но сев.-двин.

нелюдь, ‘глупый, неумелый, неотесанный человек’ [СРНГ 21: 76], влад., костр., перм., смол. *безлюдье* ‘плохой или глупый человек’ [СРНГ 2: 192].

Социальный статус и социальное поведение. Русское — это собственно **человеческое** (ср. знаменитое сказочное *Русским духом пахнет*), свойственное **сообществу людей** (арх. *выйти на русь* ‘выйти в люди’ [СГРС 3: 226]), **общественное**, должно быть «**обнародованным**»: новг. *сказать на русь* ‘сказать что-л. в глаза кому-л. при народе’: «Мы не скажем на русь, а меж собой-то про это говорим» [НОС 9: 158], карел. (рус.) *на русь* ‘каждому встречному, кому попало’: «На русь не скажет эти слова, никому не скажет» [СРГК 5: 585], *все вывела на русь* ‘распахнула душу, все высказала’ [Даль2 4: 114], новг. *выходи на русь* ‘возглас водящего при игре в прятки, когда он кого-нибудь находит’ [НОС 9: 158]¹³. Если русское связано с сообществом людей, то нерусское может быть даже демоническим: костр. *нерусский* ‘о черте, демоне’ [СРНГ 21: 146], *нэрусь* ‘собираетельно о нечистой силе’ [ЛКТЭ].

«Человеческая» семантика русского имеет характерное уточнение: русским считается **типичное сообщество людей**, т. е. **крестьяне**, жители деревни — в отличие, к примеру, от казаков, солдат: нижегор. *русский* ‘народный, крестьянский’: «Она ⟨песня⟩ русская ⟨мужицкая, не солдатская⟩ была», влад. *русковатый* ‘имеющий оттенок деревенского, крестьянского’, дон. *русак, русский* ‘не принадлежащий к казачьему сословию’ [БТДК: 464; СРНГ 35: 269, 272]. Крестьянская русскость имеет специфические маркеры: *русак* ‘серое, крестьянское, узкое сукно, в 5 вершков’ [Даль2 4: 114], *русский дух* костр. ‘запах жилой избы, топящейся печи, выпекаемого хлеба’: «У дачников-то русского духа нет, печь-ту не топят, как мы, деревенские» [ЛКТЭ], селигер. ‘о запахе дыма’: «Ат печки-та пирок дымком должын спаживать, русским духам» [Селигер 5] и др.¹⁴ «Крестьянскую» семантику имеют и дериваты корней *мир-*, *люд-*: *мир* ‘община, общество крестьян’ [Даль2 2: 330], влг. *людские* (в знач. сущ.) ‘крестьяне’ [КСГРС].

У русскости есть и этико-этикетное измерение — «**людскость**», **умение жить в обществе**, **общительность**: морд. *расейский* ‘общительный, доброжелательный’: «Тут уш ничяво ни скажыш — паринь он расейский, любую кампанию пьддиржать можът» [СРГМ 4]; ряз. *россейский* ‘приветли-

¹³ С этими значениями, а также со значением наружного, которое рассмотрено в разделе «Пространственная семантика», связана семантика **обнаруженного, выявленного, прояснившегося**: орл. *поднять на русь* ‘открыть, обнаружить в ком-либо что-либо предосудительное; разоблачить’ [СОГ 10: 62], твер. *все вывести на русь* ‘высказать все, что скрывалось’ [СРНГ 35: 274], арх. *на русь показало* ‘стало ясно, понятно, прояснилось’ [Нефедова 2001: 105].

¹⁴ Показательно, что появившийся в 90-е гг. XX в. образ *новых русских* трактуется носителями говоров именно в русле оппозиции города и деревни: селигер. *новые русские* ‘люди, которые приехали в деревню из городов, купили дома и неприветливо общаются с местными жителями’: «Мы их новыми русскими называем, ани ни уважывают» [Селигер 5].

вый, общительный’: «Ты, Тамара, россейская, вся ты развязная, вся ты развитая. Верка — она побоковатей», «Сноха сурьезная, а я-то россейская», ‘незастенчивый (о ребенке)’: «Такая-то россейская, к кому хошь пойдет, никого не боится (о маленькой девочке)»; *россэйский парень* ‘простой, компанейский парень’ [СРНГ 35: 191] и др. Ср. дериваты *люд-*, *народ-*, *мир-* в сходных значениях: арх., влг., карел. *людскóй*, ср.-урал. *людный* ‘общительный, коммуникабельный’ [СРГК 3: 169—170; КСГРС; ДСРГСУ: 290], перм. *нарóдный* ‘то же’ [СПГ 1: 566], но ср.-урал. *ненарóдный*, твер. *немиролюбívый* ‘необщительный’ [СРНГ 21: 81, 95] и др.

Русские — традиционный социум, поэтому в деривационной семантике *рус-* выразительно проявлен мотив **приобщения к традиции**, т. е. (*обрусения*). Это **длительное проживание в одном месте** (костр. *обрусеть* ‘долго жить в каком-либо месте’: «Старожилы тут живут, они уж обрусели — старожилы» [ЛКТЭ]), **привыкание к обществу и его законам** (алт. *русеть* ‘приспосабливаться к жизни, местным условиям’: «Ну, чо, не понимаешь-то? Русели постепенно — стали понимать, как надо жить, а то работали день и ночью» [СРГА 4: 42], костр. *русеть* ‘привыкать, осваиваться, чувствовать себя более уверенно’: «Пришёл ко мне мальчишечка, всего боится. Потом обрусел, освоился, русеть-то начал» [ЛКТЭ], арх., костр., олон., перм., смол., ср.-урал., тюмен., тульск., смол., чкал. *обрусеть* ‘привыкнуть, обжиться, освоиться; перестать робеть, стесняться’: «*Обрусела* говорили в смысле “привыкла”; это как раз о молодых говорили: пришла из другой деревни, из другой семьи, у неё другие привычки были, а вот она пожила тут и обрусела — и стала такая же, как все» (костр.), «Куда пиряходиш на новые места, пыка ты привыкниш, абрусейш» (смол.), «Вот погоди, обрусееет, дак такой же будет, как и ты» (перм.) [СРНГ 22: 213; ССГ 7: 137; Лютикова 2000: 101; КСГРС; ЛКТЭ; ДЭИС]; арх. *обрусить* ‘привыкнуть к кому-, чему-либо; обжиться’ [СРНГ 22: 213]), **приобретение опыта, навыков** (псков. *нарусеть* ‘приобрести навык, умение в чем-н., научиться’: «Ты уш па-нашьму гварить нърусел» [ПОС 20: 228]). Ср. сходные в мотивационном плане слова, производные от *народ-*, *челдон-*: костр. *обнарóдиться* ‘приучиться жить в местных условиях’: «Приехали ветчана (жители Вятки) к нам недавно, какие обнародились, какие нет» [ЛКТЭ], прииртыш. *перечелдóнить* ‘переломить чей-либо характер, заставить жить по законам общины’: «Через годик, через два меня, девочку, доняли: добрым словом и теплом меня перечелдонили» (частушка) [ССП-Д2: 108].

Обрусеть могут и животные, для которых это равнозначно **приручению, одомашниванию**: чкал. *обрусеть* ‘сделаться ручным (о диких животных, птицах)’: «Поймаешь зайца, и домой, он обрусееет и живет» [СРНГ 22: 213], костр. *русеть*, *обрусеть* ‘о диких животных — переставать (перестать) бояться людей, приручаться (приручиться)’: «Заяц как обрусел совсем, так приходит и не боится ничего. Придёт в деревню и по деревне будет бегать по огородам. Это можно назвать *обрусел*. Эдак, наверно, и про волков, и про всех», «Обрусеть — говорят про молодую дикую лошадь.

Она дикая, а потом привыкнет, или собака злая сначала, а потом обрусееет», «Я ёжика поймал, он у меня живёт, обрусел, привык, а без человека, конечно, не русееет», «Обрусел человек, вот обнаглел. Можно даже и про скотину сказать, что ознакомилась уже, обрусела» [ЛКТЭ]; арх. *обруситься* ‘приручиться’: «Кошка у нас совсем дикая была, из лесу к нам пришла, теперь обрусилась, умница стала» [КСГРС]. Семантический сдвиг ‘освоиться, обжиться’ → ‘стать ручным, домашним’ вполне закономерен, однако можно усмотреть поддержку *обрусеть* в «животном» значении со стороны костр., карел. *обручеть* ‘стать ручным’: «Не давалась кошка, а теперь обрусела» [СРГК 4: 113; ЛКТЭ] (< *рук-*)¹⁵.

Семантика *обрусения* дает амбивалентное в плане оценки развитие.

С одной стороны, есть линия положительной оценки. *Обрусение* — это **окультуривание, приобщение к цивилизации**¹⁶: арх. *вырусеть, изрусеть, орусеть* ‘стать лучше во всех отношениях, культурнее’: «Теперь фсе вырусели» [АОС 8: 161], арх., карел., нвсиб., перм. *обрусеть* ‘стать более культурным, грамотным, цивилизованным’: «Нынче обрусела деревня, а хороша стала, народ культурнее стал. Обрусеть... перешла в культуру, с дикого человека стал русский, настоящий» (карел.), «Обрусели люди, дома с верхом строят, просветлеют вроде, обрусееют, не как раньше живут и слава богу» (нвсиб.), «Тожно уж маленько обрусели, дак стали станки-то (ткацкие)» (перм.) [АС 3: 98; СРГК 4: 112; СРНГ 22: 213; СРГС 3: 42; КСГРС],

¹⁵ Позволим себе и такое замечание. Как показывают контексты (выше были приведены далеко не все), «субъектами обрусения» довольно часто выступают зайцы. По отношению к ним у глагола *обрусеть* есть омоним: костр. *обрусеть* ‘полюбить (о зайце)’: «Дак ведь заяц меняет шкурку свою, зимой на белую, а летом на серую. Ну, заяц-то уж обрусел, стал серый. Или вот обрусел — и скоро зима будет» [ЛКТЭ] (< **rud-*, ср. *заяц-русак*). Возможно, семантика приручения отчасти «наведена» значением линьки (= перехода в иное состояние), ср. сходную связь значений в гнезде *выкунеть* костр., урал. ‘покрыться пушистой шерстью’, б. м. ‘приобрести жизненный опыт» [СРНГ 5: 298—299].

¹⁶ Семантика *окультуривания* в собственно русской среде во многом поддерживается тем, что в зонах этнических контактов глаголы *обрусеть, вырусеть* и проч. активно употребляются для того, чтобы передать влияние русской культуры на представителей других народов. Как говорилось выше, подобные значения нами не рассматриваются, но приведем для примера некоторые из них: арх., карел. *вырусеть* ‘стать более просвещенным, цивилизованным (воспринять русскую культуру)’: «А как провели машину в Архангельско да как стали онежана ездить через наше место на станцию, вот тебе и вырусела наша Шелекса. А допрежь чудь была чудью» [СРНГ 6: 13—14], перм. *обрусить* ‘в процессе совместной деятельности и жизни передать представителям другого народа навыки культуры, цивилизованного образа жизни’: «А раньше-то они (вогулы) никудышные были. Теперь уж их обрусели» [АС 3: 98], алт. *обруситься* ‘обрусеть’: «Такие есть воротухи, говорят — ничего не поймёшь. Потом обруселись» [СРГА 3/1: 176], карел. (рус.) *русь* ‘о русской культуре, образовании, распространенных среди нерусского населения’: «Русь у нас теперь, вырусели» [СРНГ 35: 274] и др.

костр. *порусѣть* [ЛКТЭ], арх. *повырусеть* 'то же': «Повырусел народ, не такой стал» [СРНГ 27: 277], перм. *обрусить* 'то же': «Дикари были — теперь обрусил» [АС 3: 98], арх. *русѣть* 'становиться более грамотными, культурными, образованными': «Сейчас-то стали русеть, не такие дикие, какую-то кексу берут в магазине» [КСГРС]. Собственно *Русь* трактуется в этом случае как **культурная, цивилизованная среда**: костр. *русъ* 'о высоком уровне культуры, цивилизации': «Русь настала у нас, дорогу провели, школу построили» [ЛКТЭ]. Цивилизованная русскость связывается с городской культурой: пенз. *по-русски* 'по-городскому (одеваться)' [СРНГ 30: 105] — и здесь фиксируется энантиосемичное движение семантического «маятника»: от «деревенских» значений *русского* к «городским».

Заметим, что определенную поддержку семантике окультуривания могла оказать идея обтесывания, которая представлена в глаголе *обрусить*, омонимичном по отношению к рассматриваемым здесь дериватам *рус-*: арх. *обрусить* 'вытесать брус' [СРНГ 22: 213], *обрусить* (бревно) 'отесать брусом на четыре грани' [Даль₂ 3: 616]. Этот глагол принадлежит гнезду **brusiti* 'тереть, обдирать, точить', эпизод взаимодействия с которым уже рассматривался выше, и произведен от существительного *брус* [ЭССЯ 3: 50], имеющего, кроме литературного значения, широкий спектр диалектных [СРНГ 3: 203—204] и обозначающего разного рода бревна, несущие балки и проч.¹⁷ Можно предполагать семантическую интерференцию двух омонимов.

На основе значений освоения, окультуривания формируется более абстрактная семантика **положительно оцениваемого действия, состояния**, ср. костр. *порусѣть* 'стать лучше, качественнее': «Поначе (получше) делают колбасу, творог-от в магазине, порусели продукты-те» [ЛКТЭ], арх. *выруснуть* 'сделать лучше, исправить положение в лучшую сторону' «Зьделаеш што-нибудь хорошо, а што-нибудь похужэ, ну, ницево — ф следующей рас выруснем» [АОС 8: 161—162], орл. *выйти на русь* 'пережить трудное время' [СРНГ 5: 286]. Ср. также приведенные выше *обрусеть*, *выйти на русь* 'выздороветь'.

Отметим, что для слов *порусѣть* 'стать лучше, качественнее', *изрусѣть* 'стать лучше во всех отношениях, культурнее' можно предполагать взаимодействие с гнездом **rudsъ*, ср. приводившиеся выше элементы этого гнезда — *порусѣть* 'посветлеть', *русѣть* 'зреть, становиться светлее (о зерне в колосьях)', *изрусѣть* 'побелеть, выцвести (о ткани)' и проч. Слова *порусѣть*, *изрусѣть* со значением качественной трансформации могли сформироваться в рамках *рус-* 'светлый', чему не противоречат ни формальные критерии, ни смысловые (цветовое изменение → качественное). В то же время наличие несомненных дериватов *рус-* 'Русь, русский' в «культурных» значениях (например, *русъ* 'о высоком уровне культуры, цивилизации') при отсутствии засвидетельствованных подобных значений,

¹⁷ Кстати, *брус* рифмуется с *Русью*, ср., например, загадку о дороге: «Лежит брус / Во всю Русь, / Встанет — / До неба достанет» [Садовников 1996: 159, № 1378].

однозначно соотносимых с *рус-* ‘светлый’, делает «цветовую» версию более слабой. Думается, если взаимодействие гнезд и происходило, то скорее на уровне аттракции, поддержки словесного материала одного гнезда другим.

Возвращаясь к тезису об амбивалентном развитии семантики в гнезде *рус-*, отметим, что, помимо описанной «положительной» смысловой линии, есть и другая, «негативная». Актуализация «деревенской» семантики *русского* дает некоторую смысловую флуктуацию: *обрусение* может трактоваться не как окультуривание, а как проявление **тяжелых следствий деревенской жизни**, ср. влад. *обрусеть* ‘привыкнуть к тяжелой работе; огрубеть’: «Коли есть захочешь, в деревне за работой скоро обрусеешь» [СРНГ 22: 213], костр. *нарусеть* ‘огрубеть от работы’: «Нарусели руки-те, косила да пахала с детства» [ЛКТЭ]. Возможно, сюда же яросл. *обруселый* ‘огрубевший’ [ЯОС 7: 21], селигер. ‘грубый, очерствевший, злой’: «А Кузьми-нишна на порог не пустит никого, анна абруселая» [Селигер 4: 195].

Вместе с тем *обрусение* может означать **утрату важных и позитивных черт деревенской жизни**: перм. *обрусеть, обрусить* ‘приобрести особенности, свойственные городской, промышленной обстановке, утратить при этом в какой-л. мере исконно сельские черты’: «Всё опустело — шум, трактора, машины! А раньше-то были птицы. Теперь всё обрусело» [АС 3: 99], арх. *изрусеть* ‘измениться, преобразоваться, переродиться’: «Ране-то песни певали, а топерь изрусело всё, топерь-то телевизор» [СГРС 4: 325]. Ср. также карел. контекст к *обрусеть* ‘стать культурнее, цивилизованнее’: «Все обрусели люди нонецька, раньше жили — Богу молились, теперь не верят, ныне-то, говорят, обрусело всё» [СРГК 4: 112].

Усиление негативной линии ведет к тому, что *обрусение, выход на русь* трактуются как **отвыкание от своей среды** (влад. *обрусеть* ‘отвыкнуть от кого-, чего-либо’: «Он в городе живши от всего деревенского обрусел (отвык)» [СРНГ 22: 213]), **отрыв от нее** (арх. *выйти на русь* ‘оторваться от своей среды’: «В деревне жил, жил, да вышел на русь и начал сам себя высоко ставить» [СГРС 2: 226], костр. *обрусеть* ‘побывав в городе, вести себя заносчиво по отношению к жителям деревни’: «Пожил в Костроме парень, обрусел, с нами как с дураками говорит» [ЛКТЭ]).

Отрыв от среды для деревенского жителя выливается в **асоциальное поведение**: ср.-урал., костр. *обрусеть* ‘обнаглеть’: «Тебя стюают (делают замечания), а ты совсем обрусел» (костр.) [СРГСУ 3: 29; ЛКТЭ], костр. *обрусеть* ‘вести себя бессовестно, нарушать запреты’ [ЛКТЭ], смол. *нарусеть* ‘стать бойким, развязным’: «Жил в городе и троху нарусел» [СРНГ 20: 137]. Ср. также ряз. *россэйский* ‘смелый, бойкий’: «Ну, она не боится, она россейская девка» [СРНГ 35: 191] (близкое по смыслу, но с положительной оценкой).

Эти значения закономерны и имеют в русских говорах хорошую системную поддержку — со стороны дериватов *люд-* (калин. *залюдеть* ‘загордиться’, арх. *залюднётся* ‘начать важничать, много о себе думать’ [СРНГ 10: 227]) и со стороны производных от названий крупных городов

(влад., моск. *намоскв́ичиться* ‘перенять ловкость москвичей’ [СРНГ 20: 41], дон. *начерка́ситься* ‘усвоить говор и манеры горожан’ [СРДГ 2: 176], смол. *обни́териться* ‘приобрести городские манеры, лоск’, ‘стать бесцеремонным, наглым’: «По яровому начал ходить. Обпитерился» [СРНГ 22: 189], влг. *напи́териться* ‘приобрести негативные манеры жителя большого города’: «Уехала учиться, дак напитерилась, чубырится (высокомерно подшучивает) над нами» [КСГРС]).

Далее — **одичание, запустение** (карел. (рус.) *обрусеть* ‘стать заброшенным, прийти в запустение’: «Все уезжают, так дома всё старые стали, разрушились, всё пусто стало, обрусело всё, ничего не стало, плохо это» [СРГК 4: 112], влг. *изрусеть* ‘опустеть, обезлюдеть’: «Деревня была большая, а ноне вся изрусела», ‘прийти в негодность, обветшать’: «Хлев-от давно уж изрусей весь, а починить некому» [СВГ 3: 16]), а в применении к человеку — **физическая и интеллектуальная деградация** (влг. *обрусеть* ‘одичать, чуждаясь общества, общения с людьми’: «Бабка у тебя всё одна и одна, совсем обрусела» [СВГ 6: 6], костр. *порусеть, обрусеть* ‘обезуметь, сойти с ума’: «Если пьяный напился — обрусел. С ума сошёл — тоже обрусел» [ЛКТЭ]). В качестве параллели можно привести карел. (рус.) *в люди опустить* ‘оставить без ухода, запустить’: «Земельку-то матушку не опустили в люди (в войну), не заросла кустарником, не запустили» [СРГК 3: 169].

Следует дать комментарий к негативной семантике огрубления, запустения, деградации.

Во-первых, появление в диалектной лексике значений, варьирующих «от плюса к минусу», может быть отражением различных по времени оценок состояния сельского социума.

Во-вторых, эти значения могут возникнуть в результате логического разворачивания цепочки *обрусения* → изменения → перерождения → вырождения. Начиная со второго звена, цепочка разворачивается уже без связи с первоначальной идеей «русскости», а подчиняясь только внутренней логике, направляемой амбивалентностью признака изменения. В то же время может дать о себе знать и социокультурная подоплека развития семантики: отказ от деревенского в пользу городского воспринимается как вырождение, но и «наращивание» деревенского трактуется как огрубление и косность. И та, и другая оценка может быть внутренней позицией носителя крестьянской культуры, хотя во втором случае она, вероятно, формируется «бриколажем», через попытку посмотреть на деревенскую жизнь глазами горожанина. О возможности развития негативных значений на базе собственных ресурсов идеи *обрусения* говорит и приведенная выше фразеопараллель *в люди опустить*. Вообще, движение *в люди* во многом синонимично движению *на русь* — и процесс этот осмысливается в языке неоднозначно, отнюдь не только положительно: *отдать* кого-то *в люди* — не только способствовать повышению его социокультурного статуса, но и в известной мере снять с себя ответственность за этого человека, осуществить отчуждение, которое и оборачивается своими отрицательными по-

следствиями, разрывом с породившей средой и проч. (подробнее см. [Березович 2006]). Подобным отчуждением грозит, очевидно, и *выход на русь*.

В-третьих, значение ветшания и опустошения у глагола *изрусеть* сформировано, по всей видимости, отрицательной приставкой *из-*, в то время как производящий глагол *русеть* имеет противоположное значение.

В-четвертых, вновь можно предположить внешние влияния, т. е. взаимодействие с другими гнездами (или даже формирование некоторых из приведенных выше слов на их основе), прежде всего с гнездом **brusiti* 'тереть, обдирать, точить', о котором дважды говорилось выше. От слова *брус* производны новг., псков. *брусеть* 'становиться твердым (о вымени, грубеть)': «Брусее вымя, каменеет» (псков.), «Брусья, когда молоко брусее, вымя у коровы становится грубым, твёрдым» (новг.) [НОС 1: 92; ПОС 2: 182], курск. *брусеть* 'твердеть': «Нарыв-то у него стал брусеть», «твердеть, терпнуть, грубнуть»: «Нарыв или вымя брусее» [СРНГ 3: 205], пск., твер. *обрусеть* 'затвердеть, набухнуть (о нарыве)' [СРНГ 22: 213], *обрусеть* (от *брус*, *брусок*) 'окрепнуть, отерпнуть, за(на)грубнуть, опухнуть и отвердеть' [Даль₂ 2: 616]. Взаимодействие с производными *брус-* можно предположить для *обрусеть* 'привыкнуть к тяжелой работе; огрубеть', *обрусёлый* 'огрубевший', 'грубый, очерствевший, злой'. Следует ли считать, что эти слова возникли именно в гнезде *брус-*, а не *рус-*? Словообразовательно и семантически эта версия вполне приемлема, однако имеются аргументы и в пользу *рус-*: 1) есть глагол *нарусеть* 'огрубеть от работы', который практически идентичен *обрусеть* 'привыкнуть к тяжелой работе; огрубеть' и не может считаться производным *брус-*; 2) явные производные от *брус-* со значением огрубления имеют, кажется, узкую сочетаемость (применимы к нарыву и вымени, ср. также новг. *брусья* 'мастит' [НОС 1: 93]), но не фиксируются применительно к человеку. Поэтому мы рассматриваем слова *обрусеть* и *обрусёлый* в составе *рус-* и учитываем также возможность контаминации с продолжениями *брус-*. Не отрицается и версия о производности от *брус-*, однако ее мы склонны считать менее вероятной (по крайней мере, нуждающейся в дополнительном обосновании).

Значения физической и интеллектуальной деградации (*обрусеть* 'одичать, чуждаясь общества, общения с людьми', 'помутиться рассудком') тоже необходимо проверить на связь с **brusiti*. Предположение о такой связи небеспопченно: 1) в рамках **brusiti* фиксируется семантика сдирания, обрывания, обтесывания (ягод, головок льна, семян, ветвей и т. п.), дающая при дальнейшем развитии значение увядания (оголенный ствол, ветви вяннут, ср. влг. *обрусеть* 'завясть, засохнуть (о ягодах)' [СРНГ 22: 213]), для которого возможен следующий смысловой шаг — 'одичать'; 2) семантика деградации может, кажется, эксплуатировать и образ бруса: **обрусеть* = «стать неподвижным, бесчувственным, подобным бруссу». Однако и версия о связи с *рус-* вероятна, ибо в ее пользу свидетельствуют близкие факты, для которых она достоверна: карел. (рус.) *обрусеть* 'стать заброшенным, прийти в запустение', влг. *изрусеть* 'опустеть, обезлюдеть', костр. *пору-*

сѣть ‘обезуметь’. Поэтому мы склоняемся к тому, чтобы включить спорные слова в гнездо *рус-*, вновь констатируя возможность контаминации гнезд, материальной и смысловой поддержки одного из них другим¹⁸.

Наконец, слова со значением деградации могут испытывать влияние и со стороны **rudsъ* ‘светлый’ (ср. присутствующие в нем значения линьки, потери обычной окраски). Думается, это влияние проявляется на уровне аттракции, которая, возможно, подпитывает и отчасти направляет собственные потенции гнезда *рус-* ‘Русь, русский’.

Итак, несмотря на неоднозначное (гетерогенное?) происхождение некоторых из рассмотренных выше слов, несомненно, что семантика социального статуса и социального поведения, представленная в гнезде *рус-*, имеет амбивалентные в плане оценки проявления, свидетельствующие о смене точки зрения говорящего.

Религия. Русское связывается с **православием**, но не старообрядчеством: нижегор. *россейский* ‘православный’: «Я россейский, не раскольник», (р. Урал) *русский* ‘православный (о вере)’: «Казашка веру русскую брала, если выходила замуж за казака, ну, перкрестѣна была» [Малеча 3: 554], сиб. *русские* ‘православные’: «Что ты, тварь, в русские не окрестился» [СРНГ 35: 272, 191]. При взгляде из европейской части страны *русская вера* противопоставлена *сибирской*, которая трактуется как кержацкая, раскольничья, старообрядческая, ср. яросл. *сибирская вера* ‘старообрядчество’: «У нас русская вера, сибирской-то нету» [ЛКТЭ]. Эта номинация появилась вследствие обобщения сибирского раскольничества до статуса «общесибирской конфессии». В то же время при взгляде с территории Сибири *сибирская вера*, наоборот, трактуется как православная, противопоставляясь старообрядческой: забайк. *сибиряк* ‘православный русский старожил Сибири (в отличие от семейских старообрядцев)’, *сибирский* ‘православный, не старообрядческий’ [СРГС 4: 296; СГСЗ: 427]. Здесь вновь проявляется «плавающая» точка зрения, в этот раз — на сибирское (подробнее об этом см. [Березович, Кривошапова (в печати)]).

Подключение оценки выводит *русское* за пределы собственно конфессиональной семантики и сообщает ему коннотацию святости, ср. костр.

¹⁸ Вообще, вопрос о связи данных гнезд или о принадлежности тех или иных фактов к одному из них требует отдельной проработки. В настоящей статье, в силу ее задач, материал организован так, чтобы показать семантический спектр гнезда *рус-*, куда предварительно мы включаем весь релевантный в словообразовательном и смысловом плане материал. Факты, которые хотя бы в каком-то одном отношении «перевешивают» в пользу **brusiti* // **brъsnqti*, здесь не приводятся, ср., к примеру, петерб. *обруснѣть* ‘опуститься, утратить опрятность, подтянутость’, ‘стать безнадежным (о тяжело больном)’ [СРНГ 22: 213—214]: кажется, по словообразовательным основаниям эти слова следует скорее отнести к **brusiti* // **brъsnqti*. Нужен дополнительный сбор материала и работа со всем объемом гнезда **brusiti*, чтобы дать более точный ответ о спорных фактах. Тогда, возможно, приведенные здесь выкладки подвергнутся корректировке.

обрусить ‘освятить новое жилье: переселяясь туда, окропить ее святой водой, внести иконы и проч.’: «Придѣшь в новую избу, святой водичкой обрусиишь всё везде», «В новый дом переходишь — обрусить надо избу, побрызгать водичкой, иконы поставить» [ЛКТЭ]. Ср. также устойчивое сочетание *святая Русь*.

* * *

Подводя итоги, сформулируем основные семантико-прагматические особенности гнезда *рус-* // *рос-*.

1. В изучаемом гнезде представлены два основных блока значений — **пространственный и социальный**.

Географическое пространство Руси, отраженное дериватами топонима *Русь*, — это, в первую очередь, ее центр (Москва) и Европейская Россия. В зависимости от точки зрения говорящего из этого пространства могут исключаться «боковые» территории — Сибирь, Белое море (кроме побережья), места проживания казаков по Дону и Яику и др. Вне конкретных географических ориентиров *русское* — это местное, это среда обитания, окружающая человека, с ее естественной (не селекционированной, не завезенной извне) флорой и фауной. В то же время *русским* считается обязательно освоенное пространство, заселенное людьми, возделанное, открытое, долинное (и далее наружное, видимое глазу, заметное), — в противопоставлении лесу, морским глубинам, горам и проч. Это пространство качественно оценивается: оно светлое, центральное, удобное, подходящее. Оно то сужается до узкого окружения говорящего, то разрастается до всего мира, *белого света*.

Социальная семантика *русского* прежде всего включает в себя указание на личное пространство и физическое состояние человека, для которого *русеть*, *русовать*, *быть на руси* = *быть в себе*, хорошо себя чувствовать. *Русское* — это вообще «свое», помогающее освоить чужое, поэтому неизвестные и новые реалии внешнего мира нередко номинируются через указание на связь с «исконно» русской реалией. *Русское* характеризует традиционный образ жизни и быт: является самодельным, не фабричным, наиболее распространенным и типичным (и противопоставлено «чужому» — *немецкому, польскому, мордовскому* и др.). При этом *русское* вновь меняет свои границы — от общерусских до узколокальных. Оценка предметного мира, трактуемого как *русский*, амбивалентна: эти предметы просты по технике изготовления и даже примитивны — но вместе с тем удобны, пригодны для использования, «окультурены». Отсюда трактовка *русского* как настоящего, лучшего, наиболее ценного, а в ментальном регистре — понятного, разумного. С точки зрения социального статуса *русское* — собственно человеческое, свойственное сообществу людей, должно быть обнародованным, вынесенным *на русь*, т. е. *в люди*. *Русским* считается в первую очередь традиционное сообщество — крестьяне (в отличие от казаков и солдат). «Рус-

скость» понимается даже как черта характера — умение жить в обществе, общительность, коммуникабельность. Важнейший смысловой пласт концепта русского — *обрусение*, т. е. приобщение к традиции: длительное проживание в одном месте, привыкание к сообществу и его законам, приобретение необходимого опыта и навыков. *Обрусение* оценивается неоднозначно. С одной стороны, есть линия положительной оценки, поскольку оно подразумевает окультуривание, приобщение к цивилизации. С другой стороны, у *обрусения* есть разнонаправленные негативные следствия: оно не только проявляет тяжесть деревенской жизни, дающей огрубление физическое и нравственное, но и ведет к утрате важных и позитивных черт этой жизни, разрыву человека с породившей средой, асоциальному поведению и даже запустению / опустошению — социальному и личностному. «Русскость» осмысливается и в религиозных терминах: *Русь святая*; *обрусить* = освятить. В конфессиональном плане *русское* = православное.

2. В лексике изучаемого гнезда ярко проявляется смена фокуса эмпатии, «плавающая» точка зрения говорящего. Именно из-за этого *русское* варьирует от местного до общерусского, от личного до общественного, от деревенского до городского и проч. Эти особенности во многом объясняются тем, что *русский* — **автоэтноним**. Данный разряд этнонимов в разных языках мира включает в себя слова с внутренней формой «мы», «люди, народ», «настоящий», «наши, свои», «мужчины» и др. Подобные связи обнаруживаются и в речевом употреблении этнонима, который может в текстах заменяться словами *мы, народ* и т. п. Как показано в статье, эти связи прослеживаются и в организации деривационного гнезда *рус-*, обнаруживающей сходство с устройством деривационной семантики слов *люди, мир, народ, свой, реже* — *человек, челдон*. Так же, как и *русский*, эти слова имеют богатый оценочный потенциал и способны проявлять в своей семантике (исходной и деривационной) указание на позицию говорящего. Ср., к примеру, слово *люди*, которым нам приходилось специально заниматься [Березович 2006]. В гнезде *люд-* обнаруживаются взаимоисключающие смыслы, актуализация которых зависит от смены точки зрения на то, кто включается в понятие «люди»: «крестьянский, народный» — «городской», «добропорядочные граждане» — «воры, преступники», «хороший» — «плохой» и проч. Неоднозначна в плане оценки и семантическая «панорама» сочетаний *выйти в люди, добрые люди* [Там же]. *Люди* и *русские* обнаруживают номинативную аналогию в значениях «крестьянский, народный», «общительный, умеющий быть в обществе», «обнародовать», «культурный, «городской»».

Вновь обратим внимание на высокую степень типологичности наблюдаемых семантических явлений: признаки, служащие мотивирующими при создании автоэтнонимов как класса лексики, воссоздаются и в дальнейшем, в ходе процессов деривации на их основе, семантическая ретроспектива проецируется на перспективу.

3. В организации изучаемого гнезда обнаруживаются не только черты, привносимые этнонимом *русский*, но и топонимом (**макротопонимом**)

Русь. Границы пространства, очерчиваемого макротопонимами, нередко являются подвижными — и тоже зависят от точки зрения, позиции номинатора. Это характерно не только для *Руси*, но и для *Москвы*, *Сибири*, *Кавказа* и др. (например, о «плавающих» границах *Сибири* в русском языке см. в [Березович, Кривошапова (в печати)]). *Русь* имеет системные связи с *Москвой* (в первую очередь), *Сибирью*, *Питером* и др.

4. Несмотря на отмеченные свойства, сближающие слова *русский* и *Русь* с именами нарицательными, они все же относятся к **проприальной лексике**. За счет этого в изучаемом гнезде богато представлены конкретные значения таксономического плана (терминологические обозначения видов растений, животных, предметов быта и проч.).

5. Системные связи *русского* и *Руси* включают как отношения номинативной «синонимии» (аналогии), так и «антонимии». «Синонимы» были перечислены выше; «антонимы» разнообразны и ситуативны — это главным образом обозначения народов, с которыми русские конфликтовали, или их территориальных (этнических) соседей (ср. оппозиции *русский* — *немецкий*, *русский* — *якутский*, *русский* — *польский* и проч.).

В системных отношениях *Руси* и *русского* тоже отражается смещение точки зрения: внутри одной и той же пары оттопонимических (отэтнотонимических) дериватов могут наблюдаться то «синонимические», то «антонимические» отношения. Так, *русский* не только дает «синонимию» по отношению к *московскому* (примеры были приведены выше), но и противопоставляется ему. Ср., например, пару *русский сарафан* ‘сарафан с пуговками посередине, обложенный спереди гарусной тесьмой’ — *московский сарафан* ‘круглый, клинчатый, закрытый (высокий)’ [Даль₂ 4: 114]: здесь проявляется оппозиция общерусского и «местного», московского.

6. Из вышесказанного следует, что лексема *русские* (так же, как *люди* и др.) в некоторых случаях (нерегулярно) обнаруживает в своем языковом поведении действительные свойства, т. е. проявления, так сказать, **нетривиального дейксиса**. Эти свойства наблюдаются не столько на уровне речевой идентификации, сколько в пространстве семантико-словообразовательного гнезда.

7. Естественны изменения описанной картины при взгляде на русское из пространства других языков. Эти изменения могут касаться отдельных значений, в которых проявляется «русскость». Так, семантика русского как местного, самодельного, представленная в русском языке, заменяется в коми семантикой привозного, «магазинного»: коми *роч* («русский») ‘привозной, фабричный, приобретенный в магазинах’: *рочь додь* ‘праздничные сани’, *роч ной* ‘фабричное сукно’, *роч нянь* ‘хлеб, купленный в магазине’ [КРК: 566]. Еще пример. Если у нас *русским бобом* считается боб обыкновенный (в оппозиции *турецкому бобу* — фасоли, см. выше), то в польских говорах «русским бобом (стручком)» называют другое растение: *ruski strąk* ‘паприка, стручковый перец, *Capsicum annuum*’ [KSGP]. Польское название мотивировано тем, что перец проникал в Польшу, в частности, из России, а на юг России — из Турции и Ирана. Разумеется, при таком пути распространения в России перец не считается «русским».

Трансформируются при взгляде извне и системные связи «русского». Выше приводился пример, показывающий, что оппозиции *русская пучка* ≠ *нерусская пучка* соответствует в чешских говорах пара *anjelička česká* ≠ *anjelička ruská* с зеркальной меной оценок. Ср. также русско-немецкую номинативную «перебранку» с привлечением образов черного и рыжего тараканов, которые используются народами для уничижительной характеристики друг друга, русско-финский «диалог» с помощью названий созвездий и др. [Березович 2007: 417, 456—459]. Важно было бы каталогизировать случаи подобных трансформаций — и это имеет смысл не только для изучения наивных представлений народов друг о друге, но и для совершенствования методики семантической реконструкции. Это позволит сделать более корректными и «работающими» собираемые этимологами сопоставительные разноязычные ряды этнонимических дериватов.

8. Гнездо *рус-* испытывает влияние со стороны близких в формальном и смысловом отношении гнезд, его контуры формируются с учетом процессов аттракции. Это гнезда **brusiti* ‘тереть, обдирать, точить’, **ru(ds)* ‘рыжий, светлый’, **roka* ‘рука’. Наиболее вероятна аттракция в случае взаимодействия гетерогенных омонимов, функционирующих в одних и тех же говорах (так, в костромских говорах отмечаются все возможные варианты омонимов: *обрусётъ*, *обрусить* I < *рус-* ‘русский’, *обрусётъ*, *обрусить* II < *брус-*, *обрусётъ* III < *рус-* ‘светлый’).

Расширение поля анализа за счет фактов русского литературного языка и жаргонов, а также других языков, которое будет предпринято в дальнейшем, позволит уточнить и существенно дополнить представленный здесь очерк деривационной семантики *русского*.

Л и т е р а т у р а

Аникин 2000 — А. Е. А н и к и н. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000.

АОС — Архангельский областной словарь. М., 1980—. Вып. 1—.

Апанасенко 2007 — Э. Г. А п а н а с е н к о. Концепт «Русские»: денотативные границы, возможности и перспективы (на материале произведений Ф. М. Достоевского и современной публицистики) // Россия и АТР. Владивосток, 2007. С. 130—137.

Арьянова 1—3 — В. Г. А р ь я н о в а. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 1—3. Томск, 2006—2008.

АС — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984—. Вып. 1—.

Баранов, Добровольский 2009 — А. Н. Б а р а н о в, Д. О. Д о б р о в о л ь с к и й. Метафора и стереотип (на материале метафорических переосмыслений России и ГДР в СМИ) // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. М., 2009. С. 315—336.

Березович 1999 — Е. Л. Б е р е з о в и ч. Русская национальная личность в зеркале языка: В поисках объективной методики анализа // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999. С. 31—42.

Березович 2006 — Е. Л. Березович. «И все люди, да всяк человек по себе»: к вопросу о семантико-прагматической программе слова *люди* // Рус. яз. в науч. осв. 2006. № 1(11). С. 195—226.

Березович 2007 — Е. Л. Березович. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007.

Березович, Кривошапова (в печати) — Е. Л. Березович, Ю. А. Кривошапова. *Сибирь* в русской языковой традиции (на иноязычном фоне). В печати.

БТДК — Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.

Воробьев 1996 — В. В. Воробьев. Теоретические и прикладные вопросы лингвокультурологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996.

Горюнова 1995 — О. А. Горюнова. Русский этнический образ: прямые и обратные ассоциативные связи // Этническое и языковое самосознание: Мат-лы конф. М., 1995.

Даль² — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Спб.; М., 1880—1882 (1989). Т. I—IV.

ДСРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения. Екатеринбург, 1996.

ДЭИС — Традиционная культура Урала: Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала / Авт.-сост. О. В. Востриков, В. В. Липина. Екатеринбург, 2009 [Электронное издание].

Евтушенко 2007 — О. В. Евтушенко. Фрагменты структуры концепта «Россия» // Язык как материя смысла: Сб. статей в честь академика Н. Ю. Шведовой. М., 2007. С. 623—635.

Кобозева 1995 — И. М. Кобозева. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 3. С. 102—116.

Колосова 2008 — А. А. Колосова. Образ России через призму восприятия национального характера // Образ России извне и изнутри. Калуга, 2008. С. 81—84.

КРК — Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина, Р. И. Коснырева. Комироч кывчукор. Сыктывкар, 2000.

КСГРС — Картоoteca Словаря говоров Русского Севера (каф. рус. яз. и общ. языкознания, Уральский ун-т).

Леви 2008 — Ю. Э. Леви. Современный образ России: миф и реальность // Образ России извне и изнутри. Калуга, 2008. С. 97—107.

ЛКТЭ — Лексическая картоoteca Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (каф. рус. яз. и общ. языкознания УрГУ).

Лютикова 2000 — В. Д. Лютикова. Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000.

Малеча 1—4 — Н. М. Малеча. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург, 2002—2003. Т. 1—4.

Михайлова, Исакова 2008 — О. А. Михайлова, Т. Н. Исакова. Образ России глазами уральских студентов // Образ России извне и изнутри. Калуга, 2008. С. 217—221.

Нефедова 2001 — Е. А. Нефедова. Экспрессивный словарь диалектной личности. М., 2001.

НОС — Новгородский областной словарь. Новгород, 1992—1995. Вып. 1—12.

Образ России 2008 — Образ России извне и изнутри. Сб. статей / Под ред. Е. Ф. Тарасова (отв. ред.), Н. В. Уфимцевой, Е. А. Аршавской. Калуга, 2008.

- Онишкевич 1—2 — М. Й. О н и ш к е в и ч. Словник бойківських говірок. Київ, 1984. Т. 1—2.
- Онищенко 2009 — М. С. О н и щ е н к о. Оценочность концептов «русские» и «американцы» в русском языковом и когнитивном сознании // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография. Нижний Тагил, 2009. С. 204—219.
- Пипер 2004 — П. П и п е р. Прилагательное *руски* в вербальных ассоциациях сербов // Коммуникативное поведение. Воронеж, 2004. Вып. 19: Коммуникативное поведение славянских народов: Русские, сербы, чехи, словаки, поляки. С. 183—188.
- Плунгян, Рахилина 1996 — В. А. П л у н г я н, Е. В. Р а х и л и н а. «С чисто русской аккуратностью...»: (К вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке) // Московский лингвистический журнал. М., 1996. Т. 2. С. 340—351.
- Подвысоцкий 1885 — А. И. П о д в ы с о ц к и й. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Попов 1991 — С. В. П о п о в. Топонимия Белого моря // Вопросы топонимики Подвинья и Поморья. Архангельск, 1991.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967—. Вып. 1—.
- Правда, Кошова 2004 — Е. А. П р а в д а, И. К о ш о в а. Русские в восприятии словаков (экспериментальное исследование стереотипов восприятия) // Коммуникативное поведение. Воронеж, 2004. Вып. 19: Коммуникативное поведение славянских народов: Русские, сербы, чехи, словаки, поляки. С. 188—194.
- Правда, Яурова 2004 — Е. А. П р а в д а, Т. В. Я у р о в а. Русские в восприятии сербов (экспериментальное исследование стереотипов восприятия) // Коммуникативное поведение. Воронеж, 2004. Вып. 19: Коммуникативное поведение славянских народов: Русские, сербы, чехи, словаки, поляки. С. 194—199.
- Садовников 1996 — Загадки русского народа: Сб. загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д. Н. Садовников. М., 1996.
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983—2007. Вып. 1—12.
- Свицова 2008 — А. А. С в и ц о в а. Россия в пословицах // Образ России извне и изнутри. Калуга, 2008. С. 146—150.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001—. Т. 1—.
- СГСЗ — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999.
- Селигер — Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь. СПб., 2003—. Вып. 1—.
- СОГ — Словарь орловских говоров. Ярославль, 1989.
- СПГ — Словарь пермских говоров. Пермь, 2000—2002. Вып. 1—2.
- СПП — Словарь псковских пословиц и поговорок. СПб., 2001.
- СРГА — Словарь русских говоров Алтая. Барнаул, 1993—1997. Т. 1—4.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994—2005. Вып. 1—6.
- СРГМ — Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. Саранск, 1978—. Вып. 1—.
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1999—2006. Т. 1—5.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала Свердловск, 1964—1987. Т. 1—7.
- СРДГ — Словарь русских донских говоров. Ростов-на-Дону, 1975—1976. Т. 1—3.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—. Вып. 1—.

- ССГ — Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974—2005. Вып. 1—11.
- ССП-Д2 — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Омск, 2003. Дополнения. Вып. 2: А—Я.
- ССРГ — Словарь современного русского города. М., 2003.
- Толстая 2010 — С. М. Толстая. К семантической истории слов. **mirъ* и **svěť* // Српски језик у светлу савремених лингвистичких теорија. Београд, 2010. Књ. 4. С. 199—213.
- Трубачев 2004 — О. Н. Трубачев. *Русский — российский*. История, динамика, идеология двух атрибутов нации // О. Н. Трубачев. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М., 2004. Т. 2. С. 484—492.
- Федосюк 2010 — М. Ю. Федосюк. Концепт русского быденного сознания «русские» по данным Национального корпуса русского языка // Лингвистическая герменевтика. М., 2010. Вып. 2. С. 93—99.
- ФСНП — Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / Сост. Н. А. Ставшина. СПб., 2008. Т. 1—2.
- ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1974—. Вып. 1—.
- Юрьева 2009 — И. А. Юрьева. Концепт «Россия» как фрагмент русской национальной картины мира периода XX—начала XXI в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / [Челяб. гос. пед. ун-т]. Челябинск, 2008.
- ЯОС — Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981—1991. Вып. 1—10.
- Bartmiński, Lappo, Majer-Baranowska 2002 — J. Bartmiński, I. Lappo, U. Majer-Baranowska. Stereotyp Rosjanina i jego profilowanie we współczesnej polszczyźnie // Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury. Lublin, 2002. № 14. S. 105—152.
- Dial-Brno — archiv lidového jazyka dialektologického oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR. Brno.
- KSGP — kartoteka SGP (Słownik gwar polskich). Kraków.
- SP — Słownik prasłowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974—. Т. 1—.

E. L. BEREZOVICH

DERIVATIONAL SEMANTICS OF *РУССКИЙ* IN RUSSIAN DIALECTS

The article discusses the semantics of words derived from *Русь*, *русский* in Russian dialects as well as the meaning of idioms that include these words. The composition and limits of the given etymological word family are analyzed, lines of semantic-pragmatic development (within the scope of the two basic sets of meanings — «spatial» and «social») are described, connections with other word families — both typological (with derivatives of words *люди*, *мир*, *народ*, *свой*, *Москва*) and contact (with word families of Proto-Slavic **brusiti* ‘rub, peel’, **ru(d)s* ‘red, light-colored’, **roka* ‘arm’) are demonstrated.

Keywords: Russian lexicology, semantic reconstruction, etymology, ethnolinguistics, dialect lexics, semantic derivation, derivative word family.

С. А. МЕЛЬНИКОВА

ЗДОРОВЬЕ / БОЛЕЗНЬ ~ ВЕСЕЛЬЕ / ПЕЧАЛЬ
(К вопросу о направлениях семантических изменений)

Реконструкция направления семантических изменений является одной из актуальных проблем этимологических исследований, см. [Трубачёв 2004; Толстая 2008]. Немаловажный аспект этой проблемы — вопрос о возможной **обратимости** направления семантических изменений, в частности о роли в них различных типов переносов значений [Варбот 2009].

Надежной базой для определения направлений семантических изменений может служить анализ мотивационных моделей в лексико-семантических полях. Лексико-семантические поля (ЛСП) являются основной структурной единицей лексики на синхронном уровне, они связаны между собой разнотипными отношениями, в частности отношениями антонимии, например ЛСП ‘здоровье’ / ЛСП ‘болезнь’ (о мотивационных моделях в ЛСП ‘боль’ см. [Козлова 2009]). Лексико-семантические поля ‘здоровье’ и ‘болезнь’ представляют интерес с точки зрения соотношения образующих их мотивационных моделей, реальности обнаружения системности в этих отношениях и, соответственно, возможности их рассмотрения в качестве частей более крупного ЛСП.

Анализ лексики этих антонимичных понятий (‘здоровья’ и ‘болезни’) обнаруживает возможность разных типов соотношения мотивационных моделей внутри поля. Следует отметить распространённость антонимичных, противопоставленных моделей, которые выявляются в мотивационных моделях обеих частей. При этом мотивационные основания для противопоставления ‘здорового’ и ‘больного’ различны.

С одной стороны, в данной антитезе выявляются физические признаки того и другого, например:

— «целостность» здорового, противопоставленная «распаду» больного (*исцелиться* ‘выздороветь’ / *разламываться* ‘сильно болеть’);

— присущая здоровому «свежесть» в противоположность «гнилостности» нездорового (*свежий* ‘полный здоровья, сил’ / *гнилой* ‘болезненный, хилый’);

— «лёгкость», свойственная здоровому организму, и «тяжесть» болезни (*полегчало кому-либо* / *кто-либо тяжело заболел*) и т. д.

С другой стороны, помимо «физической» антитезы, представляется возможным выделить противопоставление ‘здорового’ и ‘больного’ по со-

стоянию психики, которое обнаруживается в мотивационных связях обеих частей поля с соотносительными ЛСП ‘веселье’ и ‘печаль’: здоровье соотносится с радостью, весельем, болезнь — с печалью, грустью.

Определение направления семантических изменений, необходимое для выявления мотиваций, базируется на этимологизации соответствующей лексики. Следует, однако, учитывать относительный хронологический уровень появления интересующих нас значений, а именно ‘здоровье’ / ‘болезнь’ и ‘радость’ / ‘печаль’. Широко представлены случаи параллельного развития семантики ‘болезни’ и ‘печали’ на базе физического воздействия, нарушения.

Один из таких примеров — группа слов с корнем *скорб-* (*скорбь*, *скорбеть*, *скорбный* и др.). Некоторые исследователи допускают родство слова *скорбь* с глаголом *скорбнуть* ‘засыхать, чахнуть’, так что в качестве первичного признается значение физического состояния. Близость этих слов подтверждается следующими контекстами: *Поел (Гришка) этой травки — ослиз и оскороб весь, сделался нездоровый*, новг. [СРНГ]. *Поел (Гришка) этой травки — и вся с него скорба свалилась*, новг. [Там же]. Ср. также *оскорбёток* ‘хилый, болезненный человек; человек невзрачной наружности’ (*Ну и оскорбёток у тебя Васька-то*, костром.), *скорбуха* ‘о худой женщине’, арханг. [Там же]. Ср. набор родственных образований и иноязычных соответствий с существенными различиями в семантике, приведенный Фасмером: *ущерб*, д.-в.-н. *scirbi* ср. р., ср.-в.-н. *scherbe* ‘черепок’, англос. *sceorfan* ‘грызть, кусать’, а также лит. жем. *skuībti* ‘печалиться’ [Фасмер 1996: 3, 651]. Ср. совмещение семантики душевного и физического страдания в употреблении слова *скорбь* в старорусском и современном русском языке: *Он, Тишка, от стрелецкой службы оставлен за скорбью*. Восст. моск. стрел., 1698 г.¹ [СлРЯ XI—XVII]; *Жена де она добрая и прискорбь никакую за нею не слыхаль*. Заб. Дом. быт., 1652 г. [Там же]; *А про Юрья [заболевшего] сказал, что онь собою дряхль и ногами скорбень*. Польск. д., 1568 г. [Там же]; *По грѣхомъ своимъ переломилъ ногу и отъ того заскорбѣль ногами не по одинъ годъ*. АМГ, 1635—1659 г. [Там же]; в пьесе А. Н. Толстого «Мракобесъ»: *Старецъ врачуетъ душевные, равно и телесные скорби* [ССРЛЯ]. Ср. также *скорбление* ‘болезнь, нездоровье’, *скорбеть* ‘горевать, печалиться’ и ‘болеть, страдать’, *прискорбѣти* ‘почувствовать недомогание, печаль’, *позаскорбѣти* ‘заболеть не очень серьезно, не сильно’, *оскорбѣти* ‘опечалиться, огорчиться’ и ‘занемочь, заболеть’ [СлРЯ XI—XVII]. В современном литературном языке слово *скорбь* в значении ‘болезнь’ является устаревшим. Обнаружить его можно разве что в исторических произведениях (например, в романе Алексея Толстого «Пётр I»: *Алеша, сходи за сестрой. Не в нужном ли она чулане сидит, животом скорбная?* [ССРЛЯ]) да в устойчивом словосочетании *скорбный*

¹ Здесь и ниже сокращенные обозначения источников СлРЯ XI—XVII приводятся по Указателю источников Словаря.

лист ‘больничный листок со сведениями о ходе болезни и о лечении ее’ [ССРЛЯ]. Однако в диалектах это значение еще живо: **скорбеть**, **скорбить**, **скорбнуть** значит ‘болеть’ (*Мама скарбеить, а борш ворить, дон.; Он все нутром скорбит*) [СРНГ]; **заскорбеться** — ‘заболеть; запечалиться’ [Там же]; **прискорбно** — ‘больно’ (*Бывало, дьякон учил ребят, на колени на дресву ставил. Ой, прискорбно коленям-то*, арханг.); **скорбный** — ‘больной, немощный’ (*Он об эту пору скорбен лежал*, арханг.), а **скорбью**, **скорбой**, **скорбостью**, **скорблостью**, **скорбтой** называется болезнь, недомогание, телесная немощь (*Во скорбе, боле лежит, ничего не говорит*, сиб.; *Вдруг свалилась вся с ей скорблостъ, сделалась здоровая*, новг.) [Там же].

С некоторым сомнением для прилагательного **дряхлый** ‘слабый, немощный от старости’ предполагают старшее значение ‘удрученный’, ‘угрюмый’ (ст.-сл. **драсель**, **драхль**). В настоящее время это первоначальное значение можно отыскать лишь в сербохорватском языке, где **дредсео** — ‘угрюмый’, ‘печальный’ [Фасмер 1996: 1, 546], в церковнославянском же языке подобных примеров множество: **дряхлый** ‘печальный’ (*Князь же Глѣбъ Рязанский дряхль и стъованъ бяше со всѣмъ воинствомъ своимъ. Летописный сборник, именуемый Патриаршиєю или Никоновской летописью, 1526—1530 г.*) [СлРЯ XI—XVII]; **дряхлование** ‘печаль, скорбь’ (*И бяше тогда видѣти въ градѣ плачь и рыдание и трепеть, и дряхлование, и срамъ, и посмѣхъ отъ поганыхъ христианомъ. Летопись по Воскресенскому списку, XVI в.*) [Там же]; **дряхльствовати** ‘печалиться, скорбеть’ (*Дряхльствуемъ зѣло, просяще очима источникъ слезъ. Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому, XVI в.*) [Там же]; а также **дряхловати** ‘печалиться, скорбеть’ и ‘слабеть’, **дряхлостъ** ‘печаль’ и ‘слабость’ и **дряхльство** ‘печаль, скорбь’ [Там же]. Предполагаемое родство равно допускает первичность как душевного, так и физического состояния: лит. **druñstī**, **drumščiiū** ‘мутить, перемешивать’, **drumzlūs** ‘мутный’ [ЭССЯ: 5, 113].

Муки душевные и телесные обозначает глагол **застрадать**: ‘страдая, измучиться, истомиться’ (*По тебе я застрадавиш Нигде места не найду*, пск.) и ‘заболеть’ (*Застрадал Вольга Всеславьевич, Не доехал Вольга до Ореховца*, онеж., олон.) [СРНГ]. Родство и первичная семантика неясны [Фасмер 1996: 3, 770].

И в этимологическом гнезде **лих-** совмещается семантика физического и психического состояния, причем ни та, ни другая, вероятно, не является первичной [Фасмер 1996; ЭССЯ: 15, 89—91], ср. **залиховать** ‘ощутить тошноту, недомогание’, сиб., камч. и ‘начать беспокоиться о ком-либо’ (*Чтобы об рабе [Миките] затосковал, залиховал [заговор], забайк.*) [СРНГ].

Славянские ***tǫžiti**, ***tǫga** этимологически связаны с глаголом ***tegnōti** [Фасмер 1996], так что исходным является значение физического состояния. Но на уровне отдельных славянских языков очевидно параллельное развитие значений болезненного состояния и тяжелых душевных переживаний (укр., блр. **туга**, др.-русс. **туга** ‘нажим, мука, печаль, беда’, болг.

тъга ‘тоска, печаль’, сербохорв. *туга* ‘скорбь, беда’, словен. *tóga* ‘леность, уныние, тоска’, чеш. *touha* ‘тоска’, словц. *túha* — то же, польск. *tega*, в.-луж. *tuha* ‘духота, зной; подавленность, упадок духа’) [Фасмер 1996].

В новгородском диалекте *тужить* означает ‘болеть’: *Моя племянница, коя умерла, ничем не тужила, а теперь все ногам тужат*; *У соседки младенец затужил* [НОС]. А в Подмосковье зафиксировано выражение *головой тужить* ‘иметь частые головные боли’: *Сын в апреле помир адначаснь, гълавоу тужыл з гот* [Иванова 1969].

Совмещение значений ‘болезни’ и ‘душевного страдания’ представлено также при неясности исходной семантики в гнезде *змыр-*: *змыра* ‘человек, находящийся в болезненном состоянии или в дурном расположении духа’, валд., новг., пенз. (*Гмыра с ним и на работу не вышел.*, пенз.; *змырить* ‘быть в болезненном состоянии или не в духе’, новг., пенз.) [СРНГ]. Вероятно, связано с **gmuriti*, а также, далее, с **xmur-*, **xmur-*, **smur-* (лексика со значениями ‘смотреть определенным образом, хмуриться, быть в дурном расположении духа’ и т. п.) [ЭССЯ: 6, 164].

Существенным представляется сам факт параллельного развития значений болезни и тяжелого душевного переживания при исходной семантике физического воздействия.

Строго говоря, к приведенной группе, иллюстрирующей возможность параллельного развития значений ‘болезни’ и ‘тяжелого душевного переживания’ на базе первичной семантики физического воздействия, должны быть присоединены также *горе* и *печаль* с их производными. Разумеется, в основе мотиваций слов *горе* и *печаль* лежит физическое ощущение (производность, соответственно, от *гореть* и *печь*). Так что речь первично идет о физическом страдании, а обозначение психологического состояния вторично. Следы первичной семантики обнаруживаются в древних текстах: *Жена, егда раждаеть, печаль имаать, яко приде година ея; егда же родить отроча, кътому не польнить печали за радость, яко родися члѣовѣкъ въ миръ*. Остромирово евангелие, 1057 г. [СлРЯ XI—XVII]. *Огорчевати* значило и ‘огорчать’, и ‘истязать (плоть)’ (*Огорчеваль еси плоть свою бдѣнши*. Житие Антония Сийского, XVII в.) [Там же]. Как обозначение физической несостоятельности — ‘немогущий’ — толкуется диалектное новгородское прилагательное *горѣвый*: *Ходильщица-то я горѣвая. Я б вас свела в Машиково насчет глажов* [НОС]. При этом в русском литературном языке, в диалектах и в других славянских языках слово *горе* имеет, по преимуществу, значение ‘душевное страдание’.

Для этимологического гнезда слав. **тъska* (рус. *тоска*) признается генетическая связь с *моуций* [Фасмер 1996], так что, очевидно, первичным было значение *физической* характеристики. Однако соответствия в славянских языках свидетельствуют о том, что праславянское **тъska* также обозначало, по преимуществу, тяжелое *эмоциональное* состояние: укр. *тоскно* ‘тоскливо’, блр. *тоскніць* ‘тосковать, печалиться’, чеш. *teskný* ‘боязливый’, *tesklivý* ‘пугливый, тоскливый’. Вместе с тем множество пред-

ставленных в русских говорах слов с корнем *тоск-* развивают значение ‘неприятные, болезненные физические ощущения’: *У его рука тоскует, и заболела ночью, знамо, что ему приключился ночной опор (опор — ‘боль в руке или ноге’) [СРНГ]; В чулках у меня ... ноги тоскуют, тосковались у меня ноги, не могу обувши ходить, ряз. [Там же]. Потоснуть — ‘испытать боль, помучиться долгое время’ (Ой, тут я потоснула местом лежала два месяца! мурман.) при потоснуться ‘соскучиться, затосковать’, Карельская АССР [Там же]. Протосковать — ‘настрадаться, промучиться, испытывая сильную боль’ (Да я до десяти часов утра да всю ноченьку на полу протосковала, пролежала. Вот так бьюсь, бьюсь, ой тоска, да ой тоска! мурман.) [Там же]. Растосковаться ‘начать болеть, разболеться (о ногах, руках и т. п.)’ (У меня растосковались так ноги, одну оставила в носке, одну так. Тоскливая болезнь, растоскуется, не знаешь, куды попать., ряз.) [Там же]. Также скливо ‘тоскливо, скучно’ (Одной-то Машеньке скливо, пойдет в лес она, да ревет, арханг.) и ‘тошно, дурно (от неприятного ощущения в желудке, сердечного приступа и т. п.)’ (Скливо ему, блевать хочет, винтит его, арханг.); арханг. скливой ‘тоскливый’ и ‘вызывающий рвоту, тошноту, отвращение’ [Там же]. Ср. также литературное *тошнить*.*

Этимологическая связь с **kręk-* / **krōk-* (др.-инд. *krūñcati* ‘изгибается’, лтш. *kruðka, kruñka* ‘складка’ [ЭССЯ: 13, 21—22]) обнаруживает и для *кручина* первичность семантики физического искривления (‘спазм’ — [Там же]) с возможностью параллельного развития семантики ‘болезнь’ и ‘душевное переживание’. Ср. сербохорв. стар. *krućina* ‘cholera, bilis, желчь, гнев’, древнерусское *кручина* ‘болезнь’ (*кручина же съсадеться от излишняго пития и ъдения и спания*. Сборник, XIV [СДРЯ]) и образованное от него прилагательное *кручинный* ‘болезненный’ (*акя же недугъ когда бляше. или огнюю жьжэниеш. или теплота кручиньяна*. Киево-Печерский патерик [Там же]). Отнесем сюда и *бескручинный* ‘неомраченный (тяготами, болезнями)’: *И вашему пресвѣтлѣйшему бескручинному здравью и во всемъ счастья жадаемъ*. Памятники дипломатических сношений с Римскою империею, 1576 г. [СЛРЯ XI—XVII]. Семантика переживания широко представлена в древнерусском языке, современном русском и диалектах.

Русское *жутко* возводится к и.-е. **ǵheud-* со значением ‘физического истребления’ (родственно лит. *žavinti* ‘губить’, *žudyti, žudai* ‘умерщвляю’, *žūti* ‘гибнуть’, лтш. *zūdu, zust* ‘исчезать’, *zūdēt* ‘терять, пустить прахом’, *zūidīt* ‘губить’, англос. *gietan* ‘убивать’) [Фасмер 1996]. К этому источнику, очевидно, семантически близки в русском языке *жу́да* ‘ужас, бедствие’ [Там же] и вологодское *жутко* — ‘неприятно’, ‘больно’: *Где жутко, там и почесулька* [СРНГ]. Но ср. литературное *жутко* — ‘страшно’ [ССРЛЯ] (значение психического состояния).

Исходное физическое значение может предполагаться также для глагола *тревожить*: хотя случай считается этимологически трудным [Фасмер 1996], все-таки реальной представляется исходная связь с гнездом прасла-

вянского **truti* [Brückner 1927: 578, 684; Варбот 1998: 225—226]. Как след этой связи толкуется, например, карельское *растревожить* ‘разрыхлить’: *Скорей его <корешок растения> освободила с сумки да землю растревожила* [СРНГ]. В тамбовских говорах *растревожиться* ‘заболеть, разболеться’ [СРНГ]; в псковских и тверских *потривожиться* — ‘надорваться (при поднятии тяжести)’ [Там же]. При этом в большинстве славянских языков лексемы, соответствующие русскому *тревога*, обозначают, как и в русском языке, душевное состояние (укр. *тривога*, блр. *трывога*, польск. *trwoga*) [Черных 2001: 2, 259].

В отличие от приведенных выше преобладающих случаев исконности первичной семантики физического нарушения, славянское *обида*, по преобладающему этимологическому толкованию, восходит к **obvida* (от **obviděti*), предполагающему изначальную мотивацию по признаку пренебрежения, лишения внимания, то есть, вероятно, первичную семантику душевного переживания, страдания. При этом, однако, древнейшие славянские памятники свидетельствуют как будто о раннем развитии семантики ‘нанесение физического поражения или ущерба; материальное притеснение, ущемление прав; вражда, ссора; насилие; оскорбление, унижение, бесчестие и т. п. — то есть собственно несправедливое *деяние*’, в то время как семантика душевного переживания развивается относительно поздно’ [Молдован 2007]. В соответствии с русским литературным, существительное *обида* в говорах имеет значения ‘грусть, тоска’ (*Обида седня взяла, пошла на кладбище к мужу, к дочери*), в то же время отмечено значение ‘болезнь’ (*С большой-то обидой в Покровку, в Каменско отправляют*) [СРНГ]. У производных от него диалектных глаголов *изобижать*, *обидить* зафиксировано значение ‘наносить телесные повреждения, причинять боль’: *Медвежонок побольше-то стал, стал щенков-то обидить, тяпне лапой, те и запищат*, арханг.; *...а она сама себя изобидела: рожу ободрала*, арханг. [Там же]. Ср. также выражение *сячь обижает* ‘о болезненном мочеиспускании’ (*Люблю бы, свахенька, чай пить с сахариком, дак уж больно сячь обижает*, костром.) [Там же]. Ср. в других славянских языках: ст.-слав. *обида* ‘обида, ссора, вражда’ [Черных 2001: 1, 585], болг. *обида* ‘обида’ [Чукалов 1981].

Случай семантического развития праславянского **obvida* обнаруживает возможность «спирального», возобновляющегося появления значений физического и душевного страдания: **obvida* (‘пренебрежение, недостаток внимания’) → др.-русск., ц.-слав. *обида* (‘притеснение, нанесение ущерба’) → совр. рус. *обида* (‘огорчение, причинение огорчения’). Ср. близкий к этому случай: *гореть* (физическое воздействие) → *горе* (душевное страдание) → *горёвый* (физическая немощь).

Очевидно, отмеченная закономерность совмещения и даже параллельного развития, спирального возобновления и параллелизма семантики болезни и тяжелого душевного состояния обусловили возможность развития непосредственной производности одного из этих значений от другого.

Развитие в направлении ‘болезнь’ → ‘тяжелое душевное состояние’ ярче всего иллюстрируется гнездом *болеть / болезнь*. При общеславянском значении физического страдания в русских говорах широко представлены значения душевного переживания: яросл. *поболеть* — ‘пожалеть’ (*Поболей ты его*) [СРНГ]; твер. *болесть* — ‘сожаление, соболезнование’, *болезнушка* — ‘душевное страдание, забота’ (*Все болезнушка по сыне вытянула из меня душу*, симб.) [Там же]; твер. *болена* ‘сострадательная, соболезнующая женщина’ [Там же]; *болезный, болезненный, болекткий* — ‘вызывающий жалость, сострадание’ (*Коров было двадцать, а теперь одна болезная*, том.) [Там же]. Ср. похожее развитие у *скорбить* в значении ‘заботиться’ (*У меня робята со мной, я до сих пор за емя скорблю*, свердл.) [Там же].

Можно вспомнить также *соболезновать* ‘сочувствовать несчастью, страданиям кого-либо’, *болеть* за кого-либо: «Видно было, что в воображении ее [Татьяны] еще слишком ярко стоял образ матери, которая так горько болела о предстоящей жизни своей дочери в Москве и давала деревенские советы насчет того, как остерегаться». Гл. Успенский, «Столичная беднота» [ССРЛЯ].

Интересно отметить, что семантика ‘болезнь’ является мотивирующей для обозначения не только сострадания, жалости по отношению к милому, любимому человеку, но и для других тяжелых эмоций — раздражения, досады: вят. *болестной* ‘назойливый, навязчивый’ (*Ой, болестной, отстань!*) [СРНГ].

Семантическое развитие в обратном направлении — ‘неприятные эмоции’ → ‘болезнь’ — представлено, кажется, в гнезде *хмур-*. Русское диалектное *бахмур* в значении ‘тошнота, головокружение’ Фасмер считает производным от *хмура* ‘темнота, туча’, так что болезненное состояние определяется душевным состоянием (по Фасмеру, *бахмур* — ‘что за темнота’) [Фасмер 1996]. Ср. *бахмуриться* ‘становиться печальным, сердитым’ (*Что ты болно бахмуришься? Али нездоровится?* костром.) [СРНГ] и *бахмурка* ‘болезненное состояние, недомогание’, новг. [Там же].

В имеющихся в нашем распоряжении материалах мы не обнаружили случаев развития семантики ‘здоровье’ и ‘положительные эмоции’ на базе единой исходной семантики физической целостности (что было бы симметрично отмеченной выше ситуации формирования семантики болезни и тяжелых душевных состояний на основе семантики физического воздействия, нарушения). Однако представлены случаи развития значений ‘здоровье’ и ‘положительные эмоции’ одного на базе другого.

Свидетельством семантического развития ‘здоровье’ → ‘положительные эмоции’ является этимология славянского прилагательного *весёлый*: оно родственно латышскому *vesēls* ‘здоровый, целый, невредимый’ [Фасмер 1996], причем именно это значение является исторически первичным и для славянского *весёлый*.

Следы этого первичного значения сохранялись в древнерусском языке — здоровое, цветущее тело будто бы *веселится*:

Тѣлеса убо подобьно вештьскыя приемлюшта пишта, растутъ же и веселятся до повелѣния таковыми въздратъми мѣры и лѣта. Ефр. Корм., XII в. [СлРЯ XI—XVII]. Следует отметить, что глагол **веселиться** использован для перевода греческого **βάλλει** ‘распускаться, расцветать, быть изобильным, процветать, крепнуть, усиливаться’, то есть значение физического благополучия и расцвета было присуще славянскому глаголу **веселиться**.

О. Н. Трубочёв отметил чрезвычайное тонкое понимание значения русского **веселый** Л. Н. Толстым. Речь идет о следующем контексте, приведенным Трубочёвым: «...*Степан Аркадьич, ... чувствуя себя чистым, душистым, здоровым и физически веселым, ... вышел ... в столовую*» [Трубочев 2004]. Это употребление у Толстого не единично, ср. также в романе «Анна Каренина»: «...*здоровая веселая фигура полкового командира...*»

Своего рода антитезой сказанному, на первый взгляд, является обнаруженный в донских говорах глагол **свеселиться** ‘заболеть бешенством’ (*А энта собака-та и свеселилась, збесилась значит*) [СРНГ]. Представляется, однако, что речь в данном случае идет об оценке поведения большого животного (верчение на месте, ловля хвоста), которое поверхностно может толковаться как следствие радостного настроения, так что речь идет не о физическом заболевании, а о внешних признаках заболевания психического.

Как возможное свидетельство реальности обратного направления развития можно рассматривать обозначение болезни через выход из радостного состояния: диал. **израда** (где приставка **из-** означает выход из состояния, в данном случае, радостного = здорового) имеет значение ‘увечье, истязанье’: *Он не знает еще такой израды*, южн.-сиб. [Там же].

К рассмотренной связи значений ‘болезнь’ и ‘тяжелое душевное состояние’ примыкает (возможно, и зависит от нее) связь обозначений болезни и звуковых реакций на нее.

Прежде всего, это обнаруживается в связи значений ‘болеть’ и ‘жаловаться’, ‘плакать’.

И здесь, очевидно, есть случаи, затруднительные для определения направления семантического развития. Таково гнездо славянского **жаль**. По данным словаря М. Фасмера, и.-е. источник этого гнезда связан с семантикой физического страдания: лит. **gėlù** ‘жесточкая боль, мучение, мука’, **gėlti** ‘болеть, жалить’, д.-в.-н. **quàla** ‘мука’, арм. **ket** ‘нарыв’, — в то время как в славянских языках преобладает обозначение тяжелых переживаний: болг. **жал** ‘горе, скорбь’, сербохорв. **жа̀о** ‘жаль, жалко’, словен. **žal**, чеш. **žal** ‘скорбь, печаль, горе’, словц. **žial**, польск. **żal**, в.-луж. **žel**, н.-луж. **žal** ‘печаль’. [Фасмер 1996]. В современном русском языке производное **жаловаться** предполагает синкретическое обозначение болезненного состояния и звуковой реакции на него. В текстах XVIII в. и диалектах ярче проявляется составляющая болезненного состояния: *Он уже давно жаловался ногами, но в сие время чувствовал и во всем себѣ слабость.* Записки А. Т. Болотова. [СРЯ XVIII]; диал. *С молодых лет все грудью жалится,*

болен, новг., волог., яросл., моск. [СРНГ] и даже *Жалится кобыла ногою: верно, порато болит*, арханг. [Там же].

Самым ярким примером развития значения от звуковой реакции (на боль) к боли является употребление глагола *кричать* и *крычать*: ‘кричать, громко говорить’, ‘плакать, рыдать’ и ‘болеть чем-либо’, вят. (ср. ряз. *Ребенок животом кричит*, т. е. у него болит живот — так в источнике!) [Там же]. Особенно следует отметить, что глагол управляет творительным падежом существительного, которое обозначает страдающую часть тела.

Не менее показателен пример с глаголом *расстонаться* ‘начать сильно болеть, разболеться’: *Спина-то болит с пива, вся расстоналась*, арханг. [Там же]. Ср. также: *стонота* ‘о больном ребенке’ (*Заболел ваш стонота что ли, что это он ноет и ноет. Покачай стоноту, а то заревет, опять уж тяжело дышит*, хакас., краснояр.) [Там же]; *пристонуться* ‘изболеться, исстрадаться, не прекращая стонать’ (*Вся пристонулась* [от боли], арханг.) [Там же]. Первичность звуковой семантики следует из и.-е. соответствий: греч. *στόνος* ‘стенание’, др.-инд. **stanas* в *abhiṣtanas* ‘гул’, ирл. *son* ‘звук’ [Фасмер 1996].

Глагол *гудеть* с первичной семантикой звукообозначения (ср. лит. *gaudžiù, gaidisti* ‘звучать, гудеть’, *gaudonė* ‘овод’, лтш. *gāudas* ‘плач, жалоба’) [Там же] в русском языке может быть обозначением болезненного состояния: *взгудеться* ‘начать сильно ныть, ломить (о костях, частях человеческого тела)’ (*Прошла еще версту, ноги взгуделись, больше не могу идти*, тул., курск.) [СРНГ]; ср. также *гудом гудеть* ‘ныть, болеть (о руках, ногах и т. п.)’ (*Ноги гудят гудом, все село обошел*, урал.) [Там же].

Совершенно отлично от представленного в литературном языке значение диалектного *скучать* — ‘болеть’: *Летом скучаю(т) ноги, летнишкой водичкой намою и сплю. Скучаю(т) ноги в резиновых-то (сапогах)* [НОС]; *Он что-то заскучал сегодня — не придет*, урал. [СРНГ]. Ср. также олонек. *в грудях скучно* ‘грудь болит, ноет в груди’ [Там же], *прискучаться* (безл.) ‘занездоровиться, «занедужиться»’: *Однажды прискучалось, дак и некому было придти — ни одново федшера не было* [СРГСУ]. Согласно Этимологическому словарю М. Фасмера, существительное *скука* неотделимо от *-кукать*, что значит ‘подавать голос, ворчать, роптать’, с.-в.-р., ю.-в.-р. (Даль), укр. *кукотати* ‘гадеть, кудахтать’, сербохорв. *кјукати* ‘стенать’, словен. *kúkatì* ‘печалиться’, чеш. *kukati* ‘куковать’, др.-польск. *kukać* ‘вопить’. Родственно лит. *kaikti, kaukiù* ‘выть (о человеке, животных)’, лтш. *kāukt, kaisu* ‘выть, кричать’ [Фасмер 1996]. Подобные значения глагола *скучать* отмечены и в русских говорах: ‘жаловаться на нездоровье, бедность’ (ростов., яросл., костром.), ‘горевать, плакать’ (*Государь и.. приказывает [кузнецу]..: дам я тебе двадцать яиц вороньих и чтобы с етых яиц вышли цыпляты! Несет кузнец эти яйца и скучает.. Разве можно это сделать, что мне государь приказал*, смол.) [СРНГ].

Глагол *квелиить* признается праславянским производным звукоподражательного происхождения, что подтверждается соответствиями в славян-

ских языках: болг. диал. *цвѣлим* ‘плакать’, сербохорв. *cvijeliti* ‘горевать, плакать’, словен. *sméliti* ‘скулить, плакать (негромко)’, ст.-чеш. *kvieliti* ‘жаловаться, плакать’, ст.-польск. *kwielić* ‘плакать, горевать; раздражать’, др.-русск. *квелити* ‘доводить до слез’ [ЭССЯ: 13, 159]. В русских говорах, наряду с обозначением звуковых реакций (*квелить* ‘дразнить, обижать’ и ‘хныкать, плакать, капризничать (о ребёнке)’ (*Ребенок квелит*. Даль [СРНГ]), представлена семантика болезни: *квелеть* ‘слабеть, становиться хилым, больным’ (*Как заболеешь — квелеешь, квелеешь... Вот какая я квелая-то!* ряз. [Там же]), а также *квѣлый* (разговорный вариант *кволый*) ‘слабый, хилый, вялый’, *квилый*, *квилкий*, *кволый*, *кволенький* ‘слабый, хилый’, ‘болезненный [о нарыве]’ [Там же]. Ср. также *приквельный* ‘хилый, слабый’, ряз.

Ряд подобных примеров можно продолжать, хотя иногда трудно отделить семантику боли от звуковой реакции на нее.

Кыркать ‘кряхтеть, стонать’, при родстве со словен. *kfkati* ‘пищать’, сербохорв. *кѣкнути* ‘пикнуть’, чеш. *krkati* ‘рыгать, хрипеть’, признается генетически звукоподражанием [Фасмер 1996], но ср. обозначения болезненных состояний: арханг. *Уж он давно кыркает, а все жив* (также пск., твер.) [СРНГ]; пск. *кырша* ‘человек, которому нездоровится, который недомогает, прихварывает’ [Там же].

Явно звукоподражательное по происхождению *расквоктаться* (укр. *квокати*, *квоктати*, *квочити*, сербохорв. *квѣцати*, *квѣчѣм* ‘квохтать’, словен. *kvŕkati*, чеш. *kvokati*, словц. *kvokat’*, польск. *kwokać*) [Фасмер 1996] зафиксировано со значением ‘разохаться, расстонаться (от недомогания)’ (*Совсем старая расквохталась — недомогае*, зап. брян.), ср. еще *раскломтаться* ‘разохаться, расхвораться’ (*Что-то я раскломталась*, влад.) [СРНГ].

Звукоподражательным по происхождению является также *ханькать* [Фасмер 1996], для которого зафиксированы значения ‘плакать, хныкать’ (*У соседа ребенок чей-то ханькает*) и ‘болеть, страдать от недуга’ (*Она руками ханькат, руки болят*) [СРНГ].

Вероятно, к этой группе можно присоединить и диал. *ругаться* ‘становиться больным, заболевать’ вят. [СРНГ] при *изругаться* ‘изругать, оскорбить кого-либо’ (*Надо мной она в понедельник изругалась*, том.) и ‘заболеть’, перм. [Там же]. Правда, отсутствие контекстов затрудняет уточнение семантического развития.

Иногда мотивирующим значением для ‘болеть’ является не собственно ‘плакать’, ‘стонать’, а — шире — вообще ‘издавать какие-либо неприятные звуки, напоминающие плач’ (скрипеть, пищать и т. п.). Впрочем, в отношении многих приводимых ниже лексем трудно доказать собственно обозначение болезненных состояний.

Скрипать (скрыпать) ‘скрипеть, издавать скрип’ (*скрипают ворота*, смол.), ‘плакать, стонать (о больных детях)’, пск., твер., осташк. и ‘быть еле живым от болезней, дряхлости’, пск., твер., осташк., *скрипеть* ‘плакать, кричать (о ребенке)’, яросл. [СРНГ]. *Скрипа (скрыпа)*, *скрипун*

(*скрыпун*), *скрипуля*, *скрипулица* (*скрыпулица*), *скрипуша* (*скрыпуша*) ‘болезненный, хилый, плаксивый ребенок’ («*Кто скрыпает, особенно, хилый, пискливый ребенок*». Даль) [СРНГ].

Рипеть, для которого признается звукоподражательное происхождение (ср. *рип, рип, рип!* — звукоподражание) [Фасмер 1996], зафиксировано по говорам в значениях ‘скрипеть’ (*Дверь рипит и рипит*, дон.), ‘говорить слабым, скрипучим голосом’ (*Она скоро умрет, не говорит, а чуть рипит*, смол.) и ‘быть чуть живым’, смол. [СРНГ]; *репитеть* ‘немного болеть, ныть, покалывать (о сердце)’ (*Счас на сердце че то нехорошо, репитит, плохо будет*, амур.) [Там же].

Звукоподражательное происхождение можно предполагать также и для *скырлыкать* ‘скрести, царапать по какой-либо поверхности чем-либо острым; производить шум, издавать какие-либо звуки’ (*Дверь скрипит, скырлыкает.*, р. Урал.), ‘скрежетать, скрипеть (зубами)’, казан., Ср. Урал. [Там же], которое известно также в значении ‘быть нездоровым, болеть’, волог. [Там же], ср. также *скырлычить* ‘скрежетать, скрипеть (зубами)’, волог. [Там же].

При звукоподражательном глаголе *пищать* зафиксированы производные *пискун* ‘комар’, киров., пск., ‘овод’, пск., ‘сверчок’, арханг., ‘цыпленок’, Киргиз. ССР и ‘плаксивый маленький ребенок’, твер., новг., арханг., ворон., р. Урал. ‘слабый болезненный ребенок’, ворон. [Там же], *пищальный* ‘хилый, болезненный’ (*Сейчас народ какой-то пищальный, больной*, камч.) [Там же].

При описанном развитии значения от ‘жалоба’ (в ее звуковом выражении) к обозначению болезненного состояния, возможно противоположное направление развития, а именно ‘болезнь’ → ‘жалоба, плач’.

Во владимирских говорах глагол *недужиться* имеет значение ‘плакать без причины [о детях]’ [Там же], а в ярославских плаксивого ребёнка могут назвать *недужным* [Там же].

Корёжиться ‘корчиться от боли или судорог’ (*Девочка моя корёжится — лежит, не лежит, а корежится*, смол., ворон., курск., том.), ‘корчиться в предсмертных муках’, смол. и ‘издавать стоны’, тобол., ‘капризничать’, пск., осташк., твер. (*Досыть (довольно) тебе корежится*, смол.) [Там же].

Истометь ‘почувствовать утомление, слабость, тяжесть; истомиться’ (*На легкий воздух вышли — истомели*, моск.) и *истомышный* ‘томящийся от чего-либо; постоянно ноющий’ («О детях больных и беспокойных говорят: — *Вишь он какой истомышный*», нижегор.) [Там же].

Киловатый ‘имеющий килу, киластый’, *килье* ‘сырые, дряхлые, медлительные люди’ (*Такого килья я не видывал. Что можно сделать в час, а они килятся часа три*, пск., твер.) и *килеть* ‘ныть, капризничать’, онеж. [Там же]; *килой* называют ‘надоедливому, ворчливому человеку’ (*Не килиты, вот кила настоящая*, свердл.) [Там же].

В диалектах представлено множество слов со значением боли, болезни, которые восходят к праслав. **nyti* > рус. *ныть, ною* (о первичности семантики физического страдания свидетельствуют родственные **naviti, *navь*): *ноета* ‘ноющая боль’ (*Не в косы ломоты, не в суставах ноеты*, онеж.), *ной* ‘ноющая боль’ (*Беленное семя при зубном ное*, енис.), *изныва* ‘болезнь, при которой человек быстро слабеет, чахнет’, олон., *нытуха* ‘расстройство желудка’, твер. [СРНГ], *ноять, ныить* (*Нояла рука, якут.*; *Во мне сердце ныит, смол.*) [Там же], а также выражение *нытьём ныть* — об ощущении тупой, тягучей боли (*Топеря руки-те нытьём ноют*, арханг.) [Там же]. Ср., однако, соединение в семантике литературного *ныть* значений ‘болеть’ и ‘надоедливо жаловаться’.

Об органической связи рассматриваемой модели ‘болезнь’ → ‘плач, жалоба’ с описанной выше моделью синкретического развития семантики ‘болезнь’ и ‘тяжелое душевное состояние’ на базе первичной семантики физического ущерба свидетельствуют образования этимологического гнезда *ском-* / *щем-*. Значение глагола **ščemiti* (укр. *щемити* ‘зажимать’, *ощемити* ‘больно прижать, прищемить’, блр. *щеміць* — то же, словен. *ščeměti* ‘причинять жгучую боль’, др.-польск. *szczmić*, итер. *szczmiać* ‘жать, сжимать’, ср. *щомы* мн. ‘щипцы’) [Фасмер 1996] обнаруживает первичность семантики физического ущерба, из которой развиваются значения болезненного состояния и тяжелого переживания, что проявляется в производных с корнем *ском-*, развивающих далее семантику жалобы: *скомить* ‘тихо плакать, стонать, вздыхать’, новг., волог., ‘тосковать, скучать, переживать’, волог. и ‘страдать от болезни, недомогать’ (*Он что-то скомит левой рукой*, север.; *Что-то рука скомит* — *уж не ревматизм ли?* яросл.), *скомлеть, скомлить, скомлять, скомнеть, скомнуть, заскомнуть, поскомлеть* — ‘скорбеть, жалуясь на свою судьбу’ и ‘страдать от болезни, недомогать’ (*Не ест не пьет, все скомлит*, волог.; *Поскомлеет, поскомлеет немного да и богу душу отдаст*, р. Урал) [СРНГ]; *скомление, скомль, скомля* — ‘боль в какой-либо части тела, недомогание, болезнь’ и ‘скорбь, грусть, тоска’ (симб., вост.), *скомота* — ‘боль в какой-либо части тела’ (*У меня и скомота угомонила, лучше стало и не скомнет*, арханг.) [Там же].

Итак, антонимичные лексико-семантические поля ‘здоровье’ и ‘болезнь’ оказываются связанными в значительной степени антонимичными же семантическими моделями, что обосновывает правомерность рассмотрения их в качестве частей единого лексико-семантического поля.

В ЛСП ‘здоровье’ и ‘болезнь’ обнаруживается частичная симметрия мотивационных моделей в отношении связи их, соответственно, с полями ‘положительные эмоции’ / ‘тяжелое душевное состояние’. Однако эта симметрия неполная: в частности, только для семантической связи ‘болезнь’ и ‘тяжелое душевное состояние’ обнаруживается возможность параллельного развития из единой исходной семантики (семантика физического ущерба). Семантическая связь ‘болезнь’ / ‘тяжелое душевное состояние’ обнаруживает далее развитие в направлении ‘жалоба, плач’.

Отметим, что названия болезни и тяжелых переживаний представлены гораздо обширнее, чем названия здорового состояния / положительных эмоций, что является отражением хорошо известной семантической универсалии.

Особенно примечательно наличие внутри рассмотренных моделей случаев обратимости направления семантического изменения. Как видно из приведенного материала, обратимость семантических изменений лежит, в основном, в сфере **метонимии** — налицо смежность причины и следствия (хорошее самочувствие → хорошее настроение, болезнь → дурное настроение, болезнь → жалобы, плач). Это соответствует высказанным ранее наблюдениям о характерности явлений обратимости для метонимических переносов: «Большая ... часть случаев обратимости направления семантических изменений / переносов названий ... может быть истолкована как метонимия» [Варбот 2009: 364].

Присутствие в языке разнонаправленных изменений значений свидетельствует об устойчивости связи этих представлений в языковом сознании народа.

Литература

Варбот 1998 — Ж. Ж. В а р б о т. О погневовой ориентации при реконструкции и этимологизации праславянского лексического фонда // *Prasłowiańszczyzna i jej gozpad*. Варшава, 1998.

Варбот 2009 — Ж. Ж. В а р б о т. К проблеме обратимости направления семантических изменений / *Studia etymologica Brunensia*. 6. Прага, 2009.

Иванова 1969 — А. Ф. И в а н о в а. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

Козлова 2009 — М. С. К о з л о в а. Глагольные метафоры боли в русском языке // Концепт *боль* в типологическом освещении (коллективная монография). Киев, 2009.

Молдован 2007 — А. М. М о л д о в а н. Семантическая эволюция *обиды* в современном русском языке // *Язык как материя смысла*. Сб. статей к 90-летию академика Н. Ю. Шведовой. М., 2007. С. 263—272.

НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992—2000.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1988—2004.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII веков. М., 1975 — 2008.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 5 (С—П). 2002.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала / Ред. П. А. Вовчок и др. Свердловск, 1964—1985.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л., 1966—2006.

СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. / Ред. Ю. С. Сорокин и др. Л.; СПб, 1984—2007.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М., 1950—1965.

Толстая 2008 — С. М. Т о л с т а я. Семантическая реконструкция и проблема многозначности праславянского слова // *Славянское языкознание*. XIV Междуна-

родный съезд славистов. Охрид, 10—16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008.

Трубачев 2004 — О. Н. Т р у б а ч ё в. Приёмы семантической реконструкции // Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004.

Фасмер 1996 — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополн. О. Н. Трубачева. Т. I—IV. М., 1996.

Черных 2001 — П. Я. Ч е р н ы х. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1—2. М., 2001.

Чукалов 1981 — С. К. Ч у к а л о в. Русско-болгарский словарь. М., 1981.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974—2007.

Brückner 1927 — A. B r ü c k n e r. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.

S. A. MELNIKOVA

HEALTH / ILLNESS ~ HAPPINESS / SADNESS
(ON TRENDS OF SEMANTIC DEVELOPMENT)

The article analyzes one of the motivation models of the lexical-semantic field «strength, health / weakness, illness», according to which health is associated with happiness / joy, and illness correlates with sadness / grief. The article focuses on semantic developments: alongside the cases where the meanings of mental and physical states develop in parallel, other cases are discussed where one of the meanings is derived from the other.

Keywords: lexical-semantic field, motivation model, trends of semantic development.

А. М. МОЛДОВАН

К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *МЕНТ*

В наиболее ранних из известных нам записей русских воровских, тюремных и т. п. жаргонов, относящихся к периоду с середины XIX до начала XX в.¹, слово *мент* отсутствует. Впервые оно упоминается в «Блатной музыке» В. Ф. Трахтенберга (1908):

Борзой. Агент сысской полиции. Лица, имеющие отношение к сысской полиции, пользуются еще кличкою «лягавых», «сук» и «ментов». Неопытного молодого сыщика, которого легко провести, называют также «кадетом» [Трахтенберг 1908: 9—10].

В это же время создавался «Словарь воровского языка» В. Лебедева, в котором слово *мент* указано со значением ‘сыщик’ [Лебедев 1909]. В этом же значении оно зафиксировано и в «Словаре воровского и арестантского языка» В. М. Попова [Попов 1912]. В дальнейшем слово *мент* встречается в качестве жаргонного обозначения различного рода соглядатаев и надсмотрщиков почти во всех подобных словарях, создававшихся в качестве пособий для практических нужд работниками российских правоохранительных органов².

В художественных текстах это слово впервые встречается, по данным Национального корпуса русского языка, в повести Василия Андреева «Волки» (1925). Об относительной новизне для читателей этого слова свидетельствуют используемые автором кавычки:

Забегали по коридору «менты», гася по камерам огни ⟨...⟩ Тот, солдат с винтовкою, с болтающимися на плечах лентами с патронами — не тюремный страж, не «мент», а солдат с воли ⟨...⟩ [Андреев 1925: 64].

¹ См.: [Даль 1990; Путилин 1904; Максимов 1891; Смирнов 1899; Брейтман 1901; Бец 1903; Досталь 1904] и др.

² Мент — городской, тюремный надзиратель [Арестантский словарь 1913]; Мент, ментяра, ментяга — надзиратель [Фабричный 1923]; Мент — сыщик, милиционер [Блатная музыка 1923]; Мельтон, мент — милиционер [Хандзинский 1926]; Мент — милиционер, тюремный надзиратель. Слам на мента — взятка агенту [Потапов 1927]; Менд — тюремный надзиратель [Виноградов 1927]; Мент (рл. менты) — милиционер. Ментух — то же [Миртов 1929]; Вертухай, мент, милок, метелка, мильтон, пацка, петух, соловей, филин — милиционер, тюремный надзиратель [Жарг. прест. 1952] и др.

Начиная с первых лет существования советской власти слово *мент* применялось к различным категориям советских «ответственных работников». В этом значении, как отметил Е. С. Отин [Отин 2006: 173—175], оно встречается в «Дневниках» С. А. Ефремова — украинского литературоведа, политического и культурного деятеля, академика Всеукраинской АН, которые он писал в 1923—1929 гг.:

На якомусь з'їзді «відповідальних робітників» у перерві стоїть собі купка теперішних політиків і балакає і раптом один з них запропонував погуляти, з випивачкою.

— Тс... тс... — зашипіли всі навколо... — Ти що, хлопче, збожеволів: «мент» стоїть, а ти про випивку говориш!

«Мент» — це совітський газетяр, а на блатному тюремному жаргоні — шпик, доглядач [Ефремов 1997: 401].

Применительно к советским политработникам это слово встречается и в «Осадной Записи» — блокадном дневнике, писавшемся в 1941—1948 гг. ленинградским ученым-иранистом А. Н. Болдыревым:

Какая подлость, какая гадость! Лекция прочитана часовая, пламенная и — мордой об стол. Проклятые *менты*, проклятуший Пантелей (<...> А откормленный *мент*-политрук тщательно вывел на обороте путевки в графе «Отзыв о лекции»: «задано вопросов 7 и просют еще сделать лекцию» [Болдырев 1998: 207].

По-видимому, для А. Н. Болдырева слово *мент* было общим наименованием официального представителя советской власти, в том числе, разумеется, милиционера:

А новокоммерческий, действительно, открылся, у Елисеева, вчера. Длиннейший хвост на вход. Несколько *ментов* в белых перчатках и белых же длинных (невиданных) кителях [Там же: 327].

Оставаясь специфическим элементом уголовного жаргона, слово *мент* (и многочисленные производные от него *ментовской*, *ментовка*, *ментура*, *ментяра*, *ментяга*, *ментик*³, *ментовоз*, *ментавр*, *ментозавр* и др.), как видно, было допустимо и в просторечном общении. Интересно, однако, что послевоенная художественная литература, включавшая лагерную тематику в российскую культурную жизнь, на протяжении нескольких десятилетий воздерживалась от употребления этого слова. Даже в произведениях Е. С. Гинзбург, А. И. Солженицына и В. Т. Шаламова слово *мент* не используется, хотя этим писателям оно было, вне сомнений, известно⁴.

³ Приведенное в словаре Потапова слово *ментик* — надзиратель тюрьмы [Потапов 1927], является, по-видимому, ошибочной записью деминутива *ментик*.

⁴ У В. Т. Шаламова это слово записано в дневнике в одном ряду со словами *фраер*, *понт*, *штымп*, *лыбиться*, *выкатить шары*, *урка*, *марьяна*, *фикс* и т. п. (Варлам Шаламов. Дневники (1954—1979)) [НКРЯ].

Приблизительно с 70-х годов прошлого века положение начинает меняться: падение авторитета власти и общая враждебность к ее репрессивным органам сближали носителей литературной нормы со всеми жертвами режима. В этих условиях экспрессивная лексика уголовного мира приобрела новую популярность. Слово *мент* начинает активно использоваться в разговорной речи⁵:

МЕНТ, -á, м. (пренебр.-негат.). 1. Милиционер. 2. Любой работник правоохранительных органов. *«Выражаясь жаргонным языком, я законченный мент. Даже в ЦК ВЛКСМ по работе был связан с милицией»* (г-та «Московский комсомолец»); *«В Одессе самый стойкий насморк и самый поганый мент»* (В. Высоцкий, Л. Мончинский); *«Панки любят грязь, а хиппи — цветы. / Но тех и других берут менты»* (Б. Гребенщиков) [Югановы 1997: 131].

В последние два десятилетия это слово стало употребляться особенно часто⁶. Его исходное отрицательное значение оказалось востребовано для характеристики неблагоприятной роли милиции в различных криминальных историях, что в конечном счете стилистические препятствия были устранены:

Когда *менты* (милиционерами их назвать нельзя) избивают и обворовывают в вытрезвителе совершенно трезвого, почтенного человека, когда они хватают на улице молодого парня и под предлогом проверки документов отнимают у него паспорт, а потом обчищают карманы — это что же? (Жанна Касьяненко. Плановая зачистка // Советская Россия. 2003.02.15) [НКРЯ].

Слова *мент*, *ментовка* и *ментовской* (*ментовский*) и т. п. вошли в лексикон средств массовой информации, и это дало основание для включения их не только в словари «интержаргона» или «общего жаргона» [Быков 1992: 98—99; Ермакова, Земская, Розина 1999: 102—103], но и в современные толковые словари русского языка:

МЕНТ, -а; м. (разг.-сниж.) Милиционер. < Ментовский, -ая, -ое. М-ие погоны. М-ая машина. Ментовка (см.) [БТС 1998: 533];

МЕНТ, -á, м. (прост.). То же, что милиционер || *прил.* ментовской, -ая, -ое [Шведова 2007: 439].

МЕНТ, -á, м. Тот, кому платят дань уличные музыканты. (*Музул.*) Характерно, что *менты* на их жаргоне — это не обязательно милиционеры, а все те, кому надо платить дань [Грачев 2006: 312].

В то же время современный *мент* стал героем многочисленных фильмов, телесериалов и бульварных романов. Разнообразие художественных характеров *ментов* определило развитие определенной амбивалентности в значении этого слова. Оставаясь по преимуществу инвективным, оно од-

⁵ См. в [НКРЯ] большое количество относящихся к этому времени анекдотов про ментов.

⁶ В частотном словаре, составленном на основе [НКРЯ], в выборке из 50.000 наиболее употребительных слов русского языка слово *мент* занимает 4.798-е место.

новременно может ассоциироваться с героикой неблагодарной профессии (ср. *честный*, или *настоящий*, или *хороший мент* как антипод *мента поганого*) и поэтому иногда даже самими *ментами* используется для, так сказать, самоидентификации:

— А мы будем *менты*, — спокойно сказал Гуров, доставая из кармана удостоверение (Н. Леонов, А. Макеев. Гроссмейстер сыска, 2003) [НКРЯ].

— Милиционеры к этому слову, на мой взгляд, спокойно относятся и даже между собой называют себя *ментами*. Я лично горд, что я *мент*. Среди так называемых *ментов* есть настоящие герои и профессионалы своего дела (из интервью: <http://www.vostokmedia.com/n72776.html>).

Очевидно, что в настоящее время слово *мент* утратило значительную часть своего прежнего оскорбительного накала, в отличие от *мусор* и других экспрессивных прозвищ милиционеров [Квеселевич 2003: 426; Отин 2006: 171—173; Левонтина 2010: 40—42 и др.]. В немалой степени ускорению этого процесса способствует распространение разнообразных версий происхождения слова *мент*, приписывающих ему respectable «родо-словную»⁷.

В основе одного из таких объяснений лежит, по-видимому, представление о том, что слово *мент* появилось недавно, в русле влияния английского языка на разные типы русской речи. По этой версии, слово *мент* возникло в результате усечения слова *полисмен* в *мен* с последующим добавлением *-т*, ср. *крант* [Ермакова, Земская, Розина 1999: 103]. Это объяснение не лишено остроумия, но не может быть принято, так как не учитывает материала источников и явным образом расходится с исторической реальностью [Отин 2006: 174—175].

Другое, не менее произвольное объяснение связывает слово *мент* со словом *ментор*: «Мент, ментяра, ментяга — надзиратель. (Происходит, вероятно, от слова “ментор” — воспитатель. Ведь на тюремную администрацию падает воспитание и исправление заключенных.)» [Фабричный 1923]. Интересно, что это же умозрительное толкование встречается и при объяснении слова *mentor* в польском уголовном жаргоне. Декларируемое в нем идеалистическое представление о благородной воспитательной роли служителей правопорядка вполне явно указывает на его происхождение из недр пенитенциарной системы. Невозможно представить, чтобы уголовники стали называть своих заклятых врагов книжным именем воспитателя: использование этого слова лишало бы номинацию ее оскорбительного смысла и противоречило бы самой природе жаргона. Следует заметить, что слово *ментор* ‘надзиратель’ фиксируется в воровском жаргоне позднее, чем *мент* (впервые у П. Фабричного). Скорее всего, оно заимствовано из

⁷ Ср. курьезные попытки в милицейской среде представить слово *мент* как аббревиатуру: «мой единственный надежный товарищ» (<http://www.newsru.com/russia/22apr2010/besttovarissh.html>).

польского языка и представляет собой, так же как и польск. *mentacz*, западноукр. *ментач*, вторичное экспрессивное суффиксальное образование от *menta* или *męc* с иронической аллюзией на *mentor* ‘воспитатель, наставник’⁸.

Недавно для *мент* была предложена еще одна этимология, возводящая его к слову *момент* [Roudet 2006: 124—129]. Исходным пунктом гипотезы является специфическое окказиональное значение слова *момент* ‘ober-офицер генерального штаба, командное лицо, принадлежащее к генеральному штабу, генштабист’, которым в военном жаргоне второй половины XIX в. называли штабных офицеров за то, что они активно использовали слово *момент* в своей речи [Виноградов 1994: 321]. Далее предполагается афереза, вследствие которой *момент* превратился в *мент*, и дана ссылка на словарь Фасмера, в котором упомянута соответствующая «народная» форма. В этом рассуждении не учитываются ни семантический, ни социолингвистический аспекты. Приведенные у Фасмера со ссылкой на Преображенского слова *мент* и *минт* [Фасмер 2: 649]⁹ относятся исключительно к сфере диалектного просторечия, при этом они используются только в наречном сочетании *в один мент (минт)* или в форме тв. падежа (*мэнтом, мінтом*) и только в значении ‘быстро, моментально’ [СРНГ 18: 110, 168]. Напротив, ироническое наименование штабных офицеров словом *момент* появилось и могло существовать лишь в узком кругу образованных русских офицеров, которым была хорошо известна причина такого наименования. И сохраняться оно могло лишь до той поры, пока эта причина была актуальна, то есть пока речь штабных офицеров обращала на себя внимание неумеренностью в использовании слова *момент*¹⁰. Для выхода подобного наименования за пределы царской офицерской корпорации нужна была бы веская причина, в данном случае ее не видно. При этом нужно учесть, что в русской культурной среде слова иноязычного происхождения вообще не принято подвергать профанному искажению, почему, кстати, и в современном русском литературном языке слово *момент* не имеет шансов трансформироваться в *мент*.

Наибольшее распространение получила версия, согласно которой *мент* происходит от якобы польского слова *mente* ‘солдат’. Впервые она была высказана Б. А. Лариным в статье 1931 г.: «*Мент* ‘милиционер, тюремный надзиратель’; польск. *mente* ‘солдат’» [Ларин 1931: 123]. Б. А. Ларин не со-

⁸ Последнее не должно удивлять, поскольку в формировании воровского жаргона участвовали разнообразные категории образованных людей [Ларин 1931].

⁹ По мнению А. Преображенского, *минт* является результатом контаминации с *минута* [Преображенский 1: 554].

¹⁰ О том, что наименование штабных офицеров *моментами* не было долговечным и ничего не говорило широкому кругу читателей, свидетельствует необходимость его пояснения в воспоминаниях А. А. Игнатьева: «Так называли тогда генштабистов за пристрастие многих из них к таким выражениям, как “надо поймать момент”, “это момент для атаки” и т. п.» [Игнатьев 1941: 98].

общает об источнике этих сведений, однако можно с уверенностью сказать, что они были почерпнуты из опубликованной в «Archiv für slavische Philologie» рецензии венского исследователя арго А. Ландау [Landau 1902] на «Słownik mowy złodziejskiej», составленный чиновником львовской полицейской управы А. Куркой [Kurka 1899], — отсюда у Ларина представление о польском происхождении слова. Позднее идея о происхождении *мент* из *mente* была повторена в докторской диссертации известного слависта О. Горбача, посвященной украинскому арго (1951, изд.: Горбач 1993, переизд. Горбач 2006). В этой работе Горбач привел список разных обозначений полицейского во львовском воровском жаргоне конца XIX в., указав в нем, в частности: «*mente* ‘войк’ (нім. *Soldat*)» [Горбач 2006: 54]. Многие материалы для своей работы Горбач, по его собственному признанию, черпал «из вторых рук» [Там же 2006: 7]. Слово *mente* было взято им, как и Б. А. Лариным, из «третьих» рук — из указанной рецензии Ландау, в которой рецензент, разбирая лексический материал словарика Курки, пишет: «*mente*, *Soldat*, ist wohl das magyar. *mente*, Pelzüberwurf, nach dem von den Husaren getragenen Uniformstück»¹¹ [Landau 1902: 141]. Очевидно, именно этот комментарий Ландау обратил внимание Горбача на венгерское происхождение слова *mente* и натолкнул его на предположение о том, что и другие похожие на *mente* слова, обозначавшие в украинском и русском воровском жаргоне полицейских или милиционеров, такие как русское *мент* ‘милиционер, тюремный надзиратель’ [Ларин 1931: 123], *мент* ‘сыщик, полицейский, тюремный надзиратель’ [Стратен 1931: 134], львовское *мента* ‘полицейский’, восточноукр. уличное *мент* ‘милиционер’, *ментор* ‘милиционер’ [Там же: 143], представляют собой варианты одного слова, восходящего в конечном счете к венгерскому *mente*. По гипотезе Горбача, это слово происходит от названия «військових плащів поліції» [Горбач 2006: 443]. Вслед за Лариным и Горбачом М. А. Грачев и В. М. Мокиенко пишут, что слово *мент* «восходит к польским словам *ment*, *męt*, *menta*, *męta*, *męto*, *menda*, которые значат ‘солдат’, ‘полицейский’, ‘полиция’, ‘полицейский участок’, ‘охранник в тюрьме’, ‘доносчик’» [Грачев, Мокиенко 2000: 123—124]. В другом словаре этих авторов объяснение происхождения слова *мент* приобрело следующий вид: «Данное слово (*мент*. — А. М.) является заимствованием из польского языка, где *mente* — ‘солдат’. Возможно, оно этимологически связано со словом *ментик*» [Грачев, Мокиенко 2008: 190¹²]. Возвращая это высказывание к материалу работы О. Горбача, Е. С. Отин корректирует его: «Скорее всего в основе польск. *ment* лежит не *ментик*, а венг. *mente* ‘плащ, накидка’. Эта

¹¹ «*mente*, солдат, — это, по-видимому, венг. *mente*, меховая накидка, — по элементу униформы, которую носили гусары» (нем.).

¹² Далее сообщается: «В словарях начала XX в. лексема имела значение ‘надзиратель, постовой’» — со ссылкой, в частности, на [Трахтенберг 1908: 46], где, однако, этого слова вообще нет.

деталь одежды тюремного охранника или полицейского, благодаря синекдохе, стала названием самого надзирателя или полицейского», подобно таким названиям одежды или амуниции, использовавшимися для обозначения разнообразных служителей правопорядка, как *гороховое пальто*, *шуба*, *шинель*, *кобура*, *феска*, *португеза*, *козырек* и т. п. [Отин 2006: 175—176]. Зафиксированное в очерке А. И. Куприна «Вор» (1898) слово *менто* ‘тюремный надзиратель’ Е. С. Отин считает своеобразной переходной формой от *mente* к *мент* «с еще не утраченным конечным гласным» [Там же: 177].

Метонимическое перенесение названия одежды на ее носителя действительно является довольно распространенным способом образования имени деятеля, так что приведенное рассуждение в этом пункте вполне убедительно. Обратимся, однако, к источнику этой гипотезы. К сожалению, он представляет собой изолированный и лексикографически ненадежный факт — запись некоей словоформы *mente* с определением ‘солдат’ в словаре львовской воровской речи, составленном непрофессиональным собирателем. В отличие от других прозвищ полиции, охранников и т. п., зафиксированных в разнообразных источниках по львовской воровской речи, это слово нигде, кроме словарика А. Курки, не встречается¹³. Представляя его как «польское слово *mente* со значением ‘солдат’» неправильно, потому что в польских источниках такого слова нет¹⁴. В польском языке теоретически может использоваться *венгерское* слово *mente* в значении ‘ментик’, но лишь как экзотизм (мадьяризм), поскольку этот элемент гусарской одежды в принципе имеет польское название *mentyk*¹⁵. Следует

¹³ Свой словарь А. Курка издавал во Львове на собственные средства трижды — в 1896-м, 1899-м и 1907 г., в каждом следующем издании изменяя и дополняя текст [Kurka 1896; 1899; 1907]. Этих изданий О. Горбач не видел; сведения о первом издании он черпал из работы Я. Рудницкого [Rudnyćkyj 1943], о втором — из названной рецензии Ландау, а о третьем лишь упоминает [Мовна 2008: 304]. К сожалению, из-за недоступности для нас первых двух изданий нет возможности выяснить, как было представлено в них слово *mente*. Можно только предполагать, что во 2-м издании было что-то вроде «*mente — żołnieź*», судя по воспроизведению этого места в немецкой рецензии Ландау как *mente, Soldat*. В 3-м издании, с которым нам удалось познакомиться благодаря любезности Й. Райхарта, соответствующее место выглядит следующим образом: «*menta — żołnieź policyjny; mente — żołnieź zwykly i żołnieź policyjny*» [Kurka 1907: 29]. Судя по тому, что *menta* в рецензии Ландау не упоминается, этого слова во 2-м издании словарика Курки еще не было. Вероятно, и само слово *menta* и его определение (существенно более внятное, чем было у *mente*) стали известны А. Курке в процессе подготовки 3-го издания. Включив слово *menta* в словарь дополнительно к *mente*, Курка вынужден был умозрительно объяснить, в чем их различие, отчего приведенные им толкования не кажутся заслуживающими доверия.

¹⁴ Кстати, в 3-м издании слово *mente* выделено А. Куркой курсивом как слово из еврейско-воровского лексикона, в отличие от польско-воровского [Kurka 1907: 4].

¹⁵ Вероятно, от венг. *menték* — мн. ч. от *mente* [Фасмер 2: 598 (прим. О. Н. Трубачева)].

подчеркнуть, что и в венгерском языке нет слова *mente* со значением ‘солдат’. В современном венгерском языке слово *mente* сохранилось только в качестве историзма — как название гусарской куртки (ментик). Однако в XIX в. у него было более широкое значение: «обрамленное мехом (короткое) пальто; подпоясанная кушаком овечья куртка» [UEW 961]. Именно в этом значении слово *mente*¹⁶ использовалось в прошлом некоторыми славянскими языками, изменившись в некоторых из них в *menta*: в сербском и хорватском *menta* (устар.) ‘короткое пальто’ [UEW 962], украинское *мента* ‘род мехового женского полушубка, окаймленного тесемками’ [Гринченко 2: 417], болг. *ментé* ‘короткая верхняя одежда без рукавов’ [БЕР 3: 738] и др. Слово *menta* А. Курка включил в третье издание своего словарика с определением *zołnież policyjny* [Kurka 1907: 29], подразумевая, собственно, полицейского, жандарма. Нам не известно, как протекала эволюция значения этого слова от обозначения разнообразных предметов верхней, главным образом меховой, одежды типа короткого полушубка до названия жандармской шинели. Но в данном случае детали этой истории и не имеют особой важности. Существенно лишь, что в конечном счете слово *menta* стало использоваться и используется до сих пор в галицких землях в качестве пренебрежительного наименования полицейского, что засвидетельствовано западноукраинскими источниками [Горбач 2006: 145; Хобзей и др. 2009: 174, 357]¹⁷. Аналогичное обозначение полицейского *menta* известно в польском тюремном жаргоне [SGW 34].

Ошибочно, однако, далее представлять, как это делает Горбач и его последователи, что слова *mente*, *menta* (*мента*), *męt*, *męta*, *menda*, *mentor* являются однокоренными и имеют общую историю, объясняющую происхождение слова *мент*. Единственное, что объединяет эти слова, — это то, что все они применяются в уголовном жаргоне к служителям правопорядка. На этом сходство кончается, так как все эти слова имеют разную этимологию и разное значение.

¹⁶ Восходит к лат. *mantum*, или *mantus*, ‘короткий плащ, накидка’ через посредство, предположительно, старофранцузского языка [UEW 962].

¹⁷ По наблюдению З. Андраша (письменное сообщение), «довольно точную параллель можно найти в венгерском аргоне, где одним из уничижительных названий полицейского выступает (несколько устарелое, но всем еще понятное) сложение *fakabát* (*fa* ‘дерево’ + *kabát* ‘плащ, пальто’, букв. ‘деревянное пальто’). Поводом для насмешки со стороны преступников могла послужить тяжелая верхняя одежда “будочников” в зиму, что препятствовало им в движении и тем самым мешало догонять карманщиков и прочих мелких воров». По-видимому, эта же семантическая модель использована в польском жаргонном прозвище полицейского *mentel* [Stepniak 1993: 309], которое Е. С. Отин считает «суффиксально осложненным» образованием от якобы польских слов *ment*, *menta* [Отин 2006: 177]. Это слово воспроизводит германскую форму исходного латинского *mantum* (*mantus*) — ср. др.-фриз., англосакс. *mentel* [Фасмер 3: 31] — так же, как, кстати, и древнерусское *мятель*, служившее названием теплой верхней одежды духовных лиц [СлРЯ XI—XVII вв. 9: 351].

Гипотеза о происхождении слова *мент* из украинского *мѣнта* не подтверждается ни формальными, ни лингвогеографическими, ни семантическими соображениями. Наивно полагать, что для изменения слова *мѣнта* в *мент* было достаточно всего лишь, чтобы «отпала» конечная гласная, — как будто эти слова функционировали только в «словарной» форме именительного падежа. Вообще переходное изменение рода существительного в истории языка иногда возможно, если при этом сохраняется его парадигма¹⁸. Но *мѣнта* в реальных контекстах представлена формами ж. рода *мѣнты*, *мѣнте*, *мѣнтой* и т. д., а *мент* — формами м. рода *мента*, *менту*, *ментом* и т. д. В подобных случаях в языке обычно сохраняются оба слова¹⁹, причем их сосуществование нередко обеспечивается дистрибуцией значений или стилистическими различиями: *зренок* и *зренка*, *манер* и *манера*, *абак* и *абака*, *кед* и *кеда*, *эполет* и *эполета*, *тапок* (разг.) и *тапка* (норм.), *жираф* и *жирафа*, *рельс* и *рельса*, *клипс* и *клипса*, *лом* в значении ‘ломаные или годные только для переработки предметы’ и *ломь* в том же значении и т. п. Так, наличие в послевоенное время на территории западной Украины старого наименования служителя правопорядка *мѣнта* и нового *мент*²⁰ показывает, что в сознании носителей воровского жаргона они не смешиваются и одно из них не вытесняет другое. В связи с этим обращает на себя внимание отсутствие релевантных данных о наличии слова *мѣнта* в русском воровском жаргоне. Единственная фиксация этого слова в словарице Е. Досталь 1904 г.²¹ остается изолированным фактом, связанным, возможно, с какими-то случайными обстоятельствами записи (например, с польско-украинским происхождением информанта) и не подтверждаемым другими источниками. То, что в русском жаргоне это слово не использовалось, вообще говоря, не удивительно. В западноукраинской среде слово *мѣнта* в качестве обозначения служителя правопорядка было осмысленным, потому что оно отсылало к знакомому диалектному названию мехового полушубка — подобно тому, как в русской среде в аналогичном значении использовались термины *гороховое пальто*, *шинель*, *тулуп* и др. Этим можно объяснить, почему слово *мента* встретилось А. Куприну в среде *киевских* воров, хотя примечательно, что и там оно было им услышано в искаженном виде как *менто*. Но для носителей русского языка, ничего не знавших про исходное значение слова *мента*, это слово было се-

¹⁸ Так, изменение *облак* в *облако* оказалось возможным благодаря тождеству форм косвенных падежей м. и ср. рода.

¹⁹ По крайней мере на протяжении некоторого времени. Так в XVIII—XIX вв. одновременно использовались слова *испуг*, м. (впервые [Нордстет 1780—1782: 1]) и *испуга*, ж. (впервые [САР 4: 1171]) [СлРЯ XVIII в. 9: 141].

²⁰ До присоединения к СССР западноукраинских областей слово *мент* на этих территориях отсутствовало, сведения о нем в работе Горбача (см. выше) приведены по русским и восточноукраинским источникам.

²¹ «Мента. Околоточный надзиратель» [Досталь 1904: 1].

мантически пустым и потому непригодным для выражения отрицательной экспрессии. Здесь мы подходим к наиболее важному — семантическому аспекту гипотезы о возможности образования слова *мент* из *мента*.

Метонимическое название человека по его одежде, деталям внешности, атрибутам занятий и т. п. предполагает, как правило, фамильярно-пренебрежительную экспрессию (ср. *шляпа*, *борода* и т. п.). Соответственно, такие слова, как укр. *мента*, рус. *каплюжник*, *каплюжный*²² ‘полицейский’, *выручка*, *карман* ‘квартильный надзиратель’ [Приёмшева 2009: 33, 36, 417, 421] и т. п., — это более или менее презрительные, но не инвективные обозначения полицейского, также как и многие метафорические наименования: *фараон* ‘будочник, полицейский’, *вода*, *зола*, *песок* ‘полицейский солдат’ [Там же: 46, 417], *петух*, *соловей*, *филин* [Жарг. прест. 1952] и др.; словообразовательные модификации «официальных» наименований полицейского или милиционера (*мильтон*, *милок*) и др. Этим они принципиально отличаются от слова *мент*, которое выражает не насмешку, а презрение и ненависть. Следует заметить, что «нейтральное» определение слова *мент* в современных словарях как ‘милиционер’ по форме подражает лапидарным толкованиям «двуязычных» словариков уголовного жаргона (составлявшихся непрофессиональными лексикографами), а по сути неверно. Правда, в толковых словарях к этому определению добавляются стилистические пометы («разг.-сниж.», «прост.») или указания на употребление слова «в презрительном значении», «с отрицательной оценкой» и т. п. Но эти пометы находятся за пределами словарной дефиниции, утверждающей, что *мент* и *милиционер* — это одно и то же²³. На самом деле слово *мент* и сегодня, и особенно в недавнем прошлом, — это не название профессии, а оскорбительное ругательство, выражающее общественное презрение к соответствующему роду занятий и потому вызывающее резкую ответную реакцию у оскорбляемого («За “мента” ответишь!²⁴»). Отрицательная экспрессивная оценочность является не семантическим нюансом или стилистической характеристикой слова *мент*, а неотъемлемой частью²⁵ лексического значения этого слова.

Обращает на себя внимание разнообразие профессий, представители которых именовались *ментами*. Согласно приведенным выше наиболее ранним фиксациям этого слова, так называли агентов сыска, шпионов, со-

²² Согласно [ЕСУМ 2: 374], от *каплюжить* ‘сливая в кабаке капли, остатки питья, напиваться; пьянствовать, жадно искать повода напиться’.

²³ Отчасти такое толкование опирается на указанную выше тенденцию в развитии у слова *мент* «нейтрального» значения, но такое представление, несомненно, опережает события.

²⁴ Ср. особенно в известной шутке:

— Мент — козел!

— За «мента» ответишь!

²⁵ Модальной рамкой, в терминологии А. Вежбицкой и Ю. Д. Апресяна.

глядатаев, в том числе городских надзирателей, в советское время это слово применялось к доносчикам и политработникам, то есть к тем, кто занимается, с точки зрения называющего, низким, подлым делом — *пристает, липнет, следит, вынюхивает, ловит, хватает* и т. д. Не случайно ближайшими синонимами слова *мент* являются слова *нёс, борзой, лягавый, сука, ищейка, подлипало* и т. п.²⁶ Здесь стоит заметить, что сыщики и шпионы по роду деятельности не носили единого, легко узнаваемого мундира, нередко предпочитали гражданскую одежду, так что и по этой причине не приходится ожидать, чтобы номинация *мент* имела метонимический характер и происходила от названия одежды. В то же время словом *мент* могли называть и тюремных охранников. Подобное разнообразие профессиональной принадлежности тех, кто подпадал под понятие *мент*, находится в заметном противоречии с детальными определениями, которые воровской мир дает важным для него предметам и профессиям²⁷. Это наводит на предположение, что исходным лексическим значением слова *мент* было не название профессии, а этическая оценка субъекта, занимающегося негодным делом. Таким значением обладают польские слова *menda* и *męt*.

Слово *menda* (*męda*) ‘лобковая вошь, pediculus pubis’²⁸ используется в польском просторечии для характеристики глупого, подлого и при этом навязчивого человека и является одним из жаргонных названий полицейского²⁹: *Zawsze będzie pierdolona policyjna męda policyjna* (польская группа «Szajka», песня «Cikiboomboom»); *Półowa społeczeństwa to policyjne mędy* (группа WSP, песня «Takie społeczeństwo»)³⁰. Это слово с его резкой пейо-

²⁶ См. выше выразительную в этом отношении ремарку из словаря В. Ф. Трахтенберга.

²⁷ Ср.: «*ошкар* ‘задний брючный карман’, *шкеры, шкары* ‘боковые карманы’, *ширма* ‘карман (внутренний)’, *пистоны, верхи* ‘жилетные верхние карманы’» [Ларин 1931]. Выразительны в этом отношении приведенные в словаре В. М. Попова обозначения различных видов дававшихся ворами взяток (слама): «Слам на вырубку — взятка околоточному надзирателю; слам на каплюжника — взятка городовому; слам на карман — взятка околоточному надзирателю; слам на крючка — взятка письмоводителю участка, чиновнику сыскного отделения; слам на *мента* — взятка *сыщичку*; слам на фараона — взятка приставу» [Попов 1912]. В словаре С. М. Потапова, использовавшего материал В. М. Попова, этот перечень отредактирован в соответствии с советскими реалиями: «Слам на вырубку — взятка участковому; слам на каплюжника — взятка милиционеру; слам на карман — взятка участковому; слам на крючка — взятка письмоводителю, служащему угрозыска; слам на *мента* — взятка *агенту*; слам на фараона — взятка крупному сотруднику милиции» [Потапов 1927].

²⁸ То же, что польск. *mędowieszka, mandewieszka* (откуда укр. *мандовошка* и рус. *мандавошка*), восходящее к древнему сложению **mędovъška* [Трубачев 1965: 134].

²⁹ Отсюда польск. *mendownia* — просторечное название полицейского участка. Интересно, что слова *menda* и *mendownia* в украинском воровском жаргоне не встречаются.

³⁰ Сохраняем орфографию текстов в их интернет-публикациях.

ративной семантикой весьма близко русскому *мент* и с этой точки зрения могло бы претендовать на роль его прототипа. Но допустить возможность развития *мент* из *menda* мешают затруднения формального характера, указанные выше для *menta*: *menda* — существительное ж. рода и, соответственно, в косвенных падежах имеет формы *mendy*, *mendzie*, *mendą* и т. д. Кроме того, изменение формы слова привело бы к утрате связи с его исходной семантикой ‘лобковая вошь’, что лишило бы номинацию смысла. Показательно, что в самом польском языке слово *menda* не изменилось в *mend*. Наконец, вероятность изменения слова *menda* в *мент* исключается и тем, что в этом случае в русском языке должны были бы сохраниться хотя бы следы исходного слова *menda*, однако их нет.

В высшей степени близким семантике слова *мент* является польское *męt*. Это слово имеет праславянское происхождение [Brückner 1927: 328—329; ЭССЯ 20: 149] и в польском языке представлено следующими значениями: 1. мелкие частицы, замутняющие прозрачность жидкости; муть, осадок, отстой, взвесь; 2. неясность и хаотичность мысли или выражения; сумбур, путаница; 3. отбросы общества; подонки; сброд [Doroszewski; БПС 438 и др.]³¹.

Последнее значение можно проиллюстрировать интернет-публикациями участников польских блогов и форумов: «Co mi po Eхурéry, jeżeli premierem Polski jest *męt*» («Что мне до Экзюпери, если польский премьер — мусор»); «Dziś byle *męt społeczny* jest oficerem» («Сегодня недавний отброс общества становится офицером»); «*Męt i mą partyjny kempami* obraz Sejmu paskudzi» («Партийный сброд и мусор кемпами позорит лицо Сейма». Имеется в виду телевизионное «*Kempa Show*»); «Gdzie się człowiek nie odwróci to albo jakiś misiaczek, albo grasic, albo żona grasics, albo jeszcze większy *męt*. Precz z *mętami!*» («Куда ни повернись, всюду либо какой-то мисячек, либо грасик, либо жена грасика, либо еще больший мусор. Долой мусор!» Имеются в виду политики Т. Мисьяк и П. Грас) и т. п.

Точным соответствием слову *męt* в его первом и третьем значениях является русское *подонки* ‘что опало на дно, село, выделившись из мутной жидкости’ [Даль 3: 192], и, соответственно, *подонок* (мн. *подонки*), которое является презрительным обозначением низкого, подлого человека. При этом реализуется универсальная модель метафорического использования названий отбросов, нечистот и т. п. для уничижительной характеристики соответствующих категорий людей (ср. рус. *сволочь*, *сброд*, *мразь*, *пена*, *падаль*, *падло*, *стерво*, *потрох*, *мусор*, *говно*, *дерьмо*, *мразь*, *гниль*, диал. (волог.) *шам* ‘мусор’ → ‘судебные приставы, низшие полицейские чины’³²

³¹ Английским эквивалентом *męt* является слово *dregs* — отбросы, отстой; наиболее ничтожная часть или части чего-л., напр. *the dregs of society* — отбросы общества.

³² Ср.: «Шаму-то понаехало, вдесятером на одного», «В город уехал, шам стал, чего хорошего» [картотека Словаря говоров Русского Севера; кафедра русского языка и общего языкознания Уральского университета, Екатеринбург] (материал любезно предоставлен Е. Л. Березович).

и т. п.). Можно предположить, что словом *męt* пользовались в России польские заключенные и ссыльные³³ для выражения своего презрения к надзирающим за ними русским жандармам или охранникам. От них слово могло попасть в лексикон русских заключенных. В то же время источником заимствования слова *męt* в русский язык мог быть и польский криминальный мир, поскольку в польском воровском жаргоне *męt* (*ment*) является одним из обозначений полицейского, наряду с такими словами, как *głina* ‘глина’, *klawisz* ‘клавиш’, *czzerwony pająk* ‘красный паук’, *niebieski pająk* ‘голубой паук’, *gad* ‘змея’, *kurwa* ‘шлюха’, *kruk* ‘ворон’, *menda*, *oprawca* ‘палач’, *pies* (*p. lańcuchowy*, *p. na smyczu* и т. п.) ‘пёс’ (цепной п., п. на поводке и т. п.), *blacharz* ‘жестянщик’, *dzięciół* ‘дятел’, *faraon*, *ład* ‘порядок’ и др. [SGW: 34, 42; Szaszkievicz 1997: 220, 236, 252 и др.]:

ment *Obr(azliwie)* «policjant (milicjant)». *Za moich młodych lat gliniarzy się mentami nazywało* [SPP: 239].

Głina «Milicjant». *In(aczej) <...> Ment <...>* [SGW: 34]³⁴.

В качестве иллюстрации употребления этого слова можно привести фрагмент из автобиографической истории бывшего польского заключенного-рецидивиста³⁵. Рассказывая об очередном задержании, автор сначала называет сопровождавших его следователей словами *milicjant* и *gliniarz*, а охранника, которому они передают задержанного, — *klawisz*. Но в конце этой истории он называет следователей *męt* ‘ами:

Po skończonej gadce *męty*, które mnie tu doprowadziły, krótko i zdawkowo pożegnały swojego kumpla. *Męt*, wychodzący jako ostatni, zwrócił się do mnie z życziwym półśmiechem: — Bądź grzeczny i sprawuj się dobrze. Nie wnikać jakie to pobudki nim kierowały. Zrobił to zapewne dla popisu przed *klawiszem*. Mało mnie szlag nie trafił. Nie dość, że zbliżała się ciepła wiosna, że ten *psi męt* był pośrednikiem w przymknięciu mnie, to jeszcze wali taki tekst³⁶.

³³ Польская ссылка является заметной страницей истории России XIX в. См.: Польская ссылка в России XIX—XX веков: региональные центры — *Polscy zesłańcy w Rosji XIX—XX stuleciu: ośrodki regionalne*. Казань, 1998 и др.

³⁴ Ср. также замечание на форуме электронного словаря польского языка («Słownik języka polskiego» <http://www.sjp.pl/M%EAt>): «*Wypadałoby też wspomnieć: określenie “męt” oznacza w slangu więziennym nie człowieka z marginesu społecznego, ale policjanta*» (Стоило бы упомянуть: определение «*męt*» обозначает в тюремном сленге не социального маргинала, а полицейского). Приношу благодарность В. В. Мочаловой за помощь в получении аналогичных свидетельств от носителей польского языка.

³⁵ Опубликовано на сайте: <http://garownik111.bloog.pl/id,4487634,title,Z-kozaka-frajer,index.html?ticaid=6c2fc>.

³⁶ (Пер.): «По окончании беседы *менты*, которые привели меня сюда, коротко и небрежно попрощались со своим приятелем. *Мент*, выходявший последним, обратился ко мне с дружелюбной полуулыбкой: “Будь вежливым и веди себя хорошо”. Я не вникаю в мотивы, которые им руководили. Он сделал это, очевидно, ри-

В пользу того, что *мент* является продолжением польского *meł*, говорит тесная синонимическая связь, которая в ряду русских наименований работников сыска наблюдается между словами *мент* и *мусор* [Ермакова, Земская, Розина 1999: 108—109]. Ср.:

«Молодой парень с приветливой, курносой физиономией, не то что веч-но насупленный наш *мент*, *мусор*» (Виктор Некрасов. Саперлипопет); «*Мусоров* подкупили, и те на время обещали зеленый коридор, но это ненадолго: ведь возможности наших *ментов* тоже ограничены» (Андрей Ростовский. По законам волчьей стаи) [НКРЯ]; «Я *мусорам* по пьяне что-то гавкнул, они меня до памарок отбучкали... А че ты скажешь? *Менты* — мои кенты...» (Александр Сидоров. Пословицы и поговорки русских уголовников и арестантов (http://lib.ru/NEWPROZA/SIDOROV_A/pogoworki.txt) и т. п.³⁷

Эту связь можно объяснить тем, что слово *мусор* в качестве презрительного наименования служителя закона появилось в русском жаргоне в качестве *приблизительного перевода* польского *meł* при контактах польских и русских заключенных. Такое параллельное существование заимствованного слова и его перевода, особенно на начальном этапе освоения слова, не является редкостью; классическим примером может служить сосуществование футбольных терминов *хавбек* и *полузащитник*, *форвард* и *нападающий*, *пенальти* и *итрафной* и др.; жаргонное название американских долларов *грин* и, наряду с ним, *зеленые*; разнообразные компьютерные термины, например *интернет* и *сеть*, *сайт* и *страница*, *файл* и *папка* и т. п. Основание для сближения слов *meł* и *мусор* давало то, что слово *мусор* уже использовалось в русском языке в метафорическом бранном значении:

— Ну, будет тебе два неполных... — шутил Васька, похаживая около хищника с видом заплечного мастера. — Туда же, золото воровать!.. Ах ты, *мусор*!.. (Д. Н. Мамин-Сибиряк. «Подснежник», 1889) [Отин 2006: 180];

— Старинного-то, кондового купечества немного осталось, а развелся теперь разный *мусор* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. «Хлеб», 1895) [НКРЯ].

В наиболее старых известных нам словарях воровского жаргона слово *мусор* отсутствует. Впервые оно появляется у С. М. Потапова: «*Мусор*, *мусар* — агент уголовного розыска» [Потапов 1927]³⁸. Можно полагать, что

суюсь перед *клавишем*. Меня чуть удар не хватил. Мало того, что приближалась теплая весна, что этот *собачий мент* был орудием в моем аресте, так он еще несет такое». Заметим, что выражение *psi meł* указывает на то, что *meł* в значении 'полицейский' не утрачивает в польском языке связи с исходным *meł* 'подонки, отбросы' (ср. аналогичное русское выражение *сучий потрох*).

³⁷ На тождество слов *мент* и *мусор* обращают внимание авторы сетевого «Краткого толкового словаря тюремного мира»: «*Мусор* — то же, что *мент*, — милиционер» (<http://www.prison.org/nravy/dictionary/m.htm>). Характерно, что Е. С. Отин рассматривает эти слова в одной главе («*Мент* и *мусор*») [Отин 2006: 171—181], не считая нужным обосновывать их объединение.

³⁸ Встречающееся иногда утверждение, что у Трахтенберга приведено слово *мусер* [Меленберг 2008 и др.], не соответствует действительности.

слово *мент* индуцировало развитие у слова *мусор* нового специального значения и вместе с ним — появление грамматической формы мн. числа *мусора*³⁹.

Синонимию слов *мент* и *мусор* в русском языке хорошо иллюстрирует следующий пассаж из польского перевода современного «фэнтези», в котором русскому *мусора* соответствует в польском *męty, mętownia*, русскому *менты* — *psy*, а сравнительно нейтральному англицизму *копы* — нейтральное *gliny*:

— У нас *мусора* на хвосте, надо срочно <...>⁴⁰ всё и <...> отсюда!

— Э-э-э, босс, кто у нас на хвосте? — неуверенно переспросил маленький контрабандист.

— *Мусора*, <...>! — оскалился здоровый. — *Менты*! Вот они! — Он указал на связанных Ванессу с Шепом.

— А-а-а, *копы*... — понимающе протянул мелкий.

— <...> <...>! — возмущенно покрутил пальцем у виска здоровый. — Да, *копы*! (А. Рудазов. «Архимаг»).

<http://lib.ololo.cc/b/212419/read>

— *Mętownia* siedzi nam na ogonie, trzeba natychmiast <...> wszystko i <...> stąd!

— Eeee... szefie, co nam siedzi na ogonie? — niepewnie dopytywał się malutki przemytnik.

— *Męty*, <...>! — Wyszczrzył się duży. — *Psy*! Oni! — Wskazał na związaną Vanessę i Shepa.

— Aaaa, *gliny*... — Ze zrozumieniem pokiwał głową mały.

— <...> <...>! — Z oburzeniem postukał się palcem w czoło duży. — Так, *gliny*! (Пер. А. Chodkowska-Gyurics)

<http://lib.ololo.cc/b/154197/read>

На происхождение *мент* из *męt*, понимаемого как ‘мусор’, по-видимому, указывает и использование при слове *мент* постоянного эпитета *по-*

³⁹ Существуют другие версии происхождения *мусор* ‘милиционер’. По мнению М. М. Фридмана, это наименование восходит к древнеевр. מוסר (musor) ‘наставление, указание’ через посредство идиша, в котором *muser* значит ‘доносчик’ [Фридман 1931]. Подобные ассоциации, возможно, могли возникать у слова *мусор* в еврейской воровской среде, однако это не доказывает его заимствования из идиша. Причиной орфографической неопределенности при записи этого слова в словарях жаргона может быть фонетическая вариативность, вообще характерная для слова *мусор* в его основном значении и восходящая к языку-источнику (тат. **müsr-/büsr* [Фасмер 1: 252, мнение О. Н. Трубачева]); см. об этом: [Отин 2006: 178—181]. Поиски объяснения слова *мусор* ‘милиционер’ в сфере сокращенных наименований правоохранительных органов (указывают, например, на МУСиР — Московский Уголовный Сыск и Розыск [Меленберг 2008]) не представляются перспективными прежде всего потому, что официальное сокращенное наименование учреждения в принципе не может служить оскорбительной кличкой его работников. Различные экспрессивные (фамильярно-пренебрежительные, презрительные и др.) значения на основе аббревиатур могут формироваться только соответствующими суффиксами (ср. *гашиник*, *кагэбэзник*, *гэбня* и т. п.).

⁴⁰ Обценная лексика опущена.

ганый, поскольку значение постоянных эпитетов всегда имманентно определяемому слову. По данным НКРЯ, из 1740 примеров употребления слова *мент* в составляющих НКРЯ текстах словосочетание *мент поганый* встречается 16 раз⁴¹, тогда как другие прилагательные при слове *мент* (*продажный, реальный, худой, хороший, липовый, закопелый, усатый, позорный, бывший, ленивый, сучий, залетный, проклятуций*) представлены лишь по одному разу.

Заемствование русского слова *мент* из польского *męt*, имеющего более широкий спектр значений, находит своеобразное подтверждение в освоении русским языком польского слова *mętownia*. Собирательное *ментовня* появилось в русском языке сравнительно недавно и в большинстве специальных словарей не отражено⁴², хотя, безусловно, имеет в русском языке определенное распространение⁴³. Производное от *męt* просторечное слово *mętownia* используется в польском языке в разных значениях: для собирательной характеристики подлых, с точки зрения говорящего, людей (прежде всего политиков); как определение замусоренной территории и/или места проживания социально низких категорий населения и т. п.:

*Czy taka mętownia powinna współzrządzić Polską? Pewnie, że nie. Ale przecież ta mętownia dostała setki tysięcy głosów, od ludzi, którzy zobaczyli w niej godnych siebie reprezentantów (Rafał Ziemkiewicz. Jarucka Bis, czyli romans z życia niższych sfer uczynionych demo)*⁴⁴;

Straszna *mętownia* to WSI⁴⁵;

Przeciwników krzyża można podzielić na następujące grupy. Pierwsza to motłoch, tłuszcz, hołota — *mętownia*, która poczuła, że może swoje frustracje i

⁴¹ (*Пер.*): «Гады! Менты поганые! Ненавижу! Пфу!» (Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем); «⟨...⟩ вам в рот, ментам поганым, скоро всех вас передущим» (Владимир Козлов. Гопники); «И вы, менты поганые, сами это знайте» (Вера Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный); «Печатными словами в нем были “мент поганый”, “все равно достану” и “Брехунец” в сочетании со всяческими угрозами» (Ольга Некрасова. Платит последний); «И так настроение не в дугу, а тут еще эти менты поганые» (Андрей Ростовский. По законам волчьей стаи) и т. п. [НКРЯ].

⁴² Впервые отмечено у Ж. Росси: «*ментовня* — совокупность ментов. Ср. *кагебешня; лягашня; псарня; сучня*» [Росси 1991, I: 218].

⁴³ Поиск этого слова на Яндексe дает статистический результат 5.044.

⁴⁴ <http://rafalzziemkiewicz.salon24.pl/518,jarucka-bis-czyli-romans-z-zycia-nizszych-sfer-uczynionych-demo>. (*Пер.*): Разве такая *ментовня* должна участвовать в руководстве Польшей? Конечно, нет. Однако эта *ментовня* получила сотни тысяч головок людей, которые увидели в ней достойных себя представителей.

⁴⁵ http://firmus.piett.salon24.pl/148311,dukaczewski-pis-stoi-za-sprawa-piesiewicz_a. (*Пер.*): Страшная *ментовня* эта WSI (речь идет о WSI (Windykacyjny Serwis Informatyczny) — организации, оказывающей услуги по изобличению недобросовестных контрагентов).

своją agresję wylewać bezkarnie w tym jednym miejscu w stolicy (Łukasz Warzecha, Podtrzymywanie wrzenia)⁴⁶,

Okolica nieciekawa, bo to *mętownia* ⟨...⟩ а там też z *mętami* miałam do czynienia⁴⁷;

Вместе с тем это слово, наряду с *tendownia* (от *menda*), является жаргонным названием полиции и полицейского участка:

mentownia — też gadownia, psiarnia — komenda, posterunek policji, areszty policyjne⁴⁸ [Szaskiewicz 1997: 236];

mentownia Obrazł(liwe) «policja (milicja), także: komenda, posterunek policji (milicji)». Ale nie pojedę już tam... prędzej mnie mentownia zatłucze [SPP: 239]⁴⁹.

Среди примеров употребления этого слова в разговорной речи⁵⁰ обращает на себя внимание следующий пассаж:

Policji nie lubi żaden chuligan. Co tam «nie lubi»? Nienawidzi! Bo policjanci, zwani także *mętownią* albo psami, za wszelką cenę nie chcą dopuścić do awantury⁵¹.

Здесь слова «zwani także *mętownią* albo *psami*» прямо перекликаются с приведенными выше замечаниями: ремаркой Трахтенберга о том, что сыщиков называют *борзыми*, *лягавыми*, *суками* и *ментами*, и сравнением у Ж. Росси слова *ментовня* с *лягашия*, *псарня* и *сучня*.

⁴⁶ http://www2.teologiapolityczna.pl/index.php?option=com_content&task=view&id=3128&Itemid=113#. (Пер.): Противников креста можно разделить на следующие группы. Первая — это сброд, толпа — *ментовня*, которая почувствовала, что может безнаказанно выражать свою фрустрацию и свою агрессию в этом единственном в столице месте.

⁴⁷ http://forum.gazeta.pl/forum/w,15342,48394041,,Wioska_szwajcarska.html?v=2&wv.x=1. (Пер.): Окрестности неинтересные, так как это *ментовня* ⟨...⟩ и мне там приходилось иметь дело со сбродом (собств. *ментами*).

⁴⁸ (Пер.): Ментовня — также гадючник, псарня — комендатура, полицейский участок, полицейские аресты.

⁴⁹ (Пер.): Ментовня. Оскорбительное «полиция (милиция), а также комендатура, полицейский (милицейский) участок». Но я больше не поеду туда ... скорее меня ментовня прибьет.

⁵⁰ Например: Oni wpadli na to, żeby zadzwonić na *mętownię*. Przyjechały gliny ⟨...⟩ *Mętownia* o mnie nie pytała (Andrzej Stasiuk. Mury Hebronu: <http://z1.przeklej.pl/prze1746/59f717cd0000759e4bb262e4/stasiuk-andrzej-mury-hebronu-doc>). (Пер.): «Они решили, что нужно позвонить в *ментовку*. Приехали копы ⟨...⟩ *Ментовня* обо мне не спрашивала»; «Nie uśmiecha mi się siedzieć w *mentowni!*» (http://www.tzwroclaw.lap.pl/readarticle.php?article_id=44&y=2012&m=3) (Пер.): «Мне не улыбается сидеть в *ментовке*» и др.

⁵¹ (<http://free4web.pl/3/2,30937,26729,408051,1,Thread.html#463884>). (Пер.): «Полицию не любит никакой хулиган. Да что там “не любит”! Ненавидит! Потому что полицейские, называемые также *ментовней* или *псами*, всеми средствами стараются не допустить дебоша».

Литература

- Андреев 1925 — В. Андреев. Волки // Ковш: Литературно-художественные альманахи / Отв. ред. С. Семенов. Л., 1925. Кн. 3. С. 39—72.
- Арестантский словарь 1913 — О. К. Арестантский словарь // «Тюремный вестник», март 1913 г.
- БЕР 3 — Български етимологичен речник / Ред. В. И. Георгиев. Т. III. София, 1986.
- Бец 1903 — Ванька Бец [псевд. И. К. Авдеенко]. Босаяцкий словарь. Опыт словотолкователя выражений, употребляемых босяками. Одесса, 1903.
- Блатная музыка 1923 — Блатная музыка. Словарь жаргона преступников. М., 1923.
- Брейтман 1901 — Г. Н. Брейтман. Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников. Киев, 1901.
- БТС — Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
- Болдырев 1998 — А. Н. Болдырев. Осадная Запись. (Блокадный дневник). СПб., 1998.
- БПРС — Д. Гессен, Р. Стыпула. Большой польско-русский словарь. Изд. 2, испр. и доп. М.; Варшава, 1980.
- Быков 1992 — В. Быков. Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов (Specimina philologiae slavicae. Bd. 94). München, 1992.
- Виноградов 1927 — Н. Виноградов. Условный язык заключенных Соловецких лагерей особого назначения // Материалы Соловецкого общества краеведения. Вып. XVII. Из работ криминологической секции. Соловки, 1927.
- Виноградов 1994 — В. В. Виноградов. История слов. М., 1994.
- Горбач 1993 — О. Горбач. Зібрані статті. Т. 1. Арго на Україні. Мюнхен, 1993.
- Горбач 2006 — О. Горбач. Арго в Україні. Львів, 2006.
- Грачев 2006 — М. А. Грачев. Словарь современного молодежного жаргона. М., 2006.
- Грачев, Мокиенко 2000 — М. А. Грачев, В. М. Мокиенко. Историко-этимологический словарь воровского жаргона. СПб., 2000.
- Грачев, Мокиенко 2008 — М. А. Грачев, В. М. Мокиенко. Русский жаргон. Историко-этимологический словарь. М., 2008.
- Гринченко 1—4 — Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка. Т. 1—4. К., 1907—1909.
- Даль 1—4 — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. Изд. 2. М., 1880—1882 (1955).
- Даль 1990 — В. И. Даль. Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка // ВЯ. 1990. № 1. С. 134—137.
- Досталь 1904 — Г. Досталь. Воровской словарь. Слобода Покровская. 1904.
- Ермакова, Земская, Розина 1999 — О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона / Под общим рук. Р. И. Розиной. М., 1999.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Т. 1—5—. Київ, 1982—2006—.
- Ефремов 1997 — С. Ефремов. Щоденники 1923—1929. Київ, 1997.
- Жарг. прест. 1952 — Жаргон преступников: Пособие для оперативных и следственных работников милиции. М., 1952.
- Игнатъев 1941 — А. А. Игнатъев. Пятьдесят лет в строю. М., 1941.

Квеселевич 2003 — Д. И. Квеселевич. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2003.

Ларин 1931 — Б. А. Ларин. Западноевропейские элементы русского воровского аргю // Язык и литература. Т. VII. Л., 1931. С. 113—130.

Лебедев 1909 — В. Лебедев. Словарь воровского языка // Вестник полиции. 1909, № 22, 23, 24.

Левонтина 2010 — Ирина Левонтина. Русский со словарем. М., 2010.

Максимов 1891 — Тюремный словарь и искусственные байковские, ламанские и кантюжные языки // С. В. Максимов. Сибирь и каторга. Т. 1. Приложение. СПб., 1891 (1-е изд. — 1871). С. 382—411.

Меленберг 2008 — А. Меленберг. Откуда есть пошла «мусора» // Новая газета. 03.10.2008. № 38.

Миртов 1929 — А. В. Миртов. Из лексикона ростовских беспризорников и босюков // Труды Северокавказской ассоциации научно-исследовательских институтов № 58. НИИ изучения местной экономики и культуры при Северокавказском государственном университете. Вып. 6. (=Приложение к кн. «Донской словарь. Мат-лы к изучению лексики донских казаков»). Ростов-на-Дону, 1929.

Мовна 2008 — М. Мовна. Книга Олекси Горбача «Арго в Україні» як джерело вивчення львівської говірки першої третини ХХ ст. // Вісник Львівського ун-ту. Серія книгознавство. 2008. Вип. 3. С. 302 — 307.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (www.ruscorgo.ru).

Нордстет 1780—1782 — И. Нордстет. Российский, с немецким и французским переводами, словарь, соч. Иваном Нордстетом. Ч. 1—2. СПб., 1780—1782.

Отин 2006 — Е. С. Отин. Все менты — мои кенты (Как образуются жаргонные слова и выражения). М., 2006.

Попов 1912 — В. М. Попов. Словарь воровского и арестантского языка. Киев, 1912.

Потапов 1927 — С. М. Потапов. Словарь жаргона преступников (Блатная музыка). М., 1927.

Преображенский 1 — А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1910—1914.

Приемышева 2009 — М. Н. Приемышева. Тайные и условные языки в России XIX века. Ч. 2. Приложения. СПб., 2009.

Путилин 1904 — И. Д. Путилин. Условный язык петербургских мошенников, известный под именем «музыки», или «байкового языка» // Записки Ивана Дмитриевича Путилина в 6-ти кн. Кн. 4. СПб., 1904. С. 261—267.

Росси 1991 — Жак Росси. Справочник по ГУЛАГу. М., 1991 (пер. с: Jacques Rossi. The Gulag Handbook // A Historical Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms Related to the Forced Labour Camps. London, 1987).

САР — Словарь Академии Российской. Ч. 1—6. СПб., 1789—1794 (переизд.: М., 2001—2006).

СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII веков. Вып. 1—28—М., 1975—2008.

СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1—16— СПб., 1984—2006—

Смирнов 1899 — Н. Смирнов. Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа Вс. Крестовского «Петербургские трущобы» // Изв. ОРЯС АН. Т. 4. Кн. 3. СПб., 1899. С. 1065—1087.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л., 1966—2006.

Стратен 1931 — В. В. Стратен. Арго и арготизмы // Труды Комиссии по русскому языку АН СССР. Л., 1931. Т. 1. С. 111—147.

Трахтенберг 1908 — В. Ф. Трахтенберг. Блатная музыка («Жаргон» тюрмы) / Под ред. и с предисл. проф. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ. СПб., 1908.

Трубачев 1965 — О. Н. Трубачев. Этимологические мелочи // Этимология. 1964. М., 1965. С. 131—134.

Фабричный 1923 — П. Фабричный. Язык каторги // «Каторга и ссылка», 1923, № 6.

Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1986.

Фридман 1931 — М. М. Фридман. Еврейские элементы «блатной музыки» // Язык и литература. Т. VII. Л., 1931. С. 131—138.

Хандзинский 1926 — Н. Хандзинский. Словарь блатного жаргона. Из статьи «Блатная поэзия» // «Сибирская живая старина», вып. 1 (1), 1926.

Хобзей и др. 2009 — Н. Хобзей, К. Сімович, Т. Ястремська, Г. Дидик-Меуш. Лексикон львівський поважно і на жарт. Львів, 2009.

Шведова 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. акад. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1—36. М., 1974—2010.

Югановы 1997 — И. Юганов, Ф. Юганова. Словарь русского сленга. М., 1997.

SPP — J. Anusiewicz, J. Skawiński. Słownik potocznej polszczyzny. Wyd. 2, popr. Warszawa, 1998.

Brückner 1927 — A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.

Doroszewski — Słownik języka polskiego, pod red. W. Doroszewskiego. T. I—XI, Warszawa, 1958—1969.

Kurka 1896 — A. Kurka. Słownik mowy złodziejskiej, zebrał Antoni Kurka. Lwów, 1896.

Kurka 1899 — A. Kurka. Słownik mowy złodziejskiej, zebrał Antoni Kurka, c.k. oficjał Dyrekcyi policyi we Lwowie. Wyd. 2, zmienione i rozszerzone. Lwów, 1899.

Kurka 1907 — A. Kurka. Słownik mowy złodziejskiej, zebrał Antoni Kurka, c.k. adjunkt Dyrekcyi policyi we Lwowie. Wyd. 3, zmienione i rozszerzone. Lwów, 1907.

Landau 1902 — A. Landau. Zur polnischen Gaunersprache. [pec. na:] Słownik mowy złodziejskiej, zebrał Antoni Kurka, c.k. oficjał Dyrekcyi policyi we Lwowie. Wyd. 2, zmienione i rozszerzone. Lwów, 1899 // Archiv für slavische Philologie. Bd. 24. 1902. S. 137—150.

Roudet 2006 — R. Roudet. Origine et histoire de *ment* «flic»: anglicisme, polonisme ou autre? // Slavica occitania. № 22 (2006). Monde slave et interculturalité: (civilisation, linguistique, littérature). Mélanges offerts à Roger Comtet. Toulouse, 2006. P. 121—130.

Rudnyćkyj 1943 — J. Rudnyćkyj. Lemberger Ukrainische Stadtmundart (Znesinnja): Unter Benutzung von Schallplatten bearbeitet von J. Rudnyćkyj // Arbeiten aus dem Institut für Lautforschung an der Universität Berlin. № 11. Berlin; Leipzig, 1943.

Stępiak 1993 — K. Stępiak. Słownik tajemnych gwar przestępczych. Londyn, 1993.

SGW — H. Michalski, J. Morawski. Słownik gwary więziennej. Warszawa, 1971.

Szaszkiewicz 1997 — M. Szaszkiewicz. Tajemnice gryspierki. Kraków, 1997.

UEW — K. Redei. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1988.

A. M. MOLDOVAN

ON THE ETYMOLOGY OF *MENT*

The article deals with the history of the Russian word *ment* and analyzes different views on its origin. In particular, arguments are presented against the most common hypothesis that russ. *ment* comes from pol. *mente* 'soldier.' A new etymology is proposed instead; it relates russ. *ment* to pol. *męt*; the Polish word has the figurative meaning 'dregs of society, rabble'; in Polish criminal slang it can designate policemen.

Keywords: Russian language, etymology, history of words, lexis, jargon, slang.

И. С. ЮРЬЕВА

ИНФИНИТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ С ГЛАГОЛАМИ ИМАМЪ И ИМОУ В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ¹

В данной статье описывается значение, употребление и соотношение инфинитивных конструкций с глаголами **имамъ** и **имоу** в различных древнерусских письменных памятниках.

В качестве источников выбраны следующие тексты: летописи: 1) Повесть временных лет (по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам) — по изд.: [ПСРЛ I: 1—286; ПСРЛ II: 1—285]; 2) Киевская и Галицко-Волынская летописи по Ипатьевскому списку (соответственно КЛ и ГВЛ) — по изд.: [ПСРЛ II: 285—938]; 3) Новгородская Первая летопись старшего извода по Синодальному списку (далее НПЛС), Новгородская Первая летопись младшего извода по Комиссионному списку (НПЛК) — по изд.: [ПСРЛ III]; 4) Суздальская летопись (СЛ) — по изд.: [ПСРЛ I: 287—540]; 5) Московский свод конца XV в. (МС) — по изд.: [ПСРЛ XXV]; 6) Летопись Авраамки (ЛА) — по изд.: [ПСРЛ XVI]. Использован материал юридических документов Древней Руси: 1) Русская Правда — по изд.: [Тихомиров 1953]; 2) другие древнерусские княжеские уставы — по изд.: [Акты 1836; Щапов 1976]. Рассмотрен материал древнерусских грамот — по [Зализняк 2004] и по изд.: [СГ 1963]. Исследованы также жития: 1) Житие Андрея Юродивого (ЖАЮ) в древнерусском переводе к. XI — н. XII в. (по сп. Тип. собр. № 182 к. XIV в., дополненному по сп. Сол. собр. № 216 XV в.) — по изд.: [Молдован 2000: 159—450]; 2) оригинальные славянские жития из Успенского сборника к. XII — н. XIII в.: а) Сказание о Борисе и Глебе (СкБГ), б) Житие Феодосия Печерского (ЖФП) — по изд.: [УС: 43—135].

1. Обороты с глаголом **имамъ**

Инфинитивные сочетания «**имамъ** + инфинитив» — один из вариантов так называемого «сложного будущего первого». С самого начала изучения этих конструкций многие исследователи указывали на дополнительное модальное значение у глагола **имѣти** в составе инфинитивных оборотов.

¹ Работа выполнена в рамках проекта по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущей научной школы Российской Федерации НШ-3402.2010.6.

Так, еще Ф. И. Буслаев писал, что **имамь** — наряду с **хочю** — в сочетаниях с инфинитивом мог вносить в инфинитивные конструкции значение «намерения, расположения и повода» [Буслаев 1881: 132].

Подробно семантика инфинитивных сочетаний с **имѣти** впервые описана у А. А. Потебни. Исследователь выделяет в этих конструкциях три возможных значения глагола: а) «**имамь** + инфинитив» = «**μέλλω** + инфинитив»; б) «будущее без оттенков»; в) «модальный оттенок необходимости» [Потебня 1888: 363—364].

В качестве примеров на значение (а) приведены только цитаты из Евангелия, в которых инфинитивные сочетания с глаголом **имамь** соответствуют греческим инфинитивным же конструкциям с глаголом **μέλλω**, например: «**прити имать сынъ чловѣчьскыи, μέλλει ἔρχεσθαι**, Мф 16: 17» [Там же: 363]. По всей видимости, исследователь воспринимает греческие конструкции «**μέλλω** + инфинитив» как формы сложного будущего — со значением «чистого» будущего: в своей работе А. А. Потебня поясняет значение глагола **μέλλω** через слово **τὸ μέλλον** ‘будущее время’ [Там же: 370].

Однако в действительности сам греческий глагол **μέλλω** вносит в сочетания с инфинитивом тот или иной модальный оттенок². В приводимом А. А. Потебней греческом евангельском тексте инфинитивное сочетание с **μέλλω** выражает значение ‘Ему предстоит прийти’, то есть вспомогательный глагол имеет значение предположения о будущем на основании каких-либо обстоятельств. Итак, для передачи греческой инфинитивной конструкции, имеющей помимо значения будущего дополнительное модальное значение ‘предстоять’, ‘быть должным’, выбрано сочетание инфинитива с **имамь**. Логично предположить, что греческой конструкции с модальностью долженствования соответствует в церковнославянском конструкция, также обладающая модальным значением, а не «чистое» будущее — значение (в) из [Потебня 1888].

Значение сочетания «**имамь** + инфинитив» не полностью соответствует различным возможным значениям конструкции «**μέλλω** + инфинитив», и в приведенном А. А. Потебней контексте перед нами не простое калькирование: во-первых, инфинитивными сочетаниями с глаголом **имамь** могли

² Значение **μέλλω**: «а) ...означает намерение или желание человека, составляющее проявление его воли: **μέλλω γράφειν** “я намереваюсь (намерен, хочу, думаю) писать”; **ἔμελλον γράφειν** “я намеревался (был намерен, хотел, думал) писать”... б) Оно означает предположение о будущем, причем выражается мысль, что подлежащее этого сочетания будет действовать или будет находиться в известном положении не по своей воле, а в силу каких-либо внешних обстоятельств...: **μέλλει ἀποθανεῖσθαι** или **ἀποθνήσκειν** “он ожидает, что умрет”, “ему предстоит умереть”, “он близок к смерти”, **ἔμελλεν ἀποθανεῖσθαι** или **ἀποθνήσκειν** “он ожидал, что умрет”, “ему предстояло умереть”, “он был близок к смерти”» [Соболевский 2003: 300].

быть переведены и другие греческие сочетания и формы³; во-вторых, сами греческие сочетания с μέλλω переводились инфинитивными сочетаниями с разными глаголами⁴.

Таким образом, в иллюстративных контекстах А. А. Потебни к значению (а) вряд ли имеет смысл вслед за ученым рассматривать «**ИМАМЬ** + инфинитив» как «чистое» будущее.

В качестве примеров к значению (б) в работе А. А. Потебни приводятся цитаты из Остромирова Евангелия и греческие соответствия инфинитивных сочетаний с **ИМАМЬ**. Но, в отличие от примеров к значению (а), здесь сочетаниям «**ИМАМЬ** + инфинитив» соответствуют не конструкции «μέλλω + инфинитив», а формы греческого простого будущего. Рассмотрим один из приводимых примеров: «**КГДА ЖЕ ПРЪДАЖЪ ВЪ, НЕ ПЬЦЪТЕСА, КАКО ИЛИ ЧЪТО ИМААТЕ ГЛАГОЛАТИ (λαλήσετε)... ДАСТЪСА (δοθήσεται) ВАМЪ, ЧЪТО ГЛАГОЛКТЕ (λαλήσετε)**»⁵, О.Ев. Мат. 10, 19» [Потебня 1888: 363—364]. Инфинитивному сочетанию **ИМААТЕ ГЛАГОЛАТИ** соответствует греческое простое будущее (λαλήσετε). Но ниже в том же стихе Остромирова Евангелия, приводимом исследователем, форма λαλήσετε передается как **ГЛАГОЛКТЕ**. А. А. Потебня видит разницу в том, что во втором случае оба действия представлены одновременными, а в первом — следующими друг за другом [Там же: 363]. Так, по мнению исследователя, **ДАСТЪСА ВАМЪ, ЧЪТО ГЛАГОЛКТЕ** означает: ‘дастся вам (сразу же), что сказать’ — а **НЕ ПЬЦЪТЕСА, КАКО ИЛИ ЧЪТО ИМААТЕ ГЛАГОЛАТИ** — ‘не заботьтесь (сейчас), как и что скажете (потом)’.

Итак, по мнению А. А. Потебни, при передаче одной и той же формы (греческого простого будущего) переводчиком сознательно использовались разные формы, чтобы выразить разные значения, и, соответственно, значение конструкции «**ИМАМЬ** + инфинитив» не эквивалентно «чистому» значению будущего.

Помимо предлагаемых А. А. Потебней значений одновременности/последовательности в подобных случаях, вероятно, возможно также, что **ИМАМЬ**-оборот в этой цитате из Остромирова Евангелия передает смысл ‘надлежит сказать, суждено сказать’ — ведь речь идет о предрекаемом бу-

³ Н. Birnbaum в работе [Birnbaum 1958] перечисляет греческие соответствия конструкциям «**ИМАМЬ** + инфинитив» в евангельских текстах: простое будущее, οὐ μή + аорист конъюнктива/аорист опатива/презент конъюнктива/простое будущее, реже аорист индикатива, μέλλω + инфинитив, ἔχω + инфинитив, аорист конъюнктива [Ibid.: 215—220].

⁴ Например, **СЕ ЖЕ ГЛАГОЛААШЕ ЗНАМЕНАМЪ, КОКИЖ СЪМЪРТИИЖ ХОТЪАШЕ ОУМРЪТИ** (Остромирово Евангелие, цит. по: [Потебня 1888: 370]), τοῦτο δὲ ἔλεγεν σημαίνων ποῖω θανάτῳ ἤμελλον ἀποθνήσκειν, ΙΩ 12: 33. [NT 1999: 292]

⁵ Греческий текст: ὅταν δὲ παραδῶσιν ὑμᾶς, μὴ μεριμνήσητε πῶς ἢ τί λαλήσετε· δοθήσεται γὰρ ὑμῖν ἐν ἐκείνῃ τῇ ὥρᾳ τί λαλήσετε, ΜΑΤΘ 10: 19 [NT 1999: 25]. Синодальный перевод: *Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать*, Мф. 10: 19 [Библия 2006: 1023].

душем. Соответственно, и здесь, как и в примере на значение (а), не исключена модальность⁶.

Для значения (в) А. А. Потебня приводит пример из ПВЛ: «сребромъ и златомъ не имамаь налѣсти (мне не найти, наверное не найду)⁷ дружины..., Лавр. 54» [Потебня 1888: 364]. К значению (в) исследователь относит и сочетания «**имамаь + быти**». **Имамаь** в сочетании с инфинитивом **быти**, по мнению исследователя, может иметь значение настоящего «с оттенком вероятности: взяша и, мертва мняше, вынесше положиша и пред пещерою и узрѣша, яко живъ есть, и рече игумен Оеодосий, яко “се имамаь быти отъ бѣсовскаго дѣйства”, Лавр. 83, т. е. не “будет” (das wird wohl sein), а “должно быть, вероятно” (млр. мабуь), это происходит (теперь) от бесовского наваждения» [Там же: 365].

Итак, по мнению А. А. Потебни, глагол **имамаь** в сочетаниях с инфинитивом не только играл формальную роль в образовании сложного будущего, но и мог вносить дополнительные модальные значения (для исследователя это значения уверенности или предположительности). В тех случаях, в которых А. А. Потебня видит для инфинитивного сочетания с глаголом **имамаь** значение «чистого» будущего ((а) и (б)), в действительности глагол, по всей видимости, вносит в инфинитивную конструкцию значение, выделяемое исследователем как значение (в).

Исследованию семантики т. наз. «будущего сложного первого» с разными модальными глаголами посвящены работы 80-х гг. XX в. Э. К. Мустафиной и Э. К. Мустафиной — Г. А. Хабургаева [Мустафина 1984а; 1984б; Мустафина, Хабургаев 1985]. Э. К. Мустафина, исследуя семантику инфинитивных сочетаний с глаголом **имамаь**, пишет, что этот древнерусский глагол в инфинитивных конструкциях всегда актуализирует значение неизбежности, неотвратимости какого-либо действия: «**видиши, колико зла створиша русь грекомъ, и нынѣ, аще не идеши, то же имуть створити намъ...** — ‘Видишь, сколько зла причинили русские грекам, так и теперь: если (ты) не пойдешь, то они сделают [обязательно, неизбежно] с нами то же’» [Мустафина 1984б: 9]. Это близко к тому толкованию, которое предложил для «**имамаь налѣсти**» из Повести временных лет А. А. Потебня.

Само значение неизбежности естественным образом развивается из основного значения глагола **имѣти** = ‘иметь’, ‘обладать’. Действие или событие, выражаемое инфинитивом в конструкции, подается как уже «принадлежащее» субъекту, как «находящееся в его собственности». Именно такое «обладание» событием и выражает «**Х имамаь (произойти)**», т. е. ‘Х (непременно) произойдет’.

⁶ Тем более что есть варианты текста, в которых употребляется не простое будущее *λαλήσετε*, а аорист конъюнктива *λαλήσητε* [NT 1990: 34], обладающий модальным значением. У инфинитивного сочетания с **имамаь** наиболее вероятно здесь значение долженствования (о нем см. ниже).

⁷ Толкование А. А. Потебни.

Анализ источников дал следующие результаты.

В исследованных древнерусских деловых документах **имамь**-обороты не употребляются.

В летописных и житийных текстах конструкций «**имамь** + инфинитив» встретилось относительно немного. При этом большинство таких сочетаний в летописях принадлежит ранним записям (больше всего оборотов с **имамь** в ПВЛ — 26 в Лавр. и 30 в Ипат.). Это свидетельствует в пользу архаичности инфинитивных сочетаний с **имамь**. Обороты «**имамь** + инфинитив» считались, очевидно, маркированно книжными: об этом говорит высокая степень книжности всех обнаруженных контекстов, содержащих **имамь**-конструкции: ср., например, употребление в таких контекстах союзов **аще**, **доньдеже**, **понеже** и под., наречия **онамо**, причастия **рекъше** в значении вводного слова, местоимения **иже**, страдательных причастий настоящего времени и др.

1.1.1. В подавляющем большинстве летописных контекстов глагол **имамь** в инфинитивных конструкциях выступает в значении неизбежности, неотвратимости. Контексты чаще всего — предсказание (неизбежное будущее) или клятва, ср.:

(1) **аще не подѣстѣните зѡрѣтра рано подѣ горо(д). предатисѧ имѣтъ** ([непрѣменно] *сдадутся*) **лю(д)ѣ пѣченѣго(м)** (ПВЛ Ипат., л. 26, под 968 г.). Здесь реализованы отношения ‘определенное условие (отсутствие помощи) — неизбежное следствие’.

(2) **молвашеть во азѣ славы дѣла не бѣжахѣ. тогда ѿ дружины. и нынѣ не славынѣмъ поутемъ. не имамъ поити** (*ни в коем случае не пойду*) (КЛ, л. 226 об., под 1185 г.). **Имамь**-оборот употребляется в клятве. **Имамь** с отрицанием вносит в инфинитивную конструкцию значение ‘ни в коем случае не’, ‘ни за что не’.

(3) **изиде же бѣла рикъ рекъмъи король Оугорскъи. в силѣ тажъцѣ. рекшо емоу тако не имать встати градъ Галичъ** (*городу Галичу [ни за что] не выстоять*). **нѣ кто избавляа и ѿ роукоу моею** (ГВЛ, л. 257 об., под 1229 г.). Возможно, употребленное в данном контексте сочетание — фразеологизированное и восходит к тексту Евангелия, ср.: **не имать остати съде камень на камени**, Мк 13: 2 [МЕ 1883: 167].

(4) **Тогда князь велики Михаилъ отвеща: «Тебе, царю, кланяюся, понеже ти поручилъ Богъ царствие и славу свѣта сего, а еможе ми велиши кланатися, сему не кланяюся».** **Блдега же рече ему: «Михаил, вѣдаа буди, жив не имаша быти** (*тебе [ни за что] не остаются в живых*)» (МС, л. 172 об., под 1246 г., св. Мих. Черниговский).

Следует отметить, что в Новгородской Первой летописи по Комиссионному списку 18 из 19 инфинитивных сочетаний с глаголом **имамь** встречаются во вставных текстах: в контекстах из ПВЛ (абсолютное большинство) и в цитатах из Св. Писания. Одна **имамь**-конструкция НПЛ (зафиксированная в обоих списках, причем для Синодального списка это

единственный пример оборота с **имамь**) принадлежит тексту «Повести о битве на Калке». Как показано в [Гиппиус 2009], эта повесть не является вставной [Там же: 194], но записавший ее летописец ориентировался в литературном отношении на киевскую традицию [Там же: 184—185]. Все контексты из Летописи Авраамки также новгородского происхождения: в основном, это текст ПВЛ. Единственное исключение — речь кн. Витовта — по происхождению тоже не новгородский текст, совпадающий с МС (МС, л. 340, под 6925 = 1417 г.):

(5) **имамь** **вса** люди **своеа** **земла** **въ** **свою** **Нѣмѣчкю** **въ** **ѣру** **превратити** (*непреренно* *обращу*) (ЛА 166: 19—20, под 6925 = 1417 г.).

По-видимому, конструкции «**имамь** + инфинитив» не были характерны для памятников новгородской зоны.

1.1.2. В житиях из Успенского сборника, как и в летописях, глагол **имамь** в инфинитивных конструкциях выступает в том же типе контекстов и в основном реализует значение неотвратимости, ср.:

(1) (Святополк после убийства Бориса) **аще** **бо** **до** **сѣде** **оставаю** **дѣло** **оу** **вннства** **можего**. **то** **дѣво** **кго** **имамъ** **чапати** (*мне [непреренно (следует)] ожидать*) **тако** **аще** **оу** **слышатъ** **ма** **братиа** **моа** **си** **же** **варивъше**. **въздадатъ** **ми** **и** **горьша** **сихъ** (СкБГ 13а 1—7 — 50⁸).

(2) **внѣ** **же** **пакы** **гласе** **кмоу**. **молю** **ти** **са** **оче** **таке** (!) **ѡселѣ** **не** **могоу** **пребывати** **въ** **келии**. **множества** **ради** **живоуцихъ** **бѣсовъ** **въ** **ней**. **тѣгда** **же** **блжени** **прекрстивы** **и** **таче** **гла** **кмоу**. **иди** **и** **боуди** **въ** **келии** **своки**. **и** **штселѣ** **не** **имоутъ** **ти** **никогда** **же** **пакости** **створити** (*[ни при каких обстоятельствах] не причинят*) **лоукави** **бѣси** **не** **бо** **видѣти** **ихъ** **имаша** (*[ни в коем случае] не увидишь*) (ЖФП 44в 16—28 — 100). Контекст — предсказание; глагол **имамь** актуализирует значение ‘непреренно’/ ‘обязательно’, соответственно, с отрицанием — ‘ни за что не’/ ‘ни в коем случае не’.

(3) (предсказание) **и** **рече** **придетъ** **ча** **егда** **не** **могоутъ** **помощи** **ласкавници** **ти**. **а** **моа** **словеса** **поминати** **имата** (*вы [непреренно] вспомните*). **нѣ** **не** **боудетъ** **что** **створити** (ЖММ 107г 3—7 — 195).

В ЖАЮ инфинитивных сочетаний с глаголом **имѣти** всего два, причем оба они встречаются в цитатах из Евангелия:

(4) **рѣ** **гъ** **о** **держацихъ** **са** **земныхъ**. **тако**. **«видаше** **оувидите**. **не** **имате** **видити»** (*[никогда] не увидеть вам*). **ѡ** **бо** **при** **хрѣстѣ** **быша**. **ходащо** **кму** **по** **землѣ** (ЖАЮ 2370/2373 — 273⁹). Это цитата из Евангелия от Матфея, где говорится о пророчестве Исаяи, ср. Мф. 13: 14: **сбываетъ** **са** **пророчество** **исаино** **глаголюще** **е** **слоухомъ** **оуслышите** **и** **не** **имате** **разоумѣти**. **и** **зъраше** **оузрите** **и** **не** **имате** **видѣти** по Мариинскому Евангелию

⁸ В контекстах из Успенского сборника здесь и далее указывается столбец, строки и страница издания.

⁹ Здесь и далее в ЖАЮ первая цифра — номер строки, вторая — страницы издания.

[ME 1883: 43], в греческом тексте Евангелия, МАТΘ 13: 14 καὶ βλέποντες βλέψατε¹⁰ καὶ οὐ μὴ ἴδῃτε [NT 1999: 33]. Конструкция «**имамь** + инфинитив» здесь соответствует греческому аористу конъюнктива с οὐ μὴ, т. е. явно не является буквальным переводом с греческого. Глагол **имамь** вносит в инфинитивную конструкцию значение ‘ни в коем случае не’, ‘ни за что не’, как и в приведенных контекстах-предсказаниях из летописных источников.

(5) а индѣ весьдѣ брани и смѣщениа и голка велика с’творитсѧ по рѣномꙋ. ꙗко «**слышатн имаѣ** ([*обязательно/непрерывно*] *услышите*) брани и слышаниа брании» (ЖАЮ 5212/5214 — 408). Данный текст — из пророчества Христа в Евангелии от Матфея, ср. Мф 24: 6: οὐσλῡσῡατῡ жє имаѧтє брани и слῡшаниа брани¹¹. Остр. Ев. [Срезн. III: 438]. В греческом Евангелии МАТΘ 24: 6 μєλλῡσєтє δє ἀκούσєι πολέμους καὶ ἀκοὰς πολέμων [NT 1999: 68] — в этом случае с помощью инфинитивной конструкции с глаголом **имамь** передано греческое сочетание будущего времени глагола μέλλω + инфинитив (о значении таких греческих конструкций см. выше). Контекст, как и первый пример, — предсказание, глагол выступает в том же самом значении.

Оба контекста с глаголом **имамь** из ЖАЮ, хотя и представляют собой евангельские цитаты, не являются прямыми кальками с греческого. Инфинитивное сочетание с **имамь**, как было сказано выше, в разных случаях может соответствовать различным формам или конструкциям греческого языка; в ЖАЮ это форма конъюнктива с οὐ μὴ и конструкция с μέλλω.

В переводном Житии Андрея Юродивого ситуация с **имамь**-конструкциями вполне соответствует ситуации в оригинальных древнерусских текстах.

Употребление **имамь**-оборотов в ЖАЮ, переведенном скорее всего в Новгороде [Молдован 2000], согласуется с предположением о том, что эта конструкция не характерна для новгородской литературной традиции, так как в ЖАЮ, как и в НПЛ и ЛА, глагол **имамь** в сочетании с инфинитивом встречается только во вставных (неновгородских) фрагментах.

1.2. Еще одно значение, реализуемое глаголом **имамь** в инфинитивных конструкциях, — значение долженствования.

Как и значение неизбежности, это значение логически связано с основным значением глагола ‘иметь’, ‘обладать’. Только основным здесь является не элемент собственно «обладания» событием, а то, что это событие находится в зоне ближайших действий субъекта. Речь, таким образом, идет о действии, которое субъект «имеет перед собою», то есть должен совершить.

У глагола **имамь** значение долженствования выделял А. А. Потебня, но только в сочетании с **быти** в значении «должно быть» [Потебня 1888: 365] (см. выше).

¹⁰ Есть вариант с простым будущим βλέψετε [NT 1990: 48].

¹¹ Канонический перевод: «Также услышите о войнах и о военных слухах» [Библия 2006: 1044].

Как показали исследованные тексты, существуют и другие употребления **имамь** в значении долженствования, хотя и крайне редко.

Инфинитивные конструкции, в которых **имамь** выступает в значении долженствования, встретились только в трех контекстах — из ПВЛ по Ипат., Лавр. и списку ЛА, а также в СкБГ.:

(1) и **ре(ч)** жена къ змию. **ре(ч)** бѣ не им(а)та гастн (*вы двое не должны есть*) или да оумрета смрѣтью (ПВЛ Ипат., л. 35, под 986; тот же текст в ЛА 3: 29—31). Этот контекст, вероятнее всего, не точная цитата из Библии, а пересказ, поскольку в греческом здесь следующий текст: ... εἶπεν ὁ Θεὸς Οὗ φάγεσθε (imperat. aor. 2 pl.) ἀπ' αὐτοῦ οὐδὲ μὴ ἄψησθε αὐτοῦ, ἵνα μὴ ἀλοθανεῖσθε, Gen 3: 3 [Septuaginta I: 4]. Ср. в современном церковнославянском: ... и рече жена змию: Ѡ всакагѡ древа райскагѡ гастн бѣдемъ: Ѡ плода же древа, еже есть посредѣ раа, рече бѣ, не гасте Ѡ негѡ, ниже прикоснетеса емѣ, да не оумрете..., Быт. 3: 3 [http://www.bible-center.ru/bibletext?cont= oldslav_ru&txt=ge+3]. В греческом тексте перед нами императив аориста, что исключает возможность калькирования для **имамь**-конструкции.

(2) **пришедше** **взаша** и мертва **мн(а)ще** [и] **вynesше** **положиша** и **пре(д)** **пещерою** . и оузрѣша **яко живѣ** ксть . и **ре(ч)** **игуменъ** **Θεωδосии** **яко се** имать быти (*должно быть*) Ѡ **вѣсовьскаго дѣинства** (ПВЛ Лавр. 65—193, под 1074) — пример, приведенный в [Потебня 1888: 365].

(3) ...**симъ** **иже** **вѣрою** и **бесоумнениа** **просать**. **колико** са имашн **потрудити** (*сколько ты должен / тебе необходимо потрудиться*) **да застоупника** **обращеши**. **къ смъртноумоу цѣрю** **приводящю**. и тебе ради **отгвѣты** **творящю** или **нѣ** **приставьники** **вьсего** **рода**. **иже** **къ** **Богоу** **за ны** и **молитвы** **творятъ**... (СкБГ — чудеса 18в 21—31 — 59).

Итак, значение долженствования у **имамь** устанавливается только в трех контекстах. Может быть, это значение было более редким по сравнению со значением неизбежности. В частности, среди всех старославянских евангельских **имамь**-конструкций (полностью приведенных в работе [Birnbau 1958]) значение долженствования можно предположить лишь у контекста **не пьцѣтеса**, **како** или **чѣто** **имаате** **глаголати**, Мт. 10: 19, приведенном в начале статьи.

Данные всех исследованных источников подтверждают, что употребление **имамь**-конструкций было признаком книжного языка: даже в текстах гибридного регистра примеры таких сочетаний отмечаются только в маркированно книжных контекстах. Этот факт подтверждает ранее высказывавшееся исследователями (в частности, [Гудков 2007]) предположение о том, что инфинитивных оборотов с **имамь** не было в живом древнерусском языке. О том же говорит их отсутствие в древнерусских деловых документах. В современных русских диалектах также нет конструкций, генетически восходящих к сочетаниям «**имамь** + инфинитив».

II. Конструкции «*нмоу* + инфинитив»

Следует различать инфинитивные сочетания с формами *нмамы*, *нмаши*, *нмать* и сочетания с формами *нмоу*, *нмешн*, *нметь*. Эти конструкции различаются не только генетически — формы *нмамы*, *нмаши* и т. д. принадлежат к древней парадигме глагола *нмѣти*, а *нмоу*, *нмешн*, *нметь* являются формами глагола *пати* — но и семантически.

В отличие от конструкций «*нмамы* + инфинитив», свойственных книжным памятникам, конструкция «*нмоу* + инфинитив» встречается в памятниках деловой письменности (см. примеры в [Соболевский 1888: 168; Дурново 2000: 312]). В. И. Борковский отмечает формы сложного будущего с *нмоу* как основной способ выражения значения будущего в исследованных им грамотах [Борковский 1949: 147].

Относительно семантики и сочетаемости глагола *нмоу* по сравнению с *нмамы* И. Г. Соколова в работе, выполненной на материале памятников русской и украинской деловой письменности XV в., замечает: *нмоу* «входит в сочетания исключительно с инфинитивом НСВ, в составе этих сочетаний полностью утрачивает свое лексическое значение и не выражает каких-либо признаков ирреальной модальности» [Соколова 1972: 22]. По данным этой работы, для «*нмоу* + инфинитив» было характерно начинательное значение, которое в деловых памятниках XV в. «заметно ослабляется» [Там же]. Объясняется это «ослабление» тем, что «в юридических документах все внимание сосредоточено не на особенностях процесса протекания действия, в частности, не на выделении отдельных фаз данного процесса, а на установлении самого факта существования действия» [Там же].

Но так как главным в значении *начать* как в древнерусском, так и в современном русском языке, является именно указание на начало существования ситуации в целом [Апресян 1995: 75], то, по всей видимости, в действительности здесь дело не в «ослаблении значения начинательности», а в самих особенностях сочетаемости современного русского *начать*, который не может быть использован для перевода приводимого И. Г. Соколовой примера: «...который игумен или поп имет 8 тое ц/е/ркви пѣти, и не надобѣ ему мою дан/ь/» [Соколова 1972: 22]. Сочетаемость же древнерусского *начати* была шире, чем в современном русском языке. Эта особенность и служит причиной отмечаемого исследовательницей «ослабления начинательности». Поэтому данные И. Г. Соколовой о «начинательном» значении глагола *нмоу* указывают на близость значения *нмоу* в инфинитивных конструкциях значению древнерусского *начати* в таких же оборотах — инфинитивные сочетания как с тем, так и с другим глаголом отмечают момент начала существования ситуации¹².

Исследователи, изучавшие конструкции с *нмоу*, подчеркивали, что использование данного глагола — в отличие от *нмамы* — в сочетаниях с ин-

¹² О конструкциях с *начьноу* см. подробнее в [Юрьева 2010].

финитивом было характерно «для живого, а не книжного языка» [Кузнецов 2004: 255]. В старославянском языке не использовались инфинитивные **имоу**-конструкции со значением будущего [Гудков 2007: 21].

Именно на основе конструкций «**имоу** + инфинитив» развилось сложное будущее в украинском языке и некоторых русских говорах, что отмечено уже в [Потебня 1888: 363]. Наличие форм сложного будущего времени с *иму* в русских диалектах и в украинском отмечал и А. И. Соболевский [Соболевский 1888: 168]. В отличие от современных русских диалектов, в украинском языке вспомогательный глагол **имоу** превратился в энклитику и совершенно слился с инфинитивом. О существовании подобных форм в украинском языке и русских диалектах см. работы [Дурново 2000: 312; Соколова 1972; Мустафина 1984б: 53—54; Гудков 2007: 14] и др.

II.1. Имоу-обороты представлены не во всех исследованных деловых документах. Их нет в старших списках Русской Правды, в списке А «Торгового договора Смоленска с Ригою и Готским берегом», изводах Оленинской редакции «Устава князя Владимира о церковных судах». Самое раннее свидетельство о использовании **имоу**-конструкций — это «Договор неизвестного смоленского князя с Ригою и Готским берегом», 1223—1225 (сп. нач. XIII в.). В списках второй половины — конца XIII века инфинитивных оборотов с **имоу** уже гораздо больше (в частности, это списки В, D, E «Торгового договора Смоленска с Ригою и Готским берегом»), со временем их число растет. Все это может говорить о том, что обороты «**имоу** + инфинитив» начали распространяться в живом языке не ранее XIII в.

Во всех исследованных памятниках деловой письменности, где есть **имоу**-обороты, они употребляются однотипно: **имоу** никакого модального значения не выражает — за исключением возможного оттенка «начинательности», упомянутого выше, и в сочетаниях с инфинитивом лишь обозначает ситуацию в будущем, то есть выступает фактически как вспомогательный глагол, ср.:

(1)... или два дроуга **имета сѧ бити** (будут/станут драться), **кѣдѧго жена ѿиметь за лоно и роздавить...** (Устав кн. Владимира о десятинах..., из Синодального извода [Щапов 1976: 23]). Здесь, впрочем, не исключен и вариант соединения **имета сѧ** + **сѧ бити** (возьмутся драться)¹³. (2)... кто **иметь престоупати** (нарушит, станет нарушать) **правѣла си**, или **дѣти мон**, или **правноучата...** да **боудѣть проклати в' сини вѣкъ и в' боудущий...** ([Там же: 24]). (3) **Аще кто имѣ двѣ жены во дѣти** (будет/станет... *держатъ*), **митрополитоу к' гривѣ**, а **которам пвѣгла**, **тѣю поати в до ц(є)рк(о)вныи**, а **первѣю женѣ держати по законѣ**. **Имет ли лихо ею держати** (будет/станет... *обращаться*), **казнью казнити** (Устав кн. Ярослава о церковных судах, осн. извод [Там же: 87]). (4) [А]ще **доумаеть**

¹³ О возможности употребления одного **сѧ** на два глагола см., например, в [Зализняк 2008: 191—192]).

жона на своего моужа или зеліємь, или иными людми, или пакъ иметь вѣдати (*будет знать*¹⁴), что хотать моужа еѣ оубѣти, а она моужѣ своему не скажетъ, а вполсѣ вѣдаснитса, разлѣчи (Устав кн. Ярослава о церковных судах, Румянцевская редакция [Щапов 1976: 132]). (5) аже боудѣтъ смолянинуоу немѣчичь дѣлжнѣ въ ризѣ или на гѣтъскомь берѣзѣ. правити емоу поесъши дѣтъскын оу соудѣе. тѣ тѣ ли дѣтъскын не исправитъ возма мѣздоу. приставити на нь другого. тѣтѣ ли еметь хытрити. а поставити и передѣ соудѣю. ать выдасть и соудя (Договор неизв. смол. князя с Ригюю и Готским берегом, 1223—1225 гг. [СГ 1963: 12]). (6)... и которын. роусинѣ. или латиньскын. противоу. сек. правды. молвити. иметь. того почисти за лихн моужь (Торговый договор Смоленска с Ригюю и Готским берегом, 1229 г., список В 1297—1300 гг. [Там же: 30]). (7) оже гостѣ немѣчскын съ смолянны приехалѣ на волокъ. послати емоу члѣка своего въ борзѣ къ волочаномѣ ать перевезоутѣ немѣчскын гостѣ и смолянны с товаромь. а никто же иметь имѣ пакостити. зане в тои пакости велнка пагоуба бываеѣтѣ ѿ погани. смолянномѣ и немѣцомѣ (Торговый договор Смоленска с Ригюю и Готским берегом, 1229 г., список D (рижская редакция) [Там же: 37]).

В новгородских деловых грамотах рассматриваемая конструкция также используется. Однако, по свидетельству В. И. Борковского, в отличие, например, от московских и рязанских грамот, где единственные формы будущего сложного — имоу-конструкции, в новгородских эти формы достаточно редки (6 случаев против 20 случаев с почьноу) [Борковский 1949: 148]. По данным [Зализняк 2004], на все берестяные грамоты представлен лишь один случай будущего с имоу (*имеешь продавать*) из поздней грамоты 1380-х—1400-х гг. № 364 [Там же: 606]. Таким образом, даже в деловых текстах новгородского происхождения ситуация иная, нежели в грамотах из других диалектных зон: сочетания «имоу + инфинитив» здесь мало употребительны.

II.2. Из всех исследованных летописей имоу-конструкции встречаются только в ГВЛ, СЛ и МС. В ЛА глагол имоу представлен только в третьем разделе (где собраны различные юридические документы), так что в собственно летописном тексте имоу-конструкции не встречаются.

Употребляются обороты с имоу в том же значении, что и в памятниках деловой письменности, ср.:

(1) и посла с Василкомѣ три татаринѣ. именемь. Коуичниа. Ашика Болюга. и к томоу толмача розоумѣюща роускын газѣ(!). што имѣтъ молвити (*скажет/будет говорить*) Василко приѣхавѣ подѣ городѣ (ГВЛ, л. 283 об., под 1261 г.).

¹⁴ Не исключено здесь и употребление в значении ‘окажется, что знает’ — что дополнительно свидетельствует о сходстве имоу- и начьноу/почьноу-конструкций (о таком употреблении начати в инфинитивных сочетаниях см. [Юрьева 2010]).

(2) *А кнѣгини моѧ по моемъ животѣ. ѡже восхочеть в черничѣ понти поидеть. аже не восхочеть ити. а како еи любо. мнѣ не воставши смотритъ что кто иметь чинити (будет/станет делать). по моемъ животѣ* (ГВЛ, л. 299/299 об., под 1283 г., завещание волынского князя Владимира Васильковича).

(3) *Кгда же изби богаръ и повелѣ паломници тѣ пустити. а портгы повелѣ дати паломникѣмъ извиггы богаръ. река имъ въ кете гостн. а паломници. ходите по землѣмъ тако молвите хго иметь держати споръ (кто станет/будет спорить...) с своимъ баскакомъ тако ему будетъ* (СЛ, л. 170, под 1283 г.).

(4) *Болѣзнь же сицева бысть людем: преже, ако рогатиною ударитъ за лопаткѣ или противу сердца по грудн и промежн крыль, и разболѣвса начнет кровью хракати и огнь ражжет, по сем потъ иметь, по том дрожъ имет, и имет ходити (будет/станет «ходить») по всѣм ставом человекъ-чим недугъ тон* (МС, л. 339 об., под 1417 г.).

Что же касается памятников новгородского происхождения, то в них инфинитивных сочетаний с глаголом *имоу* нет. Вероятно, и конструкции с *имоу* — так же, как и инфинитивные сочетания с *имамь* (см. раздел I), — не были характерны для новгородской летописной традиции.

III. Сосуществование *имамь*- и *имоу*-конструкций

Как было сказано выше, между *имамь* и *имоу* существуют различия и в области семантики, и в сфере употребления. Однако в некоторых работах инфинитивные сочетания с формами *имамь* и *имоу* рассматриваются все же как один и тот же оборот. В связи с проблемой соотношения древнерусских глаголов *имамь* и *имоу* и объединением их парадигм в научной литературе интересно рассмотреть данные современных русских диалектов.

Словарь русских народных говоров отмечает у глаголов *иметь*, *имать*, *мать* в сочетаниях с инфинитивом следующие значения:

«*имать*... иметь намерение, желание делать что-либо, ощущать потребность в чем-либо, хотеть... *Иму пить*. Черепов., Новг., *Ен имал быть сам сядни суды*. Брян., Карач., Трубч., Орл...

имать... аю, аешь, иму, имешь... Вспомогательный глагол, формы будущего времени которого с неопределенной формой глаголов несовершенного вида употребляются для образования будущего времени изъявит. накл. ... *Имѣм есть*. Кинеш., Костром... *Я иму кататься, а ты дровушки возить*... *Старик-от имѣт драться*. Осташк., Калин., Сев.-Двин., Волог., Нижегород., Новг., Калуж... *иму делать*. Волог., ... Каляз., Твер., Владим.»

«*имѣть*... С неопределенной формой глаголов выражает будущее время... *Ты с кем имеешь ловить?* Амур.»

«*мать*... Формы будущего времени с неопределенной формой глаголов несовершенного вида употребляются для образования будущего времени изъявит. накл... *Не му плакать*. Черепов., Новг...» [СРНГ 12: 190, 193; 18: 41].

В приводимых в СРНГ примерах на одно и то же значение встречаются формы, генетически восходящие к трем разным глагольным парадигмам: **имоу, имешн...** (*иму, имём*), **имѣю, имѣешь** (*имеешь*) и парадигме древнерусского глагола **имати** (*имал* — изначально форма глагола **имати**).

По данным диалектного словаря, сочетания «*иму, имём* и т. д. + инфинитив» — это формы сложного будущего, развившиеся из сочетаний глагола **имоу** с инфинитивом.

Для формы *имал* во фразе *Ен имал быть сам сядни суды* можно предположить значение, существующее в украинском языке и отмечавшееся исследователями в русских говорах. А. А. Потебня писал об этом значении украинского глагола *мати* следующее: «...в прошедшем... выражает неисполненное намерение... вероятность» [Потебня 1888: 365]. О существовании модального значения у глагола *мати* в современном украинском языке см. также [Юрковский 1991: 105]. Таким образом, *Ен имал быть сам сядни суды* может означать *Он собирался сам сюда прийти*.

По-видимому, в русских диалектах совокупность значений глаголов *мать, имать, иметь* является результатом объединения парадигм трех различных глаголов.

Формы настоящего времени *иму, имёшь* и т. д. (изначально парадигма древнерусского глагола **яти**), а также ставшие их вариантами формы типа *имеешь* (тематические формы глагола **имѣти**) в сочетании с инфинитивом служат вспомогательными для образования сложного будущего времени.

Формы типа *имал*, изначально принадлежавшие глаголу **имати** ‘брать, хватать’, относятся к единой контаминированной парадигме диалектного глагола *имать* (иметь): *иму, имёшь/имеешь...* (настоящее время) — *имал* (прошедшее время)¹⁵.

Таким образом, возможно, что в некоторый период у глагола **имѣти** «сосуществовали», то есть соотносились с инфинитивной основой **имѣти**, три парадигмы: парадигма **имамь, имаши**, парадигма **имаю, имаеши** и парадигма **имоу, имешн**.

¹⁵ Формы глагола **имати** ‘брать’ (не по исконной модели **имати—кмлю**, а по новой модели **имати—имаю**), вероятно, в древнерусском языке стали соотноситься и с инфинитивом **имѣти** (наряду с **имати**) — точно так же, как и формы **имоу, имешн**. Об этом могут говорить данные И. И. Срезневского, который толкует инфинитивные сочетания с глаголом **имаю** как формы будущего времени, например: «Тогда ты имають предъ ними голдовати... *Пор. гр. Молд. б. 1395 г.*» [Срезн. I: 1092]. Интересно, что все примеры И. И. Срезневского — из памятников западно-русского происхождения: из Закладной грамоты польского короля Владислава Ягелло молдавскому воеводе Петру 1388 г., Поручной грамоты молдавских бояр польскому королю Владиславу 1395 г., Купчей на имение Ходора Шидловского пану Ключу 1400 г. Следует заметить, что в приведенных И. И. Срезневским контекстах для глагола *имаю* в принципе не исключено значение вероятности, намерения, которое отмечается у украинского глагола *мати* и русского диалектного глагола *имать*.

Именно такую соотнесенность с одним инфинитивом исторически разных парадигм и отмечал, например, П. С. Кузнецов, когда при описании сложных форм будущего времени в духовных и договорных грамотах московских и удельных (близ Москвы) князей XIV в. объединял формы с **имоу** и **имамь** [Кузнецов 1959: 239]. По всей вероятности, по той же причине **имоу** и **имамь** рассматриваются как формы одного глагола и в [Ломтев 1956].

Как уже говорилось в разделе I, инфинитивные конструкции с формами **имамь**, **имаши** не были свойственны живому языку, употреблялись исключительно в книжных контекстах и имели определенное модальное значение, которое со временем, возможно, перестало пониматься писцами, и **имамь**-конструкции стали восприниматься как книжные аналоги живых сочетаний «**имоу** + инфинитив», тем более что формы 3 лица множественного числа у них изначально омонимичны — **имоутъ**. Формы же парадигмы **имоу**, **имешь**, как уже было сказано выше, использовались в чисто вспомогательной функции. Несвойственность конструкций с **имамь** живому языку, в отличие от форм с **имоу**, подтверждается, в частности, отсутствием «наследников» этих сочетаний в диалектах.

Процесс контаминации парадигм отразился на развитии значений: одни и те же формы *иму*, *имѣшь* в диалектах могут не только служить вспомогательными для образования форм сложного будущего времени, но и выражать, как и форма *имал*, значение намерения, которое первоначально принадлежало глаголу **имати**.

В русском литературном языке в некоторых случаях тоже возможны инфинитивные сочетания с глаголом *иметь* — конструкция *имеет быть* и под. [Даль II: 43; БАС 5: 299; МАС I: 661], но у них нет генетической связи с «**имамь** + инфинитив» или «**имоу** + инфинитив» (и, соответственно, с современными диалектными конструкциями) — это заимствование из западноевропейских языков [Обнорский 1953: 161; Дурново 2000: 312 и др.] (ср. нем. «haben + zu + инфинитив», англ. «have + to + инфинитив», франц. «avoir + à + инфинитив» со значением долженствования).

III.1. Как показал исследованный материал, обороты «**имоу** + инфинитив» употребляются в деловых текстах не позднее первой половины XIII в. Что касается времени появления **имоу**-конструкций в летописях, то оно обычно указывается как «более позднее» по сравнению со временем фиксации инфинитивных сочетаний с **имамь** — ср. [Мустафина 1984: 53—54].

В самых ранних летописях — ПВЛ и КЛ — конструкций с **имоу** нет вовсе.

В ГВЛ есть и **имамь**-, и **имоу**-обороты. В этой летописи сочетания «**имоу** + инфинитив» зафиксированы в записях не ранее 60-х гг. XIII в. (то есть только в Волынской части, см. [Генсьорский 1961]) — тогда, когда в этом памятнике уже не встречаются инфинитивные сочетания с формами типа **имамь**, **имаши**, **имать**. Таким образом, употребление тех и других сочетаний в тексте летописи оказывается хронологически распределен-

ным, причем периода их сосуществования на материале ГВЛ не выявляется — кажется, одна конструкция сменяет другую. По-видимому, это указывает на начало проникновения книжной формы сложного будущего «**нмоу** + инфинитив» в язык летописания (что поддерживается и отсутствием сочетаний с **нмоу** в летописных памятниках до третьей трети XIII в.). Инфинитивные сочетания с рассматриваемым глаголом употребляются в составе летописи и в нормативных документах (завещание Владимира Васильковича), и в прямой речи, и в повествовательном тексте. В СЛ единственный пример с **нмоу** тоже встречается в контексте последней трети XIII в.

Ни в одной из ранних летописей не зафиксировано конструкций с **нмамы** после середины XIII в.

Особый интерес представляет употребление **нмамы**- и **нмоу**-конструкций в поздней летописи — Московском своде конца XV в. В этой летописи встречается сочетание «**нмамы** + инфинитив» в контекстах после середины XIII в., ср.:

(1) **Еще же к тому бы распра межн их и разность, овин хотаху поставити Иоанна в митрополиты, а друзин Пимина, и тако по томъ съгласившеса вси въ едину думу и ашаса за Пимена, а Иоанна оставиша. Иоанъ же рече: «азъ нмамы не обвиняса глаголати (я [непрененно?] буду... говорить) на вас, ако не истиньствуете ходаще, но со ажеу глаголите и ходите»** (МС, л. 272, под 1377 г.). Приведенный контекст — речь церковного лица. Вполне естественно, что используется книжный, считавшийся, видимо, престижным оборот с **нмамы**. Кроме того, не исключено, что это цитата.

Еще один контекст — речь Витовта — повторяется в ЛА (см. пример (5) в разделе I). Два из трех «поздних» примеров инфинитивных сочетаний с глаголом **нмамы**, зафиксированных в МС, выступают в «стандартных» и для ранних летописей контекстах (клятвах), и **нмамы** реализует свое основное значение неизбежности.

Самый поздний контекст МС с глаголом **нмамы** употреблен в записи второй четверти XV века: (2) **А твое превысочанше во Господа и з вошим желанием просим сего митрополита о оправдании и о добръ церковнем прежереченгем, да примешн богарадно и нас дла, зан(!) же то и з желаниемъ и со многым рачениемъ к тебѣ о нем приказываемъ во всѣхъ вещьехъ, еже нмаши видѣти ([непрененно?] увидишь) от него о церковнѣи пошлинѣ пристолние** (361 об. — 259; 6945 = 1437 г.; о «латинской ереси», еп. Евгений — кн. Василию Васильевичу о митрополите Исидоре). Здесь **нмамы**-конструкция используется не в предсказании и не в клятве. Возможно, перед нами обещание (*непрененно/несомненно увидишь*) — и тогда у **нмамы** в инфинитивном сочетании то же значение, что и в предыдущих контекстах. Однако вполне вероятно, что к моменту написания МС у **нмамы** в подобных книжных оборотах значение ‘непрененно’/‘обязательно’ уже не воспринималось пишущими, и сочетание «**нмамы** + инфинитив»

вставлялось в текст как застывшая специфически книжная конструкция, значение которой не осмыслялось отчетливо. Возможно, **имамь**-конструкции в это время уже осознавались просто как книжные варианты живых сочетаний «**имоу** + инфинитив» и, соответственно, никакой модальности не выражали.

Еще два достаточно необычных контекста с **имамь** из Московского свода принадлежат вставному тексту Жития Феодосия Печерского и читаются под 1074 г.:

(3) ... **аще ли по моем животѣ оскудѣвати начнет монастырь, черноризецъ имать малитиса и потреби монастырьскиа начнут оскудѣвати (!), то вѣдуще будите, ако не угоди есмь Богу** (МС, л. 5 об./6, под 1074 г.) — *Если же после моей смерти монастырь станет беднеть (начнется ситуация обеднения монастыря), «количеству монахов придется уменьшиться (?)» и нужды монастыря станут уменьшаться, то знайте, что я не угодил Богу.*

(4) ... **аще угодишь буду Богу, то по моемъ отшествии от мира сего монастырь сен начнет строитиса болми, и все в нем имать множитиса, то вѣсте, ако прилтъ есмь Богомъ...** (МС, л. 6, под 1074 г.) — *Если я окажусь угодившим Богу, то после того, как я покину этот мир, монастырь станет быстро и много строиться и все в нем обязательно умножится(?) — знайте тогда, что я принят Богом.*

Текст *Жития Феодосия* в МС восходит к ПВЛ, ср.: **аще по моемъ шшествини свѣта сего аще буду. Бѣ оугодилъ. и приалъ ма будеть Бѣ. то по моемъ шшествини монастырь са начнетъ строити и прибывати в немъ. то вѣжете како приалъ ма естъ Бѣ. аще ли по моемъ животѣ оскудѣвати начнетъ монастырь. а черноризци потребами монастырьскими. то вѣдуще будете. како не оугодилъ буду Бѣ** (ПВЛИ 69 об. — 178, под 1074 г.).

Поскольку **имамь** в первоначальном тексте отсутствует и появляется уже в позднем памятнике, а значение «вспомогательных» глаголов в конструкциях **оскудѣвати начнет** и **имать малитиса** из первого примера, а также **начнет строитиса** и **имать множитиса** из второго совершенно одинаковое: описывается начало существования будущей ситуации — можно предположить, что в повествовании о житии Феодосия Печерского из МС отражена ситуация, когда древняя, маркированно книжная и, возможно, уже непонятная **имамь**-конструкция могла быть отождествлена с живой **имоу**-конструкцией и поэтому как книжный вариант «**имоу** + инфинитив» употреблена в свойственном этой последней конструкции значении будущего без каких-либо модальных оттенков (о близости **имоу** и **начьноу** см. в разделе II).

Таким образом, особенности функционирования **имамь**-конструкций в МС несколько отличаются от ситуации в исследованных летописях, относящихся к раннему периоду. В большинстве случаев — как в ранних, так и в поздних чтениях — глагол **имамь** в инфинитивных конструкциях выступает в том же значении, что и в контекстах из ранних летописей.

Но в трех контекстах МС можно предположить утрату лексического значения **имамь**, связанную с позднейшей заменой живого сочетания с **имоу** на книжное с **имамь**.

Употребление **имоу**-оборотов в МС также отличается от ситуации в ранних летописях. Все конструкции с **имоу**, как и в ранних летописных памятниках, имеют значение будущего и не осложнены модальными оттенками, но, в отличие от ГВЛ и СЛ, контексты МС записаны не только после второй половины XIII в., но и под более ранними датами. Однако все такие употребления **имоу**-оборотов, по всей видимости, были результатом позднейшего преобразования исходного текста:

(5) **Изяслав же приказал баше послу своему: «аще ти не имут по любви креста цѣловати (не будут/станут... целовать), то рци имъ, еже есмь слышали»** (МС, л. 48/48 об., под 1147 г.). Параллельное чтение из Киевской летописи отличается от приведенного текста МС наличием возвратного **са**: **Изяславъ же рекъ баше послу своему уже ти са не имоуть по любви хрста цѣловати. скажи же имъ како есме слышали** (КЛ, л. 127, под 1147 г.). В Хлебниковском и Погодинском списках КЛ в соответствующем инфинитивном сочетании также читается **са не имоуть**, что говорит в пользу более позднего преобразования первоначального текста в МС. Таким образом, чтение КЛ отличается от МС по смыслу: в КЛ (**са не имоуть**) — *Если они не согласятся (не возьмутся, не обяжутся, не соберутся) — то...* Ко времени написания МС инфинитивное сочетание, по-видимому, было переосмыслено как «**имоу** + инфинитив» (*не станут/не будут целовать*), то есть как «чистое» будущее.

(6) ... и рече имъ: «се ранѣнъ есмь велми, молитеса о мнѣ къ королеви, а азъ тому каюся, что есмь ему сердце вередилъ и противу его стал, но согрѣшьшему и Богъ отдаеть, аще са имет каати» (*станет/будет раскаиваться*) (МС, л. 67, под 1152 г.). В параллельном чтении из Киевской летописи — нѣ же королю Бѣ грѣхы ѿдаваетъ а тѣ ми сего ѿдан (КЛ, л. 162, под 1152 г.) — нет слов **аще са имет каати**. В Хлебниковском и Погодинском списках Ипатьевской летописи также отсутствует этот элемент. Это, как и в предыдущем случае, позволяет предположить, что данный фрагмент может быть более поздним, — когда в летописный текст уже проникла живая древнерусская конструкция «**имоу** + инфинитив».

С другой стороны, возможно, что в данном контексте МС употреблен не **ати**, а **ати** + **са**: **са иметь** + **са каати**¹⁶, то есть, соответственно, инфинитивное сочетание выражает значение *возьметса, приметса каяться*.

(7) ... и послаша отрока того ночью в город, написавше ему знамение свое и рѣша ему: «иди къ Мъстиславу и рци ему: глаголють ти тако Берендичи, Тудоръ Гатмазович и Карась и Кокѣи». Се бо быша началници и нх дружина. «Тако в нас ти есть, княже, и добро и зло, аще имешь нас любити (*будешь/станешь обращаться с нами «по любви»*), ако же и отецъ

¹⁶ Ср. **имета са** + **са бити** в примере (1) из *Устава о церковных судах*.

твон любил нас, и даси нам по городу по доброму, то мы на том отступим от Издслава» (МС, л. 79/79 об., под 1159 г.). В Киевской летописи в соответствующем фрагменте используется не *нмоу*, а *хоцю*: *се му же началници бѣша Тудоръ Гатмазовичъ. Каракозъ Мнюзовичъ. и Карасъ. Кокѣи и гали бо бяху в зажити Күзмю Сновидича съ штрокомъ и послаша штрока Күзмина ночь. напсавше ему. свое знаменне. рекше ему иди оу Бѣльгородъ. ко Мьстиславу и молви ему тако в насъ ти есть кнже и добро и зло. аже нѣ хоцеши любити (намерен обращаться с нами «по любви»). тако же нѣ есть любилъ шць твон. и по городу нѣ даси по лепшему. то мы на том ѿступимъ ѿ Издслава.* (КЛ, л. 179 об., под 1159 г.). В Хлебниковском и Погодинском списках так же. Видимо, в более позднее время контекст переосмысливается и вместо подчеркивания элемента намерения просто указывается, что действие произойдет в будущем, с использованием получившей «право на существование» в тексте летописного повествования формы.

(8) Рекоша бо и се оканнии они свадци къ Давыдови: «егда иметь вас звати Мьстиславъ на обѣд, тогда и иметь вас (когда Мстислав *будет/станет звать, позовет* вас на обед, тогда (он) вас и схватит), и слово наше будет право к нам» (МС, л. 95, под 1169 г.). Этот контекст тоже имеет соответствие в Киевской летописи, и на месте *нмоу* в трех списках КЛ также используется другой глагол — на этот раз *начьноу* (*почьноу*): *рекла же башета. и то слово Дѣдѣи вже ва Мьстиславъ почнетъ звати (станет звать) на шбѣдъ то тѣ ваю гатье будеть. а наю слово право будеть к вама.* (КЛ, л. 139 об., под 1170 г.). В Хлебниковском и Погодинском списках КЛ *начне* Мьстиславъ *звати*. Здесь смысловая разница между «*нмоу* + инфинитив» и «*почьноу* (*начьноу*) + инфинитив» практически отсутствует, тем более что, как уже говорилось, оборотам с *нмоу* было свойственно «начинательное» значение. Соответственно, в своде XV в. «*почьноу* + инфинитив» заменяется ставшей «нормальной» для своего времени *нмоу*-конструкцией.

В «бесспорных» контекстах МС, как и в СЛ и во львинской части ГВЛ, *нмоу*-конструкции фиксируются примерно со второй половины — конца XIII века. Таким образом, данные МС не противоречат выводам, что примерно в это время такие сочетания и начинают употребляться в летописи.

Итак, в Московском своде отражено позднее смешение *имамь*- и *нмоу*-конструкций: в памятнике конца XV века есть и те, и другие; встречаются обороты с *имамь*, явно употребленные в том значении, которое было свойственно сочетаниям «*нмоу* + инфинитив»; в ранние контексты проникают *нмоу*-обороты, заменяя старые конструкции с *хоцю* и *начьноу* (*почьноу*).

О таком же смешении говорят и данные некоторых юридических документов. Так, в изводе Стоглава *Устава кн. Владимира о десятинах, судах и людях церковных* (осн. сп. третьей четверти XVI в.) вместо *иметь преступити* (как в других списках — см. пример выше) употреблено *имать*:

...кто **имать престѹпати** (в др. престѹпити) правна сѣа, или дѣти мон, или внѹцы мон..., а **имѹ обидити** сѹды ц(є)рковныа или ѿнимати, да бѹдѹт прокляти в сѣи вѣкѣ и в бѹдѹщѣи... [Щапов 1976: 59].

В новгородских памятниках использование **имамь-** и **имѹ-**сочетаний отличается некоторыми особенностями. Как было сказано в разделах I и II, **имамь-**конструкции отсутствуют во всех собственно новгородских исследованных текстах, а «**имѹ** + инфинитив» не употребляются в летописях и крайне редки в грамотах. Можно предположить, что в новгородской зоне обороты с **имѹ** появились позже, чем в южных и центральных говорах.

Исследованный материал позволяет сделать некоторые выводы о соотношении глаголов **имамь** и **имѹ** в инфинитивных конструкциях.

С момента появления в живом языке **имѹ-**оборотов (возможно, начало XIII в.) употребление этих глаголов было четко распределено: конструкции с **имамь** — всегда в модальном значении — употреблялись только в книжных контекстах, обороты с **имѹ** — практически во вспомогательной функции — использовались вначале в деловых и юридических текстах. В ходе распространения **имѹ-**конструкций и в собственно летописное повествование проникает живая форма сложного будущего с **имѹ** (предположительно после второй половины XIII в.), и со временем обороты с **имамь** и **имѹ** начинают смешиваться. Очевидно, парадигма глагола **ѣти** уже воспринимается как новая парадигма **имѣти**, а конструкции с **имамь** в поздних текстах используются только как книжные соответствия **имѹ-**конструкций, не имеющие никакой дополнительной модальности.

Литература и источники

Акты 1836 — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. СПб., 1836.

Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М., 1995.

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1956. Т. 5.

Библия 2006 — Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с параллельными местами и приложениями. М., 2006.

Борковский 1949 — В. И. Б о р к о в с к и й. Синтаксис древнерусских грамот: Простое предложение. Львов, 1949.

Буслав 1881 — Ф. И. Б у с л а е в. Историческая грамматика русского языка. М., 1881.

Генсьорский 1961 — А. І. Г е н с ь о р с к и й. Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). Київ, 1961.

Гиппиус 2009 — А. А. Г и п п и у с. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни... Памяти Александра Степановича Хорошева. М., 2009. С. 191—198.

Гудков 2007 — В. П. Гудков. Параллель из истории форм будущего времени в сербскохорватском и русском языках // В. П. Гудков. Исследование частных вопросов истории славянских языков. М., 2007. С. 12—22.

Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. II.

Дурново 2000 — Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Кузнецов 1959 — П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Кузнецов 2004 — П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 2004.

Ломтев 1956 — Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М., 1985. Т. I.

МЕ 1883 — И. В. Ягич. Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883.

Молдован 2000 — А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

Мустафина 1984а — Э. К. Мустафина. Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет»: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1984.

Мустафина 1984б — Э. К. Мустафина. Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет»: Дисс. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1984.

Мустафина, Хабургаев 1985 — Э. К. Мустафина, Г. А. Хабургаев. Проблема древнерусских форм сложного будущего с глаголами *имамь*, *хоуу* и *моуу* (на материале ПВЛ по спискам XIV—XVI вв.) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1985. № 2. С. 20—32.

Обнорский 1953 — С. Н. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

Потебня 1888 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888. Т. I—II.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 2001. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2000. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. М., 2004. Т. XXV. Московский свод конца XV в.

СГ 1963 — Смоленские грамоты XIII—XIV веков. М., 1963.

Соболевский 1888 — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Киев, 1888.

Соболевский 2003 — С. И. Соболевский. Древнегреческий язык. М., 2003.

Соколова 1972 — И. Г. Соколова. Будущее время глагола в русской и украинской деловой письменности XV века: Автореф. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1972.

Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка: В 3 т. СПб., 1901—1903. Т. I—III.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л., 1977. Вып. 12. Л., 1982. Вып. 18. Тихомиров 1953 — М. Н. Т и х о м и р о в. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.

УС — Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

Щапов 1976 — Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Под ред. Я. Н. Щапова. М., 1976.

Юрковский 1991 — М. Юрковский. Сложное будущее время в украинском языке XIV—XV вв. // Исследования по глаголу в славянских языках: История славянского глагола / Под ред. Г. А. Хабургаева, А. Бартошевича. М., 1991. С. 101—113.

Юрьева 2010 — И. С. Юрьева. Особенности древнерусских инфинитивных сочетаний с глаголом **начати** // Рус. яз. в науч. осв. 2010. № 20 (в печати).

Birnbaum 1958 — H. Birnbaum. Untersuchungen zu den Zukunftumschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslawischen. Stockholm, 1958.

NT 1990 — The Greek New Testament / Ed. by K. Aland, M. Black, C. M. Martini, Bruce M. Metzger, and Allen Wikgren in cooperation with the Institute for New Testament Textual Research, Münster/Westphalia under the direction of K. Aland and B. Aland. Third Edition (Corrected). 1990.

NT 1999 — Novum Testamentum graece post Eberhard et Erwin Nestle. Stuttgart, 1999.

Septuaginta — Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes editit A. Rahlfs. Duo volumnia in uno. Stuttgart, 1999.

I. Y. YURYEVA

THE INFINITIVE CONSTRUCTIONS WITH THE VERBS **ИМАМЪ** AND **ИМОУ** IN OLD RUSSIAN TEXTS

This article deals with such constructions as «**ИМАМЪ** + infinitive» and «**ИМОУ** + infinitive» and their correlation in Old Russian texts.

The constructions «**ИМАМЪ** + инфинитив», in which the verb **ИМѢТИ** has a meaning of inevitability or obligation, were considered as stylistically marked bookish forms — they were used in specific contexts, were not used in the letters and the Princely statutes; there are no constructions in modern Russian dialects which can be traced to **ИМАМЪ**-conjunctions. In the Novgorod texts there are no constructions «**ИМАМЪ** + infinitive» at all.

The **ИМОУ**-constructions, which were peculiar to spoken language, unlike the constructions with **ИМАМЪ**, had no modal value. On the basis of these constructions forms of periphrastic future in the Ukrainian language and some Russian dialects have developed.

Probably with the course of time the copyists ceased to understand the modal value of the infinitive constructions with **ИМАМЪ**, **ИМАШИ**, and **ИМАМЪ**-constructions began to be interpreted as the analogs of living constructions «**ИМОУ** + infinitive» — especially since their forms of the 3 person plural are originally homonymous — **ИМОУТЬ**.

Keywords: periphrastic Future tense, verbs **ИМАМЪ** and **ИМОУ**, Old Russian Chronicles, letters, Princely statutes.

А. В. САХАРОВА

**СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ
КРАТКИХ ПРИЧАСТИЙ В РУССКОЙ ЛЕТОПИСИ
ДЛЯ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ**

Введение

Функционирование причастий в средневековых восточнославянских текстах — одна из тех тем, которым традиционно уделяется внимание в русистике¹. Но при этом внимание исследователей привлекали обычно морфо-синтаксические параметры употребления кратких причастий — особенно в тех случаях, когда не действовали традиционные синтаксические ограничения на их употребление. (Ведь в «гибридных», соединяющих восточнославянские и церковнославянские элементы, текстах были возможны такие употребления кратких причастий в именительном падеже, когда не обнаруживалось никакого финитного глагола с тем же субъектом, от которого можно было бы считать причастие зависимым. Точно так же в восточнославянских текстах не действовало и церковнославянское синтаксическое ограничение на употребление дательного самостоятельного (несовпадение субъектов оборота и финитного глагола).)

Однако как именно происходил выбор между причастием (деепричастием) и личным глаголом, никем не исследовалось. Настоящая же статья продолжает цикл публикаций [Сахарова 2005; 2007а; 2007б], где описываются сами критерии распределения глагольных форм на личные и причастные для определенных глагольных лексем в русской летописи. В данной статье мы рассматриваем детально, как выбор между финитной и причастной конструкциями осуществляется в Новгородской первой летописи по Комиссионному списку по изданию [НПЛ 1950] для шести глаголов движения (*ити, ѡхати, поити, поѡхати, прити, приѡхати*). Выясняется, как в

¹ Уже для раннедревнерусского периода данные формы терминологически не корректно называть причастиями, так как они почти не использовались в качестве синтаксических определений [Зализняк 2004: 134, 184—185]. Таким образом, правильнее было бы говорить о деепричастиях, но в русистике давно сложилась традиция использовать термин *краткое причастие* (видимо, потому, что форма сохранила согласование в некоторых текстах), и в нашей работе не будем ее нарушать.

различных контекстах переднего и заднего плана употребляются конструкции с этими глаголами (личные формы, обороты с ш- и щ-причастиями, оформленные именительным и дательным падежами). Мы отдали предпочтение этому памятнику перед более древней НПЛ старшего извода, поскольку он больше по объему и поэтому более подходит для статистического анализа. Текстологическая неоднородность памятника в данном исследовании нас интересовать не будет. Специально не исследуются также и расхождения в употреблении причастных форм между Комиссионным и другими списками НПЛ (и вообще редакциями вошедших в состав НПЛ текстов).

Изложение в этой статье, так же как и в предыдущих работах этого цикла, строится следующим образом: все употребления глагольной лексики мы классифицируем по синтаксическим и прагматическим (связанным с признаками заднего плана повествования) параметрам и отмечаем, какие причастные или личные конструкции и в каком количестве в каждом контексте употребляются.

Напомним теперь, что подразумевается под задним планом (фоном) повествования. Подчиненные предикативные единицы в дискурсе служат для выражения менее важной информации [Lakoff 1984; Reinhart 1984; Tomlin 1985; 1986; Matthiesen, Thompson 1988]. Цель нарратива — рассказать об определенных изменениях действительности в той последовательности, в которой они происходили. Поэтому передний план в нарративе определяется как цепочка предикаций, описывающих происходившие одно за другим события; [Nopper 1979; Dry 1981; 1983 (цит. по [Wårvik 2002: 29]); Fleischmann 1985]. В таком случае простейший критерий деления предикаций нарратива на переднеплановые и фоновые — аспектуальный: предикации, обозначающие ситуации, одновременные событиям основной цепочки (и вообще хронологически на них накладывающиеся), относятся к фону повествования. К нарративной последовательности не принято также относить предикации, представляющие собой прагматические презумпции (о прагматической презумпции см. [Падучева 2001: 57—60; 1996: 235]), которые привязывают новую информацию к тому, о чем уже говорилось [Givón 1984, 251; Wårvik 2002: 252]. Предикации, которые не удовлетворяют сформулированным условиям второстепенности, относятся к нарративной цепочке [Dry 1981; 1983, цит. по: Wårvik 2002; 29].

Переднеплановость может также пониматься как неожиданность, нестереотипность ситуации и становиться, таким образом, прагматической характеристикой предикативной единицы [Polanyi, Nopper 1981], см. также [Fleischmann 1985; Chafe 1987]. Ожидаемой и, следовательно, менее выделенной прагматически оказывается информация о стереотипных последовательностях ситуаций. Финитные предикации в таком случае принято считать более прагматически выделенными по сравнению с нефинитными.

Употребление причастий в летописи нередко было обусловлено факторами именно такого плана, хотя некоторые закономерности употребления

причастий и не были связаны с описываемыми прагматическими параметрами [Сахарова 2005; 2007а; 2007б; 2010].

Ити

Этот глагол в летописном языке употребляется гораздо шире, чем в современном русском, обозначая любое перемещение по суше [Срезневский 1903, 1: 1023 и далее; Сл. ДРЯ 11—14 вв. 4: 178].

Разберем сначала случаи, когда предикации с глаголом *ити* можно считать фоновыми по аспектуальному критерию.

Если при этом предикация с исследуемым глаголом имеет общий субъект только с другой такой же фоновой предикацией, употребляются только финитные формы. Подобных примеров всего два:

И иде Ольга по Деревостѣи землѣ съ сыномъ своимъ и с дружиною своею, уставляючи уставы и уроки [6454];

Се слышавше людие, с радостью идяху, радующесе и глаголюще: «аще се бы было не добро, не бы сего князь и бояре прияли» [6496].

Если же субъект глагола совпадает с подлежащим предикации, принадлежащей нарративной последовательности, используются щ-причастия. Всего встретилось четыре подобных примера:

Того же лѣта прихаша послове плесковьскыи в Новьгород, зовуще владыку Василья к собѣ, дабы их благословилъ, и владыка послуша молбы их, поиха к нимъ, и, прихавши, благослови их; и идя изо Пьскова в Новьгород, преставися на пути, на рѣцѣ на Узѣ, мѣсяца июля въ 3 день, на память святого мученика Акинфа, вторник въ 9 час дни [6860];

Прииде князь Юрги из Суздаля къ Смоленску и зваше новгородцовъ на Киевъ на Всеволодка, и не слушаша его, и тогда бѣжа Ростиславъ къ Смоленску къ отцю изъ Новагорода, сентября въ 1, съдѣвъ лѣто и 4 мѣсяци; и разгнѣвася Гюрги идя опять къ Суздалью възя Новым Торгъ [6647];

...новгородци же мира не даша и стояша 3 дни и 3 ноци волость труще, села великая пожгоша, обилье все потратилиша, а скота не оставили ни рога; и потомъ идуще, взяша Кавгалу рѣку, Перну рѣку, и выидоша на море, и приидоша здрави в Новьгород [6819];

...много христианъ поѣскоша, а иных в полонъ сведоша, и воеваша и до Клина, до тѣмьрѣскаго рубежа, а все крестиянъ съкуще, аки траву, а с города Москвы взяша окупа 3 тысяцѣ рублевъ; и идуще из Рускои землѣ, взяша город Рязань [6916].

Финитные формы глагола *ити* появляются и в контекстах, похожих на описанный:

...поверзъше ужси, влечаху его по калу, биюще жезлѣмъ; и заповѣда никому же нигдѣ же не прияти. и **иде** пидьблянинъ **рано на рѣку**, хотя горънци вести в город; сице Перунъ приплы къ берви, и отрину и шистомъ [6496];

... прииде въ свои град Киевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, и пребывши лѣто едино. В лѣто 6455 **Иде** Олга к **Новугороду**, и устави по Мьстѣ погосты и дань [6455].

Но в этих случаях действуют иные факторы, из-за которых используются финитные формы: в первом из этих двух примеров между двумя предикациями с одним субъектом (*пидьблянинъ*) «вклинилась» еще одна с другим (*Перунъ*), а во втором глагол *ити*, обозначающий действие, завершившее состояние, обозначаемое причастием *пребывшии*, не может быть оформлен щ-причастием [Сахарова 2007а].

Если же субъект предикации с данным глаголом не совпадает с субъектом глагола, обозначающего какую-либо одновременную ситуацию, используется чаще дательный самостоятельный с щ-причастием. Всего четырех таких примера:

*Друзии же сказаютъ, **яко идуицю ему за мору** и уклону змиа в ногу [6430]; Володимиру же разболѣвшюся, в се же время бяше у нихъ Борисъ; и **Печенѣгомъ идуцимъ на Русь**, посла противу имъ Бориса [6523];*

...рекше ему: «прииди к намъ, яко не створим ти зла». Онъ же, надѣяся о ѡбловании креста, прихавши в лодыи чресь Днепръ. **Изяславу же в шатерь преди идуицу, Всеславу по немъ идуицу**, тако Всеслава яша на Риши у Смоленьска, преступивше крестъ [6576];

Он же рече: «мьстите своих». Они же поимие, убиша я и повѣсшиа их на дубѣ; отместие приимие от Бога по правдѣ, а **Яневѣ идуици къ домо-вѣ своему**. И въ другую ночь медвидъ възлѣзь, угрызъ, снѣсть их [6579].

В этом же контексте один раз используется щ-причастие:

*Того же лѣта, **идуици изъ заморья гость**, потопе лодыи 7: и сами истопоша и товаръ, а друзии вылѣзоша, нь нази [6638]².*

Будучи фоновой по аспектуальному критерию, предикация может быть еще и отсылкой назад. Если при этом субъект глагола совпадает с подле-

² Грамматическая нестандартность этой фразы — употребление существительного *гость* в собирательном значении — объясняется изменением смысла фразы при переписывании. В Синодальном списке в этом месте читается «правильный» причастный оборот: *Въ се же лѣто, идуце и-заморья съ Готь, потопи лодии 7: и сами истопоша и товаръ*. Возможно, переписчик недопонимал ее смысл (не знал, что такое *с Готь*), но то, что он не «испугался» получившегося именительного самостоятельного, видимо, говорит о том, что его представлениям о норме такой синтаксис не противоречил.

жащим предикации нарративной последовательности, обозначающей одновременную ситуацию, используется только дательный самостоятельный с щ-причастием. Всего в тексте есть четыре подобных оборота:

...возмя дань и поиде въ свои град. **Идущу же му въспяты размысливъ** рече: «дружинѣ своєю идѣте с данье домовѣ, а язъ возвращуся» [6453];

Епископъ же Спиридонъ благослови его и отпусти. **Идущу же ему изъ церкви, утирая слезы,** и нача крѣпити дружину свою, и рече: «не в силахъ Богъ, нъ въ правдѣ» [6748];

И то слышавъ Александръ, отецъ Васильевъ, поиде ратью к Новугороду. **Идущу Александру съ многими полкъ и с новоторжъци и срѣте** Ратешка с перевѣтомъ: [6762];

Того же лѣта. на зиму, иде князь Святославъ Всеволодиць, Олговъ внукъ, изъ Руси на Суздаль ратью на Всеволода, а сынъ его Володимиръ с новгородци изъ Новогорода; и съяшася на Волзѣ усть Тѣфѣри, и пакы **идуци имъ оттолѣ,** и положиша всю Волгу пусту [6688].

Если же при этом субъект данного глагола не совпадает с подлежащим предикации, обозначающей какую-либо одновременную ситуацию, также используется дательный самостоятельный. В тексте есть два таких примера:

...и се пакы поиде к нимъ к лѣсу. Они же стаща, исполцившися, противу; а **Яневѣ же идуцу с топорцемъ,** и выступиша от нихъ трие мужи, и приидоша къ Яневѣ [6579];

Изяславъ, остави Ляхы, поиде с Болеславомъ, мало Ляховъ поимъ; посла же пред собою сына своего Мъстислава къ Киеву ... пришед Мъстиславъ, исъче, иже бѣша высѣкль Всеслава, числомъ 70 чади; а друга слѣпниша, инья же безъ вины погуби, не испытавъ. **Изяславу же идуцу къ граду,** изидоша людье противу с поклономъ [6577].

Таким образом, нередко дательный самостоятельный с щ-причастием мог осмысляться как средство маркирования фоновой презумпционной предикации, отсылки назад.

Выделим особо такой контекст, где глагол *ити* значит не «перемещаться», но «собираться в путь, направляться» [Срезневский 1903, 1: 1023 и далее; Сл. ДРЯ 11—14 вв., 4: 178]. Когда глагол употребляется в таком значении, предикация с ним всегда оказывается фоновой по аспектуальному критерию. При этом, если предикация имеет общий субъект с глаголом, обозначающим одновременную ситуацию, тоже оказывается возможным употребление щ-причастия. Всего встретилось три таких примера:

А се в Новѣгородѣ прѣвьи князь по крещении Вышеславъ, сынъ Володимиръ; и по нем брат его Ярославъ, володѣше землю; и **идя къ Киеву,** и посади в Новѣгородѣ Коснятина Добрыница [6496];

*Володимиръ же посемъ поимши цесарицю и Анастаса и попы курсуньскыя, съ мощьми святого Климента и Фива, ученика его, и поима съсуды церковныя и иконы на благословение собѣ, и постави церковь въ Корсунѣ на горѣ, иже съпаша средѣ града, крадуще приспу; сиа же церкви стоить и до сего дне. И взя же, **идуци**, мѣдянтъ двѣ капици и 4 конѣ мѣдяны, яже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею [6496];*

*Иде Исаия игумень с посломъ в Киевъ, и прииде опять с митрополитом Михаиломъ Новугороду, мѣсяца декабря ...И пустиша митрополита Киеву, мѣсяца февраля въ 10, в мясопустную недѣлю, а на **Суждалъ идуце**, не пустиша его, а онъ молвяхе имъ: «не ходите, мене Богъ послушаетъ» [6642].*

Есть еще несколько контекстов иных типов, где употребляется глагол *ити*. Закономерностей распределения форм в них не видно, потому что примеров на каждый контекст слишком мало.

Так, глагол *ити* может использоваться с отрицанием и обозначать, таким образом, ситуацию движения, которая и не начиналась. При этом в одном примере исследуемым глаголом обозначается та же ситуация, что и предыдущим:

*И яко быша въ дверех, и абие ста рака, **не идуци**; и повелѣша народомъ звати: «Господи, помилуй» [6580].*

Этим же глаголом может обозначаться ситуация, не обозначаемая никаким иным глаголом; тогда в одном случае используется щ-причастие, в другом — финитная форма:

*Мъстислав же поиде съ новгородци къ Переяславлю; и **не идя къ городу**, поима дары; пославъ, поня дщерь свою, жену Ярославлю, и что живых новгородецъ [6724];*

*...послаша по Юргя князя къ Суздалю, и **не иде**, но посла сынъ свои Ростислава, яко преже бысть [6649].*

В одном случае данный глагол употребляется с наречием:

*А Олга же поимши мало дружины и **легко идуци**, прииде къ гробу его, и плакася по мужи своем плачемъ велиимъ зѣло [6453].*

Здесь обозначаемая глаголом *ити* ситуация одновременна другой, обозначаемой предикацией, принадлежащей нарративной последовательности, но (поясняя способ ее осуществления) не выходит за ее хронологические рамки. Эту предикацию, таким образом, тоже можно считать фоновой по аспектуальному критерию.

Перейдем теперь к случаям, когда предикация с глаголом *ити* не является фоновой по аспектуальному критерию. Когда она представляет собой отсылку к уже сообщенному о начале движения (или, точнее, к приказу о нем), глагол встречается два раза. В одном случае он при этом оформлен причастием:

*Иродъ же се слышавъ, посла, рекъ: «избиите младенца, сущая дву лѣтъ». Они же, **шедше**, избииша младенца [речь Философа].*

В другом случае используется дательный самостоятельный:

*«...потомъ пред мя приведите его». **Оним же шедшимъ к Михаилу**, глаголюще ему: «цесарь Батыи зовет тя» [6753].*

Здесь дательный самостоятельный с ш-причастием используется так же, как и дательные самостоятельные с щ-причастием исследуемого глагола, — для отсылки к уже известной информации.

Рассмотрим теперь те случаи, когда предикации с глаголом *ити* принадлежат нарративной последовательности. При этом для ситуации, обозначаемой этим глаголом, нет следующей ситуации никакого определенного типа, с которой данная сочеталась бы ожидаемым образом (то есть нет прагматически невыделенных предикаций), но при этом ш-причастие глагола *ити* вполне употребимо.

Итак, в контексте, где данный глагол принадлежит фрагменту нарративной последовательности, относящемуся к одному субъекту, могут использоваться и финитные формы, и ш-причастия (причем всегда препозитивные). Причастных форм всего 17:

*... соимя ризу съ себе, обѣщая Богу на 3 лѣта, како прияти риза своя, а устава мнишкаго не остана; скопи около себе вои отца своего приятели, помоляся кресту честному, **шедши на поганую Литву**, и побѣди их [6772]; Изволиша себе епископъ поставити мужа Богомъ избрана Аркадия и **шедше** весь народъ пояша и из монастыря от святыя Богородицы [6664]; Поставиша Свѣя с воеводою своимъ Сигомъ город в Корѣль; новгородци же, **шедши**, город розгребоша [6804].*

Финитные формы в аналогичном контексте появляются 44 раза:

***Идоша** вся братья князи Рускыя земля на Половицѣ, на Сутень, и побѣдиша я, князя ихъ и имѣние заяша [6611];*

*...выгнаша его из Новагорода, и послаша опять по Ярослава с Новаго торгу в Володимирь, позвани Всеволодомъ. **Идоша из Новагорода** прежнии мужи и сочкыи и пояша Ярослава со всею правдою и честию; и прииде на зиму по Крещению за недѣлю; и сѣде на столѣ своемъ [6706];*

*Ходи князь Дмитрии ратью ко Тѣфѣри и позва новгородцовъ; **идоша** новгородци с посадникомъ Андрѣемъ и пожгоша волость, и взяша миръ [6797] и т. д.*

Однако существуют и некоторые содержательные, несинтаксические ограничения на употребления ш-причастия глагола *ити*. В описанном выше контексте, где оказалось возможным употребление причастия, нарративный фрагмент с *ити*, относящийся к одному субъекту, не завершался глаголом *прити* или фразами *придоша* (*възвратишася*) *вси здрави*.

В рассказе о путешествии или о военном походе с таким завершением используются исключительно финитные формы глагола *ити*. Всего таких примеров 15:

Иде Олга во Грекы и прииде Цесарюграду [6463];

...възлюби Господь Богъ Израиля; идоша от моря трие дни по пустынь, и приидоша въ Миронъ [речь Философа];

В то же лѣто иде Нездыла Пъхичиниць на Луку воеводою; иде с Лукъ малою дружиною в Лотыголу на сторонѣ, и засташа я въ одринах, и убиша их 40 муж, а жены их и дѣти поимаша, а сами приидоша на Луку вси здрави [6709];

Потом же, на зиму, иде князь Мъстиславъ с новгородци на чюдъскый город, рекомый Медвѣжью голову, села их потрати; и приидоша под город, и поклонишася Чюдъ князю, и дань на них взя; и приидоша вси здрави [6720] и т. д.

Видимо, в таких цепочках *ити* и *прити/възвратитися*, противопоставленные друг другу, являются своего рода ключевыми (а следовательно, тоже прагматически выделенными, хотя и иным образом), и именно поэтому причастие не употребляется.

Статистика для глагола *ити* показана в табл. 1 и 2. Отметим, что для этого глагола значительным оказывается число фоновых предикаций — отсылка назад (что связано с характером самого летописного повествования), такого рода фоновые предикации и маркируются причастными конструкциями. Однако ш-причастия этого глагола употребляются и в контекстах, которые нельзя в полном смысле назвать прагматически невыделенными.

ѣхати

Этот глагол может быть синонимом *ити*, но уже его по значению (не обозначает пешего передвижения) [Срезневский, 3: 1624; Сл. РЯ XI—XVII вв., 5: 66] и в летописном тексте малочастотен. Закономерности употребления его причастий сходны с закономерностями употребления причастий глагола *ити*.

Рассмотрим сначала контексты, где предикации с этим глаголом являются фоновыми по аспектуальному критерию.

В таком контексте, где глагол имеет общий субъект только с другой такой же фоновой предикацией, используется финитная форма (один пример):

Того же лѣта, на зиму, от князя изимаша Василья Даниловича съ сыномъ на Вологдѣ, а онъ ѣхаль съ Двины, а того не въдалъ, ни стереглься [6874].

Таблица 1

**Статистика употреблений причастных оборотов и финитных форм
для глагола *йти* (предикация фоновая по аспектуальному критерию)**

Предикация	Щ-пр.	ДС с щ-пр.	Фин.
Имеет общий субъект только с другой такой же фоновой предикацией			2
Имеет общий субъект с предикацией нарративной последовательности	5	—	
Имеет общий субъект с предикацией нарративной последовательности; отсылка к известной информации о том, что героя побуждали отправиться в путь	—	4	
Имеет общий субъект с предикацией нарративной последовательности; глагол — в особом значении «собираясь идти»	3		
Субъект не совпадает с подлежащим глагола, обозначающего какую-либо одновременную ситуацию	1 (20 %)	4 (80 %)	
Субъект не совпадает с подлежащим глагола, обозначающего какую-либо одновременную ситуацию; отсылка к уже известной информации	—	2	

Таблица 2

**Статистика употреблений причастных оборотов
и финитных форм для глагола *йти*
(предикация не является фоновой по аспектуальному критерию
и везде имеет тот же субъект, что и обозначающая следующую ситуацию)**

Предикация	Ш-пр.	ДС с ш-пр.	Фин.
Принадлежит фрагменту нарративной последовательности, относящемуся к одному субъекту и не завершающемуся глаголами <i>прити</i> или <i>възвратитися</i>	17 (22 %)		59 (78 %)
Первая во фрагменте нарративной последовательности, относящейся к одному субъекту и завершающейся глаголами <i>прити</i> или <i>възвратитися</i>			15
Отсылка к уже сообщенному	1	1	

Если же субъект исследуемого глагола совпадает с подлежащим предикации, принадлежащей нарративной последовательности, появляется щ-причастие (один пример):

Тои осени выиха из Новагорода князь Василии Юрьевич и много пограби, ѿдуци по Мьстѣ и по Бѣжичкому верху и по Заволочью, и много зла бысть от него [6942].

Когда же глагол имеет не свое обычное значение, но значение «собираться ехать», то точно так же, как и в случае глагола *ити*, используется щ-причастие:

...прииха в Новъгород митрополитъ Киприянь... и митрополитъ Киприянь, едущѣ прочь, благословилъ сына своего владыку Иоанна и весь великыи Новъгород [6903].

Перейдем теперь к контекстам, где предикации с глаголом *ѣхати* не являются фоновыми по аспектуальному критерию.

В контексте, где предикация с данным глаголом является фоновой только потому, что представляет собой отсылку к уже сообщенному (и имеет тот же субъект, что и следующая предикация), используется *иш*-причастие. Такой пример всего один:

Новоторжъци же прислаша с поклономъ в Новъгородъ и послаша Матфѣя Валфоромѣвича и Терентия Даниловича с братомъ, и Валфромѣя посадница сына Остафьева, и Федора Авраамова с полкы и ѣхавшии изгониа Торжокъ безъ вѣсти и изимаша намѣстниковъ [6848].

Когда же предикация с данным глаголом принадлежит нарративной последовательности и следующий глагол имеет тот же субъект, используют только *иш*-причастия. Всего зафиксировано пять таких случаев:

Испроси князь Дмитрии у Новагорода поставити собѣ город Копорью и ихавѣ самъ сруби [6786];

...внидоша Невю в Ладоское озеро... новгородци же с посадникомъ Сменомъ и с ладожаны и ѣхавше, стаха на усть Невы, и дождавшие избиша их, а прокъ их убѣжаша [6792];

Того же лѣта постави Титмановиць отии городокъ на сеи сторонѣ Наровѣ; новгородци же, ѣхавше, пожгоша и, и село его великое взяша [6803];

...прислаша послове плесковици къ владыцѣ с молбои челобитьемъ, чтобы ѣхавшии благословилъ бы еси нас своих дѣтеи, и владыка ѣхавѣ благослови их и город Псковъ въ кресты обходи и литургии 3 совершии [6867].

Принадлежащие нарративной последовательности финитные предикации с данным глаголом в исследуемой летописи вовсе не встречаются: ни последними в цепочке, относящейся к одному субъекту, ни в другой позиции. Этим *ѣхати* ритительно отличается от близкого к нему по значению

ити. Никакого синхронного прагматического объяснения эта закономерность не имеет.

В этой связи напомним, что в живом разговорном языке XIII—XV вв. прошедшее время этого бесприставочного глагола (так же, как и глагола *ити*), вероятнее всего, уже не употреблялось для обозначения законченного, перфективного события (эта функция переходила к его приставочным дериватам). Прошедшее время *ѣхати* в разговорном нарративе употреблялось уже для обозначения длящегося процесса (как в приведенном примере: *Того же лѣта. на зиму, от князя изимаши Василья Даниловича съ сыномъ на Вологдѣ, а онъ ѣхаль съ Двины, а того не вѣдалъ, ни стерелъся* [6874]), но ш-причастие в силу самой своей семантики предшествования сохраняло функцию обозначения законченной ситуации. Однако в отличие от такого же бесприставочного *ити* исследуемый глагол в древнейшей части летописи не встречался, а значит, употребление его в прошедшем времени для обозначения перфективного события в меньшей степени поддерживалось образцовыми текстами. Возможно, именно по этим причинам параметры употребления данного глагола так отличаются от параметров употребления его дериватов *поѣхати* и *приѣхати* и его синонима *ити*.

Для подтверждения или опровержения выдвинутых гипотез следует, конечно, изучить употребление этого глагола и в других летописях³ и в образцовых для книжника текстах (в первую очередь в Евангелии).

Что же касается особенностей употребления щ-причастий данного глагола, то они представляют собой редукцию соответствующих особенностей глагола *ити* (табл. 3 и 4).

Таблица 3

Статистика употреблений причастных оборотов и финитных форм для глагола *ѣхати* (предикация фоновая по аспектуальному критерию и везде имеет общий субъект с другой)

Предикация	Щ-пр.	ДС с щ-пр.	Фин.
Субъект совпадает с подлежащим предикации нарративной последовательности	1		
Общий субъект глагол имеет только с другой такой же фоновой предикацией			1
Глагол — в значении «собираясь ехать»; субъект совпадает с подлежащим предикации нарративной последовательности	1		

³ Заметим, что, хотя в исследуемом тексте нет ни одного аориста или имперфекта этого глагола, в Синодальном списке такой аорист есть, но всего один: *В лѣто 6812 [1304]. Преставися великий князь Андрѣи Александрович, внукъ великого Ярослава, мѣсяца июля 27, на память святого Пантелѣмона, постригъся въ скиму, и положень бысть на Городци; а бояре его ѣхаша во Тфѣрь*. В исследуемом списке на этом месте стоит *поихаша* вместо *ѣхаша*.

Таблица 4

**Статистика употреблений причастных оборотов
и финитных форм для глагола *ѡхати*
(предикация не является фоновой по аспектуальному критерию)**

Предикация	Ш-пр.	ДС с ш-пр.	Фин.
Принадлежит фрагменту нарративной последовательности, относящемуся к одному субъекту, и обозначает в нем не последнюю ситуацию	5		
Принадлежит цепочке предикаций, относящейся к одному субъекту, и обозначает в ней не последнюю ситуацию; отсылка к уже сообщенному	1		

Поити

Этот глагол, обозначающий начало процесса, описываемого глаголом *ити*, достаточно употребителен в летописном тексте и, как правило, принадлежит нарративной последовательности. Для обозначаемой *поити* ситуации нет никакой следующей, с которой она бы сочеталась ожидаемым, стереотипным образом. Таким образом, второстепенные по рассматриваемым нами дискурсивным критериям предикации с данным глаголом почти не встречаются.

Только в одном контексте предикацию с глаголом *поити* можно считать отсылкой назад (но при этом в предыдущей фразе содержалась информация не о том, что субъект отправился в путь, а о том, что его так или иначе побудили к этому). Субъект данного глагола при этом отличается от субъекта следующего, предикация оформляется дательным самостоятельным:

*...посадиша его въ епископѣль дворѣ; и послаша о немъ къ митрополиту, и митрополит пакы прислаше по него съ великою честию. **Сице же оному пошедши съ предними мужи**, и въсприяша его с любовию князь Святославъ и митрополит, и поставиша и декабря въ 10 [6701].*

Других примеров на точно такой контекст нет.

В прочих случаях предикации с глаголом *поити* принадлежат нарративной последовательности и всегда оформляются финитно, в том числе и тогда, когда принадлежат фрагменту нарративной последовательности, относящемуся к одному субъекту, и обозначают в нем не последнюю ситуацию:

*То слышавъ Изяславъ, остави Ляхы, **поиде с Болеславомъ**, мало Ляховъ поимъ; посла же пред собою сына своего Мъстислава къ Киеву [6577];*

*И абие повелъ Янь вложити рубля въ уста има и привязати ихъ къ уругомъ, и пусти пред собою в лоды, а **самъ по них поиде**; и ста на усть Шекъсны [6579];*

Мьстиславъ же поиде Серегиромъ, и вниде въ свою волость, и рече новгородцомъ: «идете в зажитья, толко головъ не емлите» [6724];

...понеже въсташа 3 конць Софъиской сторонѣ на посадника Есифа Захарьинича, и звонивше вѣце у святѣи Софѣи, и поидоша на дворъ его, акы рать сильная, всякыи во оружьи, и взяша домъ его, и хоромы розвезоша [6896] и т. д.

Всего подобных употреблений 56⁴. Постоянное финитное оформление в этих случаях представляется совершенно логичным, так как такие предикации, как уже говорилось, не являются второстепенными ни по какому из критериев.

Поѣхати

Этот глагол обозначает начало процесса, описываемого глаголом *ѣхати*, и, так же как и *ѣхати* по сравнению с *ити*, имеет более узкое значение, чем его синоним *поити*⁵. Для обозначаемой *поѣхати* ситуации нет никакой следующей, с которой она бы сочеталась ожидаемым, стереотипным образом. Предикации с глаголом *поѣхати* не бывают второстепенными и по прочим дискурсивным критериям.

Поэтому данный глагол никогда не оформляется причастием, в том числе и в таком синтаксическом контексте, где он принадлежит фрагменту нарративной последовательности, относящемуся к одному субъекту, и обозначает в нем не последнюю ситуацию:

Въ то же лѣто, по грѣхомъ нашим, не ту ся зло сътвори: поиха Феддоръ посадникъ с рушаны, и бишася с Литвою, и сгониха рушанъ с конии [6732];

Посылаша по него, и не поѣха, нь и сына своего выведе изъ Орѣхового, именемъ Александра, токмо намѣстникъ свои остави [6848];

⁴ Это число получается, если не считать тех употреблений данного глагола, после которых следуют, во-первых, дательные самостоятельные (*послуша их Игорь, иде в данѣ, и насиляше имъ и мужи его; и возмя дань, поиде въ свои град. Идуцу же ему въспясть...* [6455]), во-вторых, придаточные с *яко* (*князь же Ярославъ с новгородци, всѣдше в насады, а и инии на конѣх, и поидоша по них по Ловоти; и яко быша у Моравына, и въспятишася лодишници опять оттолѣ в город [6742]*) и, в-третьих, близкие к таким придаточным по смыслу предикативные единицы, указывающие на время или место следующих ситуаций (*И поиде Мьстиславъ съ всѣмъ полкомъ на Всеволода; и быша на Пльтескѣ; и присла къ нему Всеволод: «ты ми еси сынъ, а язъ тобѣ отецъ» [6718]*).

⁵ Точно так же, как и *ѣхати*, данный глагол не встречается в начальной части НПЛ, первое употребление — в статье 6649 года.

Поухаша новгородци в Торжекъ города ставити и сослаша намѣстники Михайловы с Торжъку [6880] и т. д.

Всего подобных примеров 16. Таким образом, глагол *поѹхати* по употреблению кратких причастий почти не отличается от *поити*. Обязательное финитное оформление для него точно также представляется логичным.

Прити

Этот глагол описывает завершение процесса, обозначаемого глаголом *ити*, и, таким образом, имеет акцент на результате (о современном русском *прийти* см. [Падучева 2004: 373]).

Достаточно часто предикация с этим глаголом оказывается фоновой — отсылкой к уже сообщенному.

Рассмотрим сначала эти фоновые контексты такого синтаксического типа, где предикация имеет общий субъект с предикацией, обозначающей следующую ситуацию. Для глаголов, обозначающих конец движения, эти контексты делятся еще на ряд разновидностей, где тенденция к причастному оформлению может быть более или менее выраженной.

Так, если просто о начале движения говорилось ранее, используются почти только причастные формы. Таких примеров всего 15:

*Бѣжа Ростиславъ Тматороканю сынъ Володимиръ, внукъ Ярославъ; и с нимъ бѣжа Порѣи, Вышата, сынъ Остромиръ, воеводы новгородчкого. И **пришед** выгна Глѣба ис Тматороканя, а самъ сѣде въ него мѣсто* [6572];

*...«идѣте к Болгаром, и испытайте вѣру их и службу». Они же идоша; и **пришедше**, видѣша скверная их дѣла и кланяние в ропатѣ* [6495];

*Мѣстиславъ же и Костянтинъ и два Володимера с полкы поидоша по Юрьи к Володимирю; и **пришедше**, сташа под городомъ, и тои ноци загорѣся город* [6724];

*И дошед Копоры, поиде Александръ на ѣмъ а митрополит поиде в Новгород, а инии мнози новгородци въспятишася от Копоры. И поиде князь съ своими полкы и с новгородци; и бысть золь путь, якоже не видаша ни дни. ни ноци; и многымъ шестьникомъ бысть пагуба, а новгородцовъ Богъ соблюде. И **пришед** на землю ѣмъскую, овыхъ избивша, а другихъ изима* [6764] и т. д.

В одном случае в таком контексте появляются и финитные формы:

*И оттудѣ поидоша по Двинѣ к Орлецю городку, воюючи волости князя великаго, и **приидоша** к Орлецю городку и стояша под городкомъ 4 недѣль* [6906].

Еще в одном случае финитная форма появляется в придаточном предложении:

Вдасть же за вѣно Корсунь град опять цесарицѣ дѣля; а самъ прииде Кыеву, и яко прииде, и повелѣ кумиры испровреци, и ови иссѣщи, и другия огневи преда [6496].

В таком контексте, где в предыдущих фразах содержалась информация не о том, что субъект отправился в путь, а о том, что его так или иначе побудили к этому, тоже могут использоваться причастия. Встретилось всего два таких примеров:

Володимиръ же посади Добрыню в Новѣгородѣ, уя своего. И пришед Добрыня къ Новугороду, постави Перуна кумиръ над рѣкою Волховомъ [6488];

То слышавъ Изяславъ, остави Ляхы, поиде с Болеславомъ, мало Ляховъ поимъ; посла же пред собою сына своего Мѣстислава къ Кыеву. И пришед Мѣстиславъ, исѣче, иже бѣша высѣклѣ Всеслава, числомъ 70 чади; а другия слѣпиша, инья же безъ вины погуби, не испытавъ [6577].

В этом же контексте чаще используется дательный самостоятельный. Таких примеров всего пять:

...и благословивъши патриархъ со вселеньскимъ соборомъ и отпусти ю (Ольгу) с миромъ въ свою землю. И пришедши ей пакы къ Кыеву принявши святое крещение и божественные дары [6463];

...рече Святославъ: «введите их сѣмо»; и абие приведоша и. Онѣмъ же слом пришедшимъ и пакы поклонившимся ему, и положиша пред нимъ злато и наволокы, и рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: «возмѣте, кому что будет» [6479];

...«въстани, поими отроя и матеръ его, иди въ землю Израилеву». Пришедию же ему, вселися в Назарефъ [речь Философа];

...посла два Варяга приконьчатъ его. Онѣма же пришедшима, и видѣша, яко еще живу суцу ему, единъ ею изъвлекъ мечъ, пронзе и въ сердце [6523].

...убиша князя Олександра и сына его Федора в Ордѣ поганин Татарове: призвалъ бо его бяше цесарь Озбьякъ с лестью, хотя и убити, тако рекъ: «хоцетъ тя цесарь жаловати»; оному же послушавъшию погананаго льстивыхъ словесъ и пришедию и убиена быста [6847].

В четырех случаях в этом контексте используются финитные формы:

...поставиша в Киевѣ митрополита, а Новуграду архиепископа, а по инымъ градомъ епископы и попы и диаконы; и бысть радость всюду. И прииде къ Новуграду архиепископъ Аким Корсунянинъ, и требища разруши, и Перуна посѣче [6497];

*И рче имъ Володимиръ: «идете пакы к Нѣмцемъ и соглядаите тако же; и оттуда идете во Грѣкы». Они же **приидоша в Нѣмци**, и соглядаша церковь и службу их; и приидоша Царюграду и внидоша ко цесарю [6494];*

*...послаша опять по Ярослава с Новаго торгу в Володимиръ, позвани Всеволодомъ. Идоша из Новагорода прежнии мужи и сочкыи и пояша Ярослава со всею правдою и честью; и **прииде на зиму по Крещении за недѣлю**; и сѣде на столѣ своемъ, и обуяся с людѣми, и добро все бысть [6705];*

*И послашася по Ярослава на всеи волѣ новгородчкои; Ярославъ же пакы **въ борзѣхъ прииде в Новѣград**, мѣсяца декабря въ 30; и сътвори въче на Ярославѣ дворѣ [6738].*

В таком фоновом контексте, где предикация с глаголом *прити* является отсылкой к уже сообщенному о начале движения, но вводит и новую информацию — о конечном пункте движения, также используются причастные формы. Всего причастных примера три:

*...«пойдем на оного боярина и дом его расхытим». И **приишед в достѣсехъ съ стягом на Кузмадемиану улицу**, пограбиша дом его и иных дворовъ много [6926];*

*...позва всѣхъ новгородчовъ съ собою, и идоша с нимъ въ Новѣгород и Плесковъ, поимше съ собою владыку Давыда; и **приишедше на Волгу**, и докончаша съ княземъ Михаиломъ миръ [6826];*

*В сиа же времена прииде волхвъ, прѣлъщенъ бѣсомъ; **приишед бо Киеву**, глаголаше, яко «явилося ми 5 богъ...» [6579].*

В четырех случаях в таком контексте используются и финитные формы:

*И начаста воевати, и налѣзоста Днѣпръ рѣку и Смолнескъ град. И оттолѣ поидоша внизъ по Днѣпру, и **приидоша къ горамъ кыевѣскимъ**, и узрѣста городъ Киевъ, и испыташа, кто в немъ княжить [6352];*

*...абие поидоша и-Смоленска, и постигше князя, идоша воевати по Днепру городы черниговѣскыя и взяша Рѣчици на щит и инѣи городы мнози черниговѣскыя. и **приидоша под Вышегород** и начаша битися, и одолѣ Мьстиславъ с новгородци [6722];*

*Ярослав же поиде с Торжьку, поймавши старѣишии мужи со собою новгородстѣи, и молодыхъ изборомъ, а новоторжѣци вси; и **прииде Переяславлю** и скопи волость свою всю, а Юрьи свою, в Володимирѣ такоже, а Святославъ такоже [6724];*

Ходиша новгородци воевать на Нѣмечкую землю, с Борисовымъ сыномъ с намѣстницимъ, с тысячкымъ съ Иваномъ с Федоровицемъ, с воеводами съ Михаиломъ с Даниловичемъ, съ Юрьемъ съ Ивановичемъ, съ Яковомъ

с Хотовым, и приидоша къ городу к Выбору в понедѣльник мѣсяца марта въ 21 день, и пожгоша посадъ весь [6858].

Такие фоновые контексты, где, в отличие от разбиравшихся выше, субъекты у предикации с данным глаголом и у предикации, обозначающей следующую ситуацию, разные, целесообразно рассматривать как одну группу, поскольку такие примеры не слишком многочисленны. В пяти случаях глагол *прити* в них оформляется дательным самостоятельным:

...«иди къ цесарю фараону египетьску и рци ему: пусти Израиля, и три дни положат потребу Господу Богу; аще не послушает тебе цесарь, побию и всими чудесы моими», и приидишю Моисиевъ и глаголавишю ему, и не послуша его цесарь, и попусти Богъ 10 казнии на фараона [речь Философа];

Глѣбъ же въ борзѣ въсѣдъ на конѣ, с маломъ дружины поиде: и приидишю ему на Волгу на конѣ, и потъчеса конь во рѣвѣ, и наломи ноги мало [6523];

Грѣци, послаша с лестию катопана. Оному же приидишю къ Ростиславу съ дружиною своею и въѣрившюся ему, и чтяше его Ростиславъ [6574];

...выиде князь великыи Юрьи из Орды с Татары и со всею Низовьскою землею и поиде къ Тѣѣри на князя Михайла... Князю же Юрью приидишю с полкы близъ Тѣѣри за 40 верстъ, и ту выиде на нь Михаило князь со Тѣѣри [6826];

Цесарь же Батый повелѣ привести волхвы своя; волхвом же приидишимъ пред цесаря, рече имъ цесарь: «еже есть по обычаю нашему, створите князю Михаилу» [6753].

В одном случае в этом же контексте используется придаточное предложение с союзом, оформленное дательным самостоятельным:

Сия же Олга по виегда приидиши еи уже в Киевъ и якоже о неи въпред рекохомъ, посла же к неи царь чемьскыи, глаголя сице яко «много одарих тя, ты бо ми рекла еси тако... многы дары приишю ти» [6463].

В другом случае в подобном контексте используется ш-причастие:

...прииде в Новгородъ и возвади весь город, хотя убити Твердислава; а Твердиславъ бяше боленъ. и поиде князь Всеволод с Городища съ всеъм дворомъ своимъ, и скрутяся въ бронѣ, акы на рать, и приидиши на Ярославль дворъ; и соидошася новгородци к нему въ оружьи [6728].

Еще в одном случае в подобном контексте используется придаточное предложение, сказуемым которого является ш-причастие глагола:

...(Владимир) *поиде чресь море. Якоже пришедиши къ Корсуню, изльзоша корсунянь из града, и приидоша на брегъ, и поклонишася цесарици* [6496].

Таким образом, модель описания, когда краткое ш-причастие глагола *прити* используется для отсылки к уже известной информации, оказалась распространенной и на контексты, где традиционный синтаксис не допускал причастия.

В прочих случаях в описываемом контексте (где предикация является последней в цепочке, относящейся к одному субъекту, и отсылает к уже сообщенной информации) используются финитные формы:

И поиде Ярополкъ; и рече ему Варяжьско: «не ходи, княже, убиють тя; побѣгни в Печенигы и приведеши воя»; и не слуша его, и прииде Ярополкъ к Володимиру; и яко полъзе во дверъ, подъяста два Варяга мечема под пазушь. Блуд же затвори двери и не дасть по немъ ити своимъ, и тако убиень бысть Ярополкъ [6488];

Идоша новгородци на Черниговъ съ княземъ Костянтиномъ, позвани Всеволодом; и приидоша на рѣку на Оку, и ту скопишася вси вои [6717].

Всего таких примера два.

Один раз глагол *прити* появляется в том контексте, где предикация с ним, имеющая субъект, отличный от подлежащего соседних финитно оформленных предикаций, не представляет собой отсылку назад:

В то же лѣто громъ бысть страшень зѣло и молния; пришедимъ съ кресты от святыя Софѣя къ святому Михаилу и поющимъ 9 пѣснь, и шибе громъ и молни [6695].

В этом случае, в отличие от всех вышеописанных, сообщение о действиях людей появилось в контексте рассказа о явлениях природы, возможно, поэтому и используется дательный самостоятельный.

В прочих случаях предикации с глаголом *прити* принадлежат нарративной последовательности. При этом, когда предикация принадлежит ее фрагменту, относящемуся к одному подлежащему, и обозначает в нем последнюю ситуацию, синтаксические закономерности не нарушаются, т. е. используются только финитные формы. Для контекстов же, где глагол обозначает не самую последнюю ситуацию в этой цепочке, тоже существуют и некоторые закономерности употребления причастий (хотя прагматически невыделенными предикации с данным глаголом не бывают, т. е. ситуация не сочетается ни с какой другой ожидаемым образом). Рассмотрим такие контексты.

Так, если следующую за данной ситуацию описывает вербальный глагол, весьма предпочтительным оказывается финитное оформление. Глагол речевого значения при этом может быть оформлен и причастием и личной формой. С чем связана эта закономерность, непонятно, но известно, что особенности употребления конструкций с глаголами речевого значения в

летописи во многом копируют особенности употребления этих глаголов в Евангелии [Гиппиус 2001].

Аорист глагола *прити* используется для описания этой же ситуации в сочетании с финитными формами или щ-причастиями глаголов речевого действия в 22 случаях:

*И Олга, княгынь русская, хотяци възвратитися къ странѣ своєї, **прииде къ патриарху**, благословения просяци на домъ свои [6463];*

*Слу же цесареву принесъшию къ Святославу, он же приимъ, нача любити и хвалити и ѡбловати, [яко самого] цесаря, и **приидоша опять къ цесарю**, и повѣдаша вся бывшая [6479];*

*Глѣбъ же, въземъ топоръ под скуд, и **прииде къ волхву**, и рече ему: «то вѣси ли, что утро хочеть быти, что ли вечеръ» [6579];*

***Прииде** князь Юрги из Суздаля къ Смоленску и зваше новгородцовъ на Киевъ на Всеволодка [6647];*

*Того же лѣта **прииде** князь Ярославъ в Новъгород и нача жалити: «мужи мои и братья ваши побита; а вы розъратилися с Нѣмци» [6777] и т. д.*

Ш-причастие в подобном контексте встречается всего два раза:

*...рѣша старци и боляре: «мечем жребьи о отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ» ...на сего паде жребии по зависти дияволѣ. Не терпяшет бо дияволѣ, власть имыи надо вѣми, а сѣ бяшетъ акы тернѣ въ сердци; и тищашеся потребити оканныи, и наусту люди и рѣша **пришедше** послании к нему, яко «паде жребии на сынъ твои, понеже бо изволиша его бозѣ наши себе» [6491];*

*...на Яневѣ улицѣ берегъ пограбиша. и по грабежи том възбоявъшиися кузмодимиянци, да не горѣ будет на них, отдаша Степанка, **пришедши къ архиепископу**, молиша его, да пошлет къ собранию людску. ...И пришед святитель ста посреде мосту и, въземъ животворящій крест, нача благословляти обѣ странѣ; ови, взирающе на честный крестъ, плакахуся [6926].*

В таком же контексте, где глагол, обозначающий следующую ситуацию, не является вербальным, в 34 случаях употребляются причастные формы:

*Бѣша же Радимичѣ от рода Ляховѣ; **пришедше** ту ся вселиша, и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дни [6492];*

*В лѣто 6563. **Пришедши** Изяславъ, сѣде в Киевѣ.*

*Того же лѣта **пришедши из моря** разбоициѣ Нѣмциѣ в **Неву** взяша села по обѣ стороны рѣкѣ за 5 верѣсть до городка до Орѣшка и князь Семеонъ с городцаны сугнавши иных избиха и иных разгониха и языкъ в Новъгород приведоша и тогда же поѣхаше в Литву къ своєю братьи, а городокъ покинувши [6899];*

*Того же лѣта **пришедше** Нѣмци в **корѣльскую землю** и повоеваша 2 погоста [6904];*

*Тои же осени **пришедши** Нѣмци у Ямѣ города посад пожьгоша и берегъ повоеваша [6951] и т. д.*

В 74 случаях в таком контексте появляются финитные формы:

*И бѣша сѣдяще Углицѣ по Днѣпру вънизъ, и **посемъ приидоша межю Бѣгъ и Днѣстръ**, и сѣдоша тамо [6430];*

*Тои же зимѣ **приидоша** Литва, и воеваша Любне, Мореву и Серезѣрь; и гонишася по них новгородци, угониша их и биша, а полонъ отъяша всѣ, мѣсяца генваря [6737];*

*Тои же зимѣ **прииде** Изяславъ Нову городу, сынъ Мьстиславль, ис **Кыева**, иде на Юрга к Ростову с новгородци [6658];*

*Не хотяше диаволь добра роду челоѣческому и злии челоѣци, и вложи князю грѣхъ въ сердце, гнѣвъ до Твердислава без вины; и **прииде в Новъгородъ** и возвади весь город, хотя убити Твердислава [6728];*

*Того же лѣта **приидоша** послове архиепископа новгородчкого Моисиа изъ **Цесаряграда**, и привезоша ему ризы крестъцаты и грамоты с великымъ пожалованием от цесаря и от патриарха, и златую печать [6862];*

***Приидоша** Нѣмци въ землю **Пьсковьскую** и стаиша станы, не дошедше города Пьскова, на Комнѣ; и пьковици выхавше из города, удариша на них, и Нѣмци побѣдиша пькович [6915] и т. д.*

Статистика для глагола *прити* показана в табл. 5. В качестве особенно-сти данного глагола отметим, что предикации с ним очень часто оказываются фоновыми отсылками назад (что отчасти обусловлено и самой его семантикой), но при этом не обязательно маркируются причастиями. Употребление же ш-причастий в нарративной последовательности (как и в случае глагола *ити*) не оказывается прямо мотивированным прагматической невыделенностью.

Приѣхати

Данный глагол описывает завершение процесса, обозначаемого глаголом *ѣхати*, и, таким образом, так же как и *прити*, имеет акцент на результате. Но (как и *ѣхати* по сравнению с *ити*) глагол *приѣхати* имеет более узкое значение, чем его синоним *прити*⁶.

⁶ Точно так же, как и однокоренные глаголы, *приѣхати* не встречается в древнейшей части НПЛ. Первое по хронологии его употребление — статья 6740 года.

Таблица 5

**Статистика употреблений причастных оборотов
и финитных форм для глагола *прити***

Предикация	Ш-пр.	ДС с ш-пр.	Фин.
<i>Общий субъект с глаголом, обозначающим следующую ситуацию</i>			
Отсылка к уже сообщенному о начале движения	15 (83 %)	1 (6 %)	1 + 1 (11 %) (с <i>яко</i>)
Отсылка к уже сообщенному в предыдущей фразе о том, что субъекта побуждали отправиться в путь	2 (18 %)	5 (45 %)	4 (36 %)
Отсылка к уже сообщенному о начале движения; информация о конечном пункте движения — новая	3 (43 %)		4 (57 %)
Принадлежит нарративной последовательности, следующий глагол есть глагол речи	2 (9 %)		22 (81 %)
Принадлежит нарративной последовательности; следующий глагол не есть глагол речи	34 (31 %)		74 (69 %)
<i>Субъект отличается от подлежащего глагола, обозначающего следующую ситуацию</i>			
Отсылка к уже сообщенному о начале движения	1 (10 %) + 1 (с союзом <i>якоже</i>) (10 %)	5 (50 %)	2 (20 %) + 1 (с союзом <i>внегда</i>) (10 %)

Точно так же, как и *прити*, этот глагол, обозначающий окончание процесса движения, используется нередко в фоновых контекстах, где предикация с ним является отсылкой назад и оказывается не самой последней в цепочке, относящейся к одному субъекту. Разновидности таких контекстов выделим те же, что и для глагола *прити*.

Если при этом о начале движения говорилось в одной из предшествующих предикаций, используются чаще всего причастные формы:

*...глаголаху предстоящи: «Михаиле, се убищи от цесаря идут убивать вас; поклонитася и жива будета» Михаилъ же и Федоръ яко едиными усты отвѣцаста: «не кланяевъся...» Тогда же убищи, **приѣхавши**, скочивши с конь, и яша Михаила и растягоша и, имше за руцѣ, и начаша и бити рукама по сердцу, и повергоша и ницѣ [6753];*

*Того же лѣта прихаша послове плесковъскыи в Новѣгород, зовуце владыку Василья к собѣ, дабы их благословиль, и владыка послуша молбы их, поиха к нимъ, и, **прихавши**, благослови их; и идя изо Пскова в Новѣгород, преставися на пути [6860];*

...поидоша на Свѣю, толко за три дни по сеи вѣсти, со княземъ Семеономъ Олгердовичемъ, и **приихавши въ Свѣискую землю**, села их повоевавъ и пожгоша; а Свѣи много исѣкоша [6919].

Всего есть три таких примера.

В одном случае в таком контексте употребляется и финитная форма:

*Того же лѣта, на память святого Рожества Иоана, мѣсяца юня поиха Василии на владычество ставится в Вольтинскую землю, а съ нимъ бояри: Кузма Твердиславль, Вальфромъ Остафьевъ сынъ тысячкого; и **приихаша в Володимиръ вольтинскыи, промысломъ Божиимъ и постѣиениемъ Святого Духа**, и створиша праздникъ свѣтель святыхъ Богородица [6839].*

В похожем контексте, но таком, где в предыдущей фразе содержалась информация о том, что субъекта так или иначе побудили к отправлению в путь, тоже могут использоваться причастия. Есть один такой пример:

*Того же лѣта выиде князь великыи Юрьи из Орды с Татары и со всею Низовскою землею и поиде къ Тѣбри на князя Михаила. И, приславъ Телебегу, и позва новгородцовъ; и они, **приихавше в Торжекъ, и докончаша съ княземъ Михаиломъ, како не вѣступатися ни по одному** [6826].*

В двух случаях в таком контексте используются финитные формы:

*И послаша новгородци к Магнушу Авраама тысячкого, Кузму Твердиславля и иных бояръ. Аврам же **со своими другы прииха в Ориховець** и хотѣ поихати к Магнушу, а Магнушь тогда былъ в Березовомъ островѣ со всею своею силою [6856];*

*Князь же великыи Семеонъ отвѣт дал новгородцомъ: «радъ, поѣду к вам». Медливъ же князь долго, поиха в Новъгород; отѣхавши от Торжѣску до Ситна, и поиха взадъ на Москву, а в Новъгород посла брата своего Ивана. Князь же Иванъ **прииха в Новъгород**, и не поиха к новгородцомъ в Ладугу [6856].*

В таком контексте, где в предикации, предшествующей данной, содержалась информация о том, что субъект отправился в путь, но при этом вводится новая информация о конечном пункте движения, используется только финитная форма. Пример на такой контекст всего один:

*Поиха Василии владыка от митрополита; **яко прииха под Черниговъ**, и ту научениемъ дияволимъ пригнася князь Федоръ Киевскыи со баскакомъ в пятидесят человекъ розбоемъ, и новгородци остерегошася [6893].*

Имеется и один пример на такого рода фоновый контекст, где предикация с исследуемым глаголом имеет субъект, не совпадающий с подлежащим предикации, описывающей следующую ситуацию:

Тои же зимѣ прииха в Новѣгород князь великыи Иванъ Данилович, в четверток на мясопустной недѣли, мѣсяца февралѣ въ 16, на святого мученика Памфила... Того же лѣта, великому князю Ивану приихавшию в Торжокъ из Новагорода, воеваша Литва Новоторжскую волость на миру; и пославъ князь великыи, пожже городкъ Литовьскыи Осъчень и Рясну [6843].

Отметим, что этот пример представляет собой фоновую отсылку назад особого рода: это отсылка не только к уже сообщенному (о том, что князь был в Новгороде), но и к знаниям о мире (обратный путь в Москву лежал через Торжок).

Теперь обратимся к таким контекстам, где предикация с данным глаголом принадлежит фрагменту нарративной последовательности, относящемуся к одному субъекту, и обозначает в нем не самую последнюю ситуацию.

Здесь, видимо, можно обнаружить те же закономерности употребления причастий, что для *прити*. В таком контексте, где глагол, обозначающий следующую ситуацию, есть глагол речи, используются только финитные формы. Всего подобных примеров шесть:

...посла Богъ благодать и даръ Святого Духа на нь: вложи ему въ сердце ити предъ цесаря Батыя и обличити его прелестъ, им же льститъ крестяныи. и прииха къ отцю своему духовному, повѣда ему, глаголя: «хощю ити къ цесарю Батыю» [6753];

Тои же осеньъ прииха Михаилъ Пинециницъ изъ Низу лживымъ посольствомъ, рекъ тако: «аще не иметеса по число, то уже полкы на Низовьской земли» [6767];

...посадиша и въ владычнѣ дворѣ, дондеже пошлют к митрополиту. Приихаша послове от митрополита из Вольньской земли Федорко и Сменко, на Страстной недѣли, зовуще на поставление [6839];

И в то время прииха Онцифоръ, би чоломъ Новуграду на Федора и на Ондръшка: «тѣ зашлаша моего отца убити»; и владыка и Новгород послаша анхимандрита Есифа с бояры в Копорью по Федора и по Ондръшка, и онѣ приихаша и ркоша: «не думалъ есме на брата своего на Луку, что его убити, ни засылати на его» [6850];

В тои же деньъ приѣха из Новагорода архиепископъ, и повелѣ быти бдѣнью всенощному, Господьскаго ради праздника, и облечеса въ вся священныя одежа, и с нимъ сборъ святыя [6950];

Прииха в Новѣгород митрополитъ Киприянъ с патриаршимъ посломъ в Великое говѣние и запроси суда, и новгородци суда ему не даша [6903].

В таком контексте, где глагол, обозначающий следующую ситуацию, не является вербальным, употребление причастий возможно. Всего причастных примера два:

...поставиша город на усть Невы, на Орѣховомъ островѣ; туто же **приихавше** послы великы от Свѣйскаго короля, и доконцаша миръ вѣчныи съ княземъ и с Новымъгородом [6831];

Тои же зимы тѣи же послове нѣмѣчкыи **приихавше в Новъгород и** товары свои поимахуть и крестъ цѣловать [6899].

В этом же контексте гораздо чаще встречаются и финитные формы глагола (всего 26 употреблений):

В то же лѣто, на зиму, **прииха** князь Александръ, и митрополит с нимъ; и поиде Александръ на путь, и митрополит с нимъ; и новгородци не вѣдяху, гдѣ князь идет [6764];

Прииха князь Дмитрии Александрович в Новъгород и сѣде на столѣ мѣсяца октября въ 9 [6781];

Того же лѣта **приихаша** послове от Литовскыя земли: брат литовскаго князя Гедимина, Воини Полотскыи князь, Василии Мѣньскыи князь, Федоръ Святославич; и доконцаша миръ с новгородци и с Нѣмци [6834];

Того же лѣта **прииха в Новъград** митрополит, родомъ Гричинъ, именемъ Феогнастъ, и прокля плескови [6837];

Тои же осени **прииха в Новъгород из Нѣмецъ от местеря Селивестра** посоль велиядьскыи кумендеръ Гостило, сестричиць местеровъ Тимофѣи, и воевода ругодивьскои и доконцаца со княземъ Костянтиномъ и со всѣмъ великымъ Новымъградом, что быти на създи местерю, а князю Костянтину и новгородцомъ послати своих бояръ [6928] и т. д.

Статистика для глагола показана в табл. 6. По приведенным данным видно, что распределение предикаций на причастные и финитные для глагола *приѣхати* (и в фоновых контекстах и в нарративной последовательности) представляет собой своего рода редукцию аналогичных особенностей употребления *прити*.

Таким образом, можно заключить, что использование в летописи конструкций с краткими причастиями действительно во многих случаях обусловлено дискурсивными критериями второстепенности. Однако о полном соответствии критериев выбора причастного способа оформления и критериев второстепенности предикации говорить, разумеется, нельзя. Так, употребление ш-причастий глаголов движения оказалось нередко немотивировано факторами второстепенности (возможно, в таких случаях в действие могли вступать определенные традиции использования причастий, не имеющие синхронного объяснения).

Результаты данного исследования также подтверждают, что для каждого конкретного исследованного глагола закономерности распределения предикаций на причастные и финитные носят индивидуальный характер (ведь

Таблица 6

**Статистика употреблений причастных оборотов
и финитных форм для глагола *приѣхати***

Предикация	Ш-пр.	ДС с ш-пр.	Фин.
<i>Общий субъект с глаголом, обозначающим следующую ситуацию</i>			
Отсылка к уже сообщенному о начале движения в предыдущей фразе или раньше	3 (75 %)		1 (25 %)
Отсылка к уже сообщенному в предыдущей фразе о том, что субъекта побуждали отправиться в путь	1 (33 %)		2 (66 %)
Отсылка к уже сообщенному о начале движения в предыдущей фразе; информация о конечном пункте движения — новая			1
Принадлежит нарративной последовательности; следующий глагол есть глагол речи			6
Принадлежит нарративной последовательности; следующий глагол не является вербальным	2 (7 %)		26 (93 %)
<i>Субъект отличается от подлежащего глагола, обозначающего следующую ситуацию</i>			
Отсылка назад и к внеязыковым знаниям читающих		1	

параметры употребления причастий определенного глагола отчасти обусловлены просто его лексическим значением и кругом тем летописного повествования). При этом закономерно, что синонимичные глаголы обнаруживают похожие критерии распределения предикаций на причастные и финитные.

Л и т е р а т у р а

Гиппиус 2001 — А. А. Г и п п и у с. Рекоша дружина Игоревы...: к лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics*. 2001. Vol. 25, № 2. P. 147—181

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом находок 1995—2003 гг. М., 2004.

НПЛ 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М.; Л., 1950.

Падучева 2001 — Е. В. П а д у ч е в а. Высказывание и его соотношенность с действительностью. 2-е изд. М., 2001.

Падучева 2004 — Е. В. П а д у ч е в а. Динамические модели в синтаксисе. М., 2004.

Сахарова 2005 — А. В. С а х а р о в а. Причастные обороты в древнерусской летописи: содержательные параметры их употребления для глаголов восприятия // *Рус. яз. в науч. осв.* 2005. № 10 (2). С. 250—266.

Сахарова 2007a — А. В. Сахарова. К вопросу о прагматических критериях распределения предикаций на причастные и финитные в древнерусской летописи // Рус. яз. в науч. осв. 2007. № 13 (1).

Сахарова 2007б — А. В. Сахарова. Содержательные параметры употребления причастий в древнерусской летописи для некоторых стативных глаголов // ВЯ. 2007. № 2. С. 108—126.

Сахарова 2010 — А. В. Сахарова. К вопросу о дискурсивных функциях причастных конструкций в русской летописи // Russian Linguistics. Vol. 34. №. 1. 2010. С. 87—111.

Сл. ДРЯ 11—14 вв. — Словарь древнерусского языка (11—14 вв.): В 10 т. М., 1988—2005 (изд. продолжается).

Срезневский 1903 — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. СПб., 1903.

Chafe 1987 — W. Chafe. Cognitive constraints on information flow // R. S. Tomlin (ed.) Coherence and Grounding in Discourse: Outcome of Symposium, Eugene, Oregon, June 1984. Amsterdam (Philadelphia), 1987. P. 21—51. (Typological Studies in Language. Vol. 11)

Dry 1981 — H. Dry. Sentence aspect and the movement of the narrative time // Text. Vol. 1. 1981. № 3. P. 233—240.

Dry 1983 — H. Dry. The movement of narrative time // Journal of Literary Semantics. 1983. XII/2. P. 19—53.

Fleischman 1985 — S. Fleischman. Discourse function of tense-aspect opposition in narrative: Toward a theory of grounding // Linguistics. 1985. Vol. 23. P. 851—882.

Givón 1984 — T. Givón. Syntax: a functional typological introduction. Vol. 1. Amsterdam (Phil.), 1984.

Hopper 1979 — P. J. Hopper. Aspect and foregrounding in discourse // T. Givón (ed.) Discourse and Syntax. New York, 1979. P. 213—241. (Syntax and Semantics. Vol. 12).

Lakoff 1984 — R. Lakoff. The pragmatics of subordination // Proceedings of the X Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. 1984. P. 481—549.

Mathiesen, Thompson 1988 — C. Mathiesen, S. A. Thompson. The structure of discourse and “subordination” // Haiman and S. A. Thompson (eds.) Clause combining in Grammar and Discourse. Amsterdam (Phil.), 1988. P. 275—329. (Typological Studies in Language. Vol. 18)

Polanyi, Hopper 1981 — L. Polanyi, P. J. Hopper. A revision of the foreground-background distinction: Paper presented at the 1981 Winter meeting of the Linguistic Society of America. [Электрон. ресурс]. Доступ: <http://eserver.org/langs/polanyi-hopper1981.hqx> [21.6.2000], свободный.

Reinhart 1984 — T. Reinhart. Principles of gestalt perception in the temporal organization of a narrative text // Linguistics. Vol. 22. № 6. 1984. P. 779—809.

Tomlin 1985 — R. S. Tomlin. Foreground-background information and the syntax of subordination: Evidence from the English Discourse // Text. Vol. 5. № 1/2. 1985. P. 85—122.

Tomlin 1986 — R. S. Tomlin. The identification of the foreground-background information in on-line descriptive discourse // Papers in Linguistics. 1986. Vol. 19. P. 465—494.

Wårvik 2002 — B. Wårvik. On grounding in narrative: a survey of models and criteria. Turku, 2002. (English Departement Publications. Vol. 5.)

A. V. SAKHAROVA

**PARAMETERS OF MEANING GOVERNING THE USE OF SHORT PARTICIPLES
IN THE RUSSIAN CHRONICLE FOR VERBS OF MOTION**

The article describes the results of an investigation of the parameters governing the choice between finite verb forms and short participles of the motion verbs in the Novgorod I chronicle (the younger redaction). The use of short participles in the chronicle is shown to be conditioned in many cases by discourse features typical of backgrounded predicative units. However, there is no absolute correspondence between the criteria for choosing a participle construction and the criteria for the backgroundness of the predicative unit. It is also suggested that the peculiarities of the use of motion verbs in this chronicle reflect the interaction between the tradition of exemplary texts and the spoken language.

Keywords: historic syntax Russian language pragmatics converb short participle chronicle.

МАРИЯ ЛАЗАР

**ЭВИДЕНЦИАЛЬНАЯ ЧАСТИЦА *ДЕ(И)*
И ДРУГИЕ ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ
В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

История эвиденциальных частиц и развитие у них модальных значений является итогом их грамматического и синтаксического переосмысления. Как представляется, немаловажную роль в бытовании этих частиц в языке играет их связь с определёнными *речевыми жанрами* и *жанрами текста*, а также их участие в организации текста, точнее — в определении *точки зрения* актантов и автора текста на описываемые события, и кроме того, их *соотношения* друг с другом [Collins 2001: 1, 4]. Для изучения этих двух положений мной была выбрана частица *де(и)*, наиболее последовательно отражённая в источниках начиная с др.-р. периода.

Для русского некнижного языка XV—XVII, а отчасти и XVIII в. *де(и)/дѣ(и)/де(и)/дѣ(и)/дее/дѣе* является основной эвиденциальной частицей, получившей распространение во всех жанрах московской и следовавшей этой традиции деловой письменности. Так, новгородские тексты берестяных грамот, а также грамоты Севера и Запада Руси, написанные до XV в., в которых отражены дипломатические, юридические и торговые отношения, не содержат этой частицы. Лишь с середины XV в., когда центр древнерусской письменности перемещается в Москву, начинается активное использование *де(и)* в деловых текстах. Следует отметить, что до XVII в. эта эвиденциальная частица практически не знает конкурентов.

В настоящей статье делается попытка объяснить возникновение частицы *де(и)* в др.-р. языке, выяснить её семантику и описать употребление, что до сих пор было сделано лишь фрагментарно [Зализняк 2008: 43—44]. Особое внимание будет уделено неэвиденциальным функциям частицы *де(и)*, которые ранее не были изучены. Также будут рассмотрены и другие эвиденциальные частицы, которые в отдельных случаях составляли конкуренцию частице *де(и)* и употреблялись в несколько иных прагматических условиях, чем *де(и)*. Кроме того, будут описаны некоторые региональные различия в употреблении частиц, возникшие отчасти в результате формирования русского, украинского и белорусского языков. Наконец, будет сделана попытка оценить современное состояние системы русских эвиденциальных частиц с учётом изложенных фактов истории русского языка.

1. Этимология

Частица *de(u)* представлена в славянских текстах либо в форме *dei/děi/deu/děu/deel/děe*, либо *de/dě*, которая является стяжённой формой от *dei/děi/deu/děu/deel/děe* ([дѣи] > [дѣ́] > [де]). Частица восходит к глаголу *дѣяти*, который, в свою очередь, соотносят с двумя и.-е. корнями:

- 1) **d^heh₁-^o* со значением ‘делать, действовать, помещать’, имеющее продолжения в большинстве индоевропейских языков [Rix 2001: 136—137];
- 2) **deh₁-* со значением ‘говорить’, которое специфично для хеттского и славянских языков [Иванов 1981: 109]¹.

В русском языке эти корни, являясь омонимичными, совпали в одной лексеме. Интересно отметить, что, в частности, Г. Рикс [2001: 136—137] реконструирует для первого корня оба названных значения. Однако В. В. Иванов [1981: 110] убедительно доказывает правомерность своей реконструкции, приводя в качестве аргумента оппозицию супплетивных основ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. в хет. *temi : teh₁hi* (‘торжественно заявлять, говорить, вещать’) и в др.-чешск. *díem : děju* (‘говорить, провозглашать’). Ещё одним аргументом в пользу реконструкции двух разных корней является различие акцентных парадигм, установленное В. А. Дыбо [1982: 59]: *дѣяти* в значении ‘говорить’ имеет атематическую парадигму с накоренным ударением, тогда как в значении ‘класть, делать’ глагол имеет акцентную парадигму с тематических глаголов. Однако соотнесение значения частицы *de(u)* с одним из названных и.-е. корней затруднено, так как дошедшие до нас тексты в большинстве своём отражают лишь сильно грамматикализованные реликты глагольной парадигмы без промежуточных ступеней.

По той же причине затруднено и выявление исходной глагольной формы, от которой образовалась частица *de(u)*. Е. С. Отин [1981: 163—167] рассматривает три гипотезы возникновения *de(u)*, исходящие из грамматикализации одной из следующих глагольных форм:

- 1) 3 л. ед. ч. наст. вр. *дѣть* (эту гипотезу поддерживают А. И. Соболевский, Л. А. Булаховский, М. Фасмер и сам Е. С. Отин);
- 2) 2 л. ед. ч. повелительного наклонения *дѣи* (за это объяснение выступают А. А. Шахматов, А. И. Молотков и Л. Л. Гумецкая);
- 3) 2 л. ед. ч. наст. вр. *дѣеши* (сторонниками этой гипотезы, основанной на теории о вводных словах как редуцированных по смыслу вводных предложениях, являются А. А. Потебня, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, А. М. Пешковский и Ф. И. Буслаев).

Наиболее приемлемо предположение о контракции *дѣть* или *дѣеши* в значении ‘говорит’ или ‘говоришь’, поскольку такие сценарии образования эвиденциальных частиц подтверждены типологически, ср. [Aikhenvald 2006: 271—274]. Вторая гипотеза проблематична именно из-за предполо-

¹ В пользу этой реконструкции В. В. Иванов [Там же] приводит также данные ностратического сравнения. Ср. сходную точку зрения у А. Е. Аникина [1998: 190].

жения об императиве как о способе введения прямой речи (ср. критику у Е. С. Отина [1981: 165]).

2. Старославянская и древнерусская частица *de(u)*

Между употреблением *de(u)* в старославянских памятниках, относящихся к XI в., и самыми ранними примерами из др.-р. языка, которые датированы XV в., лежат четыре столетия. На протяжении этого времени ни в берестяных грамотах, ни в восточнославянской деловой письменности не зафиксировано ни одного случая употребления *de(u)*. Лишь тексты на ц.-сл. языке русского извода отражают эту частицу — см. примеры в [Зализняк 2008: 48; Срезневский 1893: 802—803], причём у последнего практически все примеры почерпнуты из источников XIV в. и более позднего времени. Начиная с середины XV в. употребление *de(u)* в деловой письменности становится массовым².

Интересно, что в восточнославянской деловой письменности зафиксирована именно форма *de(u)*, без каких-либо промежуточных стадий, наличие которых было бы ожидаемо, если бы эта форма была произведена непосредственно от глагола *дѣяти* в восточнославянских языках. В то же время ст.-сл. и ц.-сл. язык демонстрирует эти промежуточные ступени: в работе [Цейтлин и др. 1999: 205] отмечены две формы — *дѣеши* и её стяжение *дѣи*, что само по себе не является чем-то необычным в древних письменных культурах; И. И. Срезневский [1893: 803] указывает также на существование *дѣета* и *дѣель*.

По всей видимости, в ст.-сл. и в др.-р. языке мы имеем дело с двумя разными частицами, которые различались прежде всего в функциональном плане. Согласно [Večerka et col. 1996: 43; 47; 52—53], частица *дѣеши/дѣи* в ст.-сл. языке, как и в ц.-сл., функционировала в качестве *отрицательно-вопросительной* частицы в общих вопросах (ср. у И. И. Срезневского [1893: 803] перевод «ужели», «разве», «ли»), соответствовавших в славянских переводах др.-гр. μή, например:

- (1) **ДѢИ** ли о ратъницѣхъ кдинѣхъ рече *Супр* 438, 23 [Цейтлин и др. 1999: 205]
Не говорит ли он только о воинах?
- (2) **ДѢЕШИ** рече отъче повели да въстанетъ лазарь *Супр* 309. 18—19 [Večerka et col. 1996: 52]
μή ἰκέτευσεν ἵνα ἀναστῆ ὁ Λάζαρος;
Не говорил ли он: «Отче, повели, чтобы Лазарь встал из мёртвых»
- (3) **Рече** къ людьмъ рѣпъштѣмъ о безводни: **ДѢЕ** ли отъ сего камене изведоу вы водоу *Изб. 1073 г., 148* [Срезневский 1893: 803]
И сказал людям, недовольным засухой: «Неужели не смогу извлечь воду из этого камня?»

² Ниже оговариваются некоторые исключения.

Частицу *de(u)* в данном случае можно интерпретировать как реликт глагола со значением «говорить», который, видимо, использовался для формулировки таких общих вопросов по модели «не говоришь/говорит ли: X?». Что касается просодических характеристик, то *de(u)* является в примерах (1)—(3) самостоятельной просодической единицей.

С другой стороны, в деловой др.-р. язык, использовавшийся в юридических, коммерческих и в любых типах частных текстов, частица *de(u)* вошла как *эвиденциальная*. С помощью этой частицы можно было выделить чужую речь и противопоставить её авторскому тексту, поэтому примечательно, что частица *de(u)* использовалась именно в таких деловых жанрах, в которых регулярно происходила передача чужой речи в письменной форме: судные грамоты, расспросные речи, дела, грамоты/грамотки, челобитные и некоторые другие. Далее я буду называть её *de(u)₁*, ср.:

- (4) [...] а про Дивея молвил: «Велел, деи, был царь тебе о Дивееве писати; а ныне Дивеи царю не нужен: у Дивея, деи, три сыны и меньшой Дивея лутчи — вот, деи, послы их знают». 1576, *Первое письмо опричного думного дворянина Василия Григорьевича Грязного-Ильина царю Ивану IV Васильевичу из крымского плена* [Обнорский, Бархударов 1952/1: 255 (№ 59/II)].

De(u)₁ как эвиденциальная частица занимает позицию *клитики по закону Вакернагеля*, т. е. вторую позицию после смыслового слова, и по меньшей мере до конца XVI в. относится к глаголу-предикату, чем и объясняется её повторение при каждом из них. Такая регулярность обусловила тенденцию к грамматикализации этой конструкции в XV—XVI вв., однако в более поздних текстах функция *de(u)₁* подверглась реанализу, о чём будет сказано ниже. Это подтверждает высказанное Р. Перельмуттер [Perelmutter 2009: 114—115] соображение о том, что эвиденциальность в др.-р., как и в современном русском языке, выражалась при помощи лексических, а не морфологических средств.

Нельзя не отметить ещё одно значение *de(u)*, зафиксированное мной в литературных текстах, написанных на др.-р. языке, а также в фольклорных текстах и в некоторых русских и белорусских говорах. Оно трудно уловимо, о чём свидетельствуют многочисленные интерпретации, на которых я остановлюсь ниже. Рискну назвать эту функцию *тема-рематической* и в дальнейшем буду обозначать её *de(u)₂*, ср. примеры (5) и (6) с предыдущим примером:

- (5) Писал еси, государь, ко мне холопу своему, кое было мне бес пуга среди крымских улусов не заезжати, а заехано — ино было не по обездному спати; да яз же, деи, чаял, что в объезде с собаками гоняти за зайцы, ажно меня самово в торока как зайца ввязали; да та-кожь, деи, яз чаял каково за кушеньем стоячи у тебя, государя, шутити; да яз же, деи, говорил, кое, деи, пора моя³. 1576, *Первое пись-*

³ Данный текст содержит стилизованную преамбулу, в которой частица употребляется в значении *de(u)₂*. Ср. пример (4) из этого же письма, где частица ис-

мо опричного думного дворянина Василия Григорьевича Грязного-Ильина царю Ивану IV Васильевичу из крымского плена [Обнорский, Бархударов 1952/1: 253 (№ 59/II)].

- (6) рѣ бо дѣи Игорьъ: поманухъ азъ грѣхы своа прѣ ^дГ ^сдмь Бмъ монмъ. [1185], *Ипатьевская летопись*, 224 об. [Зализняк 2008: 43].

В отличие от примера (4), частица $de(u)_2$ не отделяет прямую речь от слов автора, но используется именно в авторской речи. Как и $de(u)_1$, $de(u)_2$ является клитикой. Она следует закону *последовательности клитик в клитических группах*: согласно А. А. Зализняку [2008: 43—44], частица $de(u)_2$ относится к 5 или 6 рангу клитик, т. е. может стоять после условной частицы *бы* и клитическим местоимением *са*. В примере (5) частица $de(u)_2$ стоит после частицы 1 ранга *же*, в примере (6) — после частицы 3 ранга *бо*, что говорит о неукоснительном соблюдении последовательности клитик в клитических группах.

Как уже было отмечено выше, эта функция $de(u)$ в разных источниках интерпретируется по-разному. Н. Д. Арутюнова [Арутюнова и др. 1992: 51] называет её «нарративной» и приводит примеры из былин, где представлено употребление, сопоставимое с примерами (5) и (6):

- (7) Да клюша у калики свинцовая,
Да идѣт-де старик, подпирается,
Да пришѣл-де старик-от во Царьгород
Да зашѣл на кружало государево
(*Онежская былина*, цит. по: [Арутюнова и др. 1992: 51]).

Н. Д. Арутюнова [Там же] высказывает мысль о том, что автор фольклорных текстов таким образом «даёт понять, что не им, мол, придумано сказание». Похожий контекст и также из севернорусской быliny приведён в [СРНГ 1972/7: 312], однако там пример снабжён пометой «частица с неопределённым значением». Там же и с той же пометой приведён пример из народной песни из смоленского района:

- (8) Красота моя девичья,
Кабы де мне тебя спокинуть.
[СРНГ 1972/7: 312]

Пример (8), если верить интерпретации Н. Д. Арутюновой, представляет собой тот же случай, что и пример (7), т. е. исполнитель песни даёт понять через употребление частицы $de(u)_2$, что он не тождествен с её автором. Возможно, в примерах (5)—(8) $de(u)_2$ используется как приём литературной стилизации.

пользуется в характерном для деловой письменности значении $de(u)_1$. Здесь и далее знаки препинания при $de(u)$ будут расставлены в соответствии с изданием, хотя, по справедливому замечанию А. А. Зализняка [2008: 45], их расстановка может быть продиктована современным восприятием частиц и отклоняться «от [...] истинного членения [фразы] — как фонетического, так и синтаксического».

В [СРГК] приводятся примеры из Вологодской области, в которых de названа «усилительной частицей»:

(9) Однажды до того дошло де, что Саша приехал поговорить [СРГК: 436].

То же значение явно находим и в следующем примере из Карелии, где частица di охарактеризована как «присоединительная»:

(10) Муку не покупав ди, ситня пекли [СРГК: 458].

Как «соединительное слово» характеризует частицу de/dze в говорах юго-западной Белоруссии [СБГ 1980: 39]:

(11) Каму ў лес дзе ехаць, даюць каня. *Дакудава Лід.*⁴

На мой взгляд, употребление частицы $de(u)_2$ в примерах (5)—(11) обусловлено тем, что автор сообщения фокусирует внимание реципиента на новой, незнакомой информации, отделяя её от уже известной, и сегментирует таким образом своё высказывание, т. е. в основе использования $de(u)_2$ лежит тема-рематический принцип. Этим объясняется и произвольная постановка частицы в примерах (9)—(11), взятых из устных интервью, причём для адекватной интерпретации этих примеров необходим более широкий контекст. Собственно говоря, здесь отражена нарративная функция — правда, понимаемая в более буквальном смысле, чем в приведённой выше версии Н. Д. Арутюновой и её соавторов. Представляется, что огромную роль здесь играет просодия и ритмизация речи, а также фактор интеракции актантов, однако этот вопрос требует более детального изучения.

Подведём некоторые итоги. Частица $de(u)$ имела различную функцию и просодические характеристики в ст.-сл. и др.-р. языке, что говорит против отождествления ст.-сл. и др.-р. $de(u)$. В ст.-сл. языке частица являлась ритмически самостоятельной единицей и имела отрицательно-вопросительную функцию. В др.-р. языке различались как минимум две наиболее часто встречающиеся функции клитики $de(u)$:

- 1) эвиденциальная ($de(u)_1$), которая использовалась для маркирования чужой речи по отношению к авторской;
- 2) тема-рематическая/нарративная ($de(u)_2$), которая использовалась в авторской речи, возможно, для стилизации в литературных текстах либо для тема-рематического сегментирования.

Частицу $de(u)_2$ отражают фольклорные тексты и диалекты из разных областей. В дальнейшем я остановлюсь подробнее на эвиденциальной частице $de(u)_1$. *NB*: Ещё одно значение $de(u)$ зафиксировано в приграничных говорах юго-восточной Беларуси: в них $de(u)$ интерпретируется в качестве союза (= «и»), ср.:

(12) Глухая стяна, де акон нет. *М.*⁵ [Манаенкова 1989: 51].

⁴ Дер. Дакудава Лидского района.

⁵ С. Марьино Добрушинского района.

3. Дистрибуция и семантико-прагматические особенности употребления частицы *de(u)*₁

Развитие эвиденциальных частиц тесно связано с развитием гипотаксиса в восточнославянском предложении. Если обратиться к условиям употребления частиц в др.-гр., то, согласно Деннистону [Denniston 1971: xliii], основной их функцией являлось связывание простых предложений в рамках бессоюзного сложного. В др.-р. языке ситуация была похожей: тексты содержат большое количество бессоюзных сложных предложений, которые связывались при помощи частиц. Как уже упоминалось, частица *de(u)*₁ использовалась лишь при условии, что предложение содержало по меньшей мере два высказывания, чтобы отделить авторскую речь от чужой в рамках одного предложения. Таким образом, здесь наблюдается органическая предиспозиция для формирования гипотактических конструкций, которые я рассмотрю ниже.

Для введения чужого высказывания на восточнославянской территории использовался союз *что*, который происходит от анафорического местоимения⁶. С ним можно было образовать две синтаксические конструкции:

- в абсолютном начале предложения для референции к объекту предшествующего высказывания;
- для введения придаточного предложения, в рамках которого цитировалось целое высказывание (в этом случае возможен был и союз *как*, однако чаще всего в «простой мове», канцелярском языке Княжества Литовского)⁷.

Последняя конструкция является особенно интересной для дальнейших рассуждений. Есть все основания предполагать, что союз *что* не утратил анафорической семантики, поэтому являлся первым ударным словом в придаточном предложении, после которого выстраивались все клитики. В XV в. возможными комбинациями были:

- 1) *что же* (для цитирования в «простой мове» — см. пример (13));
 - 2) *что де* (для цитирования в языке Московской Руси — см. пример (14)).
- (13) Жаловалсѧ нам мѣстич полоцкии слуга ѿсп(о)д(а)рѧ великоз(о) короля | на имя Пронко ТѸпичинич, што же был оу него его торговчик и съ его пенязми ежди|вал торговывал, на имя Тараско.

⁶ Т. Дайбер [Daiber 2009: 368] указывает на этот союз как на превалирующий в деловой письменности, тогда как исследованный им *jako recitativum* использовался в ст.-сл./ц.-сл. письменности. Целиком и полностью соглашаясь с этим наблюдением, хочется возразить, что, по всей видимости, мы имеем дело не с процессом замещения *jako recitativum* на *что* в деловых текстах, как пишет Дайбер, но с изначально комплементарной дистрибуцией этих конструкций в книжном и деловом языке (ср. [Perelmutter 2009: 126]).

⁷ Ср. у Р. Вечерки т. н. релятиваторы на *к*- и *ј*-основе [Večerka et col. 2002: 178—181].

Н(ы)нѣ пак там к Ризѣ избегль, а там ѡсель, а пенязи | Пронковы оу нѣго вси. *Около 1449—1451, Грамота воеводы полоцкого Андрея Саковича рижскому городскому совету с просьбой выслать в Полоцк Тараску, беглого приказчика полоцкого местича Пронка Тупичинича, а также товар и деньги последнего* [Хорошкевич 1977—1981: 182 (№ 91)].

- (14) Биль ми челомъ Покрова Пречистые съ Чюхломы игумень Алексѣй съ братею о томъ, что де ихъ варница монастырская у Соли у Галицкія, а варить де та ихъ варница безъ череду и безъ стоялицъ черезъ весь годъ, какъ въ моихъ Великаго Князя варницахъ варять; и ты де у нихъ грамоту отца моего Великаго Князя да и мою рушишь, воду де у ихъ варницы отъймаешь. *07.1484, Грамота Великаго Князя Иоанна Иоанновича Козме Клементьеву, о ненарушении жалованных грамот на соляную варницу, данных Чухломскому Покровскому монастырю* [АИ 1841/І: 139 (№ 93)].

Как показывают примеры, у восточных славян существовало две конструирующие формы для введения цитации — *что же* и *что де*, которые спорадически использовались также за границами регионов, в которых они являлись наиболее частотными. Обратимся к примеру (14), который демонстрирует прототипическое использование цитативной частицы *de(u)*₁ в письменности Московской Руси. После *verbum dicendi* в первом («главном») предложении (*биль челомъ* — ‘обращаться с жалобой’) второе предложение начинается с комбинации союзного слова *что* и частицы *де* в Вакернагелевой позиции, и при всех последующих предикатах находится частица *де*, которая маркирует все чужие высказывания, перенесённые из дейктической в анафорическую перспективу. Приведённый пример является образцовым с точки зрения обязательности использования *de(u)*₁. В нём различаются собственные и чужие высказывания, и это различие передаётся при помощи соответственно не-использования или использования эвиденциальной частицы, ср. в примере (14):

[*чужое высказывание*] а варить де та ихъ варница безъ череду и безъ стоялицъ черезъ весь годъ,

[*высказывание автора*] какъ въ моихъ Великаго Князя варницахъ варять.

Ср. ещё более наглядный пример, без союзного слова *что*, которое в сочетании с *de(u)*₁, а также при наличии катафорических маркеров (в данном случае — «так»), могло опускаться:

- (15) [...] и царь выслал Зелдала-агу с саблею да с чернилы и з бумагою да говорил тогды так: «Пиши, деи, о Дивее, царь велел тебе говорить: Толко, деи, не станешь писать, и тебе, деи, уже же быти кажнелу; то, деи, уж ты меж нас ссору чинишь; а толко, деи, напишешь, а брат, деи, нашъ, а вашъ государь, так учинит, Дивея нам даст, а тебя к себе возмет — ино, деи, меж нас и доброе дело сста-

нетца». И яз, холоп твои, о том и плакал и бил челом и под саблю ложился, а говорил: «Коли царю надобен Дивеи и царь о нем о чем сам не пишет? А мне как холопу писати ко государю о таком о великом деле: яз волоса Дивеева не стоен». 1576, *Первое письмо опричного думного дворянина Василия Григорьевича Грязного-Ильина царю Ивану IV Васильевичу из крымского плена* [Обнорский, Бархударов 1952/1: 255—256 (№ 59/II)].

Повествование ведётся от лица Василия Григорьевича Грязного-Ильина, который сначала цитирует Зелдала-агу, выделяя его высказывания при помощи частицы *де(u)*₁. При автоцитировании, как и в примере (14), эвиденциальная частица не употребляется. Однако если в примере (14) налицо косвенная речь, то в примере (15), когда автор цитирует и Зелдала-агу, и собственные высказывания, используется прямая речь. Др.-р./ст.-р. язык явно отражает колебания в передаче чужого высказывания в качестве прямой или косвенной речи, а иногда и смешанных форм⁸ — для употребления или не-употребления *де(u)*₁ это иррелевантно. Найденные мной примеры не отражают каких-либо различий в употреблении цитативной частицы в сравнении с контекстами, подобными примерам (14) и (15), ср.:

- (16) а за прошлые годы ѿ рекрутахъ што пермское | наместническое правление намъ ни тово | ни другога даже по сю пору зделать не можетъ | Евгениі Петровичъ обещалъ решить при себе, | ибо оны в перми до выездѣ в петербургъ пробыть | хотелъ до марта мѣа то как де вы то есть | мы нижайшія нынѣшнимъ новымъ господамъ | губернатору и вицегубернатору незнакомы изволил | приказать из насъ нижайшихъ обоихъ которому | либо ѿдному ѿбще с нижнетагилским и ревиндѣ|скимъ прикащиками в генваре или в февралѣ | мѣахъ то есть до выездѣ ево Евгения Петро|вича в петербургъ непременно побывать в пермь | так де я васъ с ними господами познакомлю | и попрошѣ ѿ неоставленіи: а иван де михайловичъ ево своякъ господинъ губернской прокуроръ. 01.01.1783, *От приказчиков Никифора Блинова, Ивана Серебрякова и Якова Аврамова Никите Никитичу Демидову* [Глинкина 2000: 22 (№ 1)].

Интересно метатекстовое пояснение (*то есть мы нижайшія*) в первом случае (в целом они довольно редки — ср. в примере (15) *а брат, деи, нашъ, а вашь государь*), когда нельзя определённо сказать, передана ли в предложении прямая или косвенная речь. В примере (16) во втором употреблении *де(u)*₁ можно наблюдать прямую речь (*так де я васъ с ними господами познакомлю* | *и попрошѣ ѿ неоставленіи*), тогда как в последнем

⁸ Ту же особенность отмечают Т. Дайбер [Daiber 2009: 367] и Р. Перельмуттер [Perelmutter 2009: 111] для т. н. *jako recitativum*.

представлена косвенная речь (*а иван де михайлович ево своякъ господинъ губернской прокуроръ*). Всюду частица *де(и)*₁ стоит в позиции Вакернагеля.

Подобные условия употребления частицы *де(и)*, сохранились приблизительно до середины XVI в., когда colloкация *что* и *де(и)*₁ приобретает архаичный характер. При этом частица *де(и)*₁ перестаёт употребляться при каждом предикате, а вводится лишь в начале ренарратива или, как в примере (16), при смене фокуса с дейксиса на анафорику, ср.:

- (17) А на допросе он Петръ скасал июня въ А де де⁹ | на Масквѣ рекѣ против Крымского броду | он Петръ был а маскатиного рядѣ | торговаго члвка Матвѣя Григорева | из лотки он в воду не вываливал и ножем | рѣзать не похвалялся и бит ево не бра|сался и псомъ ево не называл тѣмъ | он Матвѣи поклепал ево Петра напрасно. 02.06.1686, *Челобитье торгового человека М. Григорьева* [Котков 1974: 351—352].

В некоторых текстах фиксируется также плеонастическое употребление *де(и)*₁ при одном предикате, что свидетельствует об утрате восприятия частицы как части глагольной формы:

- (18) [...] в ннешнем де | в РПД м году как быть на Москвѣ | пожар в Бѣлом городе и в то де число | говорила такие похвалныя слова | та де Мавра Кирилова всю де вашѣ | слободу головней покочю. 24.04.1676, *Извет стрелецких жѣн* [Котков 1974: 339].

По всей видимости, к концу XVII в. утвердилась комплементарная дистрибуция *что* и *де(и)*₁ при введении чужого высказывания, что говорит об изменении функции *де(и)*₁, ср.:

- (19) И того ж числа Кирюшкину шапку отць ево | Кирюшкин безмесонои поп Никита Яков|лев на съзжеи двор принес а скасаль | что та шапка сна ево Кирюшки и взял | он еѣ на Красной площади | та шапка | сукна красного овчинной испод отдана | сну ево попову Кирюшке Никитину. 30.04.1686, *Распросные речи пушкаря М. А. Галкина и тяглеца К. Попова* [Котков 1974: 346].

Итак, в XVII в. утвердилась необязательность использования частицы *де(и)*₁ для указания на чужое высказывание. В результате правила её использования изменялись, часто индивидуально. Многие документы конца XVII—XVIII в. отражают явное незнание их авторами функционирования *де(и)*₁. На один из самых ярких примеров, «Летописное сказание Петра Зо-

⁹ В этом примере первое *де* является сокращением от слова «день», второе — эвиденциальной частицей. Примечательна здесь также позиция *де(и)*₁, нарушающая закон Вакернагеля, согласно которому частица должна употребляться после слова «июня»; судя по положению над строкой, она была добавлена при редакции текста.

лотарева»¹⁰ (кон. XVII в.), обращает внимание Т. Дайбер [Daiber 2010: 85]. По его словам, в нём «московские переписчики почти везде неверно понимали частицу *де* и часто заменяли её на отрицательную частицу *нет*»¹¹, ср.:

(20) И после того вскоре приступилися они воры к протопопу и ко священником, и стали толкать их и бранить скаредною бранью, и говорили они воры: «Снимайте де с митрополита сан, он де митрополит снимал же с Никона патриарха сан». *Музейный список* [Буганов 1968: 225].

(20a) И по том вскоре приступиша они воры к протопопу и к священником, и начаша их толкать и бранить скаредною бранью, глаголюще: «Снимайте нет с митрополита сан, он бо митрополит снимал же с патриарха Никона сан». *Уваровский список* [Буганов 1968: 225].

Колебания в употреблении *de(u)*₁ отражают и более ранние источники, особенно периферийные, в данном случае псковские¹², в которых нередко происходило смешение частицы *бы*¹³ с частицей *de(u)*₁ в тех сложных случаях, когда было необходимо выразить вежливое директивное высказывание:

(21) і вы тот товар | г̃дра ншего его ц̃ръского величества торговому члвку, ондр̃ю василеву ѿдали де | сполна и ѿпустили бы его к нам во псковѣ без сацепки а не ѿдадите тово товарѣ г̃дрка нашего торговому члвку ондр̃ю и то добром что мы тако ж вовелим (Sic!) | ѣ ваших ѣ торговых людеи против того товару всъяти і вдвое

¹⁰ У Т. Дайбера [Там же] неверно: Пётр Золотаревский.

¹¹ «[...] die (Moskauer?) Abschreiber im 18. Jh. die Partikel *de* fast überall missverstanden und oft durch die Negationspartikel *нет* ersetzt» (Перевод мой. — М. Л.) Следует отметить, что это явление распространено в Уваровском и Академическом списках, но в Музейном списке, по которому выполнено издание В. И. Буганова, *de(u)*₁ употребляется в соответствии с условиями, прокомментированными в примере (15). Кроме того, приведённый ниже пример (20a) показывает, что *de(u)*₁ в этом источнике заменялась принципиально многими энклитиками (в частности *бо*), поэтому есть основания говорить не только о незнании функционирования *de(u)*₁, но и о стратегии замещения книжных клитик нейтральными или книжными (ср. также замещение простого прошедшего времени имперфектом и другие стратегии, направленные на архаизацию текста).

¹² Как и в новгородских берестяных и пергаменных грамотах, в псковской деловой письменности эвиденциальная частица *de(u)* практически не отражается. Чаще всего её употребление связано с цитированием третьего источника, ср. пример (25).

¹³ В XV—XVII вв. формой конъюнктива выражались директивные речевые акты, возможно, гонорификативные. Конъюнктив в оптативном значении практически всегда выступал при передаче чужих директивных актов, часто заменяя императив в авторской речи. Можно даже сказать, что, согласно типологии А. Ю. Айхенвальд [Aikhenvald 2006: 106—111; 276—279], мы здесь имеем дело с эвиденциальной стратегией.

і тои деі садор. | Ѹчинитца с вашее стороны а не ѿ нас. 14.10.1590, Письмо псковского наместника Василия Шуйского рижанам о товарах псковича Андрея Васильева, задержанных в Риге, с требованием их возврата владельцу [А 1303/78].

Предикат «ѿпустили бы» свидетельствует о том, что и первый предикат, видимо, должен был быть выражен конъюнктивом, но вместо этого была использована частица $de(u)_1$. Во втором случае перед нами частица в функции $de(u)_2$. Иногда встречается контаминация частиц *бы* и $de(u)_1$:

(22) і вы б тотъ грабежные живот гдря нѣго его цръского величества псковитин торго|вых людеи спирка да михѣика велѣли имъ отдати деі | сполна и ѿпѣстили их нам во псков без са|держаня. 16.04.1608, Письмо псковского наместника Петра Никитича Шереметева рижанам о псковичах Сенке Наумове и Иевке, которые приедут в Ригу для торговых дел и взыскания долгов, с просьбой не чинить препятствий их возвращению во Псков [А 1300/48].

Таким образом, в XVII в. сфера употребления частицы $de(u)_1$ сводится, за редким исключением, к двум случаям. Во-первых, частица используется при рассказе о судебных процессах и цитировании юридических документов, т. е. для пересказа некоего *свидетельства*. Нетрудно заметить, что это и есть традиционная сфера употребления $de(u)_1$: так, пример (13) — сопроводительное письмо в суд, (14) — извещение о княжеском приговоре, (17) и (18) — показания свидетелей. Ср. следующий пример из делового письма, в котором описывается суд над крестьянкой:

(23) а что ты гсдрь говорил мнѣ о жонке и тое | я жонку сыскал и говорил ей довольно и она клят|вою вликою кледа себя что де ей ей¹⁴ не знаю | и того ничего не дѣловала. 29.12.1699, От неизвестного лица (приказчика) Клементию Прокофьевичу Калмыкову [Котков 1969: 219—220 (№ 377)].

Показательно, что в [НКРЯ] последний пример с такой функцией $de(u)_1$ зафиксирован в 1735 г. в протоколе заявления В. В. Киприянова по поводу его имущества в коллегии Сената (см. следующий пример), а более поздние тексты отражают значения $de(u)_1$, о которых речь пойдет ниже¹⁵:

¹⁴ Частица, сопровождавшая принесение клятвы на суде, ср. в современном русском языке *ей-Богу*.

¹⁵ Вероятно, частица $de(u)_1$ в этом значении употреблялась по меньшей мере до конца XVIII в., ср.: Подавал в консисторию челобитье, в котором прописал: «Такой-то-де семинарист, из церковничьих детей, убоясь бездны премудрости, просит от нея об увольнении». На что и милостивая резолуция вскоре воспоследовала, с отметкою: «Такого-то-де семинариста от всякого учения уволить: писано бо есть, не мечите бисера пред свиньями, да не попрут его ногами» (Д. И. Фонвизин, Недоросль, 1782, цит. по НКРЯ).

(24) Октября 18 дня Василий Киприянов к прежней своей скаске в пополнение сказал, в поставленные де ево Киприянова у компанейщика Ивана Веселовского с пожитками дву сундуках что чего положено росписи неимеетца, понеже де в прошлом 1733 году в небытность ево Киприянова в Москве, как он был в Санкт Петербурхе, подполковник Тимофей Тарбеев жену ево из двора безвременно выбил, и тогда жена ево забрав все пожитки и положила во оные два сундука поставила в доме ко оному Веселовскому, а росписей тем пожиткам учинить за скоростью и в те сундуки положить было невозможно, а ныне он Киприянов что во оных сундуках каких пожитков положено справясь со оною женою своею предъявит реэстром, что она может упомнит(ь), а в сундуках статского советника Ивана Кирилова пожиткам росписи есть ли того Киприянов неведает (*Выписки из дел канцелярии Сената об имуществе В. В. Киприянова, 1735, цит. по НКРЯ*).

Наряду с этой, основной, семантикой $de(u)_1$, в деловой письменности XVII в. присутствует и другое значение частицы — цитирование из другого источника, например письма третьего лица, т. е. введения *другой перспективы*, ср. подобное употребление в примерах (15) и (16):

(25) пишет с Саратова Семен Гаврилов струг де с виномь | сазимовал выше Саратова о Л верстах и вино де убрали |. 07.12. (конец XVII в.), *От приказчика Петра Окулова Клементию Прокофьевичу Калмыкову* [Котков 1969: 239 (№ 402)].

В этих случаях, однако, частица $de(u)_1$ употреблялась менее регулярно, чем в юридических контекстах. Интересно отметить, что на протяжении всего XVIII в. частицу $de(u)_1$ в этой функции можно встретить в деловой письменности именно периферийных канцелярий (ср. пример (16) из Нижнего Тагила), в документах, написанных от имени служащих, часто ими самими.

В письмах Никиты Никитича Демидова (1728—1804), в которых он распекает нерадивых и вороватых управляющих его заводами в Касли и Нижнем Тагиле, $de(u)_1$ используется для выражения подчёркнутого несогласия с их действиями¹⁶:

(26) а што ко удивлению мараитя што караванныя | вчерась де к вамь приехали, и отвечать на оное мое | с ними письмо ко мне не успели, а будитя на оное впредь писать не стыдно ли вамь каналии стень | такь плюхать и продолжать, ибо к тому *ж* письмо | мое с ними было к вамь невелико. [...] впредь так отнюд не шалить не продолжать и не боярить и крепко продолжения всякого | боятца, и на сей пункт писать ко мне. 21.12.1788, *От Никиты Никитича Демидова*

¹⁶ Ср. данную В. А. Плунгяном [2008: 303] оценку *де* как «наиболее полемической частицы» русского языка.

дова караванным Тихану Блинову, Герасиму Тимофееву и Михаиле Блинову, приказчикам Никифору и Прохору Блиновым, Ивану Себрякову и Якиму Аврамову, конторщику Алферову и служащим Щелегову и Егорову [Глинкина 2000: 83—93 (№ 12)].

Возможно, для усиления язвительности Н. Н. Демидов подражает языку своих приказчиков — такую функцию эвиденциальных частиц отмечает Т. Дайбер [Daiber 2010: 72]. В общем и целом данная В. А. Плунгяню оценка функции *de* как «иронического комментария» [Плунгян 2008: 302] для синхронного материала вполне соответствует значению, зафиксированному в настоящем контексте.

Примечательно, что употребление *de(u)*₁ в этом значении является любимым именно в сатирических сочинениях XVIII в., ср. начало полемического очерка Н. И. Новикова, где при помощи частицы *de(u)*₁ передается точка зрения Екатерины II, его оппонента:

- (27) Намнясь при мне один такой придворный не господин, да еще господчик, говорил о вашем «Трутне» весьма пристрастно; надлежит сказать, что он имеет доброе сердце, но некоторая слабость им очень сильно владеет, почему он говорит и делает только то, что связано с выгодами его слабости. Сей господчик говорил следующее: «Не в свои-де этот автор садится сани. Он-де зачинает писать сатиры на придворных господ, знатных бояр, дам, судей именитых и на всех. Такая-де смелость не что иное есть, как дерзновение [...]» (Н. И. Новиков, *Полемика Новикова с Екатериной II в 1769 г., цит. по НКРЯ*).

По всей видимости, употребление частицы *de(u)*₁ в этом жанре повлияло на закрепление её преимущественно в публицистике [Арутюнова 2000: 449] в качестве «наиболее полемической» [Плунгян 2008: 303].

К началу XVIII в. частица *de(u)*₁ покидает центральные канцелярии (Москва, Санкт-Петербург) и уходит на периферию. Это было обусловлено необязательностью её употребления для отделения чужой речи от авторской уже в XVII в., а также её узкой семантической специализацией для двух групп контекстов — во-первых, для цитирования текстов юридического содержания или описания судебных процессов, а во-вторых, для маркирования высказываний третьего лица. По всей видимости, сначала частица *de(u)*₁ становится социальным, а затем и прагматическим маркером, и её исходная грамматическая семантика — указание на чужое высказывание — абстрагируется, превращаясь в указание на чужую точку зрения, с которой полемизирует автор.

4. Конкурирующие эвиденциальные частицы

Начиная с XVII в. в деловой письменности появляются частицы, которые составляют конкуренцию частице *de(u)*₁ в разных значениях. Для ука-

зания на высказывания третьего лица спорадически употребляются частицы *скат* [Kretschmer 1998: 145] и *рече* [Зализняк 2008: 44—45].

Однако наиболее заметную роль играла частица *якобы*, которая употреблялась для выражения несогласия с автором цитируемого высказывания. По словам Б. Вимера, опирающегося на соображения В. А. Плуногяна [Вимер 2008: 364], частица *якобы* была заимствована из польского языка, о чём свидетельствует, в частности, время появления первых известных мне примеров — конец XVII в., а также параллельное развитие семантики русского *якобы* и польского *jakoby* [Там же: 363—366]. Согласно другой версии, которую высказывает А. И. Молотков [1962: 188—190], частица *якобы* была заимствована из текстов, написанных на ц.-сл. языке русского извода. Следует отметить, однако, что в этих текстах представлен именно *jako recitativum*, поэтому концепция А. И. Молоткова, а также обсуждаемая Р. Перельмуттер [Perelmutter 2009: 126] генетическая связь *jako recitativum* с *якобы* не кажутся обоснованными. Тем не менее несомненно, что значения *jako recitativum*, русского *якобы* и польского *jakoby* смыкаются (ср. у Б. Вимера [2008: 365—366] и Р. Перельмуттер [Там же]), поскольку все три маркера обладают семантикой недоверия высказываниям адресата¹⁷. Это указывает на очень древнее развитие модальной семантики у *j*-релятиватора, которое, судя по этим данным, можно датировать периодом славянской языковой общности.

Наблюдения над употреблением *де* и *якобы* в деловой письменности конца XVII—XVIII вв. показали, что в центральных канцеляриях, а также в документах социально значимых авторов предпочтение отдаётся частице *якобы*, тогда как частица *де(u)*, присутствовала в периферийных канцеляриях и в текстах авторов, занимавших более низкое положение в социальной иерархии. Ср. следующий пример из письма заводчика Н. Н. Демидова с примером (16), авторами которого являются его приказчики:

- (28) да много и премного я удивляюсь, што на ка|слях *от* служителии заводских вышель споръ на : 506 *ру.*, которыя | на себе столко не почитают, то Есть меньше на себе читают | денег оною суммою должны якобы были или находились | а вы онымъ числом денег : 506 *ру.*, каких болше прочитаите | то об оныхъ денгахъ в сущую правду и точно по Еванге|лской заповеди какъ пред богомъ на страшном суде явитца | не зазорно и стат можно, писат вамъ всемъ ко мне съ ясностию |. 06.05.1787, *От Никиты Никитича Демидова его приказчикам Никифору Блинову, Ивану Серебрякову,*

¹⁷ В этой связи ср. также союзное слово *как*, которое употреблялось для введения чужого высказывания (см. с. 122 и примеч. 7), что, вероятно, также является исходным значением *яко* как релятиватора. Примечательно, что оно образовало сращение *как будто* — частый пример плеоназма эвиденциальных маркеров, ср. [Плуногян 2008: 295—296].

Якиму Аврамову, конторщику Алферову и служителю Щелегову [Глинкина 2000: 82 (№ 11)].

В этом примере Никита Никитич выражает явное недоверие тому, что сообщают ему его приказчики. Кроме того, как справедливо отмечает вслед за Е. В. Рахилиной В. А. Плунгян [2008: 304], принципиальное отличие *якобы* от других эвиденциальных частиц заключается в том, что «*якобы* связано не с интерпретацией текста, а с интерпретацией фактов» (курсив и разрядка автора).

Резко полемическая семантика частицы *якобы* показана в следующем примере, в котором Н. Н. Демидов выражает негодование по поводу невыгодно купленного и вовремя не распроданного хлеба, а более всего — расторопности приказчиков:

- (29) а што хлеб в магазезях говоритя якобы без убыткѣ | намъ будетъ от лежанья да разве вы забыли по| чему онои куплень и обошолся; и по чему ныне ценою | вольной продають не в пример дешевле набранного | в магазейны. 24.12.1786, *От Никиты Никитича Демидова его приказчикам Никифору Блинову, Ивану Серебрякову и Якиму Аврамову* [Глинкина 2000: 58—72 (№ 7)].

И в примере (28), и в примере (29) имеет место опровержение истинности некоего высказывания. Это значение частицы *якобы* является крайне устойчивым: его наблюдает для *jako recitativum* в др.-р. языке Р. Перельмуттер [Perelmutter 2009: 114—115 и 117], в современном русском языке — В. А. Плунгян [2008: 304—305] и Б. Вимер [2008: 364 и 370], в польском языке — Б. Вимер [Там же: 365].

Единственное найденное нами употребление *якобы* в письме приказчика обусловлено ошибкой, которую он заметил в предыдущем письме и подкрепил своё наблюдение фактами:

- (30) Писмо вшего бл̄городия ѡтпущенное с ниж|нотагилских заводов, якобы ѡт . 17.. ѡктяб|ря, і сие знатно мирон ѡписался їбо | того числа изволили еще здѣсь быт, / | ка нижайший полѣчил «20» въ .1.м часу | пополѣдни. 21.10.1737, *Репорт с регистром фабричных рабочих управляющего нижнетагильскими заводами Стефана Егорова Акинфею Никитичу Демидову* [РГАДА: 1267-1-608, 2 л.].

В этом примере, однако, не выражено принципиальное несогласие, недовольство или осуждение чужого поведения, как в примерах (28) и (29), — здесь имеет место только констатация факта неверной датировки и нейтральное несогласие с ним, поскольку этот факт не соответствует объективной действительности.

Частица *якобы* широко употреблялась и в книжных текстах, преимущественно относившихся к высокому стилю, ср.:

- (31) Алаус и Олаус, король норвежский, чтоб от русских святости ради почитан, того русские не упоминают, но для него другого закона и

быть не могло. О нем у римлян на польском языке в житии написано, якобы тело его невреждимо лежит, но я сам в Упсале видел голые кости и некоторые в руки брал. Сей обман целостию тел для народа у римлян довольно известен (*В. Н. Татищев, История Российскойская. Гл. 13—18 (1739—1750), цит. по НКРЯ*).

В подавляющем большинстве найденных в НКРЯ примеров, где *якобы* употребляется в целях выражения сомнения в истинности высказывания, дополнительно присутствует открытое указание на его ложность, выраженное в данном случае фразой *сей обман*. Мера эксплицитности этих доказывающих правоту автора фраз может быть разной (ср. примеры (28)—(29) и (30)—(31))¹⁸.

Интересные факты более древнего употребления эвиденциальных частиц находим в письменности Княжества Литовского, где они использовались, в отличие от Московской Руси, спорадически и были заимствованы из разных языков, т. е. здесь в общем и целом сохранился способ передачи чужой речи, проиллюстрированный в примере (13). Наряду с *de(u)*₁, тексты полоцкой канцелярии отражают *рекомо* (из ст.-польск., ср. современное польское *rzekoto*) и *прав* (из ст.-чешск., ср. современное чешское *prý*), ср.:

(32) И вы истца отслали к великому кн(я)зю, а | онъ вам казал, што бы рекомо взято оу нег(о) 30 бочек ви|на, ино то неправда, вziali оу него 18 бочек вина а 5 | бочек меду; а четырьб бочки полишил в Полоцку вина, а | (с) собою свезль двб бочб вина на низъ. [РГАДА: 1267-1-608, 2 л.], 1441—1444, *Грамота наместника полоцкого Ивана Гойцевича рижскому городскому совету с требованием вернуть полоцкие товары, захваченные рижанами* [РГАДА: 1267-1-608, 2 л.].

(33) А ваш немъчинь | молвил то слово правъ Чернато, не колупаи ты | того слишка, б(о)гъ дасть, какъ а съеду на низъ, | и а тобб оузошлю тотъ слишокъ воску поль|девата пуду. 1436—1437, *Грамота наместника полоцкого Василия Дмитриевича Корсака рижскому городскому совету о решении по делу полочанина Черняты и его должника рижанина Александра* [Хорошкевич 1977, 133 (№ 52)].

В приведённых здесь примерах эвиденциальные частицы также употребляются для выражения несогласия с высказыванием цитируемого лица: в примере (32) оно открыто выражено словами *ино то неправда*; также и в примере (33) выясняется, что обещание, данное Черняте, рижанин

¹⁸ Значением, близким *якобы*, обладала частица *будто*, ср.: Мне очень здесь скучно, хотя вы и думать прежде изволили, будто я провожаю здесь жизнь мою в веселье (*Д. И. Фонвизин, К родным, 1763—1774, цит. по НКРЯ*). Она употреблялась значительно реже, чем *якобы*, для опровержения слухов и домыслов (ср. [Вимер 2008: 353]), спорадически — для опровержения высказываний и фактов (в архическом употреблении).

не выполнил. Несмотря на то, что найденные примеры XV в. единичны, они позволяют судить о том, что выражение модальных значений при помощи частиц имело место в средневековых текстах, однако в их употреблении наблюдались региональные различия.

Рассмотренные в настоящем разделе частицы обладали разными прагматическими характеристиками, по крайней мере в отношении их базовой семантики. Так, для центрального значения частицы *де(и)₁* — передачи текстов юридического содержания — другие частицы в Москве не использовались¹⁹. То же самое можно сказать о семантике *якобы* как частицы, употреблявшейся для выражения несогласия с приведёнными фактами. Частица *будто* употреблялась в основном для опровержения домыслов и слухов. В то же время для передачи слов третьего лица могли использоваться частицы *де(и)₁*, *скат* и *рече* — видимо, в этом значении они могли свободно варьироваться, однако и употребление их в этом случае было необязательным. Можно заключить, что это значение эвиденциальных частиц уже в XVII в. воспринималось как архаичное (ср. у В. А. Плунгяна [2008: 309]) и отодвигалось на периферию, тогда как центральными становились специфические модальные значения, развиваемые цитативными частицами.

5. Некоторые выводы

Подводя итоги развития эвиденциальной частицы *де(и)*, важно отметить, что она обладала разными функциональными и просодическими характеристиками в ст.-сл. и др.-р. языке, а также в восточнославянских диалектах. Её эвиденциальная функция отмечена нами только в др.-р. и ст.-р. языке, причём регулярно только в московской и ориентировавшихся на неё канцеляриях, где она прошла путь от глагольной ренарративной частицы до маркера чужой речи в бессоюзных сложных предложениях. Уже к концу XVII в. употребление частицы *де* вызывало сложности у носителей языка. Именно тот факт, что частица *де(и)₁* как маркер чужой речи в бессоюзных сложных предложениях в конкуренции с союзными придаточными предложениями была востребована всё меньше и меньше, предопределил её угасание в качестве синтаксического маркера. Кроме того, *де(и)₁* в этой функции могла замещаться другими эвиденциальными частицами. Частица *де(и)₁* активно употреблялась лишь в своей прототипической функции — при цитировании юридических документов или в рассказе о судебных процессах.

¹⁹ Ср. примеры (30) и (31), в которых в юридическом дискурсе употребляются другие частицы. Здесь, однако, на первый план выходит именно семантика несогласия с цитируемым высказыванием. Кроме того, данные контексты имеют иную региональную атрибуцию.

С конца XVII в. (т. е. намного раньше, чем указывает В. А. Плуноян [2008: 308]) у частицы *de(u)*₁ развивается модальная семантика: она начинает использоваться для релятивации цитируемого *высказывания* как ложного — в значении, которое сохраняется у неё и по сей день (ср. у В. А. Плунояна [2008: 302—303]). В этом значении она традиционно употребляется в публицистике с сер. XVIII в. Несколько иной семантикой обладала появившаяся в то же время частица *якобы* — с её помощью выражалось недоверие к высказанным *фактам* с разной степенью эксплицитности окружающего контекста. Она имела характер книжной и широко употреблялась для выражения критики. Посредством частицы *будто* опровергалась истинность *слухов* и *домыслов*.

Примечательно, что в письменности Княжества Литовского отмечены примеры использования эвиденциальных частиц для оценки высказывания с точки зрения истинности уже в XV в. Однако их явно недостаточно для того, чтобы делать выводы относительно актуальности модальных функций у эвиденциальных частиц в XV в. Возможно, в приведённых примерах фиксируются заимствованные частицы именно потому, что «проста мова» не обладала аналогичными частицами для выражения недоверия высказываниям или фактам. То же заключение напрашивается и относительно частицы *якобы*, если верна гипотеза о её заимствовании из польского языка.

Рассмотренные нами примеры указывают также на социолингвистические различия употребления частиц. Если частица *de(u)*₁ в XVIII в. по большей части употреблялась в провинциальных канцеляриях, текстах служащих и низком штиле, то *якобы* — в основном в центральных канцеляриях, в текстах более социально значимых авторов, а также в высоком или среднем штиле, т. е. была явно более престижной. Кроме того, семантика частицы *якобы*, при помощи которой выражалась критика и давалась негативная оценка изложенным фактам, обусловила её предпочтение в текстах социально значимых актантов.

Итак, частицы *de(u)*₁, *якобы* и *будто* развили значение несогласия с воспроизводимым высказыванием с разной семантической окраской. В приведённой ниже таблице указаны четыре признака, три из которых (за исключением штиля), на мой взгляд, являются существенными и в современном их употреблении.

Наиболее размытой семантикой обладает частица *будто*, опровергающая наиболее размытые, эфемерные пропозиции, которые не являются частью объективной действительности.

Моё последнее замечание касается развития семантики *de(u)*₁. Б. Вимер [2008] предложил модель развития модальных значений у эвиденциальных частиц исходя из системных данных, этой модели соответствует и процесс реанализа, прослеженный в рамках данной статьи. Однако хотелось бы обратить внимание также на идею проецирования чужого высказывания, присущую в большей или меньшей степени всем эвиденциальным частицам. На примере *de(u)*₁ удалось проследить переход от маркирования

Таблица 1

Жанровая и прагматическая характеристика эвиденциальных частиц с модальными значениями в конце XVII—XVIII в.²⁰

Частица \ Признак	Предмет несогласия	Штиль	Жанр текста	Речевой жанр
де(и)₁	высказывания	низкий	публицистика	полемика
якобы	факты	высокий/ средний	наука/ публицистика/ деловая корреспонденция	критика
будто	слухи, домыслы*	низкий*	частная корреспонденция*	опровержение

дейктической перспективы другого актанта (особенно при их смене) к указанию на чужую точку зрения (*мнение*), на свою дистанцию по отношению к которой автор высказывания стремится обратить внимание. Возможно, неким реликтом исходного значения является частица *de(u)₂*, которая, как представляется, обладает дейктической функцией при тематическом членении нарратива.

Сокращения

др.-р.	древнерусский
и.-е.	индоевропейский
ст.-польск.	старопольский
ст.-р.	старорусский
ст.-сл.	старославянский
ст.-чешск.	старочешский
хет.	хеттский
ц.-сл.	церковнославянский

Литература и источники

- А — Латвийский исторический архив (Рига, Латвия), А 1303/78; А 1300/48.
 АИ I—V — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1—5. СПб., 1841—1842.
 Аникин 1998 — А. Е. А н и к и н. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии: Мат-лы для балто-славянского словаря. Вып. 1 (*а- — *go-). Новосибирск, 1998.

²⁰ Астериском отмечены те факторы, которые представляют собой тенденцию, а не норму.

Арутюнова и др. 1992 — Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. А. Кибрик. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.

Арутюнова 2000 — Н. Д. Арутюнова. Показатели чужой речи *де, дескать, мол*. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов // Язык о языке / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2000. С. 437—453.

Буганов 1968 — Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. / Под ред. В. И. Буганова, Б. А. Рыбакова. М., 1968.

Вимер 2008 — Б. Вимер. Показатели с цитативной и инферентивной функциями в русском и польском языках — коммуникативные механизмы семантического сдвига // Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen. (Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 72) / В. Wiemer, V. A. Plungjan (eds.) München; Wien, 2008. S. 335—375.

Глинкина 2000 — Л. А. Глинкина. Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. 1. Материалы к истории языка деловой письменности XVIII в. Челябинск, 2000.

Дыбо 1982 — В. А. Дыбо. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (Материалы к реконструкции) // Балто-славянские исследования. М., 1982. С. 3—67.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Иванов 1981 — В. В. Иванов. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981.

Котков 1969 — С. И. Котков. Грамотки XVII — начала XVIII века. М., 1969.

Котков 1974 — С. И. Котков. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974.

Манаенкова 1989 — А. Ф. Манаенкова. Словарь русских говоров Белоруссии. Минск, 1989.

Молотков 1962 — А. И. Молотков. Особые синтаксические конструкции передачи чужой речи в древнерусском языке // Исследования по грамматике русского языка III. Учёные записки ЛГУ. № 302. Серия филологических наук. Вып. 61. Л., 1962. С. 162—192.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка, www.ruscorgo.ru (последний просмотр 15.04.2011).

Обнорский, Бархударов 1952 — С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. М., 1952.

Отин 1981 — Е. С. Отин. К этимологии одного славянского глагола речи (в связи с историей частицы *де*) // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IX / Под ред. Н. М. Шанского. М., 1981. С. 142—166.

Плунгян 2008 — В. А. Плунгян. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол, якобы* и другие // Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen. Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 72 / В. Wiemer, V. A. Plungjan (eds.): München; Wien, 2008. S. 285—311.

РГАДА — РГАДА, ф. 1267 («Демидовы»), оп. 1, д. 608.

СБГ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5-ці т. Т. 2. Д—Л. Мінск, 1980.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1. (А—Дрожжанник). СПб., 1994.

СРНГ 1972/7 — Словарь русских народных говоров. Вып. 7. Гона—депеть. Л., 1972.

Срезневский 1893 — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893.

Хорошкевич 1977—1981 — А. Л. Хорошкевич. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. М., 1977—1981.

Цейтлин и др. 1999 — Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Е. Благова. Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков). 2-е изд. М., 1999.

Фасмер 1964 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964.

Aikhenvald 2006 — A. Y. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford. 2006.

Collins 2001 — D. E. Collins. Reanimated voices: speech reporting in a historical-pragmatic perspective. Amsterdam; Philadelphia, 2001.

Daiber 2009 — Th. Daiber. Direkte Rede im Russisch-Kirchenslavischen. Zum pragmatischen Wert des *jako recitativum* // Text — Sprache — Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher / J. Besters-Dilger, A. Rabus (eds.). München; Berlin, 2009. S. 363—386. (Die Welt der Slaven. Sammelbände. Bd. 39.)

Daiber 2010 — Th. Daiber. Quotativmarker im Russischen (*muno/muna*). Zeitschrift für Slawistik 55/1. 2010. 69—89.

Denniston 1971 — J. D. Denniston. The Greek Particles. Oxford, 1971.

Kretschmer 1998 — A. Kretschmer. Zur Geschichte des SchriftRussischen. Privatkorrespondenz des 17. und 18. Jahrhunderts. München. 1998.

Machek 1968 — V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968.

Perelmutter 2009 — R. Perelmutter. Pragmatic functions of reported speech with *jako* in the Old Russian Primary Chronicle // Journal of Historical Pragmatics 10/1. 2009. 108—131.

Rix 2001 — H. Rix. Lexikon der indogermanischen Verben: Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. — 2., erw. und verbesserte Auflage. Wiesbaden, 2001.

Večerka et col. 1996 — R. Večerka et col. Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. III. Die Satztypen: Der einfache Satz. Freiburg i. Br. 1996. (Monumenta linguae slavicae. Dialecti veteris XXXVI (XXVII, 3)).

Večerka et col. 2002 — R. Večerka et col. Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. IV. Die Satztypen: Der zusammengesetzte Satz. Freiburg i. Br. 2002. (Monumenta linguae slavicae. Dialecti veteris LXVI (XXVII, 4)).

Wiemer 2008 — B. Wiemer. Lexikalische Markierungen evidenzieller Funktionen: zur Theoriebildung und empirischen Erforschung im Slavischen // Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen / B. Wiemer, V. A. Plungjan (eds.): Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 72. München; Wien, 2008. S. 5—50.

M. LAZAR

EVIDENTIAL PARTICLE *DE(I)* AND OTHER EVIDENTIAL PARTICLES IN THE HISTORY OF RUSSIAN

This article focuses on the emergence and use of the evidential particle *de(i)* in the history of Russian. In Old and Middle Russian *de(i)* was used as a quotative clitic, which was initially an adverbial marker of another's perspective and later marked the other's ut-

terances in asyndetic constructions, where, however, it became non-obligatory. Traditionally, the particle was used for quoting juridical documents or retelling court proceedings, and it was current from the 15th until the end of the 18th century. From the end of the 17th century the particle *de(i)* acquired modal semantics, and in parallel with the particles *jakoby* and *budto* expressed disapproval of the quoted opponent and, in particular, of his utterances. This usage of *de(i)* was especially characteristic of journalistic texts of the 18th century, and this is still the main domain of its usage in Modern Russian. Thus, the semantics of the particle *de(i)* developed from the neutral quotation of another's utterances to the polemical marking of the other's point of view. The non-obligatory usage of the particle to distinguish the utterances of self vs. other was a prerequisite for the development of this modal meaning.

Keywords: evidentiality, epistemic modality, clitics, reanalysis, genres, Middle Russian.

И. И. МАКЕЕВА

**ОПИСАНИЕ АКЦЕНТНОЙ МИКРОСИСТЕМЫ
РУССКОЙ РУКОПИСИ XVII ВЕКА ***
II. ИМЕНА

В данной статье продолжается описание акцентной микросистемы иноческого сборника № 530 XVII в. из собрания Овчинникова Отдела рукописей РГБ.

В предыдущей статье, посвященной глагольной акцентуации, отмечен ряд особенностей на фоне обычного ударения, соответствующего словам а. п. *a*, *b* и *c*. Во-первых, отмечены случаи южнославянской акцентовки, то есть сдвиг ударения влево. Во-вторых, отмечен сдвиг ударения вправо в отдельных формах некоторых глаголов а. п. *b* и флекссионное ударение на фоне обычного ударения на суффиксе у глаголов с постоянным ударением на тематическом элементе и у вторичных имперфективов.

В сборнике имеются особенности в написании акцентных и надстрочных знаков.

Неакцентные надстрочные знаки — спиритус и исо — писец ставит в начале слова и редко в середине слова (кроме начальной гласной второго корня сложных слов и корня после приставки). Акцентные знаки обычно стоят в середине (оксия) и в конце (вария) слова; акцентная оксия в начале слова встречается редко. Кроме того, нередко писец проставляет два акцентных знака. Таким образом передается колебание ударения. Иногда один из знаков больше по размеру. Возможно, так обозначено «предпочтительное» ударение. Оксия может быть поставлена над согласной, поскольку писец нередко сильно сдвигает акцентный знак и ставит его левее или правее гласной.

Такие же особенности постановки акцентных знаков, прежде всего оксии, засвидетельствованы у имен существительных и прилагательных.

В Овч-530 встретились имена существительные и прилагательные акцентных парадигм *a*, *b* и *c*. Наряду с обычным ударением, соответствующим этим акцентным парадигмам, встретились отступления, отмеченные, как и у глаголов, в одной-двух формах, не затрагивающие всей парадигмы или ее большей части. К таковым относится постановка вариации на

* Работа выполнена при поддержке гранта НШ-3402.2010.6.

флексии, то есть формально флекссионное ударение у существительных а. п. *a*. У имен существительных а. п. *b* также в одной-двух формах встречается наосновное ударение. Некоторые отступления от обычной акцентировки слов по а. п. *a*, *b* и *c* имеют параллели в других памятниках письменности; часть обусловлена, видимо, отражением южнославянской акцентировки.

В рукописи встретилось довольно большое количество имен существительных только в одной или двух фиксациях, по которым не представляется возможным установить их принадлежность к той или другой акцентной парадигме.

Значительную группу акцентуированных слов составляют производные существительные и прилагательные. Некоторые группы представлены большим количеством словоформ (например, слова с суффиксами *-ость* и *-от(a)*, отглагольные существительные на *-ние*, *-ение*, прилагательные с суффиксом *-лив-* и др.), часть — всего несколькими словоформами.

Хотя производные имена существительные рассматриваются отдельно, некоторые из них включены в описания акцентных парадигм. Как правило, это слова, производность которых уже не столь очевидна.

Акцентуация имен существительных. Акцентная парадигма *a*

К акцентной парадигме *a* в Овч-530 относятся следующие имена существительные, в том числе некоторые производные: **вѣсѣда**, **вѣсерѣ**, **братѣ**, **братнѣ**, **брашно**¹, **воинѣ**, **вѣбра**, **вѣтрѣ**, **дѣволѣ**, **дѣло**, **желѣзо**, **жизнь**, **жила**, **злоба**, **игоуменѣ**, **икона**, **камень**, **книга**, **колѣно**, **кѣліа**, **лѣто**, **мати**, **моука**, **мысль**, **мѣбра**, **мѣсто**, **надежа/надежда**, **ноужа/ноужда**, **одежа/одежда**, **пакость**, **перси**, **печаль**, **пища**, **плачь**, **полата**, **польза**, **потреба**, **(не)правда**, **пѣснь**, **рамо**, **рана**, **риза**, **свитка**, **сила**, **слава**, **стадо**, **степенѣ**, **сѣмѣ**, **тина**, **тысяща**, **хлѣбѣ**, **чадо**, **чаша**, **газыкѣ**²: **вѣсерѣ** (В.) 3, **вѣсера**

¹ Слово **брашно** помещено в эту группу, хотя а. п. *a* является для него новой, а по другим памятникам оно акцентуировано по а. п. *c* при возможных отклонениях в сторону а. п. *b*.

² Ввиду большого количества словоформ и тривиальности примеров они приводятся выборочно. В список не включены некоторые слова, например, **инокѣ**, **искра**, которые, имея ударение на начальном слоге, то есть на гласной, пишутся с *исо*, а оксия в его составе в Овч-530 не является акцентным знаком.

В Овч-530 имеется большая группа низкочастотных слов, акцентную парадигму которых достоверно установить затруднительно: **ѡспидѡвѣ** 113 об., **вожѣми** 104 об., **варвоуки** (И.) 10 об., **по варворкѣ** 10 об., **вервь** (И.) 166 об., **вигнѣ** (В. мн.) 229, **посредѣ** голаки 128, **дверцы** (В.) 175, **дѣлѣвѣ** 167, **дѣлѣвѣ** 250 об., **ѡ ѣствы** 94 об., **ѣствы** (Р.) 75, **желѣдѣкѣ** (В.) 117 об., **жѣлчи** (Р.) 102 об., **зѣбрѣю** 197, **ѡ злѣкѣ** 225 об., **кѣновѣ** (И. мн.) 228, **ѡ клѣю** 180, **клевѣми** 180, **ковѣ** (В.) 177 об., **оковы** (Т.) 197, **кочергою** 13 об., **красною** 254, **крѣны** (В.?) 195, **х крѣлосѣ** 91, **латры** (В.) 77 об.,

(Р.) 259 об., **внсеро**^М (Т.) 52, 223 об., **вѣтръ** (И.) 134, 229, (В.) 196 об., **вѣтрѸ** (Д.) 216, 225, **вѣтрѸ**^М (Т.) 180, **на вѣтрѣ** 162, 165 (чтение последней буквы предположительное), 180, **на вѣрѣ** 166, **вѣтры** (И.) 176 об.; **ѿ дѣла** 94 об., **дѣло**^М (Т.) 13 об., 57 об., 66, **дѣломъ** (Т.) 89 об., **ѿ дѣле** 116 об., **дѣла** (И.) 56, 135 об., **дѣла** 155 об., 170 и др., (В.) 56 об., 60 об., 137 об., 156 об., 158 и др., **ѿ дѣлъ** 57 об., **дѣло**^М (Д.) 65 об., **по дѣло**^М 52, 58, **по дѣломъ** же 210 об. (оксия между **ѿ** и **л**), **дѣлы** (Т.) 226 (2 раза), **дѣлы** (Т.) 191, 239 при **дѣлесы** 52 об., **о дѣлѣ**^Х 165, **в...** **дѣлѣ**^Х 211 об., **во...** **дѣলেখъ** 205, **ѿ дѣলেখъ** 88 об., **ѿ...** **дѣলেখъ** 115 и др.; **икѡне** (Д.) 250 об., **на икѡнѸ** 155 об., **икѡнѣ** 16 об.; **мѣти** (И.) 81 об., 133, **мѣтеръ** (В.) 195, **мѣтръ** (В.) 64; **ѿ нѣжды** 95 об., 126; **во...** **нѣжи** 103 об., **нѣждѸ** 111, **нѣждею** 134, **во...** **нѣжде** 97, **в...** **нѣжде** 129 об., **в...** **нѣжди** 97, **в...** **нѣжи** 154, **нѣжды** (В.) 109 об., **во...** **нѣжахъ** 104 об., 110, **в...** **нѣждахъ** 173, **во...** **нѣжа**^Х 105, **во...** **нѣжда**^Х 136; **пѣкостъ** (И.) 177 об., **вѣ пѣкостѣ** 76, **во...** **пѣкостѣ** 87; **в пѣрси** 123 об., **на...** **пѣрси** 174, **кѣ пѣрсѣ**^М 91, **на пѣрсѣхъ** 167 об., **на пѣрсѣ**^Х 94, **в пѣрсѣхъ** же 241 об.; **во...** **плѣма** 259, **плѣмень** (В.) 229, **плѣмени** (Р.) 259, (Д.) 228 об., **плѣмене**^М (Т.) 116 об., **плѣмень** (Р. мн.) 152; **в полѣтѣ** 126, **полѣты** (И.) 228, **в полѣтахъ** 126, **пѣснѣю** 252, **пѣснѣ** (В.) 124, **пѣснѣми** 167 об.; **на рѣмо** 117 об., **на...** **рѣмѣ** 113, **на своѣ рѣмѣ** 259; **стадо** (В.) 235, **ѿ стада** 254, **стадѸ** 200, **стадо**^М (Т.) 235, **о стадѣ** 200, **ѿ стадѣ** 255; **степенѣ** (И.) 257, **степа** (Р.) 253, **прѣтѣхъ** **степа** 257, **на степенѣ** 254 об.; **сѣма** (В.) 145, 244 об., **вѣ сѣмени** 102 об., **сѣмена** (В.) 239, **сѣмень** (Р.) 69, **с сѣмены** 259 об.; **тѣна** 245 (оксия между **и** и **н**), **тѣнѸ** 226, **во...** **тѣнѣ** 245; **чѣда** (В.) 196, 201³, **чѣдо**^М (Д.) 262, **с...** **чѣды** 257 об.

Некоторые слова, которые в письменности акцентуированы по а. п. а, в Овч-530 слабо засвидетельствованы: **бѣснамъ** 260 об., **на блѣдѣ** 3, **на болѣтѣ** 122 об., **врѣма** (И.) 189, (В.) 98, 258 об., **врѣмене**^М (Т.) 113, **в бѣвны**

лѣведѸ 117, **лисѣ** 132 об., **лѣста** (И.) 124, **мѣгѣло** (В.) 55 об., **мрѣви** (И.) 167 об., 252, **мѣшцы** (Р.?) 180 об., **нс пѣзѸхи** 127, **ѣ папѣрти** (М.) 11 об., **перемѡнатка** 15, **плѣвелъ** (Р.) 67 об., **плѣвелы** (В.) 90 об., **плѣснѣ** (В. дв.) 167 об., **плѣснѣ** (В. дв.) 252, **пѣсохъ**^М (Т.) 91, **вѣ рѣпотѸ** 52 об. (второе о вписано над строкой), **вѣз рѣпотѸ** 253 об., 261 об., **свирѣли** (В.) 180 об., **сковелми** 101 об., **на скорпѣю** 89 об., 183, 202, **скорпѣи** (И. мн.) 113 об., **скрѣнѣ**^М (Д.) 131, **скрѣжетъ** (В.) 131 об., 233, **скрѣжѣ**^Т (В.) 51, **слѣзнь** (И.; после **з** другим почерком вписано над строкой **ѣ**) 122, **в снѣдѣ** 61 об., **снѣдѣ**^М 85³, **в сопѣли** 114 об., 180 об., **сѣтѣхъ** (Д.) 10 об., **ѣ сѣтки** 165 об., **тлѣ** (И.) 134 об., **вѣ тлѣ** «тление» 100, **трѣзвѡнѣ** (И.) 11 об., **тѣка** (Р.) 122, **шѣлыгами** 120, **шѣпѣтѣ** 13, **шѣпѣты** (В.) 91 об., **шѣртѣни** (И.) 122 об., **шлѣмо**^М (Т.) 87, **на ѡвѣ** 55, **вѣдѣржасѣ** **ѡдѣ** 122 об. (ср. **ѡди** (Р.) 122), **ѡрѣмъ** (В.) 53 об. Особо следует выделить два **ремѣна** (В.) 118 об. и **ѡчмѣна** (Р.) 121 об., **ѡчмѣне**^М (Т.) 125, у которого такое ударение обычно и в других памятниках; см. [Колесов 1972: 190—191].

В рукописи встретились также имена собственные **миѡнила кѡлѣпскаго** (Р.-В.) 111 об., **андрѣю завѣлишинѣ** 112, **на комѣльскѣи лѣсѣ** 111 об., **ѣ кѣвѣ** на **верѣстѡе** 114 об.

³ Над последним **а** едва заметный знак — вариѣ?

114 об., **вѣри** (Д.?) 68, **вѣрю** 176 об., **в...** **вѣри** 205, **вѣкома** «веко» (Д. дв.) 116, 131, 218 об. (ко пропущено и вписано писцом над строкой), **гортани** (Д.) 180, **ды**^М (И.) 222, **дѣди** (И.) 133, **жабы** (И.) 239 об., **зѣрно** (В.) 195 об. (оксия между *ε* и *ρ*), **на лавкѣ** 15 об., **по лавкѣ** 15 об., **липѣ** 111 об., **лоханѣ** (В. = И.)⁴ 13, **манна**, **маннѣ** 129, **маслѣ** (В.) 119 об., **мастеры** (И.) 213 об., **мниха** (Р.-В.) 76, **мѣха** 187, **мѣдѣ** (И.) 139, **невѣста** 238 об., **на нити** 180 об., **вѣѣда** (Р.) 93 об., **по вѣѣде** 95 об., **пара** (И.) 134, **пары** (И.) 175, **посредѣ** **рати** 130, **ратемѣ** 71 об., **рыба** 187, **рыбамѣ** 125 об., **рѣскѣ** 16, **в рѣскѣ** 16, **сѣнь** (И.) 96, **на стѣлѣ** 164, **на стѣле** 14, **твари** (Д.) 102 об., **въ тѣкѣвы** 181 об., **ѣиник же** (И.) 130, **в хѣжю** 124 об., **во...** **чертѣзѣхѣ** 115, **по шѣ** 128, **шѣбѣ**, **ѣ шѣбѣ**, **в шѣбѣ** 16, **въ ѣмѣ** 148 (в остальных словоформах **исо:** **ѣмѣ** 237, **ѣмѣ**, **ѣ ѣмѣ** 116 об.), а также **смокъвен** 123, **смокъвен** 123 об.

Вероятно, к а. п. *a* принадлежит также еще ряд имен существительных, иногда слабо засвидетельствованных, включая заимствования и некоторые производные: **акриды** (В.) 125, **во упокалипѣсе** 242, **аѣдрѣно**^М (Т.) 139 об., **Ѡ...** **бѣздны** 78 об., 141, **верига** 95, **в...** **вертѣпѣ** 129 об., **до вѣмѣ** 96 об., **вѣи** (Р.) 127 об., **грамотѣ** (Д.) 10, **дѣмоно**^М (Д.) 244, **ѣидны** (И.) 113 об., **нзма-** **рагдѣ** 5, **колибѣ** 125, 128 об., **ѣ колибѣ** 124 об., **в колибѣ** 125, **ѣ...** **кладѣ** 113, **литрѣ** (В.) 122 об., **ѣ лаврѣ** 118, **лѣща** (И.) 113 об., **магнитѣ** (И.) 5, **мамѣнѣ** (Д.) 161, **невѣждѣ** 78 об., **нѣгами** 228, **ѣ-вѣды** (то есть **а авиды**) 80 об., **а обѣдѣ** 80 об., **на вѣѣднѣ** 12 об., **внѣгрѣ** 157 об., **ѣ пѣгѣбѣ** 108 об., **пѣсѣ** 125 об., **до пѣсѣ** 117, **пѣры** (Р.) 201, **пѣтѣ** (В.) 9, **к пѣтѣ** 15 об., **пѣ-** **гвицы** (В.) 15, **по пѣговѣ** 10 об., **по...** **стѣпѣни** 234, **на...** **стѣпѣни** (М.) 234, **стѣпѣни** (И.) 233 об., **по стѣпѣнѣ**^М 234 об., **в сѣнѣ**^Х 13, **талѣнтѣ** (В.) 255, **чѣткѣ** 10, **чѣткѣ** 10 об., **чѣтки** (И.) 14, (В.) 10 об., **чѣтки** (И.) 14 об., (В.) 14, **чѣтокѣ** (Р.) 10 об., 14 об., **по...** **чѣткамѣ** 10 об., **по чѣтка**^М 10 (2 раза); сюда же **амѣна не Ѡдѣстѣ** 11. Можно предположить а. п. *a* у существительного в **конѣ** 101 об., **ѣ конѣ** (2 раза), **конѣ** (В.) 119, **квнѣ** (Д.) 119 (в исправлено из другой буквы).

По памятникам акцентуировано по а. п. *a* существительное **дланѣ**, которое в Овч-530 встретилось два раза с отяжкой ударения на предлог: **на дланѣ** 94.

Из имен существительных, у которых по памятникам возможна акцентуация по разным акцентным парадигмам, в том числе по а. п. *a*, в Овч-530 содержатся следующие лексемы, включая слабо засвидетельствованные: **гада** (Р.) 113 об., **гадѣ** (Р.) 128, **гади** (И.) 113 об., 239 об., **гадѣвѣ** 98 (оксия между *д* и *о*; новая а. п. *c*), **воплѣ** 128 об., **воплѣ**^М (Т.) 14, **с воплѣ**^М 128 об. (возможна а. п. *b*), **воплѣ** «шерсть» 114 (возможна а. п. *b*), **в дѣма**^Х 259 (возможна а. п. *b*), **каплѣ** (И.) 99 об. (возможна а. п. *b*), **крѣ**^М (Т.) 166 об., 250 об. (возможна а. п. *b*)⁵; **по нрѣвѣ** 9 об., **по...** **нрѣво**^М 255 об., **нрѣвы** (Т.)

⁴ Здесь и далее так обозначен падеж в составе конструкции *земля пахать*.

⁵ Ср. ср. **вѣскрѣи** 56 с перевернутой каморой и **ѣскрѣи** 54 об., где над **н** поставлен такой же знак или вариация.

240 об. (возможна а. п. с), **овощь** (В.) 120 (обычная а. п. b), **к стѣни** 80 об. (следы а. п. b), **сѣры** (Р.) 119 (возможна а. п. b). Имена существительные **ложе** и **перстѣ**, акцентуированные в других памятниках преимущественно по а. п. b, хотя могут отклоняться к а. п. а, в Овч-530 принадлежат к а. п. а: **Ѡ лѡжа** 16, 165, **лѡже** (В.) 131, **на лѡжи** 163 об., 180 об., **Ѡ лѡжь** 116 об., **на лѡжахъ** 133 об., **на лѡжа^x** 116 об.; **пѣрсто^m** (Т.) 55, **на пѣрты** 94, **до пѣрсто^b** 252.

Слово **сѣть** относят к а. п. а [Зализняк 1985: 132] или к а. п. с [Колесов 1972: 75, 77]. В Овч-530 его акцентуация скорее соответствует а. п. с: **сѣтъ** (В.) 175, 177 об., в... **сѣти** (М.) 141, **в сѣти** (М.) 81, **во... сѣти** (М.) 176, **сѣти** (И.) 174 об., 226 об., 227, (В.) 175 об., 176, 177 об., 226 об. и др., **в сѣти** (В.) 187, **во... сѣтѣ^x** 174 об., **Ѡ... сѣтен** 3 об., 151 (оксия между **ѣ** и **т** в обоих примерах), хотя **сѣтѣн** 149, 174 об., 175, **сѣтѣн** 227, **Ѡ сѣтѣн** 226 об., **сѣтъми** 226 об. Однако не исключено, что флексивное ударение обусловлено влиянием **ĭ*-основ ж. р. а. п. с в формах мн. ч. (очень частотных **вещь**, **страсть** и др.). Ср. ударение слова **волѣзьн**: **волѣзьн** (В.) 14, 51, 221, **волѣзьн** (В.) 180, **ѣ волѣни** 248, **волѣзни** (В.) 109 об., **волѣзнен** 181 об., **волѣзьни** (В.) 178, **волѣземъ** 127, **волѣзне^m** 139, **волѣзьными** 64 об., 222, 243 об. (оксия между **ѣ** и **з**), **волѣзьными** 177, 206 об. при **волѣзьными** 179 об.

Акцентуация существительного **трапеца**, которая различается в восточной и западной зонах, соответствует восточной зоне: **трапѣца** 125, **с трапѣзы** 12 об., **пѡслѣ трапѣзы** 16, **ѣ трапѣзѣ** 93 об., **в трапѣзѣ** 12 об., **за трапѣзоу** 55, **в трапѣзѣ** 12 об., **на трапѣзѣ** 114, **на... трапѣзе** 58 об., **трапѣзы** (И.) 51 об., **на трапѣза^x** 51 об. и др.

По памятникам обычно акцентуировано по а. п. а слово **оуѣтро** [Зализняк 1985: 132]. В Овч-530 оно встретилось с ударением на конечном слоге **оуѣтро^b** **во** 225 об. при постановке *исо* в другом примере: **до оуѣтра** 89. По наблюдениям В. В. Колесова в русском языке флексивное ударение у этого слова встречается только в поздних памятниках [Колесов 1972: 194].

По данным восточнославянских памятников относятся к а. п. а, но обнаруживают колебания в сторону а. п. b слова с **-j-* с рефлексамі новоаккутовой интонации в других славянских языках [Зализняк 1985: 132; Колесов 1972: 14—16]. В Овч-530 из слабо засвидетельствованных слов этой группы ударение по а. п. b имеет одно существительное: **в чащѣ** 120 об., **гѣща** 139 об., **кѣплю** 231. В словоформе **кормлѣ же** 120 об. поставлены две оксии (первый знак крупнее, вторая оксия поставлена между **л** и **ѡ**). У более частотного существительного **жажда** акцентовка по а. п. b встретила в одной словоформе: **Ѡ... жѣжды** (Р.) 129 об., **жѣжди** (Д.) 130, **жѣждѣ** 139 об., **во... жѣжди** 101, **во... жѣжде** 231 об., **жѣждею** 101 об., 112 об., **жѣждоу** 113, 123 об., хотя **жаждѡу** 116 об. Наосновное и флексивное ударение встретилось у существительного **стража**, которое в древнерусских памятниках обычно относится к а. п. b, хотя изредка у него встречается а. п. а: **стрѣ/жа водремѣсѣ** 163, **до пѣрвыѣ стражи** 62 об., **стражѣ** (В.) 189 (первый знак крупнее), **в... страждѡ** 195 об., 196. При этом у слова **ноуѣжа/ноуѣжда** отмечено только наосновное ударение (примеры см. выше).

У этих слов на фоне акцентовки по а. п. *a* по диалектам встречается колебание в сторону а. п. *b* [Колесов 1972: 15]. Флекссионное ударение могло быть реликтовым, хотя более вероятен его вторичный характер.

В Овч-530 флекссионное ударение встречается и за пределами данной группы существительных. Оно отмечено наряду с постановкой оксии на корне в одной или двух формах на фоне более многочисленных примеров наосновного ударения у следующих слов: **вѣра**^а 107, **такъвѣ вѣрѣ**^а 104 об., хотя **вѣра** 60, 110, **вѣрѣ** 86, 104, 106, **вѣрѣ** 66, **вѣрою** 67 и др.; **два лѣта**^а (В.) 113 об., хотя **лѣтѣ** (М.) 90 об., **на лѣта** 68 об., **вѣ та лѣта** 112, **лѣта ѿ лѣ/та** 96, **лѣты** (Т.) 72; **птица**^а 81 (первый знак крупнее), **птица** 165, **птицы** (Р.) 129 об., **птиць** 127 об.; **пшеница**^а 212, хотя **пшеницы** (Р.) 90 об., **пшениць** 135 об.; **по... сила**^а 9 об., хотя **сила** (И.) 92 об., **по сила** 9 об., 62 об., **ѿ силы** 85 об., **три силы** (В.) 95, **силами** 105 об.; **слава**^а 249, **на славахъ** 10 об., хотя **слава** 10 об. (3 раза), 161 об., **ѿ славы** 247 об., **славою** 210 об. и др.; **в... ланитѣ** 194 при **в... ланитѣ** 200 об.; **во оутрѣбѣ** же 241 об., хотя **оутрѣба** 164, **во оутрѣбѣ** 139 об.⁶; **хлѣба** (Р.) 111 об., 112, 214, хотя **хлѣвъ** (И.) 95, 112, (В.) 95 об., 113, 118, **хлѣба** (Р.) 111 об. (2 раза), 112 об., 113 об., 116, 117, 117 об. и др., **хлѣвъ** 118, **хлѣвъ**^м (Т.) 116, **хлѣвы** (В.) 113, 126 и др.; **ѣзыче** (Зв.) 141, хотя **ѣзыкъ** (И.) 141, (В.) 60, 136, **ѿзыка** 141, **ѿзыка** 59 (2 раза), **ѣзыкѣ** 58 об., **ѣзыкѣ** (Т.) 87 об., 141, **ѣзыкѣ**^м (Т.) 59, **ѣзыче** (Зв.) 141 (2 раза), **ѿ ѣзыче** (Зв.) 59 и др. В остальных случаях флекссионное ударение может быть второстепенным: **на дѣвола** 172 при **на дѣвола** 197, **кѣліа** (И.) 96 об., хотя **кѣліа** (В. = И.) 13, **кѣліа твоєгѣ** (*так!*) 54 об., **среди кѣліа** 164, **в кѣліа** 55, **в кѣліа** 62, **в кѣліа** 91 об., **в кѣліа** 13 (2 раза), **по кѣліа**^м 113, **в кѣліа**^х 2 об.; **ни по вѣма ризомѣ** 201, хотя **риза** 76 об., **вѣ... ризы** 113, **ризѣ** (Д.) 70, **ризѣ** 76 об., 121 об., **в ризѣ** 115 об., **во... ризѣ** 113, **ризѣ** (Р.) 76 об., **в ризахъ** 76, **в... риза**^х 74 об.

В древнерусском языке у имен существительных ж. р. а. п. *a* флекссионное ударение известно по разным источникам: **сила**, **слава**, **вѣра**, **вѣрою**, в формах мн. ч. **въ ранахъ**, **в ризахъ** и др. [Колесов 1972: 9 и след.]. Отклонения от а. п. *a* у существительных ж. р. встречаются в памятниках XVII в., имеющих северновеликорусские диалектные особенности [Там же: 16]⁷. Флекссионное ударение у слова **лѣтѣ** засвидетельствовано в памятнике каргопольского происхождения, а в форме именительного и винительного падежей мн. ч. **лѣта** широко известно в литературе XVIII в. [Там же: 195]. В Овч-530, имеющей северновеликорусские черты, возможно, находившиеся в оригинале, отступления представлены в разных падежных формах у слов мужского, среднего (один пример) и женского рода (большинство случаев).

⁶ В другой рукописи из собрания Овчинникова — № 596, в которой подобных отступлений от акцентовки по а. п. *a* не отмечено, тем не менее засвидетельствовано **оутрѣбѣ** 294.

⁷ В. В. Колесов приводит пример из северной рукописи с ударением **хлѣба**, являющимся проявлением подвижности [Колесов 1972: 110].

В Овч-530 у нескольких многосложных слов и у двусложного существительного отмечено колебание ударения в пределах основы, то есть оно поставлено на первом и на втором слоге.

Сохраняется акцентуация по а. п. *а*, хотя варьируется в пределах многосложного слова у лексем **ис пещеры** 114, 115 об. (оксия между *щ* и *е*) — **ис пещеры** 115 об., **ѿ пещеры** 116, **пещерѸ** 114 об. (оксия между *щ* и *е*), 115, **пещерѸ** 128, **ѿ пещерѸ** 115 об., **на пещерою** 114, **в пещерѣ** 114 (2 раза), 115, **ѿ пещерѣ** 116 об., **в пещерахъ**, 218 об.; **адаманти** 5 (второй знак крупнее) — **адаманти** 107 об.; **канонъ** (В.) 250 об. (второй знак крупнее) — **во... канонѣ**^х, **каноновъ** 250 об.; **любы** (И.) 84 об., 155, **прелюбы** (В.) 195, 200, **любовъ** (И.) 81 об. — **любовь** (И.) 199 об., **любвѣ** (Р.) 10, **ѿ любвѣ** 199 об., **любвѣ** (Д.) 59 об., **къ любвѣ** 76 об., **по любвѣ** 58, **любвѣю** 67, 199 об., **в любвѣ** 219 об., **въ любвѣ** 93, **ѿ любвѣ** 82 и др. В акцентуации последнего слова можно предположить отражение инославянского ударения; ср. срх. **льубав** и **льубов**, блр. **любосць** в значении безличного глагола [Носович 1870: 275]. В акцентовке **адаманти** отражены, скорее всего, два принципа акцентуации заимствований: этимологический, когда ударение падает на тот же слог, что и в языке-источнике (ср. греч. *ἀδάμας*, *ἀδάμαντος*), и морфонологический, когда ударение падает на последний слог основы; об этом см. [Корнилаева 1986: 11—12]. Существительное **канонъ** (греч. *κανών*) является освоенным заимствованием, у которого в памятниках представлена акцентуация по этимологическому принципу. Ударение **ис пещеры** может быть отражением южнославянской акцентуации (ср. болг. *пещера*), так же, как и **кромѣ съботъ** 139 (ср. срх. *събота*, болг. *събота*)⁸; ср. другие акцентуированные формы слова в Овч-530 **съботѣ** (Д.) 12, **в съботѸ** 111 об., **кромѣ съботы** 95 об., **развѣ съботъ** 117. Юго-западнорусское влияние возможно в ударении **каменіе** (В.) 128 об. при **каменіе** (И.) 113 об., **каменіе**^м 223 об. (ср. укр. *ка́мня*, блр. *ка́меніе*, *ка́менне* (собр.) [Носович 1870: 228], словин. *капéне*). Кроме того, *камень* довольно хорошо известно в русских диалектах (каяз., твер., новг., яросл., костр., сев.-двин., олон., КАССР) [СРНГ 13: 23]. В Овч-530 встретилось также **камько**^м (Т.) 166 об. (ср. ст.-чеш. *камýк*, а также у В. И. Даля *камь́к* с пометой *стар.* [Даль 2: 197]).

Вероятно, колебание ударения еще в двух словах также обусловлено инославянской акцентовкой: **покою** (Р.) 1 об., 207 об., **покою** 205, **без покоа** 245 об., **на покон** (В.) 204 об., **покон** (В.) 131, 205 об., **покѡи** (В.) 79, **на покѡи** 89, **покон** (В.) 53 об., **с покѡѣ**^м 87, **в покѡѣ** 81 об., **покѡѡ**^м 235 об., **покон** (Т. мн.) 206, **в... по/коа**^х 235 (ср. срх. *пѡкѡј*, словен. *rѡkoј*, укр. (с)пѡкѡій); **обычѡи** (И.) 182 об., **обычѡи** (И.) 72, 88 (и переправлено из **а**) **обычѡи** (В.) 254, **обычѡю** 57, 182 об., **обычѡю** 185 об. (первый знак круп-

⁸ В древнесербских рукописях XIV—XVI вв. засвидетельствованы Р. *пещеры*, Д. *пещерѣ*, В. *пещероу*, Т. *пещерою*, а также *соубота*, Р. *соуботы* и т. д., Р. мн. *соуботѣ* [Булатова 1981: 82, 83; 64, 65, 70].

нее; выше **обычаю**), **вбычаемъ** 72 об., **вбычае^М** (Т.) 72, **вбычае^М** (Т.) 56 (ср. срх. *öbicaĭ*, укр. *обичай*, блр. *обычай* [Носович 1870: 356]).

Акцентная парадигма *b*

К акцентной парадигме *b* в Овч-530 принадлежат следующие имена существительные: **бѣда**, **венець**, **верхъ**, **врагъ**, **грѣхъ**, **дождь**, **жена**, **животъ**, **змии**, **змѣа**, **конецъ**, **конь**, **левъ**, **лице**, **мзда**, **мечь**, **молва**, **огнь**, **песокъ**, **плечо**, **постъ**, **поузырь**, **равъ**, **ран**, **ребро**, **село**, **сонъ**, **сребро**, **стеза**, **столпъ**, **соудъ**, **трава**, **троудъ**, **тьма**, **оумъ**, **оуста**, **число**: **ѡ бѣды** 127 об., 52 об., **бѣдѣ** 126, **во... бѣдѣ** 103 об., **бѣды** (И.) 101 (8 раз), 101 об., 142 об., 214 об., 236, (В.) 100 об., 125 об., **на... бѣды** 106, **бѣды** 101 (2 раза), **бѣдъ** (Р.) 145 об., **к бѣдамъ** 217, **бѣдами** 206 об., **в бѣдахъ** 100 об., **в бѣдахъ** 227 об., **во... бѣда^х** 105; **на верхъ** 84, 115 об., 234, **до верхъ** же 234; **дождь** (И.) 140; **ѡ дождѣ** 102, **дождемъ** (Т.) 113 об.; **змии** (И.) 226 об., **змиа** (Р.-В.) 116 об., 202, **на змиа** 89 об., **ѡ змиа** 165, **змио** 70 об., **на змио** 183, **на змио** 202, **змиеве** (И.) 239 об., **змиеве** (И.?) 113 об.; **конѣ** (Р.-В.) 189, **на конѣ** 122, **на конѣ** 55 об. (ко написано над строкой), **на конѣхъ** 114 об.; **песокъ** (И.) 259 об., (В.) 128, **песка** (Р.) 133 об., **пѣка** (Р.) 190 об., **паче песка** 56; **пuzzyрь** (И.) 249 об., **пuzzyрь** (И.) 161, **пuzzyри** (И.) 180 об.; **равъ** 196^М, (И.) 77 об., 97, **равий** (И.) 63 об., 260, **равы** (В.) 58, 104, **ѡ равъ** 117 об., **рабо** (Д.) 63 об., **на равѣхъ** 132, 233; **в... стеза** (В.) 234 об., **во... стеза^х** 210 об.; **столпъ** (И.) 114 об., **столпѣ** (Д.) 256 об., **к столпѣ** 91 (п вписано над строкой), **стѡлпй** (И.) 107 об., **на столѣпѣхъ** (*так!*) 113 об.; **трава** 99 об., 131, 225, **травы** (Р.) 190 об., 225 об., **травѣ** (Д.) 225.

Часть слов, обычно относящихся в письменных источниках к этой акцентной парадигме, в Овч-530 слабо засвидетельствована: **вожда** (Р.-В.) 69, 203 об., **воровый** (И.) 122 об., **вѣ гнѣздъ** 102, **во днѡ** 68, **кисель** (И.) 139 об., **комары же** (И.) 122 об., **ѡ комаровъ** 114, **копѣемъ** (Т.) 87, **кѡрабль** (И.) 79 об., **ис корабля** 196, **лѣна** 140, **швѣнгъ** (И.) 132 об., **швча** (И.) 254, **шт одра** 75, **на ѡдрѣ** 181, **шрѣль** (И.) 141, **во... ѡлтáрь** 16 об., **ѡцта** (*так!* Р.) 102 об., **ржа** (И.) 143, **роженъ** (В.) 118 об. (2 раза), **рожны** (В.) 119, **в ротъ** 94 об. (2 раза), **рѣда во** 162, **в сапоги** 111, **сапогъ** (Р.) 74 об., **свѣщѣ** 94 об., 217, **свѣщамй** 120 (с вписано над строкой), **сестры** (В.?) 196, 201, **скѡтъ** (И.) 110 об., **скотомъ** (Д.) 268 об. (первое о вписано над строкой), **слѣга** 196, 202, **ѡ стегна** 113 об., 122 об., **стихѣ** 12, **стихове** (И.) 110, **стѡлпъ** (И.) 124 об., **стѡль** (И.) 125, **толокно** (В.) 139 об., **торгъ** (И.) 228 об., 231 (2 раза), **тѡргъ** (И.) 228 об. (г вписано над строкой)⁹, **ѡ... тѣги** 223, **оуздю** 71, 189, **хвосты** (Т.) 14, **цри** (И.) 208, **цáриѣ** (И.) 227, **ѡ црѣи** 214¹⁰.

⁹ По наблюдениям В. В. Колесова, с XVII в. у слов **торгъ** и **верхъ** появляется ударение на корне в родительном, дательном и местном падежах ед. ч., причем в этом отношении характерны северо-западные памятники [Колесов 1972: 180].

По-видимому, можно предполагать а. п. *b* у следующих слов, чья акцентовка по памятникам варьируется: **ѿ влоудѧ** 70 об., 188 (старая а. п. *c*), **главѧ** 142 об., 179 об., 217 об., **главѧ ли** 257, **главы** (Р.) 73 об., 98 об., 118 об., 127 об., 196 об., **до главы** 118 об., **по главѣ** 102 об., **главѣ** (Д.) 179 об., 180, **главѹ** 128, **главѹ же** 91, **на главѹ** 15, 15 об., 119 об., 84, **во главѹ** 64, **на главѣ** 180, **во главѣ** 122 об. (встречаются следы а. п. *c*); **жезлѧ** (Р.) 201 (возможна а. п. *c*), **женихѧ** (Р.) 86 об. (вторичное ударение при первоначальном **женихѹ**, -а), **со кртѧ** 109 об., **на кртѣ** 120 (возможна а. п. *c*), **овецѹ** (Р.) 260 (возможна а. п. *c*), **плодѧ** (Р.) 259 об. (возможна а. п. *c*), **полкъ** (И.) 175, (И.?) 180 об., **протѣвѹ**... **полковѹ** 57 об., **полкѧми** 230 (встречается а. п. *a*), **свинѧ** (И.) 164 об., **свинѣи** (И.) 212, **свинѣи** (Р.-В.) 122 об., **пре свинѧми** 259 об. (возможна а. п. *c*), **странѧ** 215 об., **дѡ**... **странѣ** 129 об., **на странѹ** 55 об., **на**... **странѹ** 156 об., 223 об., **со всѣ страны** (*так!*) 197, **по вебѡ же странѹ** 98 (встречаются следы а. п. *c*), **хѹлѧ** 143, **хѹлѹ** 176 об. (возможна а. п. *a*), а также **крамолѹ** 136 об., **пилѧми** 101 об., для которых выбор между а. п. *b* и а. п. *c* затруднен [Зализняк 1985: 135]. По одной акцентуированной словоформе **брады** (Р.) 120, **бронѧми** 87, **по крѡвѹ** 122 об. засвидетельствовано для слов, у которых по памятникам встречается акцентуация по а. п. *b* и а. п. *c*. Весьма вероятно принадлежность к а. п. *b* слова **власть**, которое в письменности обычно акцентуировано по а. п. *c*, но отклоняется к а. п. *b*: **влѧсть** (И.) 196 об., (И.?) 98 об., **власы** (И.) 120, (В.) 116 об., **ѿ влѧсть** 125, **за власы** 128. Несомненно относится к а. п. *b*, хотя по другим памятникам может быть акцентуировано по а. п. *a*, существительное **молва**: **молвы** (Р.) 124 об., 141, **вѣ молвы** 124, **ѿ молвы** 83, 147 об., 163, **в молвѹ** 184 об., **мѡлвѹ** (Р.) 116, **в молвы** (В.) 135 об.

Видимо, к а. п. *b* относятся также **прежде зорѣ** 165, **зорѣ** 165, **во ктеньѧ**^х 12 об., **клеветѧ** 90, **клеветы** (Р.) 77 об., (Р.?) 65 об., **кловѹкъ** (В.) 10 об., **кловѹкѣи** (В.) 114, **на литоргѧхѹ** 63, **литоргѣи** (В.) 66 об., **мглѧ** 162 об., **мглѧ** 119 об., **мглѹ** 152 об., **во мглѣ** 163 об., **мечтѹ** 14, **пономарѣ**, **пономарѧ** (Р.-В.) 114 об., **просвиры** (Р.?) 94 об., **просвиры** 94, 94 об., **тоскъ** 181, **тропарѣи** 112, **на тропарѣхѹ** 91 об., 94, **ѧзвѧ** 72 (ср. **ѧзвы** (И.) 130 об.).

Следует отметить постановку акцентного знака в именительном падеже мн. ч. имен существительных на **-ия**: **свинѧ** (И.) 164 об., **свинѣи** (И. мн.) 212, **свинѣи** (Р.-В.) 122 об., **пре свинѧми** 259 об., **сѡднѧ** (И.) 65 об., **сѡдѧ** (И.) 67, **сѡдѣи** (И. мн.) 134 об.; видимо, сюда же **мантѣи** (Д.) 15 об., **мантѣѡ** 10 об., 55 об. только в ед. ч.

У существительных «группы *воля*» в Овч-530 засвидетельствованы следы исконной акцентовки, при этом различается акцентуация конкретных

В Овч-530 у слова **торгѹ** такие акцентуированные формы не встретились. У существительного **верхѹ** зафиксировано, помимо формы винительного падежа ед. ч., **до верхѹ же** 234 с сохранением флексийного ударения.

¹⁰ Не ясно, является ли существительным слово **квѣзель** во фразе **шблечѣса в квѣзель мѣхѡ**¹¹ 115 об.

лексем этой группы. У слова (н^е)вола большинство словоформ имеет ударение, соответствующее а. п. *a*, хотя есть формы с флексийным ударением, в том числе форма винительного падежа ед. ч.: **вола** (И.) 74, **вола** (Р.) 73, 86, 142 об., **воли** (Д.) 68 (и исправлено из *е*), (Д.?) 185 об., **по... воли** 74, **волю** 65, 67, 142, 174 об. при **волю** 56, **на волю** 100, **волю** 85, 99, 106 об., **волю** 103, **волю** 69 об., **воль** (Р.) 64 об., **по... вола**^М 255 об., 260 об., **в вола**^Х 227, **во неволи** 208, **неволю** 99, 133 при **неволю** 66 об. (первый знак крупнее; вторая оксия между *л* и *е*). У слова **кожа** встретилось только новое на-основное ударение: **кожа** 120 об., 129 об., **во кожи** 129 об., **кожи** (В.) 122 об., **кожию** 118 об., **в кожию** 260; у слабо засвидетельствованного **вонла** отмечено старое ударение по а. п. *b*: **во... вонла** 127, **вонла** (И. мн.?) 68 об.

К а. п. *b* принадлежит существительное **отець**, исконно относившееся к а. п. *a*: **оца** (Р.-В.) 196, **оцы во** (И.) 218 об., **оцы** (И.) 235 об., **оцы** (И.) 254.

Исследователи по-разному определяют акцентную парадигму существительного **дверь**; А. А. Зализняк называет а. п. *b*, В. В. Колесов — а. п. *c* [Зализняк 1985: 138; Колесов 1972: 72, 75]. В Овч-530 оно акцентуировано следующим образом: **дверь** (И., В.) 176, **дверию** 188 об., **двери** (И.) 146 об., 188 об., (В.) 13 об., 15, 62, 93 об., **во двери** 176, **оу двери** 121, **в... двери**^Х 176, **при двери**^Х 132 об., **при двери**^Х 230 (д вписано над строкой), **дверми** 13.

Не вполне ясна акцентуация слова **сердце**; можно предположить его принадлежность к а. п. *b* с незакономерной оттяжкой ударения на предлог в конструкции *на+винительный падеж* (ср. **смерть**): **срце**^Д (Т.) 63 об., 87 об., **в срцы** (М.) 258, **в срцы же** (М.) 241 об., **на срце** (В.) 97, 132 об., 216 об., 249, **в... срца**^Х 4, **в срца**^Х 103 об. (ср. **в... срцы**^Х 245). Из других слов а. п. *b* неисконная оттяжка ударения на предлог есть в аналогичной конструкции **на сонь** 89 при **на сонь** 162.

Отклонения в сторону а. п. *a* отмечены в формах существительного **чась**, у которого по памятникам встречаются следы этой акцентной парадигмы¹¹: **ни единого часа** 161 (второй знак крупнее), **часа** (Р.) 117, 229, **до сего часа** 191, **во сего часа** 217, **до... часа** 62 об., **во... чась** 178, **о чась** 135 об., **на... чась** 59 об., **часовь** 12 об., 140 (2 раза), 165 об., **до... часовь** 93, **шесть часовь** 89, **на многи часы** 127, **на чась**^Х 12, **по вса часы** 62 об., 161 об., 226 об., **по вса часы** 52 об., 203 об. (второй знак крупнее), 250, **с чась на ча**^С 222 об., **ча по чась** 132 (над *о* тонкий штрих — оксия?). Таким образом, в Овч-530 ударение на корне (с ударением на флексии в том же примере) встретилось в формах родительного падежа ед. ч. и винительного падежа мн. ч.

На фоне акцентуации по а. п. *b* ударение по а. п. *a* в отдельных формах засвидетельствовано у существительного **ран**, у которого по памятникам

¹¹ В. В. Колесов указывает, что в древнерусском языке «*чась* зафиксировано с последовательным наконечным ударением, начиная с Ч. ...с любопытным исключением в рукописях с ювр. особенностями» [Колесов 1972: 107]. Ударение на корне отмечено в родительном падеже ед. ч. и последовательно в местном падеже мн. ч.

также отмечаются следы а. п. *a*: **ра́н** (И.) 100, 220, **ра̀н** (Р.) 2, **ѿ ра̀н** 142 об., **к... ра̀н** 210 об., **в ра́н** (В.) 139 об., **восхищенъ... в ра́н** 127 об., **в ра́н** (М.) 76 об., **в ра́н** (М.) 60. Колебание ударения у этого слова встретилось в форме местного падежа ед. ч. В этой же форме наосновное ударение отмечено в других памятниках XVII в. — у Аввакума и в пинежской Минее [Колесов 1972: 106].

Колебание ударения представлено у существительного **псаломъ/псалмъ**, которое в памятниках акцентируется по а. п. *b*: **п̄́саломъ** (В.) 250 об., **п̄́саломъ** (В.) 167, **п̄́саломъ** (Т.) 250 об., **п̄́саломъ** (Т.) 167, **во псалмѣ** 89, **п̄́салмы** (И.) 62, **п̄́салмы** (В.) 168, **п̄́салмы** (В.) 114 об., **псалмовъ** 166 об., **псалмовъ** 167, **псалмовъ** 251 (2 раза), **внѣрь п̄́салмовъ** 250 об., **во псалмѣхъ** (*так!*) 61, **во псалмѣхъ** (в заголовке), **во псалмѣхъ** 166 об., **во псалмѣхъ же** 250 об.¹²

У существительного **рѣбра**, относящегося в русских памятниках письменности к а. п. *b*, в Овч-530 представлено наосновное ударение не только в именительном падеже мн. ч., но и в местном при отсутствии других акцентированных словоформ: **рѣбра** (И.) 110 об., **на рѣбрехъ** 115 об., **на рѣбрехъ** 118, **на рѣбре** 94, 114, 116. То же ударение встретилось в словоформах **сѣла** (И.) 228, (В.) 196, 201, **сѣла** (Р.) 64. У еще одного существительного среднего рода употребительны преимущественно формы ед. ч. **вина** (Р.) 60, 113 об., 119 об., 125; форма мн. ч. **винамъ** «вино» 125 об. встретила с едва заметным штрихом над **и**, который может не быть акцентным знаком. Наосновная акцентовка у имен существительных ср. р. а. п. *b* в именительном и винительном падежах мн. ч. характерна для восточной зоны [Зализняк 1985: 256—261].

У имен существительных м. р. независимо от книжной или некнижной флексии в форме именительного падежа мн. ч. и винительного падежа мн. ч. представлено флексийное ударение, хотя встречается отступление от такой акцентовки: И.: **вра́жн** (*так!*) 75 об., **вра́жн** 165, 183 об., 178, **вра́жн же** 178, **вра́жн** 131, 176 об., 182, **вра́жн** 67 об., **врагн** 177 об., **грѣсн** 191, **равн** 63 об., 260; В.: **врагн** 79 об., 194, 200, **грѣхн** 59 об., 79 об., 152 об., 191 об. (2 раза), **за грѣхн** 200, **за... грѣхн** 191 об.

В местном падеже мн. ч. у существительных **δ*-основ сохраняется флексийное ударение: **в̄ трѣдѣхъ**, **въ трѣдѣхъ** 101, **в̄ трѣдѣхъ** 186, **в трѣдѣхъ** 107 об.; **w грѣсѣхъ** 54 об., **w... грѣсѣхъ** 72, **o грѣсѣхъ** 241 об., **во грѣсѣхъ** 115 об.; **на равѣхъ** 132. Отступлением является **на кѣнѣхъ** 114 об., но это существительное с мягкой основой.

Помимо приведенных выше имен существительных с отступлениями от акцентовки по а. п. *b*, которые связаны со следами а. п. *a* у этих слов (**ран**, **часть**) и с процессами, затрагивавшими группу существительных (**рѣбра**,

¹² В рукописи есть еще два примера: **и на / ѿ псалмѣхъ** 12 об., **на ѿ псалмѣхъ** 91 об. У существительного **псалтырь** отмечено отступление **вѣсь п̄́салтырь** (В.) 124 на фоне остальных форм без колебаний: **псалтырь** (В.) 90 об., 92 об., **псалтыри** (В.) 114, **псалтыри** (Р.) 90 об., **полпсалтыри** 92 об.

сѣла), или обусловлены книжным ударением, представленным во многих памятниках (**връзи**), в Овч-530 наосновное ударение встретилось в отдельных формах имен существительных на фоне акцентуации большинства словоформ по а. п. *b*¹³. Наосновное ударение отмечено в разных падежах, но преимущественно в формах ед. ч. у односложных и многосложных существительных разных родов. Иногда можно предложить объяснение для форм с наосновным ударением, но едва ли следует предполагать здесь дефинализацию.

У имен существительных мужского рода наосновное ударение отмечено в следующих формах: **връга** (Р.) 109 об. (второй знак крупнее), **връга** (Р.-В.) 103 об., хотя **врага** (Р.-В.) 101 об., **врази** (И.) 75 об., 183 об., 178, **врази же** (И.) 178, **врази** (И.) 131, 176 об., 182, **враги** (И.) 177 об., (В.) 79 об., 194; **рабѣ**^М (Д.) 63 об., хотя **рави** (И.) 63 об., 260, **рабы** (В.) 58, 104, **ѿ рабѣ** 117 об., **на рабѣхъ** 132, 233; **пѣтѣ**^М (Т.; оксия между *ѣ* и *т*) 133 об., **на пѣти** (М.) 251, в сложном слове **до полѣпѣти** 235, хотя **пѣти** (Р.) 2 об., 4, 100 об., 126 об., **ѿ пѣти** 258 об., **пѣтѣ** (Р.) 98, **пѣти два** (И.) 100, **пѣти** (Д.) 235 об., **пѣть** (И.) 100 (2 раза), (В.) 98 об., 100 об., **на пѣть** 201, **пѣтѣмъ** 98, 99 (оксия между *т* и *ѣ*), 105, 216 об., **ѣ пѣти** 97 об., **в пѣти** 3, **пѣти** (В.) 228, **вси пѣти** (И.) 199 об.; **по... трѣдѣ** 123, **к трѣдомъ** 137 об. (второй знак крупнее), хотя **вѣ трѣда** 140 об., **трѣдѣ же** 139, **трѣды** (И.) 211 об., (В.) 107 об., 109 об., 143, 178, 192 об., 202, **трѣдовѣ** 110, 114, 125 об., **ѿ трѣдовѣ** 210, **трѣды** (Т.) 101 об., 112 об., 115 об., 123 об., **вѣ трѣдѣхъ** 101 и др., а также единичные **ватѣги** (Т.) 120, **кѣломъ** (Т.) 101 об., у которых по причине такой акцентовки нельзя исключить другой акцентной парадигмы.

У имен существительных мужского рода а. п. *b* в Овч-530 наосновное ударение отмечено в формах родительного, творительного и местного падежей ед. ч. и в форме дательного падежа мн. ч. По другим источникам у существительного **поути** наосновное ударение фиксируется в разных падежах. В. В. Колесов приводит данные памятников, в которых в родительном падеже ед. ч. при наличии определения ударение оказывается на корне, а при его отсутствии — на флексии; есть акцентная дифференциация в местном падеже ед. ч. в зависимости от значения; в именительном падеже мн. ч. чаще встречается наосновное ударение **поути**, которое противопоставляется флексийному ударению в винительном падеже мн. ч. **поути**; в дательном и местном падежах мн. ч. у слова сохраняется исконное конечное ударение [Колесов 1972: 175].

В Овч-530 в местном падеже ед. ч. наосновное ударение встретилось у слов **на пѣти** при **в пѣти** (2 раза) и **по... трѣдѣ**. Со значением падежной

¹³ В. В. Колесов замечает в отношении существительных а. п. *b* в древнерусском языке: «Поразительной особенностью имен в др.-р. является более или менее широкое колебание между окситонезой и баритонезой, особенно в формах ед. ч.» [Колесов 1972: 29]. Автор среди прочих приводит примеры наосновного ударения у тех же слов, что встретились в Овч-530: **вина**, **моука**, **рѣка**, **поути**.

формы («местное» / «изъяснительное») отступление не связано¹⁴. Ср. флексивное ударение в той же форме других имен существительных: **на конѣ** 122, 55 об. (**ко** вписано над строкой), **на крѣтѣ** 120, **на одрѣ** 181, **на... сѣдѣ** 203 об., **во оумѣ** 161 об.

Наосновное ударение встретилось в творительном падеже ед. ч. (**пѣтѣ^М**, **кѣломѣ**) и в дательном падеже мн. ч. (**к трѣдѣ/дѣмѣ**, **рѣво^М**). Не является ли это неудачной попыткой дифференцировать омонимичные формы *творительный ед. ч.* — *дательный мн. ч.* при других немногочисленных акцентуированных формах творительного падежа в соответствии с а. п. *b*: **дождѣмѣ** 113 об., **мечѣмѣ** 67, 87, 105, **оумѣмѣ** 151, 237.

В родительном падеже ед. ч. наосновное ударение встретилось у существительного **врагѣ** при обозначении в тех же примерах обычного флексивного ударения, а также во втором корне сложного слова **до полѣпѣти**. У односложных имен существительных м. р. **ѣ*-склонения а. п. *b* ударение на корне в родительном падеже ед. ч. встречается нередко, а в украинских и белорусских памятниках XVI—XVII вв. распространено шире, чем в русских [Колесов 1972: 112—113].

Возможно, приведенные примеры с отступлением имеют разное качество. В случаях постановки на корне оксии действительно может быть отражено колебание ударения. В случаях с постановкой вариации в середине слова (**врагѣ**, **по... трѣдѣ**) можно предполагать ошибку.

Отступления у имен существительных женского рода **ѣ*-склонения также представлены в разных падежных формах у нескольких слов. В именительном падеже ед. ч. наосновное ударение встретилось у слова **глава** 217 об. при **глава** 142 об., 179 об., 217 об., **глава ли** 257, **главы** (Р.) 73 об., 127 об., 196 об., **главѣ** (Д.) 179 об., 180, **главѣ** 128, **главѣ же** 91, **на главѣ** 15, 15 об., 84, **во главѣ** 64, **на главѣ** 180¹⁵. В формах **въ сѣтѣ** 161, **сѣтѣоу** 224 об., хотя **сѣтѣ** 100, 159 об., **сѣтѣ** во 247 об., **сѣтѣ** (Р.) 97, 226, **ѿ сѣтѣ** 154 об., **сѣтѣ** 249, 51, **сѣтѣоу** 75 об., 132, 257, **в сѣтѣ** 249 об. отступление от а. п. *b*, возможно, отражает старое ударение корня. В двух случаях наосновное ударение отмечено в форме винительного падежа ед. ч., причем наряду с флексивным: **мѣкѣ** «мукѣ» 113 (едва ли писец спутал слова «мѣка» и «мѣка»). В словоформах **винѣ** / (В.) 258, **винѣ** «вина» 71 при **винѣ же** 105 об., **винѣ** 80, **винѣ** (В.) 67 об., (В.?) 175 об., возможно, отражено ударение по а. п. *c*, следы которой встречаются в акцентуации слова¹⁶. У обоих слов по другим памятникам известны формы винительного паде-

¹⁴ В. В. Колесов приводит другие примеры отступлений в местном падеже ед. ч., связанные с кратким корнем, и примеры флексивного ударения в творительном падеже ед. ч. при кратком слого и корневого ударения при кратком корневом слого [Колесов 1972: 114—115].

¹⁵ Ср. в древнесербских рукописях ударение существительного а. п. с **глава**, **глава** и **глава** [Булатова 1981: 80].

¹⁶ Ср. в древнесербских рукописях **виноѣ**, **винѣ**, **виноѣ** и **виноѣ**, **винѣ** [Булатова 1981: 75].

жа с ударением на корне при более обычном ударении на окончании [Колесов 1972: 30, 38]. Акцентовка **рѣкѣ** (И.) 176 об. при **рѣкѣ** 132 об., **на рѣцѣ** 15 об. может свидетельствовать о новом ударении. Такая же акцентовка отмечается в целом ряде других памятников [Там же: 30]. При обычном флексийном ударении **на...** **бѣды** 106, **бѣды** 101 (2 раза), **бѣды** (Р.) 145 об., **к бѣдамъ** 217, **бѣдами** 206 об., **в бѣдахъ** 100 об., **в бѣдахъ** 227 об. встретилось также **во...** **бѣда**^х 105. По памятникам у этого слова отмечается ударение на корне, но в других формах [Колесов 1972: 29].

У имени существительного среднего рода отступление встретилось один раз: **в крыльцо** 10 об., хотя **на крыльцо** 14 об. (не попытка ли с помощью ударения передать семантическое различие слов, поскольку в первом примере речь идет о монашеском клубке, во втором — о части дома).

В неодносложных словах отмечен сдвиг ударения влево при сохранении, насколько можно судить по другим имеющимся формам, а. п. **б: ѣ сатоню** 227 об. (пример не вполне надежный, поскольку первое **о** исправлено из **а**), хотя **сатаню** 87, 240 об., **сатанѣ** 81 об., 128 об.; **хрѣветъ** (И.) 120 об., **хрѣветъ** (В.) 123, хотя **по хрѣветѣ** 120. Для второго слова, точнее, для группы слов с этимологическим редуцированным во втором слого по памятникам отмечается оттяжка ударения на первый слог основы в именительном и винительном падежах ед. ч. [Колесов 1972: 165]. В Овч-530 оттяжка имеется в тех же формах.

Не ясна ситуация с существительным **стражъ**, у которого по другим памятникам обычна акцентуация по а. п. **б**. Во встретившихся в Овч-530 словоформах отмечено наосновное и флексийное ударение: **вбращѣтъ** **стража** 176, **стражѣ** (Р.-В.) 189, а также **егда ѣсть страже** (И. ед.) 176, которое находится на три строки выше словоформы **стража**. В рукописи, таким образом, схожа акцентуация, то есть представлено накоренное и флексийное ударение, у слов м. р. **стражъ** и ж. р. **стража**.

Акцентная парадигма с

К акцентной парадигме *с* в Овч-596 принадлежат следующие имена существительные: **богъ**, **бѣсъ**, **варъ**, **вечеръ**, **власть**, **вода**, **врата**, **вѣкъ**, **гнѣвъ**, **гладъ**, **гласъ**, **градъ**, **гробъ**, **день**, **домъ**, **дора**, **дерево**, **дрова**, **дрюгъ**, **доухъ**, **доуша**, **земля**, **зима**, **злато**, **знои**, **зоубъ**, **има**, **клопотъ**, **кназь**, **кознь**, **кость**, **кровь**, **люди**, **миръ**, **мозгъ**, **морѣ**, **моужь**, **небо**, **нога**, **нощь**, **око**, **печь/пещь**, **плоть**, **потъ**, **погасъ**, **ровъ**, **родъ**, **скорбь**, **сласть**, **слеза**, **слово**, **снѣгъ**, **соль**, **страсть**, **страхъ**, **стѣна**, **татъ**, **трепетъ**, **слово**, **цвѣтъ**, **часть**, **честь**, **чинъ**, **чоудо**: **варъ** (И.) 128, **вара...** **ради** 130, **варомъ** (Т.) 119 об.; **вечеръ** (И.) 160, 248 об., **до вечера** 116 об., 222 об., **до вечера** 112 об. (2 раза), **ѿ вечера** 112 об., **вечерѣ** 235 об., **на вечеръ** 248, 225 об., **на вечер же** 160, **вечеръ** (в знач. нареч.) 165 об.; **гласа** (Р.) 228, **ѿ гласа** 123, 131, **гласѣ** (Д.) 152, **гласѣ**^М (Т.) 252, **со гласомъ** 128 об., **гласи** (И.) 129, **гласы** (В.)

175, (Т.) 128 об., 180 об.; гра́да (Р.) 231 об., во́ градѣ 196 об., 200 об.; до́мѣ (Р.) 64, 74 об., 131, 208 об., (Д.) 195 об., в́ домѣ 225 об., в домѣхъ 63 об., до́ма (в знач. нар.) 162; доры́ (Р.) 16 об., 94 об. (2 раза), к дорѣ́ 94, ќ дорѣ́ 94 (2 раза), до́рѣ 94, 94 об.; дре́во (И.) 110 об., 248 об., дре́во^М (Т.) 75, на́ древѣ́ 119; дрова́ (И.) 13, 228 об., (В.) 113, 114, по́ дрова́ 13, до́вѣ 13; дрѣ́га (Р.) 109, (Р.-В.) 127 об., 258 об., за́ дрѣга 10, 137 об., дрѣ́же (Зв.) 141, дрѣ́зи (И.) 224 об., 260, со́ дрѣзи 63, ѡ дрѣ́зѣхъ 75; дѣ́хъ (И.) 179 об., дѣ́ха (Р.-В.) 241, дѣ́хови (Д.) 150, дѣ́хъ 226, дѣ́хо^М (Т.) 180, дѣ́си (И.) 174 об., 230, 245, дѣ́хи (И.) 150, (В.) 148 об., 244, дѣ́ховѣ́ 150, 216 об., ѿ дѣ́ховѣ́ 256 об. (ѣ́ вписано над строкой)¹⁷, дѣ́ховѣ́ (Р.-В.) 244 (ѣ́ вписано над строкой), дѣ́ховѣ́^М (Д.) 244, дѣ́ховѣ́мъ 245 (ѣ́ вписано над строкой), с... дѣ́хи 227 об.; дѣ́ша 245, доу́шѣ 73, за́ дѣшъ 74 об., дѣ́шею 99, 126, с дѣ́шею 236, о дѣ́ши 246, дѣ́шамъ 53 об., 102; ѿ зими́ 126, зи́мѣ́ (Д.) 127 об., в́ зи́мѣ́ 113, зи́мою 113 об., 119 об., в́ зимѣ́ 101, 128, в зимѣ́ 90 об., в зимѣ́ же 129; клѡ́потъ (И.?) 114 об., клѡ́потъ (В.) 168 об., клѡ́пота (Р.) 168, ѿ клѡ́потѣ́ 130, клѡ́потъ (Р.) 114 об., клѡ́поты (В.) 179 об. ѡ клѡ́потѣ́хъ 168; ми́ръ (В.) 61, ми́ра 2 (Р.; оксия между н и р), 81 об., 135 об., 227, ми́рѣ́ (Д.) 64 об., 75 об., 97, 206, ми́рови (Д.) 102, с ми́ро^М 61, в́ ми́рѣ́ 51, 64, 77 об., 99 об., 218; мо́згъ (И.) 122 об., мо́зга (Р.?) 179 об., мо́згѣ́ (Д.) 179 об., (Д.?) 148 об.; ќ пе́щи 150 об., в́ пе́щъ 13, во́ печи 13 об.; снѣ́гъ (И.) 140, снѣ́га (Р.) 78 об., ѿ... снѣ́га 102, па́че снѣ́га 115 об., снѣ́го^М (Т.) 52, 192; стѣ́на 185 об., стѣ́нѣ́ (Д.) 114 об., ќ стѣ́нѣ́ 14, 91, 123, ко стѣ́нѣ́ 14 (над первым ѣ́ как правка написано е), за стѣ́ною 11 об., на́ стѣ́нѣ́ 164, стѣ́ны (И.) 61 об.; та́тъ (И.) 52 об., 195 об., та́та (Р.-В.) 191 об., та́тне (И.) 161, та́тѣ (И.) 194 об. (2 раза), 249 об., та́тѣн 2 об.; трѣ́петомъ (Т.) 53, трѣ́петомъ^М (Т.) 63 (2 раза), с трѣ́петомъ^М 91, 70 трѣ́пети (И.) 133 об.; цвѣ́тъ (И.) 225, 225 об., цвѣ́тъ (И.) 99 об., 133, 134, цвѣ́ти (И.?) 5, цвѣ́ты (Т.) 51 об.

Слабо засвидетельствованы в Овч-530, но обычно в памятниках относятся к а. п. с следующие имена существительные: ви́до^М (Т.) 72, во́лки (И.) 260, во́скъ (И.) 139, во́шьми 107 об., вѣ́сти (Р.) 228, вѣ́з вѣ́сти 181, з гвоздьми́ 111, гно́ю (Д.) 118, гно́емъ (Т.) 123 об., до́ / го́да 117, го́дъ / ѿ го́да 224, го́ре ва́^М 201, в́ го́ста^Х 154, го́рѣ́ 51, го́рѣ́дъ (Р. мн.) 130, го́ромъ (Т.) 75, да́ръ (И.) 258 об., да́ръ (так! В.) 152 об., да́ровѣ́ (И.) 211 об., да́ровѣ́ 94, по де́бре^М 114 об., до́лѣ́ (в знач. нареч.) 152 об., 155 об., 166 об., де́ти (И.) 196, де́ти (И.) 97, (В.) 123 об., в де́те^Х 71 об., зра́ка (Р.) 131 об., 135, 233, до... зво́нѣ́ 112, кна́зю 180 об., кна́зи (И.) 208¹⁸, ко́ло (И.) 173, ла́ко (В.) 195, ло́за 111, ла́ки (Т.) 128 об., ме́дъ (В.) 125, 187, 237, мо́стѣ́ (В.) 251 об., 257 об., мо́ще^М (Д.) 221, во́ мракъ 225 об., ма́со (В.) 66 об., ма́сомъ (Д.) 125 об., ни́зѣ́ 145, пе́пелъ (И.) 131, (В.) 80 об., 130 об., 229, в пе́пелъ

¹⁷ Писец предпочитает писать это слово полностью, не сокращая, хотя не всегда последователен. Из-за этого появляются вписанные над строкой буквы.

¹⁸ В рукописи есть еще форма кня́земъ тѣ́мы 214 об., в которой не поставлено титло или пропущена буква.

229, **пѣва** (Р.) 60 об., **пирѡвъ** 95, **вѣ полѣхъ** 225 об., **вѣ тѣ поры** 13, **пѡрта** (Р.) 127 об., **росà** 134, **рѡ/сѣ** 120 об., **рѣвъ** (В.) 121 об., **сàна** (Р.) 258, **ѡ слѣха** 86 об., **во слѣ/ха** (В.) 179 об., **смѡлѣ** 51, **смолы** (Р.) 119, **смрãдъ** (И.) 134, (В.) 134 об., **смрã** (И.) 180 об., **смрãда** (Р.) 100, 180 об., **бѣ срãма**, **срãма** (Р.) 72, **стороны** (Р.?) 11 об., **стрѣпъ** (И., В.) 72, **на стѣдени** 14 об., **на стѣденѣ** 162, **стѣденію** 122 об., 123 об., **стãгъ** (И.) 189, **сѣно** (И.) 130 об., 131, **трѡсть** (В.), **трѡстїю** 239, **на цепї** 110 об. (2 раза), **цѣны** (Р.) 138, **чрѣво** (В.) 139 об., **чрѣвѣ** 95, **пѡ чрѣвѣ** 120. Возможно, сюда же следует отнести существительное **персть**: **персть** (И.) 134, (В.) 112, **персть** (В.) 116 об., **с перстїю** 112.

У группы слов, которые в русских письменных источниках акцентуированы не только по а. п. с, принадлежность к этой акцентной парадигме в Овч-530 более или менее очевидна или вероятна: **вѣси** (И.) 228 (возможна а. п. б), **вѡлны** (И.) 222 об., **волнã/ми** 147 об. (возможна а. п. б), **гнѣва** (Р.) 261 об., **вѣз гнѣва** 87 об. (возможна а. п. б), **звѣды** (И.) 115 об., **звѣды** (*так*; з написано над строкой; И.) 140, **звѣздъ** (Р.) 228, **звѣздъ** 128 (встречается а. п. б), **смѣхъ** (И.) 90 (встречается а. п. б), **стрѣлы** (И.) 119, (В.) 120, 128, **стрѣлы** (В.?) 67 об., **со стрѣлами** 128 об. (встречается а. п. б), **хрãмъ** (В.) 239, **хрãма** (Р.) 195 об., **хрãмѣ** (Д.) 91, **в хрãмѣ** 125 (х вписано над строкой; у слова возможна а. п. а). К а. п. с принадлежит также существительное **оудъ**, для которого эта акцентная парадигма является новой при исконной а. п. а: **оуды** (В.) 140, 239, **ѡ... оудѡвъ** 244, **оудѡмъ** (Д.) 181 (2 раза), **во ѡдã** 239 (ср. другие формы с исо: **оуды** (И.) 14, 244, (В.) 15, 55, **во оудãхъ** 214, **во оудã** 239).

По имеющимся акцентуированным словоформам трудно определить, к какой а. п. относится слово **мрãзъ**: **мрãза** (Р.) 111, 130, **ѡ мрãза** 102, **ѡ... мрãза** 113, **ѡ мрãзã** 111, 129 об., **мрãзѣ** (Д.) 127 об., **по мрãзѣ** 251 об., **в... мрãзъ** 116, **мрãзо** (Т.) 126, **на мрãзѣ** 112, **на... мрãзѣ** 219 об. По памятникам это существительное обычно акцентуировано по а. п. а, но может отклоняться в сторону а. п. с. В Овч-530 отяжка ударения на предлог имеется в родительном падеже (наряду с флексийным ударением) и отсутствует в местном падеже, что тоже не является показательным для определения акцентной парадигмы слова. Флексийное ударение по модели **ѡ мрãзã** встречается и у других слов обеих акцентных парадигм.

По акцентуированным формам одного падежа невозможно установить акцентную парадигму слова **пãты** (Р.) 226 об., **ѡ пãты** 252, которое обычно акцентуировано по а. п. с, хотя возможны отклонения в сторону а. п. б. Не соответствует а. п. с ударение единичных акцентуированных словоформ **млаты** (В.) 119, **бедрѣ** (И. дв.) 124. Слабо засвидетельствованное слово **среда** обычно в памятниках акцентуировано по а. п. с, хотя встречается отклонение в сторону а. п. б. Такая акцентовка существительного представлена в Овч-530: **средã** 144 об., **средѣ** (В.) 2 об.¹⁹.

¹⁹ Ср. в знач. предлога **посрѣдѣ** 253 об., **посрѣдѣ** 3 об., 199. У существительных ж. р. *ã-основ а. п. с в винительном падеже в Овч-530 сохраняется наосновное уда-

У некоторых имен существительных а. п. *с*, как и у слов а. п. *а* и *б*, в одной или двух словоформах встретились отступления от исконной акцентровки. Они представлены у имен существительных мужского, женского и среднего рода.

У слов мужского рода в родительном падеже ед. ч. отмечено флексийное ударение: звѣрѹ 141 об., 208 об., хотя звѣрѹ (Р.) 129 об., звѣрѹ (Р.-В.) 79, звѣрѹю (Д.) 183 об.; до трѣх листѹ 62 при до трѣх листѹвъ 93 об., паче листѹ 190 об.; потѹ (Р.) 113 при пото (Т.) 110 об., ѣ потѹѣ 68 об.; свѣтѹ (Р.) 67 об., 145 об. при свѣтъ (И.) 228, свѣта (Р.) 76 (2 раза), со свѣто 245, во свѣте 51 об., 109 об., 115 об., 230 об., 248, во / свѣтъѣ 155 об.; вѣкѹ (Р.) 100 при вѣка (Р.) 3 об., 134, 223 об., 231, вѣка (Р.) 2, 75 об., 108 об., ѣ вѣце 231, ѣ... вѣце 228 об. (3 раза), во вѣки 54, 187 об., 202; лѣсѹ (Р.) 120 об. при лѣсъ 113, на... лѣсъ 111 об., лесѹми 228, а также приведенная выше словоформа лѣсѹ 111, 129 об. Для форм вѣкѹ и лѣсѹ необходимо учитывать также акцентуацию соседних слов: счета вѣкѹ сего, в чащѹ лѣсѹ. Флексийное ударение у существительных мужского рода а. п. *с* в родительном падеже ед. ч. имеется в других памятниках, в том числе оно засвидетельствовано у тех же слов, которые приведены выше; см. [Колесов 1972: 132, 135, 136, 137]. Ударение листѹ встретилось в Словаре 1794 г., зверѹ известно в русских говорах [Там же: 184, 174].

У слова знои на фоне остальных акцентуированных по а. п. *с* форм отступление отмечено в местном падеже ед. ч.: на знои 219 об., хотя знои (Р.) 111, лѣснои 126, зноию (Д.) 180 об., знои (Т.) 113 об., 122 об., 123 об., во знои (М.) 129, на знои 130 об. По памятникам у этого слова встречается а. п. *б*.

Колебание в дательном и местном падежах ед. ч. встретилось у слова гровѹ: ко гровѹ 131 — ко гровѹ 134 об., во гровѹѣ 103, 131 об. — во / гровѹѣ 164 при гровѹѣ (Д.) 134 об., во гровѹѣ 134 об., до грова 177 об., гровѹѣ (Зв.) 135 об., во гровѹѣхъ 135, 233. А. А. Зализняк относит это существительное к словам а. п. *с* [Зализняк 1985: 137], а В. В. Колесов — к а. п. *б*, приводя из разных памятников формы, аналогичные содержащимся в Овч-530: в гровѹѣ, на гровѹѣ, гровѹѣ, ко гровѹѣ [Колесов 1972: 112, 115, 116].

У имен существительных женского рода отклонения от а. п. *с* представлены в формах дательного и творительного падежей ед. ч.: горѹѣ (Д.; второй знак крупнее) 202, хотя горѹѣ (нар.) 152 об., горѹѣ (Р.) 129 об., лѣснои 114 об., горѹѣ (Д.) 104, 195 об., ѣ горѹѣ 120 об., ѣ горѹѣ 129, горѹѣ (И.) 137, (В.) 82, по... горѹѣмъ 114 об.; водѹю 163, хотя водѹ 95, 107 об., 113 об., 121 об., 134, водѹѣ (Р.) 112 об., 116, 117 об., из водѹѣ 187, ѣ водѹѣ мѣсто 120 об., по водѹѣ 15 об., во/дѹѣ 77, 85, 113 об., вѹдѹѣ 119 об., на водѹѣ 15 об., водѹю 85, 116, 120 об., 167, ѣ водѹю 111 об. (2 раза), ѣ водѹѣ 121 об., ѣ водѹѣ 15 об., 75, 139 об., на водѹѣ 15 об., 106 об., 161 и др. Наосновное ударение в дательном падеже ед. ч. горѹѣ встречается в памятниках, причем даже в зна-

рение: за... рѹкъ 8, рѹкъ 120 об., смѹлѹ 51, водѹѣ 113, ѣ зѣмлю 11, 11 об., горѹѣ 51, ногѹѣ 234, ѣ горѹѣ 120 об.

чении наречия [Колесов 1972: 43—44]. В словоформе **гѡръѣ** в Овч-530 можно было бы предположить колебание ударения, которое встречается в памятниках западной зоны в родительном и дательном падежах ед. ч. **ā*-основ ж. р. а. п. с [Зализняк 1985: 254], однако оно сопровождается колебание ударения у этих же слов в местном падеже, чего не отмечено в рукописи. В творительном падеже «из подвижных накоренное ударение имеют только те имена, которые можно возвести к парадигме *Ис*» [Колесов 1972: 56]. По памятникам разной территориальной принадлежности известно *водѡю* (кирилло-белозерский), *водѡю* (Шуя), *рукою* (каргопольский, устюжский) и др., по диалектам — *водѡю* (брянский) и др.

У существительного **роука** в Овч-530 наосновное ударение встретилось не только в форме творительного падежа ед. ч., но и в творительном падеже мн. ч. и дв. ч., в местном ед. ч.; в винительном мн. ч., напротив, отмечено флексийное ударение: **рѡки** (Р.) 8 об., 9, 55, **в рѡкѣ** 15 об., **рѡкою** 15, 235, **рѡкою** 109, **рѡкою** 15, **в рѡцѣ** (М.) 183, **в... рѡцѣ** — **в... рѡцѣ** (М.) 241 об., **в... рѡцѣ** 214 об., **рѡки** (В.) 196 об., 202, **в рѡки** (В.) 165, **рѡки измы/ти** 15 об., **рѡки оумывъ** 15 — **рѡки / оумыти** 15 (второй знак крупнее), **рѡками** 15 об., 237 об. — **рѡками** 226 (второй знак крупнее), **в рѡкахъ** 14 об. (оксия между **к** и **а**), **рѡкама** (Т.) 112, **рѡцѣ** (В.) 62, 91 и др. В примере **рѡки / оумыти** постановку двух знаков можно объяснить смешением писцом омонимичных падежных форм, различающихся именно ударением, хотя флексийное ударение в винительном падеже мн. ч. *руки* в памятниках более обычно, чем в именительном, где оно единично [Колесов 1972: 58].

У имен существительных среднего рода флексийное ударение встретилось в формах винительного и дательного падежей ед. ч., где обычным является наосновное ударение: **врѣмѣ** (В.) 223 об., хотя **врѣмѣ** (И.) 13 об., 60 об., 134 об., 223, 224 об., (В.) 161, 224, 224 об., 225 и др., **на... врѣмѣ** 89, **тѣлѣ** 138 об. при **тѣлѣ** 4, 89, **по... тѣлѣ** 15 и др. В случае **имени... рѡди** 200 об. (ср. **имени... рѡди** 196 об., 201) при **зѣ имѣ** 80, **именѣ** (В.) 94 и др. нельзя исключить обозначения второстепенного ударения. Флексийное ударение *время* в винительном падеже фиксируется в памятниках неоднократно, начиная с Чудовского Нового Завета, а также в белорусском языке XVII в.; *имени* в родительном падеже имеется в нескольких источниках, в том числе у Берынды и в украинском языке XVI—XVII вв.; *телу* в дательном отмечается редко [Колесов 1972: 197, 198, 201].

В рукописи большая доля акцентуированных словоформ а. п. с приходится на имена существительные ж. р. **ī*-основ. Часть из них слабо засвидетельствована (**рѣчѣ**^М 58 об., **вошьми** 107 об., **в дѣтѣ**^Х 71 об., **из нѡдрѣи** 94, **нѡдрѣи**^З 135); некоторые слова оказываются очень частотными:

— **брань** (И.) 240, (В.) 175, **на брань** 86 об., **в брань** 76, **во... брань** 87 об., **на брань** 67, **бранен** 162 об., **бранен** 162 об., **на брань** (В.) 168 об., **о бранѣхъ** 54 об.;

— **вѣшь** (И.) 58, 240, **вѣщи** (Р.) 76 об., **вѣщю** 1 об., 176 об., **о... вѣщи** 145 об., 178, **на... вѣщи** (М.) 73 об., **во... вѣщи** (М.) 78 об., 141 об., **вѣщи**

(И.) 227 об., (В.) 223 об., 226, **вещѣн** 3, 55, 64 об., 76 (2 раза), 92 об., 141 об., 145, 214 об., 227, 245, **вѣщѣн** 69 об., **вѣщѣн** 106 об., **ѿ вѣщѣн** 157 об., **вѣщѣмъ** 107 об., **вещьми** 145, 245 об., 223 об., **вещьми** 222 об. — **вѣщьми** 222 об., **вѣщѣми** 225 об., **ѡ...** // **вѣщѣ^х** 249 об.-250, **ѡ вѣщѣхъ** 75, **ѡ...** **вѣщѣхъ** 117 об., 220 об., **ѡ...** **вѣщѣ^х** 75 об., **ѡ вѣщѣхъ** 64 об., **ѡ...** **вѣщѣ^х** / 142 об., **ѡ...** **вѣщѣхъ** 124, **ѡ вѣщѣ^х** 157, **вѣщѣхъ** (исправлено на **вѣщѣн** — **хъ** зачеркнуто, над строкой написано **и**) 75 об.;

— **властію** 210 об., **властію** 103, **пѡ властію** 81, **прѣ^д...** **властьми** 51;

— **козѣни** (И.) 3 об., 145 об., 245 об., (В.) 65, 67 об., 89 об., **кознѣн** (Р.) 85 об., **ѿ кознѣн** 60 об., **протѣвѣ кознѣи** 2 об., **протѣвѣ кознѣн** 14 об., **кознѣ^и** 197, **ѿ...** **кознѣхъ** 57 об.;

— **кѡсть** (И.) 131, **кѡсти** (И.) 103, 110 об., 131, 135, (В.) 130 об., 131 об., 233, **кѡстѣмъ** (Д.) 123 об.;

— **крѡвь** (И.) 94, **ѣмѣсто крѡви** 64 об., **ѣ крѡви / мѣсто** 221, **ѿ...** **крѡви** 110 об., **крѡвию** 146, 243 об., **крѡвьми** 64;

— **нощи** (Р.) 89, 148, 196, **до...** **нощи** 16 об., **нощи** (Д.) 116 об., **чрѣ^з всю нощь** 112, **нощю** 97, 100, **нощю** 161 об., 165 об., **в нощи^ж** 113, **нощи** (В.) 121 об., 213 об., **по всѣмъ нощи** 111 об., 114, 116 об., **нощѣн** 121, 122 об., 124 об. и др.;

— **плѡть** (И.) 113 об., 165 об., (В.) 123 об., **плѡти рѡди** 122, **плѡти** (Р.?) 123 об., **плѡти** 131, **ѣ плѡти** 130 об., **ѿ плѡти** 57, **плѡтию** 95, 98, 108, **плѡтию** 99, 154, **о плѡти** 248, **плѡтѣн** 218;

— **скѡрвь** (И.) 80, **скѡрвь** (В.) 57 об., **скѡрвь** (В.) 105, 113 об., **скѡрви** (Р.) 77, **скѡрви** (Р.) 109, **ѿ...** **скѡрви** 252 об., **скѡрвию** 186 об., **ѡ...** **скѡрви** 172 об., **ѡ...** **скѡрви** 173, 252 об., **ѣ скѡрвѣ** 204, **скѡрви** (И.) 214 об., **скѡрви** (И.) 173, 220, 222, (В.) 86 об., 98 об., 109 об., 130, 169 об. (2 раза), 146, **скѡрви** (И.) 98 об., (В.) 96, 108 об. (заголовок), **скѡрви** (*так*; В.) 82, **ѣ скѡрви** (В.) 64 об., **скѡрвѣн** 97 об. (2 раза), 109, 145 об., 172 (2 раза), 176 об., 181, 216, 219, 221 об., 229, 269, 269 об., **скѡрвѣи** 207 об., 269, 269 об., **ѡ-скѡрвѣн** 212 об., 260, **ѡз скѡрвѣн** 243 об., **ѿ скѡрвѣн** 109, 158 об., 172, 212 об., 244, 246 об., **скѡрвѣи** 269, **крѡмѣ нѣжи и скѡрвѣи** 208, **ѣ скѡрвѣ^и** 217, **скѡрвѣмъ** 170, **скѡрвѣмъ** 235, **скѡрвѣи** 219 об., **скѡрвѣми** 64 об., 172 об., 201 об., 206 об., 215, 216 об., 243 об., 244, **скѡрвѣми** 108 об., **скѡрвѣми** 244 об., **ѡ...** **скѡрвѣ^х** 145, 173, **ѡ...** **скѡрвѣхъ** 3, **о скѡрвѣ^х** 249, **ѡ...** **скѡрвѣхъ** 105, **ѡ...** **скѡрвѣхъ** 245 об. (второй знак чуть крупнее), **в скѡрвѣхъ** 215 об. (с вписано над строкой), **ѡ...** **скѡрвѣ^х** 214 об., **ѡ скѡрвѣ^х** 160 об., **ѣ скѡрвѣхъ** 104 об., **ѡ...** **скѡрвѣ^х** 173, **в скѡрвѣхъ** 227 об., **ѡ скѡрвѣхъ** 109 об. (ѣ в предлоге исправлен из другой буквы), **ѡ...** **скѡрвѣхъ** 221 об., 228, **ѡ...** **скѡрвѣхъ** 68, **ѡ скѡрвѣхъ** 146 (над **х** штрих, похожий на **варю**);

— **слѡсть**, **ѿ слѡсти** (И.) 150, **ѿ...** **слѡсти** 85 об., **слѡстию** 210 об., **слѡсти** (И.) 138, 245, (В.) 100 об., **на слѡсти/** (В.) 138, **слѡстѣн** 215, 226, 269 об., **слѡстьми** 210, 222 об., 226, **в слѡстѣ^х** 95;

— **рѡди стѡрѡсти** 55, **ѡ...** **стѡрѡсти** (М.) 87 об., **стѡрѡсти** (И.) 61 об., 74, 78, 137, 145 (2 раза), 173, 189 об., 238, 245, (В.) 78, 90, 138, и др., **стѡрѡстѣн**

4, 70, 76, 105 об., 137 об., 143 об., 150, 240, 242 об., 261 об., 267 об., 269 об., **стра́/сте́н** 188 об., **Ѡ страсте́н** 4, 86 об., 105 об., 122, 145, 146, 147 об., 189, 256 об., **посредѣ́ страсте́н** 174 об., 242 об., **проти́вѣ...** **страсте́н** 197, **страсте́мъ** 127, 182, **во стра́сти** (В.) 176 об., **на страсти** 85 об., 97 об., 143 об., **страстьми́** 58, 74, 157, 188 об., 213, 239 об., **страстми́** 256 об., **со страстьми́** 57 об., **во страстѣхъ** 174 об., 242 об., **во...** **страстѣхъ** 87, **о...** **страстѣхъ** 144 об. (заголовок), **ѡ...** **страстѣхъ** 236 об. (заголовок), **о...** **страстѣхъ** 143 об. (заголовок).

Во мн. ч. почти во всех формах у этой группы имен существительных представлено колебание ударения, кроме именительного и винительного падежей. При обычном наосновном ударении в винительном падеже мн. ч. встретилось **ско́рви**. В родительном падеже флексийное ударение имеют **кознѣн**, **плотѣн**, **нощѣн**; наосновное ударение отмечено у **бранин** при неясном **бранин**; колеблющееся ударение у слов **скорѣн** — **ско́рвен** (**ско́рви**), **вещѣн** — **вѣщен**, **страсте́н** — **стра́стен** при преобладании флексийного. В дательном падеже старое наосновное ударение сохраняется в словоформах **ко́знемъ**, **вѣщемъ**, **рѣчемъ**; новое флексийное ударение имеют **костѣмъ**, **страстѣмъ**; колебание ударения отмечено у слова **ско́рвемъ** — **скорѣ́мъ**. В творительном падеже у большинства слов засвидетельствовано флексийное ударение **властьми́**, **вошьми́**, **сластьми́**, **страстьми́**, **скорьми́**, хотя **крѡвьми**; колебание ударения с преобладанием флексийного в словоформах **вещьми́** — **вѣщми**. В местном падеже новое флексийное ударение **страстѣхъ**, **сластѣхъ**; колебание ударения при примерном равенстве примеров **вещѣхъ** — **вещѣхъ**, **ско́рвехъ** — **скорѣ́хъ**; возможно, сюда же **о брани́хъ** 54 об. Таким образом, у имен существительных ж. р. **ї*-основ во мн. ч. в Овч-530 реализована модель акцентовки, отличительной особенностью которой является колебание ударения: Р. **стра́стен** — **страсте́н**, Д. **стра́стемъ** — **страстѣ́мъ**, Т. **страстьми́**, хотя **крѡвьми** при колебании ударения у слова **вещьми** — **вещьми́**, М. **стра́стехъ** — **страстѣ́хъ**.

Имена существительные **ї*-основ м. р. представлены очень небольшим количеством материала. Большая часть словоформ приходится на родительный или родительный-винительный и творительный падежи, в которых отмечено флексийное ударение: Р. (Р.-В.): **звѣ́рен** 106 об., **Ѡ звѣ́рен** 98, 105 об., 110, **из но́ктѣн** 131 об., 233, **татѣн** 2 об., **червѣн** 96 об., 210; Т.: **з гвоздьми́** 111, **звѣ́рми** 75, **с лю́дьми** 106 об., **но́гтми́** 101 об. Дательный падеж представлен одной словоформой также с флексийным ударением **червѣ́мъ** (Д.) 113 об.

Местный падеж ед. ч. У **ї*-основ ж. р. в этой форме в основном материале засвидетельствовано как флексийное ударение, характерное для восточной зоны, так и наосновное, отмечаемое в западной зоне [Зализняк 1985: 245]. В дополнительном материале преобладает наосновное ударение. Основной материал: **на цепѣи** 110 об. (2 раза), **в но́щи** 16, **в но́щи** 89 об., 114 об., 115, 117 об., 242 об., **в но́щи**^{жк} 113, **в но́щи** 88, **в но́щи** 3 об., 10, 124 (ср. с другой флексией **в ско́рвѣ** 204); дополнительный материал: **в то́и**

нощѣ 119, о коѣнждо вѣщи 145 об., о всѣкон вѣщи 178, на хѣдѣи вѣщи 73 об., ѡ коѣнждо скѣрѣби 172 об., во всѣкон скѣрѣби 252 об., в... чѣсти 227.

В местном падеже на -у существительных м. р. при очень небольшом количестве акцентуированных форм в основном и дополнительном материале отмечено флексивное ударение, представленное в основном в восточной зоне: **въ / домѣ** 225 об., **в радѣ** 91 об.; **ѡ родѣ** 75, **ѡ великѣ же чинѣ** 255 об.; ср. словоформы с другой флексией **во гровѣ** 103, 131 об. — **во / гровѣ** 164, **в мѣрѣ** 106 об., **в мѣрѣ** 225.

У существительных ж. р. **ā*-склонения засвидетельствовано только флексивное ударение: **въ водѣ** 121 об., **в водѣ** 15 об., 75, 139 об., **на водѣ** 15 об., 106 об., 161, 249 об., **в зимѣ** 101, 128, **в зимѣ** 90 об., **в зимѣ же** 129, **в горѣ** 129, **на землѣ** 74 об., 113 об., 115 об., 121 об., 123, 152 об., 231 об. и др., **на... ногѣ** 113 об. В примере **на землѣ** 155 об. имеется правка и из ю.

Именительный и винительный падежи мн. ч. В именительном падеже имен существительных м. р. еще сохраняется исконная флексия -и, хотя отмечена новая (некнижная) флексия -ы. Принципиальной разницы в акцентуации именительного и винительного падежей не наблюдается, в обеих формах засвидетельствовано наосновное ударение. И.: **бѣси** 2, 14, 14 об., 65, 67 об., 80 об., 95, 128 об., 150 об., 165 об., **вѣки** 260, **глѣси** 129, **градѣ** 228, **дрѣзи** 133, 224 об., 260, **дѣси** 174 об., 230, 245, **дѣхи** 150, **зѣбы** 55, 120; В.: **на... бѣсы** 197, **глѣсы** 175, **дѣхи** 244, **зѣбы** 119, 227 об., **пѣсы** 77 об., **цвѣти** (В.?) 5, а также **во вѣки** 54, 187 об., 202, 249 и др. Отступлением является **оудѣ** (В.) 140, 239.

У существительного **бѣсъ** наряду с флексией -и в именительном падеже часто встречается окончание -ове, при котором ударение колеблется: **бѣсѡве** 14, **бѣсове** 14, 70, 161, 168 об., 175 об., 177 об., 179 об., 180 об., 182, 249 об., **бѣсове** 146 об., 153, **бѣсове** 142, 150 об., 164 об., 246, **бѣсове** 177 (второй знак крупнее), **бѣсове** 142 об., 177 об., 178, а также **дѣровѣ** 211 об.

У существительных **ī*-основ м. р. наосновное ударение **ногти** (В.) 119, 233, **звѣри** (И.) 129.

Имена существительные ср. р. представлены небольшим количеством словоформ с флексивным ударением. Большая их часть приходится на слово **врата**: **врата** (И.) 100 (второй знак крупнее), **врата** 100, 108 об., 195 об. (2 раза), 201 об., **во врата** 126 об., 231 об., **дрова** (И.) 13, 228 об., (В.) 113, 114, **пѣдрова** 13. Не ясно, как можно трактовать случай **врата**, то есть является ли ошибкой писца первая вариация или постановка двух знаков свидетельствует о колебании ударения. Наосновное ударение имеется в форме **мѡра**, но нет уверенности, что здесь употреблена форма мн. ч.: **како проведѣ скѡзѣ мѡра люди. како фараѡна погрѣзи** 205.

У -*es*- и -*en*- существительных среднего рода обычным является флексивное ударение: **именѣ** (В.) 94, **словесѣ** (В.) 4, **чюдесѣ** (В.) 99 об., 121 об., 172 об.; с другой флексией **словесы** (И.) 56. Колебание ударения в винительном падеже мн. ч. встретилось у слов **время** и **тѣло**: **врѣ/менѣ** (В.)

249 об. (ср. **врѣмени** (Р.) 60, 151 об., 223 об., **врѣмена** (И.) 260 об., (В.) 161, **вѣ...** **врѣмена** 4 и др.), **тѣлесà** (В.) 99 об. (ср. **тѣло** (И.) 62 об., 110 об., **тѣло** (В.) 4, 76, 118 об., **тѣло** (И.) 88 об., **тѣла** (Р.) 15, **тѣла** 4, 89, **по...** **тѣла** 15, **тѣлесѣ** (Д.) 104 об., **тѣломъ** (Т.) 107, **тѣло^М** (Т.) 97 об., 139, **в тѣлесѣ** 4, **тѣлесà** (И.) 83 об., 99 об., (В.) 3 об., 99 об., 100 (2 раза), 102, 108 (3 раза), 206, 210, **телесà** (В.) 64 об., **тѣломъ** (Д.) 53, **тѣлесѣмъ** (Д.) 219, **в...** **тѣлесѣхъ** 101 об., 108 и др.). Наосновная энклиноменная акцентовка **врѣмена**, **тѣлесà** в основном характерна для западной зоны [Зализняк 1985: 255—256].

Творительный падеж мн. ч. В отличие от именительного и винительного падежей в творительном падеже у имен существительных мужского рода представлено колебание акцентовки с преобладанием наосновной. При наосновном ударении **гласы** 128 об., 180 об., **со дръги** 63, **с...** **дъхи** 227 об., **лѣки** 128 об., **цвѣты** 51 об. засвидетельствовано **вапы** 206 (если вария является здесь акцентным знаком). У существительных **зоуѣвѣ** и **вѣсѣ** отмечено наосновное и флексивное ударение: **зѣбы** 65, 223 — **зѣбы** 67 об., **с вѣсы** 227 об., **з вѣсы** 210 об. (с переправлено из з), **з вѣсы** 187 (между **ѣ** и **с** смыто з) — **з вѣсы** 186 об., **з вѣсы** 81 (2 раза). Новая форма творительного падежа **лесами** 228.

У существительных ср. р. в творительном падеже фиксируется флексивное ударение: **враты** 108 об., 195 об., 201 об., **за враты** 235 об., **словесы** 5, 57 об., 94 об.; с новой флексией **тѣлесами** 213.

Сохраняется исконное флексивное ударение у слов **ā*-склонения: **волнами** 147 об., **со стрѣлами** 128 об.

Родительный падеж мн. ч. У имен существительных с твердой основой **ō*-склонения и слов **ī*-склонения встретилось флексивное ударение: **вѣсовъ** 3 об., 114, 128, 181, 246, 249 об., **ѡ вѣсовъ** 60 об., 145 об., 147 об., 148 об., 157, 172 об., 263 и др., **даровъ** 94, **пировъ** 95, **родовъ** 133, **ѡ...** **оудовъ** 244; **вѣсовъ** (Р.-В.) 140 об., 168 об., 188, 216 об., **на вѣсовъ** 183 об. Отступлением является **дѣховъ** (Р.-В.) 244, в котором **ѣ** вписано над строкой, при **дѣховъ** 150, (Р.-В.) 216 об., **ѡ дѣховъ** 256 об. с такой же вписанной над строкой буквой **ѣ**. Мягкая основа представлена словоформой **мѣжен** 108 об. с колебанием ударения.

У существительных **ī*-основ м. р. флексивное ударение: **звѣрен** 106 об., **ѡ звѣрен** 98, 105 об., 110, **из ноктен** 131 об., 233, **татен** 2 об., **червен** 96 об., 210.

Дательный падеж мн. ч. Наряду со старой энклиноменной акцентовой форм м. р. на **-омъ/-емъ** по памятникам встречается флексивное ударение; скорее всего, они сосуществовали как диалектные варианты [Зализняк 1985: 277]. В дательном падеже мн. ч. в Овч-530 отмечено колебание ударения. Преобладание флексивного ударения, включая слово **ī*-основ м. р., отражает процесс перехода к такой господствующей акцентовке: **вѣсѣ^М** 67, 72, 168 об. — **вѣсѣмъ** 77 об., 87, 188 об., **вѣсѣ^М** 61, **дѣховѣ^М** 244, **дѣховѣмъ** 245, **оудѣмъ** 181 (2 раза), **червѣмъ** 113 об. В составе устойчивого словосочетания **во вѣки вѣкомъ** 5, 9, 183 об., 190, 193, 203 об. и др.,

во веки вѣкѡмъ 92 об., **во вѣки вѣкѡмъ** 231 об., 236 об., 262 регулярно выступает флексивное ударение.

Такая же акцентовка имеется у имен существительных ж. р. **ā*-склонения: **дшѡмъ** 53 об., 102, к... **ногамъ** 93 об., к... **ногамъ** 62, **слезамъ** 91 об.

Имена существительные ср. р. в дательном падеже имеют наосновное ударение: **мѡсомъ** 125 об., **тѣломъ** 53 об., однако последняя форма (книжная), как и **тѣлесемъ** 219, имеет такое ударение во всех памятниках, независимо от конкретной акцентной микросистемы [Зализняк 1985: 276].

Местный падеж мн. ч. У слов м. р. в формах с окончанием **-ѣхъ** представлено флексивное ударение: **въ чинѣхъ** 78, **во гробѣхъ** 135, 233, **во градѣхъ** 101, **в домѣхъ** 63 об., **ѡ дрѣвѣхъ** 75, но с другой флексией **во ѡдѣхъ** 239, **ѡ гостѣхъ** 154. Флексивная акцентовка «характерна прежде всего для Москвы и близких к ней районов.., наосновная (модель **лѣсѣхъ**) — для всей периферии» [Зализняк 1985: 279].

У имен существительных ср. р. в весьма малочисленных формах местного падежа отмечено колеблющееся ударение: **во вратѣхъ** 230, **ѡ полѣхъ** 225 об. У *-es-* и *-en-* существительных ср. р. наряду с энклиноменной акцентовкой **на нѣсѣхъ** 52 об., 88, 100, 194, **на нѣсѣхъ** 124 об. имеется флексивное в... **тѣлесѣхъ** 101 об., 108.

У имен существительных ж. р. **ā*-склонения также засвидетельствовано, хотя и слабо, флексивное ударение: **во слезѣхъ** 92 об., **о слезѣхъ** 54 об., **в рѣкѣхъ** 14 об.

Исключая оттяжка ударения на предлог остается в Овч-530 регулярной (перечень неполный): **на бѣга** 77, 104, 110, 136, 153 об., **по бѣгѣ** 9 об., 69, 69 об., 105, **ѡ бѣга** 225 (ср. **ѡ бѣга** 90, 103 об., **по бѣгѣ** 61, **ѡ бѣгѣ** 85 об.), **на брани** (В.) 168 об., **на водахъ** 15 об., 101 об., **на время** 137 об., **во время** 93, 112 об., 225, **не во время** 225, **до / времени** 93, **за время** 224, **безъ вѣсти** 181, **со гласомъ** 128 об., **ѡ гласа** 123, 131, **до / года** 117, **годѣ / ѡ года** 224, **го дѣ за го дѣ** 229 об., **на га** 77, 80, **ко гѣхъ** 154, 247 об., **безъ гнѣва** 87 об., **во градѣхъ** 196 об., 200 об., **во гробѣхъ** 76 об., 112, 134 об., **до гроба** 177 об., **на древѣхъ** 119, **за дрѣва** 10, 137 об., **со дрѣва** 63, **за дшѣхъ** 74 об., **на землю** 9, 59, 63 об., 72, 99 об., 118, 158, 166 об., 234, **во има** 51 об., **за има** 80, **на мори** (М.) 79 об., **во мракѣ** 225 об., **на нѣбо** 52 об., 63 об., 80 об., 90, 119, 158, **на нѣси** 76 об., 91 об., 152 об., **на нѣсѣхъ** 52 об., 88, 100, 194, **на нѣсѣхъ** 124 об., **на ноги** 15, 15 об., **на ногѣхъ** 93 об., **нога ѡ ногѣхъ** 14, **по печи** 13 об., **со страхомъ** 166 об., 250 об., **со страхомъ** 12 об., 53, 63 (3 раза), 70, **со страхомъ** 54 об., 167 об., **сѡ / страхомъ** 93 об., **бѣ-страха** 71, **на стѣнѣхъ** 164, **по чревѣхъ** 120.

Отступления коснулись разных предлогов и различных слов. Так, например, при одном и том же предлоге может иметься или нет оттяжка ударения на предлог; с другой стороны, у одного и того же слова при разных предлогах оттяжка может присутствовать и отсутствовать: **до вечера** 116 об., 222 об., **на вечерѣ** 225 об. — **до вечера** 112 об. (2 раза), **ѡ вечера** 112 об.; при регулярном **во вѣки**, **ѡ вѣка** 161, 172 об., 249 — **ѡ вѣка** 132; **на днѣхъ** 93, 122 об., 123, **во дни** и **в нощи** 151, **днѣхъ за днѣхъ** 96, **днѣхъ за днѣхъ** 132 (второе

д вписано над строкой), днѣ ѿ днѣ 124, ѿ днѣ 192, до днѣ (так!) 116, во дни (так! М.) 122 об., 124 — во дни (так! М.) 242 об.; ѿ міра 189 об., 198 об., 204, 226 об. и др. — ѿ міръ 235; во плоти 231 об., ѿ плоти 57, 223, в плоти 206, в плѣти 159 об. — о плѣти 248, на плѣ 207 об.; по помѣсь 110 об. — до помѣса 114; во свѣтѣ 51 об., 109 об., 115 об., 230 об., 248, во свѣтѣ 155 об. — со свѣтѣ 245, на свѣтѣ 115 об.; на страсти 85 об., 97 об., 143 об. — во страсти 176 об.; на тѣло 113 об. на тѣле 206 об., ѿ тѣла 88 об., 118 об., 123 об. — на тѣло 15, ѿ тѣла 90; ѿ части 96 об., на части 223 об.; во слѣха (В.) 179 об., ѿ слѣха 86 об.; на гнѣвъ 184 об. В словоформах ѿ вѣса 60, ѿ лѣса 113, ѿ тѣла 228 об., 269, во свѣтѣ 159 об. (второе в исправлено из другой буквы), а также в прилагательном ѿ млада 57 поставлены два акцентных знака — один на предлоге, второй — на словоформе²⁰; ср. ѿ тѣла 113, где оксия над с — часть исо. Возможно, постановка оксии на предлоге и существительном также отражает утрату отяжки на предлог. Таким образом, изменения затронули несколько предлогов (до, отъ, во, на, со, на, о) и односложные и неодносложные существительные.

Акцентуация производных имен существительных

Акцентуация приставочных имен существительных. В эту группу входят имена существительные мужского рода **ѡ*-склонения и женского рода **ѧ*-склонения и **Ѣ*-склонения, основа которых состоит из минусовой приставки (кроме *не-*) и корня²¹.

Большая группа имен существительных мужского рода имеет в Овч-530 наосновное (корневое) ударение, сохраняющееся во всех формах, то есть они акцентуированы по модели *потѡль* [Зализняк 1985: 153]: бѣ вопросъ 184 об., вопросы (В.) 63 об.; доволъ (В.) 107 об.; залогъ (В.) 205; искѡсъ (В.) 57 об., искѡса (Р.) 179 об., 192 об., ѿ искѡса 67; навѣкъ (И.) 68 об.; завѣтъ (В.) 99, 104, завѣта (Р.) 73 об., ѿвѣтъ (В.) 75 об., 88 об., 254; вѣта (Р.) 74, вѣтъ (Р.) 65, в... овѣтѣхъ 8; на ѡпѣстѣ 12 об., на ѡпѣстѣ 12 об.; впочивѣ (Р.) 178; на перенѡстѣ 12 об.; три поклѡны (И.?) 12, пѡклѡны (И.) 91, поклѡны (В.) 14 об., поклѡны (В.) 92 об., 93, 114 об., три поклѡны (В.) 9, по три поклѡны 12 об., поклѡновъ 91, поклѡновъ 93, поклѡнѡ 9 об., поклѡнами 182, о поклѡнѣхъ 54 об.; покрѡвъ (И.) 55 об., покрѡва (Р.) 129; помѡлами 117 об.; понѡсъ (В.) 57 об.; бес порѡка 170; предѣлъ (И.) 109 об., до... предѣла 104; пре^д пре/стѡло^м 252; призракъ (И.) 196; в притѡре 117 об.; ѿ прилогѡ 110 (заголовок), прилоги (В.) 179 об.; совлазновъ 189; на собѡръ 58 об., на собѡръѣ 58 об., на собѡре 91 об. (2 раза); совѣта (Р.) 56 об., бѣ совѣтъ 75 об.; сосѣды (В.) 181 об., сосѣдовъ 181 об.,

²⁰ Есть пример с числительным по три 12 об., хотя по три 91 об., на три 76 об.

²¹ У существительных женского рода имеется суффикс *-j-*, *-т-ь*, *-н-ь* или *-л-ь*.

в... *сосѣдѣхъ* 248 об., в... *сосѣдѣ*^х 160; *союза* (Р.) 189, 254; *оугаръ* (И.) 192; на *оуговорѣ* 260; *оукоръ* (И.) 59, (В.) 80 (2 раза), *оукоръ* (И.) 95; *оукрѡпѣ* (Р.) 217; *оукрѣха* (Р.) 214; ѿ... *оукѣса* 123; *оумѣты* (В.) 235 об., *оумѣты* (В.) 74 об., 140 об.; *оумѡлкъ* (В.) 144, *оумѡлкъ* (В.) 242 об. (ср. в знач. нар. *мѡлко*^м 14 об.); *оурѡдъ* (И.) 102, *юрѡдъ* (И.) 170, *юрѡда* (Р.-В.; над ю спири-тус?) 170, *оурѡди* (И.) 97; *оурѡкъ* (И.) 109 об., (В.) 14, *оурѡкъ* 250 об.; *вѣ оуспѣха* 96; *во ѡстѡвѣ* 91 об. В случае *оужасъ* (И.) 143 может оказаться не акцентная оксия, а часть «растянутого» исо.

Насколько можно судить по одной акцентуированной словоформе *подруга* (Р.-В.) 166, это слово в Овч-530 также акцентуировано по модели *потѡнь*, хотя в русских источниках чаще встречается ударение *пѡдругѣ*. См., например: *показоваша на пѡдруга своего* ЯМ-536, л. 77²².

К той же модели *потѡнь* относится производное существительное *дохѡда* 106, 109, 154, 182, хотя встретилось с оттяжкой ударения на предлог однокоренное *на / прохѡ*^д 92 об. Именно в конструкции *на+винительный падеж* оттяжка ударения на предлог отмечена также у слов *на длань*, *на сонъ*, *на смерть*.

Наосновное (префиксальное) ударение, то есть акцентовку по модели *окупъ*, имеют следующие имена существительные мужского рода **ѡ*-скло-нения: *вѡзрастѣ* 195 (с второстепенным ударением), *вѡзраста* (Р.) 203, *ѣ вѡзрастѣ* 229 об.; *зѡмыслы* (И.) 2 об., 228, *зѡ//мыслѡвѣ* 2 об.-3, *зѡмыслѡ* (Д.) 197; *пѡвара* (Р.) 120 об.; *пѡдвигѣ* 138, *к пѡдвигѣ* 139, *пѡдвиги* (В.) 110 об., *ѣ пѡдвигѣхъ* 99, *в пѡдвигѣ* 138 (ср. *вѣ пѡвизѣ* (*так!*) 254 об.); *пѡмыслѣ* (И.) 81 об., *пѡмысла* (Р.) 70 об., *пѡмыслѣ* 121, *к пѡмыслѣ* 70 об., *пѡмыслѡ* (Т.) 72, 106 об., (Д.?) 85, *пѡ//мыслы* (И.) 78, *пѡмыслы* (И.) 83, 85, 89 об., (В.) 14, 16 об., 62 об., 74 об., 239 об., *пѡмыслѣ* (Р.) 112 об. (2 раза), *пѡмыслы* (Т.) 213 об., 239 об., *в пѡмыслѣхъ* 85 об., *в...// пѡмыслѣ*^х 65—65 об., *о пѡмыслѣхъ* 65 об., *ѣ пѡмыслѣхъ* 182 об., *ѣ... пѡмыслѡ*^х 67 при *прѡ-тивѣ*... *пѡмыслѡвѣ* 240; *прѡмыслѣ* (И.) 56 об., *кромѣ прѡмысла* 110, *пѡ прѡмыслѡ*^м 104 об.; *пѡсохѡ*^м (Т.) 91; *прѣ*^д... *пѡслѣхи* 67. Возможно, сюда же слабо засвидетельствованное *ѡроцы* (И.) 106 об. У существительных этой группы, принадлежащих к а. п. с, в формах мн. ч. ударение не всегда совпадает с акцентуацией тех же форм производных слов м. р. а. п. с. В родительном падеже мн. ч. у производных при старом окончании сохраняется ударение на префиксе, а при новом окончании *-овѣ* представлено флексийное ударение, как и у производных существительных а. п. с. В творительном падеже мн. ч. у производных отмечено префиксальное ударение, у непроизводных — наосновное ударение с колебанием у от-дельных слов. В местном падеже мн. ч. при флексии *-ѣхъ* у приставочных сохраняется наосновное ударение, а у непроизводных — флексийное уда-рение.

²² Рукописное собрание Ярославского историко-художественного музея-заповедника, № 536, Сборник, 2-ая половина XVII в.

У нескольких слов представлено колебание акцентировки между двумя моделями — *окупъ* и *потопъ*: на *зѧпа*^д 100, *ѡ вѡстока* и *до зѧпада* 190 об.; *законъ* (В.?) 195 об., 198 об., (В.) 227, 240, *зѧконъ* (В.?) 198 об., *зѧконъ* (В.) 199 (второй знак чуть крупнее), *ѡ закона* 254 об., *ѡ законъ* 138 об.; *народа* (Р.) 157 об., 205, *пре*^д... *народо*^м 119, *народо*^м (Т.) 119, *с народомъ* 85 (второй знак крупнее)²³; *ѡпѣсть* (В.) 11 об., *ѡпѣсть* (В.) 12 об., *на ѡпѣсть* 12 об., *до ѡпѣста* 92 об. (ср. выше *на ѡпѣствѣ* 12 об., *на ѡпѣствѣ*^х 12 об.); *бѣ разумъ* 250 об. (второй знак крупнее), *разумъ* (Р.) 4 об., *разумъ* (В.) 69, *в разумъ*^м 63 об., *разумомъ* (Т.) 74 об., *разумо*^м (Т.) 258 об., *разумовъ* 76; *во... соство*^{вѣ} 241 об., *соство*^{вѣ} (В.) 14, *соство*^{во} 241, *соство*^{во} (Д.) 129 об., *соство*^{во} (Д.) 117, *по соство*^{во} 111.

Преимущественно накоренное ударение встретилось у производного существительного *воздѣха* (Р.) 160 об., *воздѣхъ* (Д.) 151 об., *во*^{дѣхъ} (Д.) 87 об. (оксия между д и ѣ), *по во*^{дѣхъ} 226 об., *на воздѣствѣ* 226 (оксия между д и ѣ), *на во*^{дѣствѣ} 134, *на воздѣствѣ* 96 (с вписано над строкой), хотя один раз *на во*^{дѣствѣ} 230 (выше такая же форма без акцентуации). Обе модели *во*^{здоу}*хъ* — *воздоу*^{хъ} известны по русским памятникам письменности.

Существительное *образъ* часто имеет только исо над первой буквой (*ѡбразы* (В.) 93 об., (Т.) 92 об., *во... ѡбразѣхъ* 145 об.). Акцентуированы следующие формы: *о*^{бразо} (Т.) 174 об., *в*^{бразы} (В.) 62, *ѡ*^{бразы} (Т.) 101 об., *ѡ*^{бразы} (Т.) 174 об., *во... о*^{бразѣхъ} 142 об., *во... в*^{бразѣхъ} 145.

По модели *потопъ* в Овч-596 акцентуированы следующие имена существительные ж. р. **ā*-склонения: *досады* (В.) 73, 218, *досадами* 71; *завѣса* 163; *заплатъ* (Р.) 113; *вѣзъ имѣны* 9 об., *измѣнъ* 74 об., 224 (2 раза); *ѡ... ѡ*^{грѧды} 67 об.; *вслабы* (Р.) 184, *ослабы* (Р.) 217 об., *вслабъ* 213, *во вслабъ* 138, 172, 217 об., *со вслабовъ* 96 об., *во... ослабѣ* 214; *ѡ*^{рады} (Р.) 217 об., *ѡ*^{рады} 181, 217 об., *во ѡ*^{рады} 214, *во... ѡ*^{рады} 175; *постѣла* 113 об., 119 об., *с постѣли* 14 об., *постѣлю* 131, *на постѣли* 15, *на постѣли* 14 об., *на постѣли* 55 об., хотя *постѣла мо*^е 131; а также *изрѡна* (И.) 258, *нѣ было изрѡни* 258 (оксия между з и р), *везо изрѡни* 253 об. (так, хотя в других аналогичных случаях знак над начальной гласной слова нельзя однозначно интерпретировать как оксию или спиритус; ср. выше *юрѡда*), *пре/грѧды... прентѣ* 154 об. К этой же группе можно присоединить слово *повѣда* (И.) 162, 169 об., 172, *повѣдъ* 164 об.

В Овч-530 отмечено также колебание ударения *похвѧ/лѧ* 99 об. (если первый знак не поставлен по ошибке) при обычном *похвѧлѧ* 99, 108 об., 150, 242, *похвѧлѧ* 64 об.

Колебание ударения встретилось у другого существительного с аналогичной структурой: *потрѣбами* 246 об. (первый знак крупнее), *о... потрѣ/бѧхъ* 247 об. (а переправлено) при *по потрѣбѣ* 13, *потрѣбъ* 104, *потрѣбами* 154 об., *о... потрѣба*^х 248, *о... потрѣбахъ* 245 об. (заголовок), *в... потрѣбахъ* 104 об., *в потрѣба*^х 248 об.

²³ Ср. срх. *národ*, слвц., словен., ст.-чеш. *národ*.

Имена существительные ж. р. **ї*-склонения в Овч-530 акцентуированы, как и в других памятниках, в основном по модели *̀окупь*: *пѡвѣсти* (В.) 192 об. (2 раза), *пѡчесть* (И.) 77 об., *пѡчесть* (И.?) 173, *пѡчести* (Р.) 215, *прѣлесть* (И.) 134, 227 об., (В.) 3 об., 146 об., *на прѣлесть* 206, *прѣлести* (В.) 97, *на прѣлести* 197, *прелестѣн* 269, *сѡвѣсть* (И.) 81, *сѡвѣстїю* 57, 69 об.

Колебание ударения, то есть акцентовка по модели *̀окупь* и *потѡпъ*, отмечена у слова *зѡбытъ* (В.) 261, *зѡбыт* (В.) 2, *зѡ/бытъ* (В.?) 176 об., *в зѡбыти* 172 об.

Акцентуация слова *зѡповѣдь* соответствует модели *̀окупь*. Как и у производных имен существительных ж. р. **ї*-склонения а. п. с, в формах родительного и творительного падежей мн. ч. этого слова встретилось колебание ударения: *зѡповѣдь* (И.) 195 об., 198 об., *зѡповѣди* (И.) 198, (В.) 9 об., 57, 80, 82 об., 86 об., 198, 203, 240, 252, *зѡповѣден* 202 об., *зѡпw/вѣдѣн* 206 об. (первый знак крупнее), *зѡповѣден* 82 об., 202 об. (2 раза), 203, 229, *зѡповѣден* 65, *ѡ зѡповѣден* 73 об. (*ѣ* переправлено из *ѣ*)²⁴, *зѡповѣдемъ* 85 об., *зѡповѣде*^М 2 об., 197 об., 203, *зѡповѣде*^М 65 об., *по зѡповѣде*^М 58, 203, *зѡповѣдьми* 196 об. (заголовок), *зѡповѣдьми* 197, 244 об., *во... зѡповѣ/дехъ* 198, *по... зѡповѣдехъ* 68, *о... зѡповѣдехъ* 199. Отступления от такой акцентовки представлены в словоформах *зѡповѣди* (В. мн.?) 251 об. и *зѡповѣди* (В.) 198 (второй знак крупнее). Едва ли в последнем примере имеет место перемаркировка по модели *потѡпъ*.

Колебание ударения в родительном и творительном падежах мн. ч. отмечено также у слова *похотъ*: *пѡхотъ* (В.) 84 об., 95, 155, *похѡтїю* 85 (оксия между *х* и *о*), *с похѡтїю* 263, *пѡхоти* (И.) 227, 238, 263 (3 раза), (В.) 211 об., 214 об., *на похѡти* 197, *прѡтивъ... похѡтѣи* 216 об., *похѡтеи* 218 об., 240, 269 об., *похѡтѣи* 197, 267 об., *похѡтѣи* 86 об., *ѡ похѡтеи* 231, 270 об., *ѡ похѡтѣи* 270, *похѡтѣи* 263 (первый знак крупнее), *пѡхотѣ*^М (Д.) 211, 211 об., 260 об., *пѡхотѣми* 222 об., 239, 239 об., 245, *с пѡхотѣми* 210 об., *с похѡтѣми* 211, *с пѡхотѣми* 236, *похѡтѣми* 57 об., 75 об., 206, *в... похѡтѣ*^Х 235.

Перемаркировка по модели *̀окупь* представлена у слов *помощь*, *ненависть*, *пропасть* и *зависть*: *зѡвисть* (И.) 81 об., 143, по *зѡвисти* 207 об., 260 об., *зѡвистїю* 221 об., *нѣнависть* (И.) 143, (В.) 61, 65, *нѣнавистїю* 64 об.; *пѡмощь* (И.) 162, (В.) 182, *пѡмощи* (Р.) 71 об., 89 об., 205, *ѣ пѡмощь* 57, *на пѡмощь* 79, 221 об., *пѡмощїю* 87, 192 об. и др., хотя *вѣ пѡмощи* 205 (однако оно не вполне надежно, поскольку *щ* переправлено из другой буквы); *прѡпасти* (И.) 98, *трѣ прѡпасти* 177 об. (В.), *в прѡпастехъ* 218 об.

По модели *потѡпъ* акцентуировано существительное *напѡсть*: *напѡсть* (И.) 184, *ѡ... напѡсти* 252 об., *во... напѡсти* 103 об. (над первым *а* знак, похожий на спиритус), *ѣ напѡсть* 259, *напѡстїю* 98 об., *напѡсти* (И.) 101 об., 173, 207 об., 214 об., (В.) 79 об., 81 об., *на... напѡсти* 106, *ѣ... напѡсти* (В.) 2, *напѡстѣн* 143 об., 145 об., 211 об., *напѡстѣн* 55 об., 204, 216, *вѣ напѡстѣн* 212 об., *напѡстѣ*^М 108 об., 109, *к напѡстѣ*^М 217, *напѡстѣми* 206 об., *напѡстѣ-*

²⁴ Над *и*, видимо, перевернутая камора, плохо выписанная и похожая на варию.

ми (*так!*) 215, в... напáстѣхъ 215 об., в напáстѣ^х 104 об., в напáстѣ^х 227 об., во... напáстѣхъ 221 об., во... наспáстѣхъ (*так!*) 214 об., хотя по одному разу встретилось напáстѣ^м 235 (второй знак крупнее) и в напáстѣхъ 173.

Существительное **смерть** (**сѣмьрть**) обычно акцентуировано по модели *потопъ*, в более поздних памятниках замененной моделью *окупъ*. В Овч-530 можно предположить флексийное ударение (акцентная оксия поставлена над согласной) в дательном падеже мн. ч., в чем можно усмотреть аналогию с **ĩ*-основами ж. р. а. п. с. С другой стороны, при сохранении во многих случаях оттяжки ударения на предлог у слов а. п. с у существительного **смерть** такая оттяжка фиксируется только тогда, когда оно употребляется в конструкции *на+винительный падеж*: **смерть** (*так!* И.) 205 об., **смерть** (И.) 61, 223, 227 об., 229 об., (В.) 218, **смерти** (Р.) 51, 116, 130, 136, **смертїю** 75, **смерти** (И.) 101 об., **смертьемъ** 69, **ѣ** **смерть** 99, **к** **смерти** 104, **к** **смерти** 109 (с вписано над строкой), **ко смерти** 109 об., 216, 248, **ко смерти** 159 об., **на... смерти** (В.) 106, **по смерти** 99 об., 100, 135 об., 136, 187, 187 об., 197 об., 230 об., **до смерти** 69, 79 об., 109, 181 об., 218, 255, **ѿ смерти** 104 об., 258 об., **на смерть** 101, 102 об., 109, 130 об., 167 об., 218, 221, 252, **на смерть** 97 об., хотя один раз **на смерть** 205; без акцентного знака **ѣ смертѣ** 101.

У производных с плюсовыми приставками, а также с приставкой *не*-ударение поставлено писцом на приставке: **на выходѣ** 12 об., **пáгъвѣ** 68, **пáмáт** (И.) 84 об., **пáмáти** (Р.) 228, **ѣ пáмáт** 10 об. и др., **пáсоке** (Д.) 110 об. «сукровица», **нѣводѣ** (И.) 174, **нѣмощь** (И.) 89 (2 раза), (В.) 192 об., **за нѣмощь** 214 об., **зазриши нѣмощи** 79 об., **нѣмощи** (Р.) 221 об., **нѣмощи рáди** 93, в **нѣмо/щи** 139 и др., **протївѣ нѣдрѣгѣ** 197 (конечное *ѣ* переправлено в *а*), **пáдѣда** (Р.-В.) 102 об., **пáдѣди** (И.) 133. Обычное для русской письменности ударение у слов **недоуѣ** и **соупостатѣ**: **недѣгѣ** (И.) 95, **недѣгѣ** 72 об., в **недѣзѣхъ** 97 об. и др., **ѿ сѣпостатѣ** 85 об., хотя встретилось также **сѣпостатѣ** (Зв.) 141 (второй знак крупнее).

Имена существительные с суффиксом -от(а). Большая часть имен существительных с суффиксом *-от(а)* имеет флексийное ударение и относится, таким образом, к а. п. *b* независимо от того, принадлежало ли производящее прилагательное к а. п. *a* (**долгъ**, **нищъ**, **чистъ**) или к а. п. *b* и *c* (**мокръ**, **глоухъ**, **нагъ**, **простъ**, **слепъ**, **тесенъ**) и каким было исконное ударение у производных слов: **с высотѣ** 101, **ѿ высотѣ** 59, **к высотѣ** 124 об., **на высотѣ** 1 об.; **глѣхотѣ** 180 (о исправлено из *ѣ*); **долготѣ** 97 об., 205; **красотѣ** 54, 54 об., 99 об., 135, **красотѣ** (Р.) 184 об., **красотѣ** 99, 127 об., 160 об., 216 об., 217 об., **красотѣ** 249, **красотѣю** 144 об., **красотѣ** 99 об., 235 об., **красотѣми** 222 об.; **мокротѣ** 15 (2 раза), **мокротѣ** (Р.) 15, **за мокротѣ** 15; **наготѣ** 184, **наготѣ** (Р.) 15, 15 об., 128, 129 об., **наготѣю** 113, 186 об., 217, **ѣ... наготѣ** 101, в **наготѣ** 231 об.; **нищѣтѣ** 141, 210 об., **нищѣтѣ** (Д.) 207, **нищѣтѣ** 84, 202 об., 218, в **нищѣтѣ** 214, в **нищѣтѣ** 139; **простѣю** 97; **слепѣтѣ** 180; **теплотѣ** 157, 158 об., 177 об., 247, **ѿ теплотѣ** 161 об., **теплотѣ** 160 об., 161 об., 255, **теплотѣ** 249, **теплотѣ** 143; **тщѣтѣ**

80; **тѣснотà** 104, **тѣсноты** (Р.) 102 об., **теснотѸ** 201 об., **тѣснотѸ** 105, 109 об., 213 об., 221 об., в... **тѣснотѣ** 129 об. (2 раза), **тѣсноты** (В.) 236, **тѣснотами** 145, 243 об., **теснотами** 244 об., **тщетѸ** 80, во... **тѣснотáхъ** 221 об., хотя один раз **теснѡтѸ** 57 об.; **таготà** 14 об. (2 раза), **таготѸ** 14 об., **таготы** (В.) 146, 199; **чистотà** 150, 241 об., (В. = И.) 15, **нечистотà** 147, 150, **нечистотá же** 150, **чистоты** 146, 147, 186, ѿ **нечистоты** 16, **чистотѣ** (Д.) 147, 242 (2 раза), **чистотѸ** 66 об., 86, 136 об., 202 об., **не в чистотѸ же** 16, **за нечистотѸ** 15 (над и вертикальный штрих), **нечистотѡю** 15 об., в **чистотѣ** 61 об., 150, 238, о... **чистотѣ** 237, ѡ... **чистотѣ** 144. Такая перестройка у большинства основ отмечена в XVI—XVII вв. [Дыбо 1981: 124; Зализняк 1985: 287—289; Колесов 1978: 37]. Она связана с изменением акцентного типа производящих прилагательных и первоначально происходила в восточной зоне восточнославянской территории.

Наосновное (суффиксальное) ударение представлено у существительных **щедрота**, **работа**, **льгота** и **доброта**: **добрѡта** (И.) 135, **добрѡты** (Р.) 135; **льготы** (Р.) 231, **во льготѣ** 231; **работы** (Р.) 126, 127 об., ѿ **работы** 102 об.; **щедрѡты** (И.) 84, на... **щедрѡты** 167 об., 252 об. Эти слова сохраняют первоначальную акцентовку.

Существительное **лѣпота** имеет колеблющееся ударение, хотя, возможно, и принадлежит к а. п. с: **лѣпоты** (Р.) 233 — **лѣпоты** (Р.) 131 об., 135, в **лѣпотѸ** 213, **нелѣпотѸ** 254, **лѣпотою** 132, 133 об.

У слов с тем же суффиксом, производных от глаголов, отмечено флексивное и суффиксальное ударение: **алкотѡю** 113, **дре/мотà** 89, **икѡтѸ** 180, **сверботѸ** 181.

Имена существительные с суффиксом -ин(а). Наосновное (корневое) исконное ударение, по-видимому, сохраняется у слова **истина**: **во йстинѸ** 152, ѡ **йстиннѣ** 78 об. Предположить именно это позволяет один из примеров, где место ударения совпадает с *исо*, которое оказывается помехой для оксии. Вария, имеющаяся в другом случае, может обозначать второстепенное ударение.

Наосновное ударение имеют производные от прилагательных слова **богатины** (И.) 208, 208 об., 227; **напрáснина** 169, **напрáснины** (Р.) 169 об.

У двух других слов встретилось флексивное ударение: **выстринà** 76, **пренті рѣчныхъ выстринны** (В.) 76; **ти/шинà** 152, ѿ **тишинны** 189 об., ѿ **тишинны** 67 об., в... **тишиннѣ** 57 об.

Существительное **стремнина** слабо засвидетельствовано, при этом у него отмечено колебание ударения: **стремніны** (И.) 98 (первая оксия между *и* и *н*), **стремнінѣ** (Р.) 98.

У существительных, образованных от прилагательных акцентных парадигм *b* и *c*, в первом случае ожидалось бы суффиксальное ударение, во втором — акцентуация по а. п. с [Дыбо 1981: 144—146]²⁵. В Овч-530 име-

²⁵ Ср. ударение существительных, образованных от глаголов и имен существительных: **пѣчина** 105 об., 155, 160 об., 191, **кончина** 133, **до кончины** 124, **кончинѸ** 2,

ется **та́нна** 134, **та́нны** (Р.) 186 об., **та́ннѸ** 252 об., **ѵ́ та́н/нѣ** 53, **та́ннѣ** (Р.) 93 об., 117 об., **та́нны** (В.) 82, **та́нна^М** 149, что свидетельствует об утрате исконной акцентуации по а. п. с **та́нна**.

Флекссионное ударение, то есть акцентуацию по а. п. *b* имеет существительное **глоуѣнна**: **глаѣнна** 186, **глаѣнны** (Р.) 84, 206, **из глаѣнны** 233, **во глаѣннѸ** 98, 146 об., 176, **во глаѣннѣ** 139, хотя один раз встретилось **глаѣннѸ** 251. Акцентовка **глоуѣнна**, как и ударение **высота**, характерно для восточной зоны; очагом распространения новых ударений **нищета**, **тишина** и под. также является восточная территория [Зализняк 1985: 287, 289].

Имена существительные с суффиксом -б(а). У слов с суффиксом *-б(а)* отмечено наосновное и флекссионное ударение: **алчѣа** 138 об., **ѡ ѡлчѣы** 129 об., 221, **алчѣѣ** (Д.) 130, **алчѣю** 112 об., **во алчѣѣ** 85, **во ѡлчѣѣ** 231 об., **во алчѣѣ** 101 (ч вписано над строкой), **борьѣа** 180 об., **борѣа** 178, 188 об., **ради борьѣы** 261 об., **борѣѸ** 216 об., **борѣы** (И.) 263 (2 раза), **лѣчѣа** 87 об., **лѣчѣѸ** 72, **лечѣѸ** 70, **слѣжба** 10, 61, **слѣжы** (Р.) 70, 71, 89, **слѣбы ради** 89, **на слѣжѣѸ** 70, **ѵ́ слѣжѣѣ** 161 об., **в слѣжѣѣ** 250, **слѣжбаѸ** 9 об. (М.), **стражѣѸ** 3, **сѣдѣы** (И.) 110. Такая же акцентуация у большинства из этих существительных (**алчѣа**, **борьѣа**, **лѣчѣа**, **слоуѣжба**) имеется в других памятниках письменности, хотя не у всех слов она является исконной.

Имена существительные с суффиксом -тв(а). Наосновное ударение имеют существительные с суффиксом *-тв(а)*: **жѣртѣа** 174, **жѣртѣѸ** 107 об., **клѣтъ/вы** (Р.) 53 об., **ѡ клѣтвы** 102 об., **клѣтѣѸ** 142 об., **клѣѣѸ** 80, **молитѣѸ** 151, **ѡ... молитѣѣѸ** 90 об. (заголовок), **во... моли/тѣѣѸ** 219 об.

Имена существительные на -еж(ь). В Овч-530 представлены производные от разных акцентных парадигм, которые в некоторых случаях сохраняют исконное ударение, иногда демонстрируют колебание: **матѣжа** (Р.) 97, 154, 226, **матѣжа** 141, **ѡ матѣжа** 124 об., 147 об., 162, **ѡ... матѣжа** 98, 163, **матѣжѸ** 98, **матѣжѣ** (В.) 185, **с матѣжемѸ** 257, **в матѣжи** 132 об., **матѣжѣи** 88 (первый знак крупнее), **ѡ падежа** 211 об., **на правѣже** 181 (в исправлено из другой буквы). По другим памятникам у этой группы производных отмечается исконное ударение **гравѣжѸ**, **платѣжѸ**, **правѣжѸ** при новой акцентовке **гравѣжѣ**, **платѣжѣ**, **правѣжѣ** в источнике начала XVIII в. [Колесов 1978: 7, 18, 32].

Имена существительные с суффиксом -ниѣ(е). У имен существительных, образованных от глаголов а. п. *a*, представлено корневое ударение, как и у глаголов: **ѡ невѣденіа** 13, **дѣланіѣ** (В.) 90 (оксия между **ѣ** и **л**), **дѣланіа** (Р.) 89, **дѣланіа** (В.) 241 об., **воздѣланіа** (И.) 69, **кашленіѣ** (В.) 55, **ѵ́пада/ніѣ** (И.) 188 об., **в нѣчѣаніи** 130, **оуныніѣ** (И.) 83, **во оуныніѣ** 83.

Отступления от такой акцентовки связаны, с одной стороны, с тематизацией ударения глаголов, с другой — с установлением ударения по опре-

на кѡнчінѸ 90, **скотіна** 73, **годіна** 89 об., **годіны** (Р.) 111 об., **годінѸ** 88 об., **паѣчінѸ** 160, **в паоучінѸ** 97, **рогозіны** (Р.) 127 об., **рогозіною** 124 об., **в хлѣвинѸ** 122 об., **храміна** 268, **чрепінами** 120, а также отличающиеся от них в словообразовательном отношении **блѣвѣтны** 208 об., **половінѸ** 89 (2 раза).

деленной модели: **алкѣніѣ**^М (Т.) 101 об., **видѣніѣ** (В.?) 52, **видѣніа** 187 об. (оксия между **ѣ** и **н**), **видѣніа** (Р.) 135 об., **привидѣніѣ** (И.) 16 об., **исповѣданіѣ** (В.) 62 об., **по... исповѣданіи** 69 (оксия между **д** и **а**), **мѣчѣніа** (Р.) 69, **мѣчѣніѣ** (В.) 104 об., **помышлѣніѣ**^М (Т.) 13 об., **помышлѣньми** 190, **помышлѣніа** (В.) 62, 123 об. (пример **пóмышлѣніа** 236 об. не показателен, поскольку в слове есть правка — буквы **шл** исправлены)²⁶, **ѡ парѣніа** 140, **ѡ... исполнѣніа** 84 об., **исправлѣніа** (Р.) 84 об., (В.) 70, **к послѣшанію** 255 об., **составлѣніи** (Р.) 241, **сѣніѣ** (И.) 254 об. (ср. акцентуацию соответствующего глагола в рукописи), **оударѣніѣ** (В.) 54 об., **оударѣніѣ** (В.) 102 об., 218, **на вчищѣніѣ** 138 об. Возможно, сюда же **на... воздыханіѣ** 89.

У имен существительных, образованных от глаголов а. п. *b* и а. п. *c*, ударение отмечается на тематическом элементе (при производящем глаголе на *-ати*) или на суффиксе *-ѣни(e)*: **в борѣніи** 57 об., **гонѣніѣ** (В.) 218, **воздержаніѣ** (И.) 155, **воздержанію** 59 об., **раженіѣ** (И.) 144, **зѣдѣніѣ** (В.) 181 (2 раза), **вкѣшеніѣ** (И.) 121 об., **искѣшеніѣ** (И.) 14 об., 15, **искѣшеніа** (Р.?) 15 об., **искѣшеніи** 186 об. (ср. **искѣшенѣн** 221 об.), **оукорѣніѣ** (В.) 57 об., **оукрашеніѣ** (И.) 61, 133, 135 об., **оукрашеніа** (Р.) 227, **ѡ... оукрашеніа** 84 об., **оукрашеніи** (Т.) 210, **ралѣніа** (Р.) 228, **ралѣченіѣ** (И.) 90, **до инеможѣніа** 184, **молчаніѣ** (В.) 59, **молчанію** 59 об., **с молчаніемъ** 62, **падѣніѣ** (И.) 95 (первое *ѣ* исправлено из другой буквы), **попечѣніи** (Р.) 3, **ѡ... попечѣніи** 257, **прощѣніа** (Р.) 193, **по ѡпущѣніи** 92 об., **пѣніа** (Р.) 92 об. (2 раза), **пѣніѣ** (В.) 127 об., **к... пѣнію** 9 об., **на пѣніихъ** 91 об., **речѣніѣ** (В.) 243 об., **проречѣніи** (И.) 199 об., **вѣ роптаніа** 65, 76 об., **в селѣніѣ** (В.) 131, **вѣ смиреніа** 79, **смирѣнію** 59, **стоаніѣ**^М (Т.) 112 об., **во стоаніи** 62, **страданіѣ** (И.) 220, **оўстрашеніа** (И.) 133 об., **стрѣніа** (Р.) 110 (у производящего глагола новая а. п. *a*), **истѣплѣніѣ** (И.) 95, **вез смнѣніа** 254 (над *ѣ* знак, похожий на спиритус или на камору), **о... сѣдѣніи** 9 об., **теръ/пѣнію** 59 об., **о терпѣніи** 54 об., **ѣ тѣрпѣніи** 97 об., **томлѣніа** (Р.) 69, **томлѣніѣ** (В.) 218, **оуничженіѣ** (В.) 57 об., **оучѣніѣ** (И.) 258 об., **оўчѣніа** (Р.) 261 об., **в наѣченіѣ** 8, **по... наѣченію** 58 об., **хожденіѣ** (И.?) 13, **по захожденіи** 123, **процѣженіѣ** (И.) 121 об., **по чтѣніи** 93 об.

У имен существительных, образованных от глаголов с постоянным ударением и от вторичных имперфективов на *-а-ть* и *-ва-ть*, ударение сохраняется на тематическом элементе, как у производящего глагола: **вистаніѣ** (И.) 225 об., **пребы/ваніѣ** (В.) 124, **о... сопревываніи** 58 (заголовок), **говѣнѣемъ** (Т.) 52 об., **о... нагрѣваніи** 192 (заголовок), **ѡдолѣніѣ** (В.) 85 об., **желанен** (Р.) 240, **желаніи** (Т.) 213, 222 об., 239 об., **желаніи** 236, **клепаніи** (Р.) 93, **мечтаніѣ** (В.) 61 об., **мечтаніа** (И.) 144, (В.) 14 об., **заплѣваніѣ** (В.) 102 об., **ѡплѣваніѣ** (В.) 54 об., **ѡ... сїаніа** 232 об., **стѣпаніѣ** (И.) 13, 52, **сѣданіѣ** 52 об., **истазаніа** (И.) 133 об., **на ѡбзданіѣ** 138 об., **ѡбзданіа** (В.) 241 об.

²⁶ В. В. Колесов, приводя пример Р. ед. ч. *помышления*, замечает, что это обычное для рукописей ударение, хотя В. мн. ч. *помышления* [Колесов 1978: 17].

Существительные, образованные от глаголов с суффиксом *-ова/-ева-*, обычно сохраняют ударение производящего слова: **болѣзнованію** 207, **красованіе** (И.) 214, **красованіа** (И.) 227 об., **слѣгованіа** (Р.) 203 об.

У некоторых слов, в том числе у производных от глаголов с суффиксом *-ова-*, засвидетельствовано колебание ударения: **развращеніе** (И.) 61 (второй знак крупнее), **развращеніа** (Р.) 60, **гаданиа** (И.) 199 об., **раздражаніа** (В.) 67 об. (второй знак крупнее), **дреманіе** (И.) 162 — **дреманіе** (В.) 162, **дѣланіа** (В.) 244 об., **дѣланію** 145 — **дѣланію** 187, **оуказаниа** (Р.) 219 — **наказание** 65 (второй знак крупнее), **наказанию** 267, **поканиа** (Р.) 62 об., **поканию** 152 об. — **поканиа** (Т.) 152 об., **к переменію** 122, **нерадѣнемъ** (Т.) 212, **скрыпаниа** (Р.) 54, **во слышаніе** 63 об. — **слышаніе** (И.) 136 об., **нестажанию** 207, **похотѣни** (Т.) 213, **похотѣниа** (Р.) 237 об. — **похотѣниа** (И.) 237 (первая оксия обусловлена существительным *похоть?*), **на снѣдѣниа** 219 (ср. **жденіе** (И.) 176, **їденіе** 75, **нежденіе** (В.) 138 об., **ѡбьвденіа** 94 об., **по ѡвденіи** 93 об.), **вѣтѣтованіе** (В.) 218 об., **мѣдрованіе** (В.) 235 об. — **во... мѣдрованіи** 233 об. (второй знак крупнее), **в ратованіе** 71 (первый знак крупнее). Особый случай **расыпаниа** (Р.) 228 (первый знак крупнее), хотя **расыпаниа** (Р.) 210. Такое большое количество случаев колебания ударения у глаголов, хотя прямых соответствий *колебание ударения у глагола — колебание ударения у производного существительного* в Овч-530 мало.

Имена существительные с суффиксом *-ь/е*. У слов, производных от а. п. *a* и а. п. *b*, исконным было наосновное ударение, у производных от а. п. *c* — флексивное [Дыбо 1981: 152—157]. В Овч-530 имеются приставочные образования и бесприставочные слова, в том числе собирательные существительные.

У приставочных производных с суффиксом *-ь/е* фиксируется ударение на корне: **завытѣа** (Р.) 3, **завытѣе** (В.) 163, **ѣ завытѣи** 153 об., **в невѣрїе** 70, **вѣгнѣвїе** (И.) 81, **вѣмѣлвїе** (И.) 141, **вѣзмѣлвїа** (Р.) 163 об., **ѡ вѣзмѣлвїа** 148, **ѣ просѣни** 14 об., **ѡ вѣстрѣстѣа** 148, **запѣтѣа** (Р.) 55 об., **распѣтѣе** (В.) 218, **в распѣтѣи** 164 об., **оуствѣрдїе** 246 об., **наслѣдїе** (*так*; В.) 86 об., **влизъ оумѣртвїа** 90, **к причѣстїю** 94, **вѣсчѣстѣа** (Р.?) 73., **вѣсчѣстїе** (В.) 218; приставочные производные от двусложного слова: **вѣзакѣнїихъ** 115 об., **вѣзмѣтѣжїа** (Р.) 152, **вѣзорѣвѣжїа** 135. Можно включить в эту же группу **оузорѣчїе** (В.) 127, ср. *узорѣе новг., арх., волог., тамб.* [Даль 4: 976].

Бесприставочное существительное, производное от слова а. п. *a*, имеет ударение на корне, как и в других письменных источниках: **по знѣменію** 254 об., **знѣменьми** 67.

Бесприставочные производные с суффиксом *-ь/е* от слов а. п. *b* также имеют ударение на корне: **вѣрїиѣ** (И.) 120 об., (В.) 123, **вѣрїиѣ** (Т.) 123, **жѣзлїе** 118 об., **сѣлїе** (В.) 118, **равѣ зѣлїа** 122 об., **кромѣ зѣлїа** 125 об., **зѣлїе** (Т.) 215, **тѣрїиѣ** (В.) 168 об., 244 об., **хрѣстїе** (Т.) 128.

У слова **овоциѣ**, производного от существительного, которое в памятниках акцентуировано как по а. п. *b*, так и по а. п. *a*, последовательно пред-

ставлено ударение **ѡвѡцнѣ** (И.) 51 об., **ѡвѡцнѣ** (В.) 52, **ѡвѡцѣѡ** 51 об., **ѡвѡцѣѡ** (В. мн.?) 77 об.

У бесприставочных производных от слов а. п. с иногда сохраняется флексивное ударение. Такая акцентовка встретилась у отглагольного существительного **питнѣ**: **питѣѣ** (И.) 121 об., 124 об., **питѣѡ** (Р.) 75, **питнѣѡ** (И.) 227 об., **питѣѡмъ** 235 об., **в питѣи** 268. Она представлена также у большинства форм существительного **житнѣ**: **житѣѣ** (И.) 55, 132, 134 и др., (В.) 54, 115 об., 116 об. и др., **на... житѣѣ** 54, **житѣѡ** (Р.) 53 об., **житнѣмъ** (Т.) 123 об., **ѡ... житѣи** 254²⁷, **житѣѡ** (В.) 96 об., 116, **житнѣѡ** (В.) 96; новое ударение **житѣѣ** (В.) 115 об. У слова **былнѣ**, напротив, лишь в одной форме сохраняется флексивное ударение: **былѣѣ** (В.) 78, 112, **ѡ былѣѡ** 129 об., **былѣѣ** (Т.) 107 об., 123 об., **ѡ былѣи** 130, хотя **былѣѡ** (Р.) 123 об. У еще одного отглагольного производного встретилось только накоренное ударение: **ѡ рѡтѣѡ** 147 об., **ѡ рѡтнѡ** 179 об., **рѡтѣѣ** (Т.) 223.

Корневое ударение при исконном флексивном отмечено у принадлежащих к а. п. с слов **орѡужнѣ** и **орѡужнѣ**: **орѡжѣѡ** (Р.) 105, **ѡѣ ѡрѡжѣѡ** 79, **орѡжѣѣ** (В.) 197, 227 об., **на орѡжѣѣ** 215 об., **ѡрѡжѣѡ** (И.) 245 об., **орѡжѣѡ** (В.) 128 об., 145 об.; **орѡжѣѣ** (И.) 127, **на ѡрѡжѣѣ** 127 об.

У остальных слов отмечается ударение на корне: **ѡѣ гвѡзѣѡ** 79 об. (2 раза), **ѡѣ рѣѣѣ** (И.) 102, **трѡстѣѣ** (В.) 119 об., **трѡстѣѣ** 119 об., **чѣрѣѣѣ** (И.) 133, 135 (2 раза), **ѣ чѣрѣѣѣ** 184 об.

У имен существительных, производных от двусложных слов, ударение оказывается на втором слоге: **ѡѣсѣѣѣѣ** 68 об., **ѡѣсѣѣѣѣѡ** (Р.) 60 об., **корѣнѣѣмъ** (Т.) 215, **корѣнѣѣѡ** (И. мн.?) 86, **ѡѣпѣѣѣѣѣ** (Т.) 128, **пѡдѡбѣѣѡ** (Р.) 219.

Имена существительные с суффиксом -ост(ь). По славянским памятникам письменности слова с этим суффиксом имеют ударение на корне, если производящее прилагательное принадлежит к а. п. а. У имен существительных, образованных от прилагательных а. п. б и а. п. с, по памятникам встречается суффиксальное ударение (**моѡдрѡстѣѣѣѣѣ**, **крѡтѡстѣѣѣѣѣ**; **лѣѣнѡстѣѣѣѣѣ**, **крѣѣпѡстѣѣѣѣѣ**) и накоренное (**моѡдрѡстѣѣѣѣѣ**, **крѡтѡстѣѣѣѣѣ**; **лѣѣнѡстѣѣѣѣѣ**, **крѣѣпѡстѣѣѣѣѣ**) [Дыбо 1981: 107—122]. В Овч-530 существительные с суффиксом *-ость*, образованные от прилагательных разных акцентных парадигм, имеют корневое ударение, то есть представлено совпадение слов трех акцентных парадигм в одной — а. п. а: **ѡѣрѡстѣѣѣѣѣ** (В.) 156 об., **ѡѣстрѡтѣѣѣѣѣ** (В.) 88, **гнѣѣснѡстѣѣѣѣѣ** (Р.) 135, **гѡрдѡстѣѣѣѣѣ рѡднѣѣѣѣѣ** 78, **гѡрѣстѣѣѣѣѣ** (И.) 101 об., **на... гѡрѣстѣѣѣѣѣ** 217, **ѡ... гѡрѣстѣѣѣѣѣ** 223, **гѡрѣстѣѣѣѣѣ** (В.) 100 об., **пѡ гѡрѣѡстѣѣѣѣѣ** 254, **дрѡѡхѡстѣѣѣѣѣ** (В.) 99 об., **крѡтѡстѣѣѣѣѣ** (В.) 254, **крѡтѡстѣѣѣѣѣ** (Д.) 59, **крѡтѡстѣѣѣѣѣ** 254, **лѣѣгѡстѣѣѣѣѣ** (В.) 156 об., **лѣѣнѡстѣѣѣѣѣ** (И.) 14 об., 132, (В.) 162 (2 раза), **лѣѣнѡстѣѣѣѣѣ** (Р.) 57, **пѡ лѣѣнѡстѣѣѣѣѣ** 57, **лѣѣнѡстѣѣѣѣѣ** 132, **премѡдрѡстѣѣѣѣѣ** (И.) 135, **прѡѡзѣѣднѡстѣѣѣѣѣ** (И.) 61, **ѣ прѡѡзѣѣднѡстѣѣѣѣѣ** 229 об., **сѡѡѣтѣѣлѡстѣѣѣѣѣ** (И.) 225 об., (В.) 2, **сѡѡѣдѡстѣѣѣѣѣ** (В.) 154 об., 220 об., **сѡѡѣдѡстѣѣѣѣѣ** (В.) 236,

²⁷ Ср.: «Только отглагольные образования в русском довольно долго сохраняли исконное для древнерусского ударение на суффиксе (житѣиѡ, питѣиѡ)» [Колесов 1978: 69]. В Овч-530 имеется форма местного падежа ед.ч. **в питѣиѡ**, **ѡ... житѣиѡ**.

сла́дость (И.) 100 об., (В.) 61, ѿ сла́дости 62, протѣвѣ... сла́дости 123, сла́достен 99 об., ста́ростѣю 122, во ста́ро/сти 229 об., стоу́деность (И.) 161 об., сы́тости (Р.) 139, 163 об. (2 раза), до сы́тости 163 об., вѣ те́мности 148, то́нкости ра́ди 100 об., тѣ́лгость (В.) 162 (2 раза), 255, тѣ́лгости (Р.) 102, ѿ... тѣ́лгости 110 об., тѣ́лгостен 179 об., 181 об., вѣ... тѣ́лгостѣхъ 209 об. (ѣ переправлено из е), хѣ́трость (И.) 56 об., хѣ́тростен 2 об., хра́брость (И.) 135, хѣ́дость (В.) 111 об., че́рность (И.) 15 об., ѿ ю́ности 163 об.

Ударение на суффиксе наряду с ударением на корне отмечено у двух слов: с ра́достѣю 102 об. при ра́дости (Р.) 1, 230, с ра́достѣю 66, крѣ́пость (В.) 79 при крѣ́пость (И.) 104, ѿ... крѣ́пости 85 об., в крѣ́пости 215. У существительного ра́дость суффиксальное ударение встречается в разных памятниках. Новое ударение в положении перед слабым редуцированным не обобщилось как словесное, хотя такие отяжки встречаются довольно часто [Колесов 1978: 19, 38]. Не ясен случай ре́внѣ/стѣю 157 об. при ре́внѣсть (И.) 157, 162.

Имена существительные с суффиксом -ств(о). По памятникам в этой группе существительных наосновное ударение имеют производные от слов а. п. а и а. п. б; у производных от слов а. п. с отмечается флексивное ударение.

В Овч-530 у большинства слов, в том числе у производных со вторым суффиксом (мыта́рство, воинство и др.), встретилось наосновное ударение: богáтѣство (В.) 262, богáтѣство (В.) 224, вѣни́ства (И.) 115, дѣ́нство (И.) 2 об., ѿ дѣ́нства 144, 148, жи́тельство (Р.) 186 об., ла́комства (Р.) 73, мо́гѣства (Р.) 188 об., мыта́рство (И.) 230 (2 раза), мыта́рства (В.) 230 об., на́гѣство (И., В.) 143, пѣ́нство (И.) 95, ра́венства (Р.) 219, та́нства (Р.) 4, оу́чѣтельство (И. мн.) 69, чѣ́бства (И., В.) 136 об., чѣ́бство (Т.) 13 об.

Флексивное ударение представлено у существительного со вторым суффиксом сѣ́ровствѣ (В.) 106 об., производного от слова а. п. с.

При обычном наосновном ударении мно́жество (В.) 258 об., мно́жество^М (Т.) 157 и др., отмечаемом и в других памятниках письменности, в Овч-530 встретилось мно́жествѣ (И.) 156 об. (с второстепенным ударением?).

У производных от слов а. п. б отмечается флексивное и наосновное ударение. Только флексивное ударение у естѣствѣ (И.) 163 об., 240 об., (В.) 181 об., ѿ естѣствѣ 94 об., естѣствѣ 240. Колебание ударения фиксируется у существительных соу́щество, де́вельство (с преобладанием флексивного), сво́нство: по сѣ́ществѣ 3 — по сѣ́ществѣ 149 об.; де́вельствѣ (И.) 123 об., де́вельствѣ (Р.) 148 об., де́вельствѣ (Р.) 148; сво́нствѣ (В.) 241, в сво́нствѣ 241 (2 раза), в сво́нствѣ 241 (так, ѣ переправлено из е), сво́нства, сво́нства (В.) 244, сво́нствѣ (Т.) 240 об.

Колебание ударения в пределах основы (или ошибка?) встретилось в слове черне́чество 54.

Ударение на корне имеют приставочные производные с суффиксом -ств(о): превѣ́льство^М 112 об., презѣ́рство (И.) 66, прикрѣ́тельство (В.) 72 об., проны́рства (Р.) 181, простран́ство (В.) 102.

Имена существительные с суффиксом -ник(ь). Как и у существительных с суффиксом -ств(о), у производных с суффиксом -(н)ик(ь) основное ударение отмечается в тех случаях, когда производящими были слова а. п. *a* и а. п. *b*. Производные от слов а. п. *c* имеют ударение по модели должникъ — должникà [Дыбо 1981: 187—188]. В Овч-530 у следующих слов с суффиксом -ник(ь) отмечено корневое ударение: вѣдникѣ (Зв.) 216 об., завѣдникъ (И.) 52 об., вратники (И.) 230, грѣшниковъ 51, 132 об., подвижникъ (И.) 131 об., водеръ/жникъ (И.) 131 об., во... дѣшникъ 87 об., 91 об. (2 раза), ѿ вѣза/коникъ 218, презорникъ (И.) 53, кощѣникъ (И.) 53, ѿметникъ (И.) 73, помощника (Р.-В.) 224, напрасникъ (И.) 53, началникъ (И.) 191 об., ѿ началниковъ 85 об., нѣжникъ (И.) 206 об., нѣжницы (И.) 102 об., обидникъ (И.) 52 об., печалника (Р.-В.) 154, плѣнника (Р.-В.) 68, 95, постникъ (И.) 116, съпротивника (Р.-В.) 3, пыльникъ прислонити 13, разбонникъ (И.) 52 об., ѿ рабонникъ 101, разбонниковъ (Р.) 2 об., с рабонники 95, ратники (В.) 149 об., срѣнницы (И.) 224 об., наследникъ (И.) 127 об., наставникъ (И.) 3, наставникѣ (Д.) 65, престѣпникъ (И.) 65, всѣдникъ (И.) 52 об., ѿсѣженникъ (И.) 72, всѣжденики (В.) 72 об., содомника (Р.-В.) 191 об., затворника (Р.-В.) 116, торжники (И.) 231, ѿ истѣчника 113, хѣльникъ (И.) 52 об., а также сложное слово в рѣкомбинѣ 13.

Ударение по модели должникъ — должникà имеют имена существительные вослѣ^д должникà 205, долникà (Р.-В.) 208 об., клеветникъ (И.) 52 об., 85, ропотникà (Р.-В.) 191 об., со оученикомъ 13 об., ѿ оучницѣхъ 9 об., ѿ оучницѣхъ (так!) 14.

Колебание ударения встретилось у слов блѣдникъ (И.) 85, блѣдникѣ (И.) 52 об., блѣдникъ (И.) 95, блѣдникà (Р.-В.) 191 об., прадникъ (И.) 94 при во... прадники 11 об. Суффиксальное ударение *праздник* встречается в рукописях с отражением архаического ударения; в современных севернорусских говорах оно имеет акцентовку *праздник*, *праздники* [Колесов 1978: 39]. Ср. также мѣнкобѣ, медники [Там же: 16, 17].

Из имен существительных с двумя суффиксами в Овч-530 встретились темничникѣ^в (Р.-В.) 130 об., свѣтилникъ (И.) 4 (2 раза), 86, на слѣжебниковъ 55 об., лѣствичникъ (И.) 66, лѣствичникъ (И.) 65 об.

Имена существительные с суффиксом -л(о). У этой группы слов в Овч-530 отмечено ударение на корне и на суффиксе. Накоренное ударение имеют имена существительные вѣсило (И.) 203, вѣсило^м (Т.) 203 об., мѣрило (И.) 203, мѣрило^м (Т.) 203 об., правило (В.) 13 об., 16 и др., правила (Р.) 89, 91 об., правилѣ 92 об.

Суффиксальное ударение представлено у следующих слов: вѣ... брацѣло 166 об., вѣ горнилѣ 68, в горнилѣ 72 об., 213, покрывалѣ 70, на столѣ 163 об., стѣдилѣ (И.) 143, сѣшилѣ (И.) 131, на стѣдалѣ 180 об., на стѣдалѣ 163 об. (второе ѣ исправлено из е), хранило (И.) 148 об., а также зерцѣло (И.) 4, в зерцѣло 4, в зерцѣле 5, в зерцѣлѣ 149 и др.

Колебание ударения встретилось у слова начало: началѣ (И.) 60, 233 об., (В.) 2 об., ѿ началѣ 129 об., ѿ начѣ/ла 93, ѿ началѣ 4 об., до началѣ 91 об.,

к началу 9 об., начало (В.) 91 об. (второй знак крупнее), в началу 93, в началу 72; ср. также в сложных словах новоначални (И.) 84 (второй знак крупнее) — новоначалнаго (Р.-В.) 8 об.

Имена существительные с суффиксом -тел(ь). Как правило, у этих слов ударение засвидетельствовано на тематическом гласном, в том числе и у некоторых производных от глаголов а. п. а: *владателю* (Д.) 69, *грабителю* (И.) 52 об., *погубителю* (Зв.) 141, *досадителю* (Р.-В.) 174, *жителю* (И.) 206 об., *жителю* (Д.) 168, (Зв.) 246, *зазирателю* (Р.-В.) 191 об., *увеличителю* (И.) 186 об., *исполнителю* (И.) 186, *попирателю* (И.) 107 об., *просителю* (И.) 117 об., *ругателю* (И.) 186, *ругатели* (И.) 107 об., *нестажатель* (И.) 141, *осудителю* (И.) 85, *осудителю* (Р.-В.) 191 об., *томителю* (И.) 217, *оучителю* (И.) 186 об., *оучителю* (Д.) 68 об., *оучителю* (Р.-В.) 255 об., *хранителю* (И.) 165.

Колебание ударения отмечено у *мучителю* (И.) 120 (второй знак крупнее), *мучителю* (И.) 118 об., *мучителю* (так! Т.) 119; ср. акцентуацию глагола *моучити*, у которого в Овч-530 встретилась тематизация ударения.

Акцентуация отдельных производных имен существительных. Помимо приведенных выше групп в Овч-530 встретились единичные акцентуированные формы имен существительных и небольшие группы производных слов с одним и тем же суффиксом.

Существительные ж. р. с суффиксом *-(н)иц(а)* имеют корневое или суффиксальное ударение: в... *волницы* 203 об., *власницы* (Р.) 115 об. (*с* вписано над строкой), *власницы* 114, *житницы* 212 об., *житница* (В.) 195, *кошницы* (В.) 118, *колесница* 224 об., *на лесницах* 114, *на лесница* 114 об. «колесница», *линицы* (И.) 14, *везмб/вницы* 182, *на рогозницы* (М.) 62 об. (*з*и написано над строкой), *колбднице* 54 (2 раза), *сотницы* (Р.) 10 об., *сотницами* 10 об., *пальцами* 128, *пальцы* (И.) 180, 239 об., *пальница* (И.) 52 об., *пальцы* 111, *седмицы* 112 об., *срачницы* 194, 200 об., *сторницею* 196, *на оудницы* 187, *оудницами* 118 об., *рыбцы* (Р.) 119 об. В рукописи встретилось также *к темницы* 52 об. при *темница* 95, *к темницы* 118 об., 119, *темницы* (В.) 218, *к темница* 101.

Существительные м. р. с суффиксом *-ец(ь)*: *борец* (И.) 14, *венец* (И.) 67, *вѣнца* (Р.) 103 об., *вѣнца* (Р.) 105 об., *вѣнцы* (И.) 132 об., (Т.) 52, *п дворцы* 14 об., *ковчежец* (В.) 77 об., *кѣпцы* (И.) 231, *ножница* (В.) 77 об., *конец* (В.) 2 об., *без конца* 51 об., *на конец* 15 об., *ловец* (И.) 183 об., *мертвец* (И.) 78 об., *мертвец* (Р.-В.) 71 об., 232 об., *мертвец* 131, *над мертвецем* 121 об., *мертвец* (И.) 107 об., *младенцы* (И.) 229 об., *мѣшца* (В.) 77 об., *прашцы* (Д.) 215 об., *в студенец* 113, *в... творец* 102 об., *оубрѣсец* (В.) 185, *оубрѣсцы* (В.) 77 об., *чернец* 14, *чернцы* же (И.) 64 об., *к чернцы* 56, *чюланец* (В.) 13, *в чюланец* 15, *швец* (И.) 213 об., *юнец* (И.) 184 об.

Колебание ударения отмечено у следующих слов: *любимцы* 209 об. при *в любимце* (Зв.) 228, *страдаца* (Р.-В.) 67 об., *старец* 13, *старца* (Р.) 58 при *старца* 13, *старец* 11, 13 об., 14, 66, *старец* 8, 13 об., *старцы*

(И.) 9 об., (В.) 66. По источникам известно колебание ударения у существительного **старець**, однако в другой форме — в именительном падеже мн. ч. **ста́рцы** [Колесов 1978: 23].

Имена существительные ср. р. на *-иц(е)*: **на́имичище** (И.) 71 об., **вѣ́бѣѣ-вища** 74 об., **шпочива́лице** (И.) 226, **рѣ́вища** (*так!* И. ед.) 107 об., **сокрѣ́вище** 97, **со́ньмище** (В.) 180, **приста́нища** (Р.) 150 об., **страши́лица** (И.) 101 об., **сто́ллице** (В.) 124 об., в... **сѣ́длице** 69, **сы́рище** (И.) 162.

Колебание ударения отмечено в словоформе в... **сѣ́длице** 69 при **сѣ́длице** (В.) 51, **на сѣ́длицѣ** 85 об., **на... сѣ́длицѣ** 115.

Акцентуация существительного **жилице**, которая различается в восточной и западной зонах, соответствует восточной зоне: **жи́лице** (И.) 87, (В.) 226, 256 об., 257 об., **жи́лице** (И.) 245, **жи́лицѣ** (Р.) 225, (И.) 90.

Акцентуация отдельных производных имен существительных, некоторые из которых являются низкочастотными: **по пѣ́стыни** 118, **в пѣ́стыни** 106 об., **по пѣ́стынямъ** 120 об., **в пѣ́стынѣ**^х 101 и др., **ко сѣ́бини** 94 (2 раза), **ва́риво** (В.) 113, **со́чиво** (И.) 113 об., (В.) 122 об., **кокѣ́шка** 225, **крѣ́вилю** 253, **в повáрни** 89, 115 об., **в хлѣ́бню** 89, **на сѣ́трени** 93 об., **до за́сѣтрени** 111 об., **гра́жане** (И.) 242, **ми́рѣне** (И.) 56, **пос́ле ми́рѣнина** 94, **хрѣ́стѣнии** (И.) 186, **ри́млянии** (И.) 123 (с второстепенным ударением?), **к пла́тнѣ** 94, **покла́же** (Р.) 75, **трезѣ́вицы** (Т.) 111, **зла́тарь** (И.) 68, **мыта́рь** (И.) 185, **в окѣ́нцѣ** 55, **приго́рщни** (И.) 125, **в пѣ́стошѣ** (в знач. нар.) 224 об., **в пѣ́стошѣ** 232, **деса́тка** (Р.) 10 об., **оубы́токъ** (И.) 258, **привы́тка** (Р.) 257 об., **со приви́тъко**^м 258, **мы́шца** (В. мн.) 119, **келарѣ** (Р.?) 53, **ѿ патерни́ка** 110, **на ше́стикѣ** 16; **ходáтѣа** (Р.-В.) 245 об. при **ходáтанца** 59 об.

Имена прилагательные

Нечленные формы прилагательных а. п. а и с. В целом в Овч-530 сохраняется исконная акцентовка форм именительного падежа ж. р. ед. ч. (в предикативном употреблении) по модели *чи́ста — жива́*. Однако представлены и отступления от этого принципа: **здра́ва** 165 об., **ма́ла** 110, **нечи́ста** 239 об. (ср. *на́чистѣ* нар. 15 об.), **сла́ва** 120 об., 173, **си́лна** 98 об., **си́льна** 215, **полна́** 96 об.; **должна́** 115 об., **дол́на** 169, **пѣ́ста** 59 об.²⁸, **стра́шна** 134, **немо́щна** 215, 165 об., **немо́щна** 139. В словоформах **дѣ́вна** 58, **мра́чна** 239 об. наосновное ударение может быть обусловлено книжным характером лексемы. По акцентовке формы ж. р. микросистема Овч-530 не может быть однозначно отнесена ни к восточной зоне, где представлен переход *чи́ста* → *чиста́*, ни к западной, характеризующейся процессом *жива́* → *жива* [Зализняк 1985: 291—296]. Скорее всего, следует говорить о переходной территории с преобладанием явлений восточной зоны.

²⁸ По сравнению с другими этот пример менее надежен из-за отсутствия согласования: *млѣ́твы пѣ́ста сѣ́щи*.

О форме именительного и винительного падежей мн. ч. ср. р. на *-а*, которая в акцентном отношении связана с формой ж. р., из-за недостатка данных нельзя сказать ничего определенного: **тѣмна** (И.) 163.

В форме именительного и винительного падежей ед. ч. ср. р. и м. р., в том числе в предикативном употреблении, сохраняется исконное начальное ударение: **вѣдно** 99 об., **гнѣсно** 253, **гѣрко** 126 об., 127 (2 раза), **дѣвело** 215, **дѣжно** 155, 202 об., 220 об., **мѣщно** 185, **моцно** 1 об., **мѣчно** 11 об., **нѣмоцно** 97 об., 256 об., без отяжки ударения **нѣмоцно** 138, **сѣхо** 99 об., **тѣмно** 142, **тѣжкѣ** 127, **тѣ/жко** 258 об., **тѣжко** 165 об., **хѣдо** 248 об., **цѣло** 238 об., **чѣстно** 264; **вѣселѣ** 148, 166, **крѣтокѣ** 52, 53 об., **крѣтѣ** 80 об. (2 раза), **крѣпокѣ** 5 (нар. **накрѣпко** 15), **плѣтень** 127 об., **свѣтелѣ** 68 об., 164, **слѣдокѣ** 127 об., 220, **страшенѣ** 80 об., 226 об., **тѣмень** 148, **тѣсенѣ** 98, 195 об., **тѣсенѣ** 201 об., а также в атрибутивной функции **свѣтелѣ** 3 об. При этом в рукописи встретилось **сѣло свѣтло** (нар.) 52 и **тихо** 52, хотя **тихо** (нар.) 52 об., а также другие слова а. п. *a* **сильно** (нар.) 15 об., (предик.) 215, **долго** 15 об., **чисто** 213, 238 об. и др. Возможно, примеры конечного ударения являются отступлением, которое изредка встречается в а. п. *a*, а не только в а. п. *c* [Зализняк 1985: 298]. Флексийное ударение отмечено еще в других словоформах нечленных прилагательных а. п. *c*: **нага** (Р.-В.; второй знак крупнее) 119, хотя в той же форме **нага** 52 об., **болна** 140 об., **жива** 129, **цѣла** 119, **крѣпка** 264; **живѣ** (Д.) 221, хотя **по тонкѣ** 261 об. В винительном падеже ж. р. ед. ч. регулярным является исконное ударение **гѣркѣ** 246, **мрачнѣ** 226, **во... пѣстѣ** 183, **твѣрдѣ** 105, 202 об., **в рѣзѣ власнѣ** 115 об.

В нечленных формах прилагательного **сѣровѣ** встретилось ударение **сѣровѣ** (В.?) 117 об., **сѣрова** (Р.) 125 об.

У прилагательного **жестокѣ** в нечленных формах отмечено суффиксальное и новое флексийное ударение: **жестокѣ** (В.) 115 об., **жестокѣ** (В.) 111 об., **жестокѣ** (нар.) 117. Такое же ударение встретилось в членных формах этого прилагательного, где представлен переход от старого флексийного ударения **жестокѣи** к суффиксальному **жестокѣи**: **жестокѣи** (В.) 105 об., **жестокѣе** (И.) 111 об., (В.) 124, **в жестокѣе** 219 об., **жѣто/кѣа** (И. мн.) 222, **жесткѣими** 101 об., **жесткѣе** (В.) 117 об., **жестѣо/каа** (В. мн.) 137 об., **жестѣкѣа** (В. мн.) 98 об.

Наосновное ударение при флексии *-и* сохраняется в формах именительного и винительного падежей мн. ч.: **бѣси** 102, 111, **гладни** 111, **живи** 197 об., **крѣпки** 268 об., **млади** 229 об., **наги** 102, 107 об., **нази** 111, 135 об., **нѣмоцни** 184, **свѣтли** 213, **хѣди** 107.

Отступление представлено у слова **долженѣ**. В именительном падеже ед. ч. м. р. и ср. р. сохраняется наосновное ударение, а в формах мн. ч. встретилось наосновное и флексийное ударение: **долженѣ** 8 об., 89 об. (3 раза), 167 об., 261 об. и др., **должно ѣсть** 202 об., **должни** 64 об., 80, 135 об., 144, 212 (2 раза), **дѣл/жни** 90, **дѣл/жни** 136.

Прилагательное **свободенъ** уже перешло в а. п. а: **свобѣденъ** 151, **свобѣдна** (И. ж. р.) 189. Другое прилагательное, также менявшее а. п., слабо засвидетельствовано: **трѣпетенъ** 9 об. (членная форма **на... трѣпѣтно^М** 115).

Нечленные прилагательные а. п. б. Поскольку акцентуированных нечленных прилагательных а. п. б в Овч-530 мало, а основных еще меньше, вместе рассматривается весь материал. В целом у словоформ сохраняется исконное флексийное ударение. В именительном и винительном падежах мн. ч. флексийное ударение отмечено при окончании **-ы**, наосновное — при окончании **-и**: **вѣлы** 52 (атрибут.), **любы** 90, **пестры** 77 об. (2 раза), **востры** 269 **дрѹхли** 107, **мѣртвы** 107, 108; в форме мн. ч. ср. р. в предикативном употреблении **добрѹ** 69.

В формах ед. ч. представлена флексийная и наосновная акцентовка; последняя, видимо, связана с книжным характером слов: **бѣдра** (Р.-В.) 189, (Р.) 206, **бѣдро прѣывѣнїе** 139 об., **мѣртвѹ** (Д.) 154; **на орѹжїе вострѹ** 215 об., **в теплѣ** 165 об., **ѣ теплѣ же** 165 об., **стѹдены** (Р. ж. р.) 77 об., **ѿ дѣла тѣжелѹ** 94 об., **дѣбрѹ хотѹ** 261.

В формах на **-о** (предикативах и наречиях) встретилось флексийное ударение, в формах на **-ѣ** — наосновное: **добрѹ** 82 об. (2 раза), 138 об., 256 об. и др., **добрѣ** 2 об., 62, 256 об. и др. Возможно, сюда же **выстрѹ** (нар.) 257 об.; прилагательное **выстрѣ** принадлежит к а. п. а, однако отклоняется к а. п. б.

У прилагательного **лютъ** имеется особая картина акцентуации. В форме ж. р., в том числе в предикативном употреблении, представлено колебание ударения: **лютѹ** 173 об., 230 об., 236 об., **люта** 173 об., 230 об. В остальных встретившихся формах ударение наосновное: **люта** (Р.-В.) 116 об., **лютѹ** (Д.) 127 об., **люты** (И.) 162 об., (предик.) 220, **люто** (предик. и нар.) 126 об., 208.

У нечленных прилагательных «*группы красно*» представлено колебание ударения с преобладанием флексийного: **красенъ** (И.) 61 об., **краснѹ** (нар.) 52, 208 об., **красна** (И. ж. р.) 241 (второй знак крупнее), **лѣгкѹ же...** **прѣывѣнїе** 139 об., **равна** (И. ж. р.) 140 об., 261 об., **равнѹ** (нар.) 51, 52 об., 79, 81 об., 91 (2 раза), 174 при **равнѣ** (нар.) 62, **равнѣ** 69, как и **добрѹ** — **добрѣ**.

По другим письменным памятникам с конечным ударением известна нечленная форма **черленѹ**, **червленѹ**, **черленѹ** [Жолесов 1978: 83]. В Овч-530 акцентуированы две формы слова: **ѣ червленѹ** 52, **червленѹ** (В.) 52.

Членные имена прилагательные. Членные имена прилагательные а. п. с в русских письменных источниках XVI—XVII вв. составляют три группы, различающиеся своей акцентуацией. Часть слов к XVI в. уже имеет новое наосновное ударение; у других слов в XVI—XVII вв. оно еще является редкостью; третья группа находится в стадии перехода, то есть в разных источниках отмечается старое флексийное или новое наосновное ударение [Зализняк 1985: 310—311].

Из тех прилагательных, которые имеют наосновное ударение уже во всех памятниках, в Овч-530 встретились на лѣвъю 223 об., свѣтлыи (В.) 4, в свѣтлы^х 51 об., скóрою 75, тѣмнаго 4, 148, тѣмнаа (В. мн. ср. р.) 14 об.

Наиболее интересной, но малочисленной оказалась вторая группа, где у двух слов из пяти отмечено наосновное ударение, а у одного — колебание ударения: по на́гомѣ 15, цвѣтны^м (Т.) 127, цвѣтны^х (Р.) 225 об., больна́го (Р.-В.) 52 об., живóмѣ (Д.) 257 об., з живы́ми 75, просты́а (И. мн.) 206; чтныи (И.) 140 об., чтныа (В. мн.) 62, на че́стныхъ 174, чѣстъ/наа (И. мн. ср. р., субстант.) 231.

В третьей группе прилагательных, находящихся в стадии перехода от старого ударения к новому, засвидетельствовано уже новое наосновное ударение: блáднаа (И. ж. р.) 147, блáдное 230 об., вѣ́чныи (В.) 53 об., вѣ́чнаа (И. ж. р.) 51 об., вѣ́чныа (Р.) 97 об., вѣ́чнымъ (Д.) 79 об. и др., гóркое (В.) 126 об., грóзнаго 132 об., на... грóзно^м 115, дрéвнаго 110 об., крóтки (Т.?) 53 об., мрáчнаго 4, мрáчны^м (Д.) 244, слáдкимъ (Д.) 137 об., слáдки (Р.) 137 об., слáкихъ 107, на стрáшнаго 115, во стрáшныи 8 об., на стрáшно^м 115, стрáшныа (И. мн.) 132 об., стрáшныхъ (Р.) 106 об., стрáшными 128 об., 186 об. и др., за тáинныа 15, до тóнкихъ 68 об., тѣ́сныи 101 об., тѣ́снаго 100 об., тѣ́сны^м (Т.) 111 об., тѣ́сною 98, тáжки^м (Т.) 110 об., 114 об., тáкаа (В. ср. мн.) 116 и др.

Флекссионное ударение встретилось в словоформе веселы́мъ (Т.) 52; ср. [Колесов 1978: 114].

Колебание ударения отмечено у стра́стны^м (Т.) 188 — страстнóмѣ 145, страстна́а (В. ср. мн.) 244 об., страстны^х (Р.-В.) 244. Возможно, сюда же житкóе (В.) 139 об. (первый знак крупнее), хѣдѣю (В.) 54, на хѣдѣи 73 об., в хѣдѣихъ 74 об., в дикѣю 130.

Наосновную акцентовку имеет прилагательное скóрбнаа (И. ж. р.) 215, скóрбнымъ (Т.) 97 об., прискóрбныи (В.) 98 об., прискóрбныи (И.) 101 об., (В.) 100 об.

Флекссионная акцентовка сохраняется у прилагательного десныи: за деснѣю 8, в деснѣю 194, в десны́хъ 140 об.

Старое флекссионное ударение засвидетельствовано у следующих относительных прилагательных с суффиксом *-ьн-*: главны́а (В. мн.) 116 об., ножны́а (В. мн.) 119, рѣчно́е (В.) 90, в рѣчно́мъ 61, рѣчны́а (В. мн.) 119, водно́е (В.) 130 об. (хотя в... вѣвóднѣи 125, в вѣвóдныи 113), во... нѣнѣмъ 227 об., во... нѣвнѣмъ 228 об. (ср. без акцентуации нѣное (В.) 269, нѣнаго 270)²⁹; в словоформе ѿ чрѣв́наго 84 об. отражено колебание ударения.

²⁹ Ср. ударение других слов, написанных под титлом (или с выносной буквой), у которых в одной или двух формах фиксируется флекссионное ударение при отсутствии акцентного знака в других: вжѣвенѣи (Д.) 250 об., вжѣихъ (Р.) 93 об. (ср. вжѣа (Р.-В.) 93 об., вжѣи (В.) 55 об.), в... ѿчѣстѣмъ 67 об. (ср. оческое (И.) 246 об., ѿчѣскнихъ (Р.) 67 об., в... оческихъ 270), а также срѣчною 244 об. (ср. срѣчнаа (И. ж. р.) 188 и др.).

Новое наосновное ударение имеют слова **бра́чнаа** (И. ж. р.) 86 об., **сра́мнаго** 94, **на сра́мнаа** 55 как книжные лексемы; **зѣ́бныи** (В.) 131 об., 233, у которого такая акцентовка отмечается редко, в юго-западных и периферийных северо-западных памятниках [Зализняк 1985: 315]; **дѣ́бное** (И.) 120 об., (В.) 123, **дѣ́бны**^М (Т.) 123.

Словоформы прилагательного **временныи** имеют флекссионное ударение и наосновное с колебанием: **во вре́менѣ**^Н/и 112 (если здесь не второстепенное ударение), **во вре́меннѣи** 112 об., **привре́ме/нны**^М (Т.) 133 об., в сложном слове **многове́ре/менно** (нар.) 157. По-видимому, акцентовка этого слова отражает процесс его перехода в а. п. а.

Ударение варьируется также у другого относительного производного прилагательного, у которого при обычной наосновной акцентовке встретилась флекссионная: **тѣ́лесное** (И.) 61, 90, **тѣ́лесныи** (И.) 95, **тѣ́леснаа** (И. ж. р.) 135, **тѣ́ленаа** (В. ср. мн.) 65, **тѣ́ле/снаго** 228, **тѣ́лесныхъ** (Р.) 137 об., **тѣ́лесны**^Х (Р.) 145 (оксия между **ѣ** и **л**) и др.

Флекссионное ударение в целом сохраняется у имен прилагательных (качественных и относительных, производных и непроизводных), которые из-за фактора книжности в других источниках могут выступать с наосновной акцентовкой; при этом в Овч-530 у них встречаются случаи такой акцентовки: **златѣ́ми** 52, **нощно́е** (И.) 16 об., **нощна́го** 130, **немощно́е** (И. субстант.?) 121 об., **немощна́а** (И. ж. р.) 165 об., **немощнои** (Д.) 162, **немощна́го** (Р.-В.) 173 об., **земна́а** (И. ж. р.) 100, **земна́го** 134 об., **земны**^Х (Р.) 3, **земны́ми** 213 об. и др. при **ѿ зѣ́мны**^Х (субстант.) 123, **драгѣ́а** (В. мн.) 223 об. при **драгѣ́ихъ** (Р.) 1.

У прилагательных с суффиксом **-ьск-** в Овч-530 отмечено флекссионное ударение: **плотско́е** (И.) 14 об., **плотско́е** 144, **плѣтско́е** (В.) 214, **плотскои** (И.) 90, **плѣтска́го** 73, 240, **плѣтскѣ́а** (В. ж. мн.) 211 об., **ѿ плѣтскѣ́ихъ** 55 об., **плѣтскѣ́ми** 75 об.; **полска́го** (Р.) 123 об.; **градскѣ́а** (И. мн.) 230; **морскѣ́и** (В.) 128, **морска́го** 191, **морска́го** 133 об., **морскѣ́а** (Р.) 129 об., **морскѣ́мѣ** 107. Один раз зафиксировано **мирска́а** (Р.) 189 при остальных формах с флекссионным ударением: **мирска́а** (И.) 55, **мирскои** (Д.) 223 об., **мирска́ми** (*так!*) 222 об., **мирска́ми** 55, **мирска́ихъ** (Р.) 55, **ѿ... мирскѣ́**^Х 75 и др. Ударение **мирскии** известно по другим памятникам письменности [Колесов 1978: 147].

У относительного прилагательного с суффиксом **-ян-** встретилось суффиксальное ударение: **влася́ныи** 115 об. (В.) 121 об.

На фоне сохранения у части прилагательных, образованных от слов а. п. с, флекссионного ударения примеры такой же акцентовки и ее колебание встречаются у производных прилагательных а. п. а и *b*: **скотска́а** (В. мн.) 123 об.; **прѣтѣ́вѣ сонно́и** 123, 164 об., **сонна́а** (И. ср. мн.) 144; **травны́и** (И.) 99 об., **травны́и** (И.) 133, **травно́е** (И.) 225 об. — **травны́и** (И.) 134, а также **ѿ... вѣ́травнѣи** 125; **црѣ́ковно́мѣ** 12 при **црѣ́ковнаго** 89, 93, **ѿ црѣ́ковнои** 90 об. (заголовки), **к црѣ́ковно́мѣ** 9 об. Возможно, сюда же

тщѣтнѣа (В. мн. ср., субстант.) 83³⁰. Ср. другие прилагательные: вѣрхнѣа (И. ж. р.) 15, лѣгкнхъ (Р.) 107, рѣчнѣа (В.?) 76, сѣлнн 225, (Р.) сѣлнхъ 195, вѣ... сѣднн 58.

Колебание наосновное ударение — флексивное ударение представлено у непроизводных членных имен прилагательных а. п. *a* и *b*: великѣаго (Р.-В.) 125 при вѣ великѣи 115 об., великнхъ (Р.) 110 и др.; добраго 126, добраа (И. ср. мн.) 263, (В. ср. мн.) 241 об. (в обоих примерах первый знак крупнее) при добрѣю (В.) 54, добраа (В. ср. мн.) 241 об., на... добраа (субстант.) 244, добры^М (Д.) 245 об., добрыми 52 об. и др.³¹; многаа (В. ср. мн.) 269, многю 116 об. при ѿ многаа 127, по многи^М 114 об., многими 67, 123 об., мнозѣми 72 и др. Флексивное ударение встретилось в одной акцентуированной словоформе оу/тлаю (В.) 250 об. Ср. колебание у производного от а. п. *b* местоимения всакнн: всакѣа (Р. ж. р.) 224, 252 об., (И. мн.) 245, (В. мн.) 14, 214, всакѣю 65, 105, 153 об., 154 об. и др., всакое (В.) 214, 217, всакоеа 113 об., 122, 133 об., 154 об., 266, во всакон 176, 208, 252 об., всакими 58, 245, всакѣми 52 и др., хотя всакѣю 221, ѿ всакоеа 188 (первый знак крупнее), всакоеа 207 об., всакѣю 244 об., всакѣа (И. ж. р.) 214 об., 227 (первый знак крупнее), 78, (В. ср. р.) 148 об.

Схожая картина наблюдается у слова а. п. *c* дроугнн. У большей части членных форм в Овч-530 отмечено флексивное ударение: да дрѣгаго 118 об., дрѣгѣи (В.) 15 об., дрѣгое (В.) 158, 246, дрѣгѣю (В.) 89, дрѣгою (Т.) 109, о дрѣзѣмъ 194 об., дрѣзѣи (И.) 128 об., 235, дрѣзѣи (И.) 118 об., дрѣзѣи же 135, 235 об. и др. Наосновное ударение и его колебание (как правило, постановка двух акцентных знаков в одной словоформе) представлено в примерах: дрѣги^М (Т.) 158, дрѣгѣи (И.) 54 об., дрѣзѣи же (И.) 206, дрѣзѣи 234 об. (второй знак крупнее), дрѣгаа (В. ср. р.) 158 при неясном дрѣгѣи^х (Р.-В.) 207. Примеры наосновного и флексивного ударения у этого слова в других памятниках см.: [Колесов 1978: 103—104]³².

Помимо приведенных выше производных прилагательных, акцентуация которых связана с общими процессами, в Овч-530 встретились другие слова, которые могут представлять интерес (перечень неполный): вѣсовское (И.) 2 об., вѣсовскомѣ 176 и др., вольное (В.) 74, дѣрнаго 54, (лѣпѣ) дѣплѣнѣ 111 об., ѿ клеветнаго 61, краствоаа (И. ж. р.; ср. крастою 254) 254, неразѣмѣваго 67 об., пламенѣнъ 149 об., пламеннн (И.) 244, портнѣа (так!), сапѣжнѣа (И. мн.) 213 об., сѣхѣтнѣ (пѣщѣ) 110 об., сѣдѣнн (В.) 72 об., сѣдѣннѣ и вѣчевѣ нѣзѣ (В.) 72, татѣное (И.) 230, ѿ блохнн 123, са/тани-

³⁰ Как указывает В. В. Колесов, «...акцентное выравнивание производных от *a* и *b* по типу производных от *c* в средневековых русских диалектах было не общерусской, а только севернорусской тенденцией» [Колесов 1978: 138].

³¹ Примеры флексивного ударения см. также: [Колесов 1978: 94].

³² Ср. большѣа (И. ж. р.) 195 об., большѣа (И. ж. р.) 198, большѣмѣ 94, болшѣнн (Р.) 94 об., к... болшѣнн 94, большѣе 205 об., болши 208 об., мѣшѣнн (Р.) 94 об., мѣнши 123 об.

на̀ (Р.) 237, ѿ... сатанина̀ 144, трѣзвѣннѣю 161 об., ѣчмѣнныи (И.) 119 об. При отсутствии прилагательного отмечено наречие **врѣльски** 52 об.; оба слова не зафиксированы в исторических словарях; см.: [СлРЯ 1987: 66].

В Овч-530 имеется большая группа производных прилагательных с суффиксом *-лив-* (в основном в нечленной форме), акцентуация которых может представлять интерес: **воа̀зливо** (И. ср. р.) 215, **востанли́въ** (И.) 53 об., **гнѣвли́вое** (И.) 230 об., **забытливъ** (И.) 178, 192 об., 270 об., **молчали́въ** (И.) 52, **молча́ливѣ** (Д.) 54 (второй знак крупнее), **незлѣбивъ** (И.) 52, **несмѣшли́въ** (И.) 53, **несмѣшли́вѣ** (Д.) 54, **обидливъ** (И.) 53, **па́матливъ** (И.) 148, **па́матлива** (Р.-В.) 270, **непа́матли**^Ѣ 163, **покорливо** (И.) 137 об., **прозорливъ** (И.) 85 об., **со́нливъ** (И.) 53, **со́нливъ** (И.) 270 об., **срамли́вѣ** (Д.) 55 об., **страшли́выи** (И.) 106 об., **страшли́ва** (Р.-В.) 67, **терпѣли́въ** (И.) 52, 109, **терпѣли́ва** (Р.-В.) 264, **терпѣли́вѣ** (Д.) 9 об.

Засвидетельствовано несколько прилагательных, образованных от производных приставочных имен существительных. В основном производящими являются слова м. р.: **безоубра́зна** (Р.-В.) 134 об., **безъѿвѣ́тно** (В.) 202 об., **восхо́днаа** (И. ж. р.) 233 об., **восхо́днѣю** 233 об., **невхо́дны** (И.) 244, **закла́дныхъ** (Р.) 10 об., **законно́мѣ** 203, **к запа́дной** 210 об. (ср. акцентуацию производящего слова), **искъ́сенъ** (предик.) 4 об., (опред.) 14, **неискъ́сенъ** (И.) 179 об., **неискъ́сны** (И.) 14, **искъ́снаа**, **неискъ́снаа** (И. ж. р.) 15 об., **на вбы́чно**^М 91, **вбы́чныа** (В.) 9, **поклѣ́нною** (Т.) 54, **поклѣ́нна** (И.) 208 об., **понѣ́сною** 218, **порѣ́чное** (В. субст.) 58 об., **непорѣ́чна** (Р.-В.) 8 об., **разъ́менъ** (И.) 59, **неразъ́менъ** (И.) 135, **разъ́мнаго** (Р.) 76 (над первым *а* какой-то знак(?); ср. акцентуацию производящего слова), **совѣ́рно**^М 9 об., **совѣ́тѣ**^Н (И.) 58, **о́рѣ́чныа** (В. ср. р.) 229 об. Производными от слов ж. р. являются **напа́стнаа** (И. ср. р. субстант.) 104, **по́хотнаа** (И. ж. р.) 150, **прелѣ́тны**^Х (Р.) 107 об.

У некоторых многосложных прилагательных место ударения варьируется в пределах основы. В одной акцентуированной словоформе **ра́ботны**^М (Т.) 67 об. (второй знак крупнее) сдвиг ударения влево отражает южнославянскую акцентовку. У прилагательного (**не**)**ма́тѣжныи** колебание ударения передает варианты акцентуации производящего слова, хотя в Овч-530 корневого ударения у него не встретилось: **нема́тѣжнаго** 163 об., **нема́тѣжнаа** (В.) 251, **нема́тѣжно** (нар.) 11, **нема́тѣжно** (нар.) 217, **нема́тѣжнаго** 148, **ѣ ма́тѣжнаа** 197 об., **нема́тѣжныа** (В.) 167, **нема́тѣжень** (В.) 155; в сложных словах **мно́гома́тѣжнаго** 4, **в... мно́гома́тѣжно**^М 3. Возможно, колебание ударения представлено в словоформах **кѣ́лѣнни** (В.) 9, **кѣ́лѣнное** (В.) 9 об. (оксия между *ѣ* и *л*) при **кѣ́лѣнныи** (И.) 253 об., **кѣ́лѣнное** (В.) 13 об., 92 об., 93, **кѣ́лѣннаго** 89, 91 об., **кѣ́лѣнно**^М (Д.) 12, 57, 92 об., **о кѣ́лѣнно**^М 58 (заголовок), **о кѣ́лѣнно**^М 9 об., **о кѣ́лѣнни** 90 об. (заголовок).

По два акцентных знака (на корне и суффиксе, на приставке и корне) писец поставил у производных прилагательных **естѣ́ствѣ́ныа** (И.) 269 об. при **естѣ́ствѣ́ныа**, **естѣ́свѣ́ныа** (И.), **естѣ́ствѣ́ны**^Х (Р.) 270, **естѣ́ствѣ́ныа**

(И. мн.) 269 и др.; *лѹкавыи* 261 (первый знак крупнее) при *лѹкаваго* 241 (с второстепенным ударением), *лѹкавыа* (И.) 2 об., 14, *лѹкавые* (В.) 84 об., *лѹка/выа* (В.) 85 об. *лѹкавыхъ* 69, 150, *лѹкавыми* 264 об.; *разлічныа* 236, *w разлічны^x* 257 при *в разлічныа* 234 об., *в ралічны^x* 257, *в разлічнаа* 264, *разлічными* 236, 264 об. (2 раза) и др.; *чернѣсць/кое* (И.) 55, *чернѣскаго* 53 об., *чернѣскаму* (Д.) 57 и др. при *на чѣрнѣское* (*так!*) 54. В прилагательном *житѣискыи* ударение варьируется не только в пределах основы, встрети́лась также флексивная акцентовка: *житѣиски^x* (Р.) 76, *в... житѣистѣи* (М.) 3 об., *житѣискими* 83 (второй знак крупнее), *житѣискими* 222 об., 264 об. В словоформах *ока́л/нныи* (И.) 261 при *ока́лнныи* 261, *ока́лнни* (И. мн.) 14, *сѣ́тныи* (И.) 225, *во... сѣ́тнѣмъ* 51 об. при *сѣ́тныи^x* (В.) 73 об., *сѣ́тнаа* (И. ж. р.) 2, *в... сѣ́тно^m* 3, *сѣ́тными* 222 об., *в сѣ́тны^x* 163 акцентные знаки оказываются на двух стоящих рядом гласных. Позицию над второй гласной в других рукописях обычно занимает спиритус, который в Овч-530 в середине слова встречается редко.

В заключение без анализа приведены формы сравнительной (превосходной) степени; колебание ударения встрети́лось в формах, образованных от прилагательных а. п. а: *блѣ́ннѣиши* 205 об., *болѣ́зненѣшаго* 221³³, *горча́ле* 126 об. (*л* затерт), *ле/гча́нши^m* (Т.) 254, *крѣ́пча́иши* 104, *мно́жашаа* (В. ж. мн.) 163, *нѹ́жнѣа* 247 об., *нѹ́жнѣ/иши^x* 104, *ѡ сла́бѣиши^x* 259, *сла́внѣиши* 205 об., *сла́чаи/шю* 102 об., *чѣ́тнѣи* 242, *чѣ́тнѣа* 242.

Заключение

В Овч-530 имеются имена существительные и прилагательные трех акцентных парадигм. Распределение слов по акцентным парадигмам такое же, как и в других памятниках письменности. Некоторые существительные оказываются низкочастотными, из-за чего их принадлежность к той или иной акцентной парадигме можно установить только предположительно. Это касается также слов, которые в источниках акцентуированы по разным акцентным парадигмам.

У существительных «группы *воля*» наряду с новым ударением отмечена акцентовка по а. п. *b*, то есть сохранение старого ударения. У слов *раи* и *часть* при большинстве форм, акцентуированных по а. п. *b*, встрети́лись следы а. п. *a*, к которой эти существительные относятся в некоторых памятниках.

У имен существительных ж. р. **ї*-основ а. п. *c* в местном падеже ед. ч. засвидетельствовано флексивное ударение, характерное для восточной зоны, и наосновное, отмечаемое в западной зоне (*въ но́щѣ* — *въ нощи*). У слов м. р. **й*-основ и **ѡ*-основ в местном падеже ед. ч. на -у встрети́лось флексивное ударение, в основном свойственное восточной зоне (*въ домоу*).

³³ Ср. *болѣ́зненѡ* 90 об. (вторая оксия между *н* и *ѡ*).

У существительных м. р. а. п. с в именительном и винительном падежах мн. ч. отмечена наосновная акцентовка, в творительном падеже мн. ч. — колебание *наосновное ударение* — *флексионное ударение*, в местном падеже мн. ч. на **-ѣхъ** — флексионная акцентовка, характерная для Москвы и близкой к ней территории. Колебание ударения встретилось у существительных ж. р. **ї*-склонения а. п. с в родительном, дательном и местном падежах (**стра́стен** — **страстѣн**, **стра́стемъ** — **страстѣмъ**, **стра́стехъ** — **страстѣхъ**), у имен существительных м. р. **ѡ*-склонения — в творительном падеже (**зоу́вы** — **зоувы**), в дательном падеже (**вѣ́сомъ** — **вѣсѡмъ**) с преобладанием новой флексионной акцентовки, что отражает процесс перехода к ней.

У имен существительных ср. р. а. п. с отмечена наосновная энклিনомная акцентовка **врэ́мена**, **тѣ́леса**, характерная для западной зоны.

В целом писец следует принципу наосновной акцентовки книжных лексем и форм (именительный падеж мн. ч. м. р. на *-и*), но нередко он отступает от него и акцентуирует слово в соответствии с его акцентной парадигмой (**вразѣ**, **зѣмнын**, **нощнын**). Иногда можно предполагать конфликт знания писца («как должно быть») и реальных акцентных процессов.

В Овч-530 имеется большое количество словоформ с колебанием ударения и отступлением от исконной акцентовки. Часто они оказываются на границе строк. Возможно, значимость отступлений различна; иногда можно предположить ошибочную постановку акцентного знака.

Особенностью акцентной микросистемы рукописи являются отступления от акцентуации некоторых слов, относящихся к а. п. *a* (**вѣ́ра**, **вѣ́роу**, **лѣ́та**, **пти́ца**, **по си́лѣ**, **хлѣ́ва** и др.), к а. п. *b* (**вра́га**, **ра́вомъ** (Д.), **поу́темъ** (Т.), **на поу́ти**, **гла́ва**, **моу́коу**, **ви́ноу**, **рѣ́ки** и др.), к а. п. *c* (**звѣ́рѡ**, **листа́**, **свѣ́та**, **вѣ́ка**, **лѣ́са**; **во́доу**, **роу́коу**, **роу́ки** и др.). Отступления отмечены, как правило, в одной-двух формах слова на фоне других примеров с традиционной акцентовкой слов и обозначения в той же словоформе обычного ударения. Всей парадигмы они не затронули ни у одного существительного. Отступления представлены у существительных трех родов в разных падежных формах. Для слов м. р. а. п. с как особую подгруппу можно выделить форму родительного падежа ед. ч. с флексионным ударением. У большинства подобных отступлений обнаруживаются аналоги в других письменных источниках и/или диалектах, нередко относящихся к северновеликорусской территории.

Отступления в одной, редко в двух формах (например, **глоу́вина** при обычном **глоу́вина**) и случаи колебания ударения (**пра́здникъ**, **разв́ра́щеніе**, **нака́заніе**) встречаются у производных существительных. Иногда они передают новое ударение на фоне старой акцентовки (**жѣ́тне** — **житне**), иногда отражают разные модели акцентовки одного и того же слова (**за́падъ** — **запа́дъ**, **за́конъ** — **закѡ́нъ**); часть отступлений в акцентовке имен существительных и прилагательных обусловлена общими акцентологическими процессами.

У некоторых слов отступление (или постановка двух знаков ударения в одной словоформе) связано с обозначением (наряду с русским) инославянского ударения (*пéщероу, соўботъ, пѣкѣн, обычѣн, рѣботънѣн* и др.).

У нечленных имен прилагательных а. п. *с* в целом сохраняется исконная акцентовка форм именительного падежа ж. р. ед. ч. (в предикативном употреблении) по модели *чѣста — живѣа*. Однако представлены и отступления от этого принципа (*сильна* в а. п. *а* и *нѣмошна* в а. п. *с*), характерные для западной и для восточной зоны. У нечленных прилагательных а. п. *б* засвидетельствована обычная флексийная акцентовка при наосновной у книжных лексем. В «группе *красно*» отмечено колебание ударения с преобладанием флексийного.

Из членных имен прилагательных а. п. *с* с наосновным ударением отмечены не только слова, которые к XVII в. во всех источниках встречаются с новым наосновным ударением, но и те, которые находятся в стадии перехода от старого флексийного к новому наосновному (*страшнѣн, тонкѣн, тѣснѣн* и др.). Из слов, у которых в этот период наосновное ударение еще является редкостью, в рукописи имеются *нагин, цвѣтнѣн, больнѣн, простѣн, живѣн, чѣстнѣн — чѣстнѣн*. У некоторых относительных прилагательных сохраняется старое флексийное ударение (*небеснѣн, главнѣн, воднѣн; плотскѣн, градскѣн* и др.); у других отмечена новая наосновная акцентовка (*зоубнѣн, доубнѣн*) или колебание ударения (*чрѣвнѣн*). На этом фоне встретилось флексийное ударение у некоторых членных прилагательных а. п. *б* и колебание *наосновное ударение — флексийное ударение* у слов этой же акцентной парадигмы и у прилагательных а. п. *а* (*соннѣн, травнѣн; дѣбрѣн, мнѣгѣн* и др.).

С точки зрения территориальной приуроченности акцентных явлений Овч-530 трудно отнести к какой-либо определенной зоне. В ней встречаются особенности ударения, характерные как для западной зоны (в меньшей степени), так и для восточной (преимущественно), а также отмечаемые в Москве и близких к ней районах. Отступления в акцентовке форм некоторых существительных а. п. *а, б* и *с* имеют параллели в северновеликорусских памятниках. С этой же территорией соотносятся лексические и синтаксические особенности рукописи. При этом в ней имеются примеры аканья. Поэтому можно предположить, что территорией создания Овч-530 была переходная зона и в рукописи в той или иной степени отразились черты оригинала (или оригиналов).

Л и т е р а т у р а

Булатова 1981 — Р. В. Бу л а т о в а. Акцентуация непрямых имен существительных *а*-основ в древнесербских рукописях XIV—XVI вв. // Славянское и балканское языковедение. Проблемы морфонологии. М., 1981. С. 60—89.

Даль 2 — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1994.

Даль 4 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1994.

Дыбо 1981 — В. А. Дыбо. Славянская акцентология. М., 1981.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Колесов 1972 — В. В. Колесов. История русского ударения. Л., 1972.

Колесов 1978 — В. В. Колесов. Очерки по русской исторической акцентологии. Szeged, 1978.

Корнилаева 1986 — И. А. Корнилаева. Акцентологическое освоение заимствований в русском языке (XVI—XX вв.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.

Носович 1870 — И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

СлРЯ 1987 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 13. М., 1987.

СРНГ 13 — Словарь русских народных говоров. Вып. 13. Л.: Наука, 1977.

I. MAKEEVA

**THE ACCENTUATION MICROSYSTEM IN A RUSSIAN 17TH-CENTURY CODEX.
PART II: NOUNS**

The paper discusses the accentuation of nouns and adjectives attested in a 17th-century monastic miscellany codex consisting of texts of various genres. Of special interest in the manuscript is the assignment of two stresses to one word. In this way the vacillation between the South Slavic and Russian models is reflected. Along with standard accentuation, some nouns demonstrate deviations from accentual paradigms *a*, *b*, *c*. Similar deviations have also been observed in other Russian 17th-century texts. Accentual variations, both old and new, and different accentual models are common to derived nouns.

Specific to the system of adjectival accentuation in the manuscript are: maintenance of old desinential stress by some «definite» relative adjectives of the paradigm *c*, desinential stress found in the «long» forms of adjectives of the paradigm *b*, vacillation between stem and desinential stress in paradigm *a*.

Keywords: Old Russian accentuation of nouns, Russian manuscripts, dialect variations.

Е. А. ГАЛИНСКАЯ

СКЛОНЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ПСКОВСКОМ ДИАЛЕКТЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

1.0. История русских числительных привлекала и привлекает внимание многих лингвистов: см., например, такие работы, как [Егоров 1916; Глушкина 1955; 1957; 1961; Багрянский 1957; 1957а; 1957б; 1960; Дровникова 1959; 1985; Bogusławski 1966; Жолобов 2006]. Изучались также современные диалектные разновидности числительных, и исследования показали, что русские говоры демонстрируют весьма пеструю картину употребления самых разнообразных форм [Матвеева 1954; 1959; 1961], так что, скорее всего, система, которую образовывали слова, обозначающие числа, и в языковом прошлом была неоднородна **даже в пределах одного диалекта**. В имеющихся в научном обороте работах, которые базируются на показах памятников письменности, расклассифицированных по векам, материал обычно черпается из текстов разной локализации и диалектные особенности на отдельных синхронных срезах систематически не выявляются. Поэтому интересно было бы проанализировать употребление форм количественных числительных в рукописях одного периода, происходящих из одного региона, чтобы выяснить, как могла выглядеть подсистема числительных в определенном диалектном образовании в определенный момент времени.

Материалом для данной работы послужили тексты делового содержания первой половины XVII в., охватывающие период в тридцать лет и происходящие из псковского региона. Были исследованы псковские отдельные и отказные книги, а также ряд челобитных псковского происхождения:

1) Псковская отдельная книга 1618—1623 гг. (599 лл.) — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 8455.

2) Псковская отдельная и отказная книга 1613—1658 гг. (лл. 32—38 об., 43—48, 105—110, 112—117 об., 236—237, 344—347 об., 356—357, 366—369, 377—379 об., 420—424, 457—462, 481—484 об., 586—593 об., 606—611 об., 625—641 об., 647—650, 659—670, 682—685 об., 687—727 об., 778—780 об., 782—784 об., 786—791 об., 797—814 об., т. е. черновые записи с 1626 по 1649 г. — всего 182 лл.) — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 8461.

3) 5 челобитных из неоклеенных столбцов Поместного приказа по Псковскому уезду, принятые к рассмотрению в приказе в 1626 г. (написа-

ны они могут быть в том же году или годом раньше) — РГАДА, ф. 1209, оп. 1253, ст. 23349.

4) 26 челобитных из неоклеенных столбцов Поместного приказа по Псковскому уезду, принятые к рассмотрению в приказе в 1627 г. — РГАДА, ф. 1209, оп. 1253, ст. 23350.

5) 58 челобитных из неоклеенных столбцов Поместного приказа по Псковскому уезду, принятые к рассмотрению в приказе в 1628 г. — РГАДА, ф. 1209, оп. 1253, ст. 23351 (ч. 1 и ч. 2).

Следует заметить, что отказные и отдельные книги — весьма информативный источник для описания форм числительных, так как последние постоянно используются в этих книгах, поскольку речь в них идет в основном о земельных наделах и их размерах. Предметом обращения к властям в челобитных грамотах часто становились споры опять же о земельных наделах, и, хотя челобитные из-за своего меньшего, чем отказные книги, размера не дают такого же большого объема материала, они ценны тем, что более разнообразно, чем отказные книги, демонстрируют падежные формы числительных.

При приведении примеров из текстов графическая система оригинала несколько упрощается: синонимичные буквы **я**, **ѧ**, **ѧ** передаются буквой **я**; **о** и **ѡ** — буквой **о**; **з** и **ѣ** — буквой **з**; **і** десятиричное — восьмеричным **и**; **ѣ** — буквой **ф**. Во многих скорописных текстах буквы **ѣ** и **ѣ** графически не дифференцируются, см. [Тарабасова 1982: 220], такое бывает и в исследованных нами источниках, поэтому для передачи нейтрального знака, употребляемого на месте **ѣ** и **ѣ**, используется прописная буква **Ѣ**. В круглые скобки заключаются буквы, которые были пропущены в сокращенных словах, в квадратные скобки — те надежно восстанавливаемые буквы, которые по тем или иным причинам в тексте утрачены — либо в результате порчи бумаги, либо оттого, что находятся слишком близко к корешку переплета и потому не видны.

2.0. Изучение довольно обширного материала рукописных источников показало, что многие парадигмы в первой половине XVII в. находились в процессе реформирования, так как в ряде падежей встречаем по несколько вариативных форм. Вариативность объясняется либо живым процессом вытеснения старой формы новой, либо реализацией некоторых общих тенденций развития системы числительных или даже именных частей речи в целом. Кроме того, в отдельных случаях мы можем наблюдать столкновение некоторых из этих тенденций.

2.1. Числительное *два* (*д в ѣ*) имело следующие формы:

И. п.	<i>два, двѣ</i>
Р. п.	<i>дву</i>
Д. п.	<i>двѣмь / дву</i>
В. п.	= И. п. или Р. п.
Т. п.	<i>двѣма / двѣмя / двумя</i>
М. п.	<i>дву</i>

Примеры

(для И. и В. пп. в сочетании с неодушевленными существительными здесь и далее тривиальные примеры не приводятся)

Р. п.

не дошло в окла^о ... дв[у]сот семидеся^м дву че^ми 23351, ч. 2-252.

В. п. = Р. п.

дву дѣвокъ 8455-443, дву бобылеи 23350-149.

Д. п.

дѣвъмъ	дву
ко сту ко штидеся ^м к дѣвъ ^м четве ^р - тя ^м 8455-533, к сороку к дѣвъ ^м чет- вертя ^м 8461-117, к пя ^м со ^м к девя- но ^с ту к дѣв ^м че ^м ве ^р тя ^м ¹ 8455-41 дѣв ^м братомъ 23350-148.	к две ^м стамъ ко штидеся ^м къ дву че ^м вертямъ 8455-211, ко сту к штидеся ^м ко дву че ^м ве ^р тя ^м 8455-543.

Т. п.

дѣвма	дѣвмя	двумя
за ^о вема доче ^р ми 8455-173 об., з двема дочери ^м ками 23350- 196 (4 р.).	з дѣвмя дѣ ^в ка ^м 23351, ч. 1-188, соро ^к ю двемя че ^м ве ^р тми 23351, ч. 1- 19, соро ^к [ю] двемя че ^м - ве ^р тми ib.	пожалуи ...три ^м ца ^м мя че ^м (слово сокращено) и двумя 23350-188.

М. п.

в ...дву пустош^а 8455-147, в дву д(е)р(е)^вня^х 8455-157, 525 (2 р.), в ...дву
жере^вя^х 8455-241 об., на дву третя^х 8455-530, в дву городе^х 23351, ч. 1-48,
а в дву по тому же (практически на каждом листе в отказных книгах)².

В описанной парадигме представляет интерес архаичная форма Р. п. *дву*, а также совпадающая с ней форма М. п. О древнем характере формы Р.-М. пп. *дву*, бытовавшей наряду с *дѣвою*, см., напр., [Дурново 2000: 244; Жолобов 2006: 92—94]. Известно, что к XVII в. в русском языке уже выработалась форма Р.-М. пп. *двухъ*, поскольку в редких случаях она фиксируется в памятниках XV и XVI столетий. Б. Унбегаун, в частности, обнаружил пять таких форм в исследованных им текстах конца XV — первой половины XVI в. [Unbegaun 1935: 412]. Он указывает на то, что в материалах дипломатической переписки форма *двухъ* встречается только в делах, относящихся к сношениям с Польшей, где ее появление могло быть облегчено существованием польской формы *dwoch*, первые свидетельства появле-

¹ Псковские рукописи демонстрируют смешение букв ъ и е, которое свидетельствует о совпадении фонем ⟨ѣ⟩ и ⟨е⟩ в звуке [e], см. [Галинская 2002: 84—88].

² Это устойчивая формула: *в дву* (имеются в виду — в двух полях) *по тому же* (т. е. земли намерено столько же, сколько и в первом измеренном поле).

ния которой в польских памятниках относятся как раз к XVI в. [Unbegaun 1935: 412]. Можно думать, что даже в XVII в. форма *двухъ* распространилась еще не на все русские диалекты. Во всяком случае, А. М. Селищев свидетельствует, что в сибирских рукописях XVII в. употребляется только старая форма *дву* [Селищев 1921: 104], аналогичную ситуацию находит О. Ф. Жолобов в севернорусских таможенных книгах 1633—1636 гг. [Жолобов 2006: 244]. Поэтому полное отсутствие формы *двухъ* в исследованных нами псковских источниках, скорее всего, говорит о ее отсутствии и в псковском диалекте первой половины XVII в.

Примечательно, что и Т. п. еще может сохранять архаичную форму *двѣма*.

Однако в склонении числительного *два* (*двѣ*) есть и инновационные особенности, которые говорят о модификации системы от старого состояния к новому. Во-первых, бывшая форма Д. п. *двѣма* дифференцировалась от формы Т. п., потеряв конечное *-а* и превратившись в *двѣмъ* под влиянием *трѣмъ*, *четыремъ*. Во-вторых, инновации коснулись уже и Т. п. В отличие от ситуации XVI в., которую описывает Б. Унбегаун, когда единственно возможной в исследованных им рукописях была старая форма двойственного числа *двѣма* [Unbegaun 1935: 410], в псковских текстах первой половины XVII в. наряду с формой *двѣма* отражена форма *двѣмя*, появившаяся под влиянием уже сложившихся в говоре новых форм *трѣмя*, *четырьмя* (см. раздел 2.2.). Что касается самого происхождения форманта *-м'а* в Т. п., то об этом писали многие слависты, и достаточно убедительной представляется точка зрения А. Лескина, согласно которой произошло взаимодействие флексии *-м'и* (исконной для числительных *три*, *четыре*) и *-ма* (исконной для числительного *два* / *двѣ*) [Leskien 1875: 57].

Надо сказать, что в современных говорах форма *двѣма* не фиксируется (см. материал, приведенный в работах [Матвеева 1954; 1959]), а ее производное — форма *дв'ѣм'а* — отмечается исследователями в начале и середине XX в. в говорах разной локализации: в Архангельской губернии, Забайкалье, Терской области, Череповецком уезде Новгородской губернии, Московской области, см. [Матвеева 1959: 90]. В Горьковской области была записана форма с другим ударением: *дв'ѣм'а* [Там же].

В изученных нами текстах один раз встретилась форма *двѣмя*, появившаяся в результате выработки в косвенных падежах единой основы *дву-* и влияния формы *двѣмя*. В XVII в., судя по показаниям других памятников письменности, она была еще очень мало распространена [Дровникова 1959: 195].

Таким образом, в псковских говорах первой половины XVII в. был представлен весь спектр морфологических образований в Т. п.: и древняя форма *двѣма*, которая, видимо, была еще достаточно распространена, и форма следующего этапа, сохраняющая старую основу и имеющая новое окончание, — *двѣмя*, и форма последнего этапа развития — *двѣмя*.

Дальнейшее обозрение парадигмы числительного *два* (*двѣ*) показывает, что в псковском диалекте начала было проявляться тенденция к формированию двухпадежной парадигмы числительных, и как раз не для тех

слов, у которых она в конце концов в русском языке сформировалась, то есть не для слов *сорок*, *девяносто*, *сто* (о сохранении в исследованных текстах ими старых форм склонения см. ниже, разделы 2.5, 2.6.), а для слова *два* (д в ъ). Дело в том, что форма *дву*, которая, как было показано выше, устойчиво удерживалась в Р. и М. пп., была представлена и в Д. п. Это явление отмечается в памятниках письменности XVII в. разной локализации, см. [Дровникова 1959: 193], и есть указания на то, что форма *дву* употреблялась также в Т. п. [Егоров 1916: 230]. Как показало дальнейшее историческое развитие числительных, слово *два* в итоге все же не поддавалось указанной тенденции, и двухпадежная система у него ни в русском литературном языке, ни в диалектах не образовалась — видимо, потому, что оно стало развиваться совместно со словами *три*, *четыре*, которые двухпадежную систему развивать и не пытались.

2.3. Числительные *три*, *четыре* в псковских текстах первой половины XVII в. демонстрируют, за одним исключением, новую систему форм, не отличающуюся от той, что представлена сейчас в русском литературном языке:

И. п.	<i>три, четыре</i>
Р. п.	<i>трехъ, четырехъ</i>
Д. п.	<i>тремъ, четыремъ</i>
В. п.	= И. п. или Р. п.
Т. п.	<i>тремя / тремьмы, четыремя</i>
М. п.	<i>трехъ</i>

Примеры

Р. п.

проти⁶ ста штидеся^m тре^x че^mи 23351, ч. 1-139, *не дошло... ста семидеся^m четьре^x че^mи* 8455-42 об. Такие формы возникли в склонении данных слов задолго до XVII в.: Б. Унбегаун пишет, что «родительный падеж *трехъ, четырехъ* — одна из первых инноваций в склонении этих числительных» [Unbegaun 1935: 415]; О. Ф. Жолобов обнаруживает форму *трехъ* в памятниках XIV в. [Жолобов 2006: 243].

Д. п.

к двусто^m к осмидесят к тре^m че^mвертя^m 8455-266, *к двѣ^mсто^m к семидеся^m к четьре^m че^mвѣ^pтя^m* 113. Это старые формы с фонетическими изменениями: *тремъ* > *тремъ*, *четыремъ* > *четыремъ*.

Т. п.

<i>тремя, четыремя</i>	<i>тремьмы</i>
<i>с тремя сыновами</i> 506, <i>во^cмьюдеса^m тремя че^mвѣ^pтми</i> 23351, ч. 1-136, <i>владе¹ ... четьрмя жере⁶и</i> 8455-539 об.	<i>пожалова¹ ... тремьмы соро^{kю} четьмями</i> 23350-283.

Не вызывают удивления инновационные формы *тремя* и *четырьмя*. Что касается необычной формы *тремымы*, то сразу следует сказать, что описка, то есть повтор слога, здесь, вероятнее всего, исключена, поскольку оба слога «*мы*» написаны с использованием разных начерков обеих букв. Видимо, такая форма могла реально существовать в псковском диалекте, чему можно найти косвенные свидетельства. Во-первых, в западной диалектной зоне встречаются формы с аналогичной (с точностью до гласного) редупликацией последнего компонента — ср. *двamáми* (с. Хоромное Чуровичского р-на Брянской обл. [Матвеева 1959: 89]). Во-вторых, в том же регионе числительные *два*, *три*, *четыре* изредка характеризуются флексией *-мы*, см. [Матвеева 1954: 6] — ср. образования *чатыр'óмы*, *ч'этыр'óмы*, *четыр'óмы* и т. д., зафиксированные в говорах Брянской области [Там же: 95]. Формант *-мы* у числительных, должно быть, заимствован из склонения существительных и прилагательных. Дело в том, что сейчас он встречается в Т. п. ед. ч. субстантивного и адъективного склонения в говорах той же Брянской области, см. [ДАРЯ II: карты 41, 51]. Что же касается интересующих нас псковских — более северных говоров западной диалектной зоны, то здесь в адъективном склонении формант *-мы* в ДАРЯ не фиксируется, а в субстантивном склонении для Т. п. в одном населенном пункте (№ 127 — д. Слезово Струго-Красненского р-на Псковской обл.) отмечены единичные случаи такого произношения наряду с [-ми] и господствующим [-м], см. [Там же]. Однако в XVII в. ситуация могла быть иной, о чем говорит присутствие в одной из исследуемых отказных книг написания *с темы поны* 8461-786 об. Есть свидетельство того, что окончание *-мы* имелось в адъективном и субстантивном склонениях в псковском диалекте и раньше — в XV в.: *тмы людмы, надъ нашими купчинамы* (Гр. псковского князя Ивана Александровича, написанная между 1463 и 1465 гг.).

М. п.

на *тре^x же(ре)^бяхЪ* 361. Это старая форма с фонетическими изменениями: *трехъ* > *трехъ*.

2.4.0. Прежде чем говорить о следующей группе числительных — о словах, обозначающих числа с пяти до двадцати и тридцать, прокомментируем некоторые необычные формы слов, обозначающих числа 8, 18, 80, 800, чье появление связано, судя по всему, не только с морфологией. Особенность псковских текстов состоит в том, что здесь регулярно встречаются написания с буквой **и** после **м**:

*твою г(о)^с(у)д(а)р(е)ву слу^жбу служю **восми** лтьъ* 23350-113, *триста ше^стдеся^м **восми** че^ми* 23351, ч. 2-63;

*сѣна **восмина^м ца^м** копень* 8461-698, *о^смина^м ца^м че^ми* 8461-185;

*осталос ... триста **восмидеся^м** три чети* 23351, ч. 2-63, *сѣна **восмидеся^м** копен^н* 8455-130 об., *отделено... всего... **восмидеся^м** че^ми* 8455-85 об., дано *во^смидеся^м че^ми* 23350-100 (2 р.), *восмидеся* (sic) *копенъ* 378 об., *восмидѣся^м саже^н* 482, *всего ...восмьсо^м **восмидеся^м** че^ми* 23351, ч. 1-138,

во^смидеся^м ня^м че^ми 23351, ч. 2-19, *триста во^смидеся^м че^ми* 23351, ч. 2-83, *двести во^смидеся^м три че^ми* 23351, ч. 2-51.

в во^смисо^м че^мве^ртеи 8455-8, 9.

Один раз встречена форма *во^се^деся^м* 8455-175 с отражением произношения вставного гласного перед [м], характерного для русского языка в целом. Обычно же употребляются старые формы (возможно, это лишь дань орфографической традиции), например, *во^смь че^ми* 8455-5 об., *во^смъдеся^м ня^м че^ми* 8461-76, *ос^мъдеся^м о^она че^мверть* 23351, ч. 2-14, *в во^смьсо^м че^ми* 8455-171 (числительное «восемнадцать» в таком написании в И.-В. пп. не встречено ни разу, лишь с буквой **и** после **м**).

Формы с **и** присутствуют уже в новгородских берестяных грамотах XIII—XV вв., а также в некоторых других более поздних рукописях северо-западного происхождения [Зализняк 2004: 133; Егоров 1916: 498], отмечаются они и в севернорусских говорах [Матвеева 1954: 8]. А. А. Зализняк полагает, что здесь произошел перенос окончания *-и* из косвенных падежей в И. и В. пп., чему способствовал фонетический фактор: в таких сращениях, как *ос^мь на десяте*, [ь] в [os't'ь], находясь в позиции перед согласной, должен был не исчезать, а давать некую гласную [Зализняк 2004: 133]. О. Ф. Жолобов считает более действенным фактором тенденцию к «расподоблению звукообразов числительных *семь* и *осемь* < осмь» [Жолобов 2006: 256].

Можно, пожалуй, предложить и чисто фонетическое объяснение появления форм типа *во^сьми*, *во^сминадцать* в И.-В. пп. Допустимо, что после падения редуцированных в северо-западных говорах нежелательная слоговость [m] ([osm^(s)]) ликвидировалась не только путем вставки гласного перед сонорным [(v)osem^(s)] (ср. приведенный выше пример *во^се^деся^м* 8455-175), но и путем выделения слогового элемента после сонорного. Типологически это известная ситуация: так, в болгарском языке преодоление слоговости [r] и [l] (из сочетаний *TЪRT и *TRЪT) шло по-разному — если плавный находился перед одиночным согласным, то гласный выделялся слева от плавного (напр., *търг*, *вълк*), а если плавный находился перед консонантной группой, то справа (напр., *пръст*, *слънце*), хотя бывают варианты произношения и в одной и той же словоформе, например *съзлив* и *слъзлив* ‘слезливый’. Сходную картину наблюдаем в украинском языке, взятом в совокупности его литературной разновидности и говоров. Слоговость плавного, возникшего в сочетаниях *TRЪT после утраты слабого редуцированного, преодолевалась вставкой гласного перед плавным (например, укр. диал. *силза*, *гирміти*, *кервавий* / *кирвавий*) или после плавного (напр., укр. лит. *слиза*, *гриміти*, *кривавий*). При этом примечательно, что в северо-западных русских говорах после сонорного в слове (в)осмь вставлялся гласный того же типа, что и в украинском языке после плавных.

2.4.1. Перейдем теперь к рассмотрению собственно деклинационных особенностей слов, обозначающих числа с пяти до двадцати и три -

дц а т ь. В исследованных рукописях они встречены не во всех формах для каждой из лексем, но совокупность имеющихся примеров составляет картину, в общем, уже единого за некоторыми исключениями склонения с вариативными окончаниями в некоторых падежах.

И.-В. пп.

Формы *пять, шесть, семь, девять, десять, одиннадцать, двѣнадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, восемнадцать* (sic, см. выше, раздел 2.4.0.), *девятнадцать* вариантов не имеют.

О вариантах *восьми* и *восемь* см. выше, раздел 2.4.0. По-разному образуются и формы И.-В. пп. слов, обозначающих числа 20 и 30. Чаще представлены инновации *двадцать, тридцать* и реже — более архаичные образования *двадесѣт(ь)* и *тридесѣт(ь)*, которые, впрочем, обнаруживаются лишь в датах (см. об этом: [Bogusławski 1966: 144]): *к н(ы)нешнему сто двадесѣ^м шестому году* 8455-116, *во сто двадесѣ^м во ⁶тором го^{дѣ}* 8455-315 об., *во сто двадесѣт^ь девѣт^о году* 8455-343 об., *ге^нваря в тридесѣ^м пе^рвы^и день* 23351, ч. 2-192.

Р. п.

Здесь в основном выступает флексия *-и*: *недописано двусо^м семидесѣ^м ня^м че^ми* 8455-559 об., *не дошло... шест^и че^мвертеи* 8455-313 об., *ис три^ица^м ис семи че^ми* 8455-29 об., *не доиде^м ...два^ица^м ня^м че^ми* 23349-12. Однако есть необычная особенность в образованиях форм Р. п. у слов, обозначающих числа второго десятка: вторая часть у них не изменяется: *не дошло ... двуна^ица^м че^ми* 8455-543 (2 р.), *не дошло ... трина^ица^м че^ми* 8455-135 об., *не дошло ... четы^рна^ица^м че^ми* 8455-543³ (о первой части будет сказано ниже).

Путь развития этих слов в Р. п. был таков.

I этап. Первоначально, когда они еще являлись словосочетаниями со связью управления, склонялся только первый компонент, то есть в Р. п. было *дѣвоу на десѣте, трии на десѣте, четырь на десѣте*. Позже видоизменился второй компонент, превратившись в *на десѣть*, так что появились образования *дѣвоу на десѣть, трии на десѣть, четырь на десѣть*. Их возникновение допустимо объяснять по-разному. Они могли быть результатом отпадения конечных безударных гласных фонетического слова, которым предшествовал одиночный согласный или группа [ст] (подробно о механизме отпадения конечных гласных см. [Зализняк 2002: 550—558]). В принципе, отпадению [е] должен был препятствовать тот факт, что этот гласный составлял отдельный морф, однако данный фактор не всегда мешал конечному гласному отпасть — ведь случаи устранения конечного гласного, который составлял отдельный морф, бывают регулярно в императивах (типа *встань*) и в новом вокативе (типа *Вань!*), см. [Там же: 552], а также в И.-В. пп. существительных *мати, дѣчи*. По-другому трактует заме-

³ В конструкциях с «не дошло» в исследуемых текстах всегда употребляется Р. п.

ну конечного *-те* на *-ть* О. Ф. Жолобов: по его мнению, этого потребовала счетная функция, поскольку числительные, обозначающие числа с 11 до 19, оказывались в одном ряду со словами *пять* — *десять* [Жолобов 2006: 260].

II этап. В результате редукции до нуля корневого гласного второго компонента возникали формы *двунадцать*, *тринадцать* / *трехнадцать*, *четырнадцать* / *четыренадцать* (форма Р. п. *трехъ*, как указывалось выше (см. раздел. 2.3.), фиксируется уже в XIV в.). Форму Р. п. *трехнадцать* со склонением первой части и неизменяемой второй частью нашел А. Богуславский в деловом тексте рязанского происхождения 1616 г. (*а Любимка трехънадацать лѣтъ*), однако комментария к ней не дал [Bogusławski 1966: 96].

III этап. Формируется изменение обеих частей, причем первая часть продолжает склоняться, как простое числительное, а вторая начинает изменяться, как, например, *пять*, т. е. в Р. п. получались формы: *двунадцати*, *трехнадцати*, *четыренадцати*. Они широко представлены в памятниках XIV—XVII вв. [Дровникова 1985: 58].

IV этап. Первая часть числительных перестает склоняться, и возникает современная парадигма слов, обозначающих числа второго десятка.

Таким образом, в псковском диалекте первой половины XVII в. мы застаем форму Р. п. *двунадцать* в древнем переходном состоянии — первая часть склоняется, а вторая еще нет (II этап). Остальные же зафиксированные формы в описанную схему не укладываются: образования Р. п. *тринадцать* и *четырнадцать* развились как бы наполовину: склонение у первой части уже утратилось, а у второй так и не образовалось. При этом важно отметить, что в наших рукописях описанная особенность касается только Р. п. В дательном, например, падеже склоняются обе части или только вторая (см. ниже)⁴.

Т. п.

В Т. п. наблюдаем вариативность: окончание *-ью*, исконное для слов *пять* — *девять* и возникшее под их влиянием у остальных числительных рассматриваемой группы (правда, в исследуемых текстах с такой флексией представлено только *шесть* и *тридцать*), и окончания *-ма*, *-мя*, образовавшиеся под воздействием слов *два*—*четыре*.

Примеры

<i>-ью</i>	<i>-ма, -мя</i>
<i>семЬюдесѣ^м шестью че^мми</i> 23350-165, <i>ос̄ ю че^мми</i> 23350-165, <i>трице^мю че^мве^ртми</i> 23351, ч. 2-83, <i>три^мца^мю шестью^м че^мве^ртми</i> 23351, ч. 2-255, <i>ѡл̄ ю че^мми</i> 23350-164.	<i>влaде^т ... пѣтма жере^ои</i> 8455-539 об., <i>тремяста^м три^мца^мма четми</i> 23350-200; <i>три^мца^мю шестью^м че^мве^ртми</i> 23351, ч. 2-255, <i>пожалуи ... три^мца^ммя че^м</i> (слово сокращено) и <i>двумѣ</i> 23350-188.

⁴ С. М. Глушкина нашла одиночные примеры форм Д. и Т. пп. со склоняемой первой частью и неизменяемой второй в памятниках западнорусской письменности: *по пятнадацать грошей и перед пѣтнадацать годы* [Глушкина 1961: 13].

Контекст *пожалуи ... три^мца^мю шесть^мя че^мве^ртми* 23351, ч. 2-255 свидетельствует о том, что для двух рядом стоящих форм Т. п. писец использовал разные флексии, видимо, для избежания монотонности в составном числовом наименовании.

Числительное *пять* один раз встречено в форме Т. п. *пяти* (*пожалуи меня прожиточным помѣстеицо^м соро^кю пяти че^мве^ртям^б с тре^мнико^м* 23351, ч. 1-91), которая возникла, видимо, под влиянием тенденции к формированию двухпадежной системы у числительных, т. е. к образованию единого косвенного падежа, противопоставленного прямым падежам. Но больше ни у каких числительных рассматриваемой группы такая тенденция не проявляется. После рассмотрения форм Д. п. мы попробуем определить причину этого явления.

Д. п.

Здесь присутствует, во-первых, нормативное для древнерусского и старорусского языка окончание *-и*: *по девяносту по пя^м че^мя^м* 8455-114 об., *ко сту три^мцати ко и^мти⁵ че^мвертя^м* 8461-683, *ко сту к сороку к семи че^мве^ртям^б* 8461-787, *ко сту к осмидеся^м к осми че^мве^ртя^м* 8461-778 об., *к тре^мсто^м и к^б де^мя^м че^мя^м* 8455-53 об., *ко сту к де^мся^м че^мвертям^б* 8455-273 об. и т. д. При этом склонение первой части у слов, обозначающих числа второго десятка, наблюдается уже далеко не во всех случаях, например: *ко сту к пя^мнацца^м че^мве^ртя^м* 8461-117, *к дву^мстам^б к де^мя^мна^мца^м че^мя^м* 8461-648, но *ко сту восна^мцати четве^ртя^м* 8455-564 об., *к чет^рна^мца^м че^мя^м* 8461-37.

Во-вторых у рассматриваемой группы слов используются окончания Т. п. *-ма*, *-мя*, фиксируемые, как показано выше, в самом Т. п., и единично — флексия *-ми*, для Т. п. непроезженных числительных в наших текстах не отмеченная.

Примеры

<i>-ма</i>	<i>-мя</i>	<i>-ми</i>
<i>к тре^мсто^м г де^мся^мма че^мя^м</i> 8455-169, <i>къ двусто^м к дву^мна^мца^мма че^мвертям^б</i> 8455-575 об., <i>к тре^мста^м ко и^мтина^мца^мма че^мвертя^м</i> 8461-695, <i>къ двусто^м к два^мца^мма че^мвертя^м</i> 8455-299 об., <i>ко сту къ три^мца^мма че^мве^ртя^м</i> 8455-263, 264 об., <i>ко сту три^мца^мма че^мве^ртя^м</i> 8455-522 об., <i>к пя^мста^м три^мца^мма че^м</i> (sic) 8461-237.	<i>к чет^рмястам^б (sic) к три^мца^ммя к пя^ммя че^мвертям^б</i> 8461-378, <i>к чет^ры/ста^м (sic) к пя^ммядеся^м к се^мя че^мвертям^б</i> 8455-283	<i>к двем^бстам^б чет^рна^мца^мми че^мвертя^м</i> 8461-778 об.

⁵ Форма *ити* представлена в XVII в. в памятниках различной локализации. Это результат фонетического изменения: в форме *шести* редуцировался до нуля гласный корня (*исти*), и затем осуществилось упрощение группы согласных (*ити*).

Особо отметим форму *к семья*, где произошло наложение вновь приобретенного окончания *-мя* — на основу *сем'*.

В субстантивном и адъективном склонении в псковских говорах сейчас наблюдается широко распространенное в русских диалектах совпадение форм Д. и Т. пп. в форме Д. п. [ДАРЯ II: карты 41, 51]. Отражается это явление и в исследуемых рукописях первой половины XVII в., например: *по чело^би^оно^у кокову оне дали за рука^у свои^у* 8461-347об, *и с тѣмъ попамъ* 8461-683, 687 об., *с те^мъ попа^м* 8461-684 об. (речь в обоих случаях идет о двух попах), *с темъ попы и с око^лними кр^стяне* 8461-778 об., *да за Ивано^м Сима^мскимъ ... да за Миха^ло^м Воронцовы^м ... за обв^имъ и^м* велено в книги написа^мул че^ми 23350-164, *пожалуи меня прожиточным помѣстеицо^м соро^кю пяти че^мвѣтямъ* с тре^мнико^м 23351, ч. 1-91. Поэтому неудивительна тенденция к совпадению форм Д. и Т. пп. и противопоставлению их другим падежам и у числительных. Эта тенденция, по-видимому, действовала одновременно с тенденцией к формированию единого косвенного падежа, но была несколько более сильной. Это проявилось в том, что числительные совпали не в Д. п., как существительные, прилагательные и местоимения (такой факт зафиксирован лишь единично, ср. приведенный выше пример *соро^кю пяти че^мвѣтямъ*), а в Т. п. Ведь если бы они совпали в Д. п., то образовался бы единый косвенный падеж типа *пяти*.

М. п.

Тут представлено нормативное окончание *-и*: в *пяти пустоше^х* 8455-525, *в пятидеся^м в семи че^мя^х* 23351, ч. 1-98, *о двуста^х о три^мцати че^мхъ* 23350-204.

2.4.2. Отметим, наконец, одну особенность склонения числительного *шесть*, не связанную с флексиями: в исследованных текстах в форме *шти* (о ее происхождении см. выше — сноску 5) оно фиксируется только в Д. п. (напр., *к девяносту ко ^мти че^мямъ* 8455-185), а в Р. п. имеет форму *шести* (напр., *не дошло... шести че^мвертеи* 8455-313 об.), хотя в составе числительного *шестьдесят* в этом падеже употребляется компонент *шти-* (см. ниже, раздел 2.7.).

2.5. Слово *сорок* имело следующую парадигму склонения:

И-В. пп.	<i>сорокъ</i>
Р. п.	<i>сорока</i>
Д. п.	<i>сороку</i>
Т. п.	<i>сорокью</i>
М. п.	<i>сороке</i>

Это исконная для данного слова парадигма **δ*-склонения с инновацией в Т. п. — окончанием женского рода *-ью*. Такие формы встречаются и в других текстах, см. [Unbegaun 1935: 420; Егоров 1916: 491; Хабургаев 1990: 270; Дровникова 1985: 42].

Примеры

Р. п.

не дошло ... сорока ня^{ми} че^{ми} 8455-48 об.

Д. п.

к двусо^м к сороку че^мя^м 8455-19 об., к две^м сто^м к сороку к пяти че^мя^м 8455-153, ко сту к сороку к одно^у че^мверти 8455-211, ко сту к сороку к четыре^м че^мвертя^м 8455-303 об., к двусотъ к сороку к тре^м четве^ртя^м 8455-519 об., к сороку к двѣ^м четвертя^м 8461-117, ко сту к сороку к семи че^мве^ртямъ 8461-787, по сороку по две че^{ми} 23351, ч. 2-19.

Т. п.

пожалуи... сорок^ю пяти че^мве^ртямъ с тре^м нико^м 91, пожалова^т... тре-мымы сорок^ю че^мями 23350-283, владе^{ми} ... сорок^ю двама че^мве^ртми 23351, ч. 2-19. Видимо, окончание -ью проникает в данное склонение под воздействием исконной флексии -ью слов, обозначавших числа с пяти до девяти, и полученной под их влиянием флексии -ью слов, обозначавших числа десять, двадцать и тридцать.

М. п.

о сте о сороке че^мхъ 23350-198.

2.6. Сохраняют свою старую деklinационную парадигму и слова девяносто, сто, изменявшиеся в древности как существительные **δ*-склонения. Правда, в исследованных текстах встречены не все их формы: *девьяносто* отмечено только в И., В., Р., Д. пп., а *сто* — в И., В., Р., Д., М. пп.

Примеры

Р. п.

не доиде^м... четыре^х от девьяноста че^{ми} 8455-147, со ста 23351-ч. 1-3, не дошло... ста семидеся^м четыре^х че^{ми} 8455-42 об. и т. д.

Д. п.

ко сту къ девьяносту че^мве^ртя^м 8455-11, ко сту три^мцати ко шти че^мвертя^м 8461-683 и т. д.

М. п.

о сте о сороке че^мхъ 23350-198, о сте о штидесят че^х 23350-199.

2.7. Слова, обозначающие числа пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, в псковских текстах демонстрируют древнюю особенность, оставшуюся с той поры, когда они были словосочетаниями: в них склоняется лишь первая часть, а вторая (бывший Р. п. мн.ч. от слова *десять*) остается в неизменном виде. Ученые, исследовавшие памятники древней письменности, отмечают, что такие формы были устойчивы вплоть до XVII в., хотя в источниках XV—XVII вв. находятся и некоторые

новообразования типа Р. п. *пятидесяти*, Д. п. *шестьюдесятью* [Unbegaun 1935: 421; Егоров 1916: 489—490; Багрянский 1957: 34—36; 1960: 22; Boguslawski 1966: 102—103; Глускина 1961: 17—18; Дровникова 1985: 61—63]. Что касается изученных нами псковских рукописей первой половины XVII в., то новых форм в них не наблюдается совсем, тогда как архаичных образований встречено много. Приведем в качестве примера только по одной из обнаруженных падежных форм слов *пятьдесят* — *восемьдесят* (там, где в таблице оставлены пустые строки, соответствующего материала нет):

И.-В. пп.	<i>пя^мдеся^м</i> 8455-4	<i>шестьдеся^м</i> 8455-19 об.	<i>сем^ьдеся^м</i> 8455-6	<i>восем^ьдеся^м</i> 8455-193 <i>восе^мдеся^м</i> 8455-175 <i>во^смидеся^м</i> 23350-100 ⁶
Р. п.	<i>пятидеся^м</i> 23351, ч. 1-139	<i>штидеся^м</i> 8455-39	<i>семидеся^м</i> 8455-42 об.	
Д. п.	<i>пятидеся^м</i> 8461-37 об. <i>пя^ммядеся^м</i> 8455-283 <i>пя^мюдеса^м</i> 8455-483 об.	<i>штидеся^м</i> 8455-316	<i>семидеся^м</i> 8461-113	<i>восмидеся^м</i> 23351, ч. 2-83
Т. п.	<i>пя^мюдеса^м</i> 23351, ч. 2-38		<i>семьюдеся^м</i> 23350-62	<i>восьюдеся^м</i> 23351, ч. 1-136
М. п.	<i>о пятидеся^м</i> 23351, ч. 1-227	<i>о штидеся^м</i> 23350-199	<i>о семидеся^м</i> 23351, ч. 1-143	

Есть один неясный контекст: *не дошло... двусо^м осмидеся^м два^мца^м одна че^м* 8455-42. Тут склоняются не все части составного числительного⁷, так что форма *осмидеся^м* может быть как формой Р. п., так и формой И. п., учитывая описанную выше специфику И. п. этого слова.

Что касается первого компонента слов, обозначающих числа 50, 60, 70, 80, то, как видно из таблицы, он продолжает склоняться. Важно при этом, что имеются формы Т. п. с внутренней флексией *-ью*, т. е. тенденция к формированию единого косвенного падежа в составе производных от словосочетаний числительных не находит воплощения. При этом и здесь мы сталкиваемся с совпадением форм Д. и Т. пп. в форме Т. п.: *к тре^мсто^м* к *пя^мюдеса^м* к *одно^м че^м* 8455-483 об., *к тремяста^м* к *пя^мюдеса^м* к *одной*

⁶ О вариативности этих форм в И. п. см. выше, раздел 2.4.0.

⁷ В исследованных рукописях встречено несколько примеров, когда в составном числительном утрачивается склонение его компонентов — начального при наличии склонения у конечного или наоборот; отмечена и утрата склонения средним компонентом: *к двѣсте два^мцатмя че^м* (sic) 23350-188, *к двѣсте соро^к* к *пяты четве^ртямь* 8455-430 об., *не дошло... двусо^м осмидеся^м два^мца^м одна че^м* 8455-42, *к дву^мсто^м* к *девянсто к^ь тре^м че^м ве^ртя^м* 8455-455.

че^{ми} 8455-484 об., к *пя^ммядеся^м* к *семя че^мвертямъ* 8455-283. Хотя непосредственно для Т. п. форма *пя^ммядеся^м* не отмечена, ясно, что иначе как из Т. п. в Д. п. она попасть не могла.

Отметим также, что форма *шти* в первой части числительного *шестьдесять* выступает как в М. и Д. пп., так и в Р. п., тогда как у самого числительного *шесть* в Р. п. была форма *шести* при *шти* в Д. п. (см. выше, раздел 2.4.2).

2.8.0. Числительные, обозначающие сотни, в некоторых падежах обладали большим разнообразием форм. Слова этой группы можно разделить на три подгруппы, что обусловлено их происхождением. Словосочетания *дѣвѣ сътъ*, *три съта*, *четыри съта* первоначально отличались от словосочетаний *пять сътъ* — *девять сътъ* способом сочетания компонентов: в первом случае наблюдалось согласование слов, обозначающих единицы, с падежными формами слова *съто*; во втором — первый компонент управлял вторым, который всегда находился в форме Р. п. *сътъ*. При этом *дѣвѣ сътъ*, с одной стороны, и *три съта*, *четыри съта*, с другой, склонялись по-разному, так как деklinационная парадигма словосочетания *дѣвѣ сътъ* оформлялась по двойственному числу, а парадигма словосочетаний *три съта*, *четыри съта* — по множественному.

Сразу заметим, что для XVII в. говорить о том, что числительные *дѣвѣсть*, *триста*, *четыреста*, *пятьсотъ* — *девятьсотъ* представляли собой словосочетания, конечно, нельзя, это уже, несомненно, были сложные слова (поэтому при приведении материала источников мы записываем их без пробела), поскольку в противном случае наблюдалось бы повторение предлога между частями, образующими обозначение сотен, а этого не бывает никогда, хотя повторение предлога между компонентами составного числительного было характерной чертой рассматриваемой системы. Ср.: к *тре^мсто^м* к *два^мца^м* к *пя^мче^мя^м* 8455-2, в *триста* в *пя^мдеся^м* че^ми 8461-117, о *тре^хсо^м* о *пя^мдеся^м* че^мве^ртя^х 23351, ч. 1-227.

Итак, в XVII веке мы застаем три группы числительных: а) *дѣвѣсть*, б) *триста*, *четыреста*, в) *пятьсотъ*, *шестьсотъ*, *семьсотъ*, *восемьсотъ* (*восемьмисотъ*), *девятьсотъ* — на стадии активного взаимодействия их вторых компонентов друг с другом.

2.8.1. Во втором компоненте числительного *дѣвѣсть* уже не наблюдается исходных форм двойственного числа (кроме формы И.-В. пп. *дѣвѣсте/двѣсте*, употребляемой, впрочем, наряду с *дѣвѣсти/двѣсти*).

В Р. п. единственно возможная форма второго компонента — это *-сотъ* (бывшая форма множественного числа).

В М. п. сосуществуют элементы *-стахъ* из парадигмы множественного числа и *-сотъ* — под влиянием изначально неизменяемой второй части числительных группы *пятьсотъ* — *девятьсотъ*.

В Д. п. есть три варианта второго компонента: старая форма Д. п. мн. ч. *-стомъ*, новая форма Д. п. мн. ч. *-стамъ* (реже) и форма Р. п. мн. ч. *-сотъ*

(под влиянием числительных группы *пятьсот* — *девятьсот*). Заметим, что наличие неизменяемой части *-сотъ* у слов, обозначающих числа 200, 300, 400, известно и другим памятникам письменности, см. [Дровникова 1985: 67—68; Глускина 1961: 22].

Первый компонент числительного *дѣвѣстѣ* повторяет склонение слова *два/дѣвѣ* с одной инновацией — в Д. п. наряду с компонентами *дву-*, *дѣвѣм-* появляется и новообразование *двум-*, то есть получается следующая картина: И. п. *дѣвѣ-*; Р. п. *дву-*; Д. п. *дву-*, *дѣвѣм-*, *двум-*; Т. п. не встретился; М. п. *дву-*.

Таким образом, парадигма склонения слова *дѣвѣстѣ* имеет вариативность, особенно в Д. п., где насчитывается шесть сосуществующих вариантов:

И-В. пп.	<i>дѣвѣсте/дѣвѣсти</i>
Р. п.	<i>двусотѣ</i>
Д. п.	<i>двусотѣ, двустомѣ, двемстомѣ, двемстамѣ, двумстомѣ, двумстамѣ</i>
М. п.	<i>двусотѣ, двустахѣ</i>

Примеры

(приводится лишь небольшая часть обширного материала)

Р. п. *не дошло... двусо^м осмидеся^м два^мца^м одна че^м* 8455-42, *недописано двусо^м семидеся^м ня^{ми} че^ми* 8455-559 об.;

Д. п. *ко двусотѣ ко^ути че^мвертя^м* 8455-435, *къ двусо^м къ пятидеся^м к осми че^мвѣтя^м* 8461-641 об.; *к двусто^м к осмидеся^м к тре^м че^мвертя^м* 8455-266 об., *къ двусто^м к два^мца^м ма че^мвертя^м* 8455-299 об.; *к две^мсто^м к трица^{ми} че^мвѣтя^м* 8455-50, *к дѣвѣсто^м к семидеся^м к четыре^м че^мвѣтя^м* 8461-113; *к две^мстамѣ ко штидеся^м къ дву че^мвертямѣ* 8455-211; *къ дву^мсто^м къ девяносту къ тре^м че^мвѣтя^м* 8455-457 об., *к дву^мсто^м к девяносто къ тре^м че^мвѣтя^м* 8455-455; *къ дву^мстамѣ к девя^{ми}нацати че^мямѣ* 8461-648 об., 650;

М. п. *на двусотѣ четвертя^х* 8455-259 об., *о двуста^х о три^мцати че^мхѣ* 23380-204.

2.8.2. Числительные *триста*, *четыреста* в качестве второго компонента имеют: 1) формы множественного числа слова *сто*, причем в Д. п. употребительны два варианта — старый *стомѣ* и новый *стамѣ*; 2) неизменяемый элемент *-сот*, обязанный своим возникновением формам числительных *пятьсот* — *девятьсот*. Первая же часть этих слов склоняется, как *три*, *четыре*, но в Р. п. представлен еще один вариант, который для числительного *три* как такового не зафиксирован, — архаизм *треи-*. В Д. п. отмечена специфическая форма: первая часть совпадает с формой Т. п. простого числительного, а вторую часть составляет форма Д. п. мн. ч. от *сто* в новом варианте — *стамѣ*: *тремястамѣ*, *чтерьястамѣ* (sic, видимо, здесь отражается беглое произношение). Таким образом, парадигма выглядит так (там, где в таблице пропуски, соответствующих форм не встречено):

И.-В. пп.	<i>триста</i>	<i>четыреста / четыриста</i>
Р. п.	<i>трехсотъ, треисотъ</i>	<i>четырёхсотъ</i>
Д. п.	<i>трестомъ, тремстамъ, тремсотъ, тремястамъ</i>	<i>четыремсотомъ, четыремстамъ, четыремсотъ, чтерьястамъ</i>
Т. п.	<i>тремясты, тремястами</i>	
М. п.	<i>трехсотъ</i>	

Примеры

(приводится небольшая часть обширного материала)

Р. п. *а не до^дде^м ему... тре^хсо^м ба^а че^мве^рт^м сена* 8455-9, проти^б... *треи-со^м че^ми* 23351, ч. 1-133, *бо^иши четыре^хсотъ чет^м* 23351, ч. 1-106;

Д. п. к *тре^{сто}м^а че^мямъ* 8455-4, к *четыре^{сто}м^а че^мямъ* 8455-171, к *тре^{ста}м^а к восмидеся^м че^ми* 23351, ч. 2-83, к *четыре^{ста}м^а к восмидесять к тре^м че^мве^ртямъ* 8461-484 об., к *тре^{со}м^а че^мве^рте^м* 8455-9, к *четыре^{сотъ} к пятидеся^м к семи че^мвертя^м* 8455-286 об., к *тремяста^м к пня^мюдеса^м к одной че^ми* 8455-84 об., к *чтерьястамъ к три^{ца}м^а к пня^мя че^мвертямъ* 8461-378;

Т. п. *тремясты четьями* 23350-283, *тремяста^м три^{ца}м^а четми* 23350-200;

М. п. *о тре^хсо^м о два^{ца}м^а че^мхъ* 23350-200, *о тре^хсо^м че^х* 23350-200.

2.8.3. Числительные *пятьсотъ* — *девятьсотъ* склоняют первую часть при наличии во второй части, как изначально сложилось при управлении, неизменяемого компонента *-сот* (например, к *пя^мсо^м че^мя^м* 8455-114 об., к *штисотъ к три^{ца}м^а к осми че^мвертя^м* 8455-527, к *семисо^м че^ми* 8455-53) за некоторыми исключениями, связанными с влиянием числительных *триста*, *четыреста*: к *пя^мсто^м к три^{ца}м^а че^мя^м* 8455-17, к *пя^мста^м тритца^мма че^м* (sic) 8461-237. Такая ситуация отмечается и в других памятниках XVII века, см. [Bogusławski 1966: 109—110; Дровникова 1985: 69].

3.0. Итак, специфика многообразного склонения числительных в псковском диалекте первой половины XVII в. объясняется сосуществованием архаичных, переходных и новых форм, действием ослабленной тенденции к формированию единого косвенного падежа и более сильной тенденции к сохранению различий в косвенных падежах, отчего при реализации третьей тенденции — к неразличению Д. и Т. пп. — числительные совпадают в форме Т. п., а не Д. п.

Литература

Багрянский 1957 — И. М. Багрянский. Имя числительное в русском языке XI—XVII вв. // Труды Узбек. гос. ун-та. Новая серия. Вып. 71. Самарканд, 1957. С. 1—99.

Багрянский 1957а — И. М. Багрянский. Сложные и составные количественные числительные в русском языке XI—XVII вв. // Труды Узбек. гос. ун-та. Новая серия. Вып. 73. Самарканд, 1957. С. 5—19.

Багрянский 1957б — И. М. Багрянский. История развития склонения числительных два, две; три, четыре в русском языке XI—XVII вв. // Труды Узбек. гос. ун-та. Новая серия. Вып. 73. Самарканд, 1957. С. 20—36.

Багрянский 1960 — И. М. Багрянский. Имя числительное в русском языке XI—XVII вв.: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1960.

Галинская 2002 — Е. А. Галинская. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.

Глушкина 1955 — С. М. Глушкина. К истории составных числительных в русском языке // Уч. зап. Псков. гос. пед. ин-та. Вып. III. 1955. С. 111—134.

Глушкина 1957 — С. М. Глушкина. Категория грамматического рода имен числительных в истории русского языка. (К истории сложения числительных в часть речи) // Уч. зап. Псков. гос. пед. ин-та. Вып. IV. 1957. С. 199—222.

Глушкина 1961 — С. М. Глушкина. Сложные числительные в истории русского языка (о превращении словосочетаний, обозначающих числа, в слова) // Уч. зап. Псков. гос. пед. ин-та. Вып. VII. 1961. С. 5—34.

ДАРЯ II — Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. II. Морфология. М., 1989.

Дровникова 1959 — Л. Н. Дровникова. История числительных *два, три, четыре* в русском языке // Вопросы истории рус. яз. М., 1959. С. 183—207.

Дровникова 1985 — Л. Н. Дровникова. История числительных в русском языке. Владивосток, 1985.

Дурново 2000 — Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка // Избр. работы по истории рус. яз. М., 2000.

Егоров 1916 — В. Г. Егоров. Согласование числительных с существительными в великорусских юридических памятниках XV—XVII вв. // Филол. зап. Воронеж, 1916. Вып. II—V. С. 189—236; 474—523.

Жолобов 2006 — О. Ф. Жолобов. Числительные. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV. М., 2006.

Зализняк 2002 — А. А. Зализняк. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // А. А. Зализняк. Русское именное словообразование. С приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 550—558.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Матвеева 1954 — Г. И. Матвеева. Числительные в русских говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.

Матвеева 1959 — Г. И. Матвеева. Числительные *два, три, четыре* в русских говорах // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Новая серия. Вып. 1. М., 1959. С. 86—104.

Матвеева 1961 — Г. И. Матвеева. Диалектные особенности числительных *пять — десять* // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Новая серия. Вып. 2. М., 1961. С. 97—102.

Селищев 1921 — А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921.

Тарабасова 1982 — Н. И. Тарабасова. Некоторые черты московской скорописи XVII в. // История русского языка. Памятники XI—XVIII вв. М., 1982. С. 170—220.

Хабургаев 1990 — Г. А. Хабургаев. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1990.

Bogusławski 1966 — A. Bogusławski. Semanticzne pojęcie liczebника i jego morfologia w języku rosyjskim. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966.

Leskien 1875 — A. Leskien. Das russische двумя, тремя, четырьмя // Archiv für slavische Philologie. Bd. I, Heft 1. Berlin, 1875.

Unbegaun 1935 — B. Unbegaun. La langue russe au XVIe siècle (1500—1550). I. La flexion des noms. Paris, 1935.

E. GALINSKAYA

**THE DECLENSION OF CARDINAL NUMERALS
IN THE PSKOV DIALECT OF THE 1ST HALF OF THE 17TH CENTURY**

The article deals with declensional forms of cardinal numerals attested in the manuscript business documents of the first half of the 17th century from the Pskov region. Many declensional paradigms were in the process of change in this period. Some cases exhibit variant forms, which can be classified into archaic, transitional and new. While the instrumental falls together with the dative in the nominal and pronominal declension where the form of the dative becomes dominant (e. g. *за рука^м свои^м*), in numerals the dative is replaced by the instrumental (e. g. *тридцатьма, пятьюдесять^м*). This is due to the fact that numerals resist developing a uniform oblique case, which would have emerged if the dative of the type *нѣму* had taken over.

Keywords: historical dialectology of Russian, the Pskov dialect of the 17th century, cardinal numerals, Russian hand-written business documents.

А. Ф. САГИТОВА

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЧЕРЕДОВАНИЯ О/А
В ГЛАГОЛАХ НА -ИВАТЬ (-ЫВАТЬ)
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ**

1. Предварительные замечания

В статье рассматривается чередование О/А в корнях вторичных имперфективов, восходящее к древнейшему чередованию долгого и краткого гласных, которое с течением времени морфологизируется и становится грамматическим показателем несовершенного вида. Процесс мены О на А не носит абсолютного характера: наряду с однозначным употреблением форм с А в корне (*расстраивать, спрашивать*) отмечаются как вариативные формы (*обусловливать* и *обулавливать, уполномочивать* и *уполномачивать*), так и формы без чередования (*узаконивать, обескровливать*). Традиционно принято разграничивать формы с О и А в корне 1) по акцентологическому принципу: в зависимости от места стресса в глаголе совершенного вида (*рассмотреть* — *рассматривать, заболотить* — *заболочивать*) [Востоков 1835; Чернышев 1915; Розенталь 1965; Граудина 1980; Валгина 2001]; 2) по функциональному предназначению: предпочтение форм с А в разговорной речи и использование обеих форм в письменной [Обнорский 2009; Розенталь 1965; Горбачевич 1978; Граудина 1980].

Не преуменьшая значения этих положений, уточняя и дополняя их, мы хотели бы обратить внимание на словообразовательный характер чередования, сделав акцент на его зависимости от характера производящей основы и присоединяемой к основе морфемы.

1. Роль словообразования в процессе упорядочения орфографических норм трудно переоценить. Главный принцип русской орфографии — морфологический — логично объясняет, к примеру, написание безударных проверяемых ударением гласных в корне: как и любая другая, корневая морфема должна сохранять единообразие написания. Тем не менее даже это, одно из простейших и логичных правил русской орфографии, допускает отклонение: «При выборе написания О или А в безударных глагольных корнях не следует использовать для проверки глаголы несовершенно-

го вида с суффиксом *-ыва-* (*-ива-*). Например, для проверки безударной гласной в корнях глаголов *бросать*, *топтать*... следует привлекать такие слова и формы, как *бросить*, *топчем*..., но не глаголы типа *набрасывать*, *вытаптывать*..., для которых характерно чередование гласных *o* — *a* (ср. *заработать* — *зарабатывать*, *усвоить* — *усваивать*...)» [Правила 2008: 42]. Однако и эта закономерность не является абсолютной — сохраняется довольно мощный пласт имперфективов без указанного чередования.

В противовес морфологическому принципу непоследовательность возникновения чередования встречается даже в однокоренных образованиях: нормативной в настоящее время считается форма *оспаривать*, но единственно правильными образованиями того же глагола — *проспоривать* и *переспоривать*.

Определению степени влияния словообразовательных элементов — производящей основы и аффиксов — на выбор гласного в корне в современном русском литературном языке посвящена настоящая статья.

1.1. Авторы немногочисленных работ, затрагивающие вопрос чередования *O/A* во вторичных имперфективах [Востоков 1835; Чернышев 1915; Обнорский 2009; Розенталь 1965; Граудина 1980; Горбачевич 1978], оперируют термином «корень» при определении очага возникновения вариативности. Однако место дислокации чередования может не ограничиваться корневой морфемой. В единичных случаях оно встречается в префиксах (*заподозривать*):

- (1) *Ведь это жизненная черта и отсутствие ее именно делает то, что Базарова заподозривают в непринадлежности к здешнему миру, относя его к героическому циклу, к родству с Оссианом наизнанку и т. п.* (П. В. Анненков. Письма к И. С. Тургеневу (1852—1874)).
- (2) *А когда на эти вопросы прямых ответов не получают, то либо заподозривают какие-то глубоко скрытые тайные козни, либо с пренебрежением пожимают плечами, объявляя все это «движение» чисто литературным направлением и простым оригинальничаньем* (Н. С. Трубецкой. Мы и другие (1925))¹.

Показательна в отношении этих примеров статья И. М. Николича, выражающего протест против форм *заподозривать*, *заподозривая*: «Под каким углом зрения могли проявиться небывалые глаголы: *подозривать*, *заподозривать*, ведущие свое начало от простого глагола *зреть*, учащательная форма которого *зирать*, *зревать*, и ума приложить нельзя»².

С современной точки зрения можно отнести чередование *O/A* в этом глаголе к корневому, рассматривая выделение корня *-подозр-* как резуль-

¹ Большинство примеров соответствующего периода берется из Национального корпуса русского языка: www.ruscorpora.ru.

² Цитируется по [Виноградов 1934].

тат опрощения. Тем не менее внутренняя форма слова не утратилась полностью и распознается носителями языка.

В результате аналогичного процесса чередование в имперфективах *ознакамливать(-ся)*, *перезнакамливаться* можно считать корневым, однако изначально членимость была иной, и мена звуков происходила в суффиксальной морфеме:

- (3) *В случае необходимости изготовления документа с содержанием последнего ознакомливать только ограниченный круг лиц под расписку, не распространяя документов за пределы штаба, изготавливающего эти документы* (Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 11 (1941—1945)).

В диалектных образованиях также представлено чередование в суффиксах: *приторгавывать* — Шенк. (Манс. 91), *заколдавывать* — Самар. (Прогр. 40), *упакавывать* — Ленингр. (Обнорск.)³.

Поэтому представляется возможным говорить не о корневом чередовании, а о чередовании О/А в **основе** слова.

Итак, производящая основа глагола в процессе образования имперфективной формы в большинстве случаев претерпевает изменения.

Для детального анализа имперфективов с произошедшей и гипотетически возможной меной О на А была произведена сплошная выборка из Обратного словаря [Зализняк 1980] и на его основе — из Словаря современного русского литературного языка в 17 томах [ССРЛЯ 1948—1965]. Большинство примеров приводится из Национального корпуса русского языка.

2. Зависимость чередования от характера производящей основы

В Обратном словаре русского языка зафиксировано 1352 глагола, находящиеся на разных стадиях развития чередования. Большую часть имперфективов чередование уже затронуло, однако 139 образований отмечено только с О в производящей основе, и только для имперфективов от *унавожить* и *обусловить* отмечены вариативные формы: *унавоживать* и *унаваживать*, *занавоживать* и *занаваживать*, *обусловливать* и *обулавливать*.

Экспансия вторичных имперфективов с А в производящей основе при исконном О на современном этапе развития языка очевидна. В первую очередь под действие процесса мены О на А попадают глаголы, образованные от основы совершенного вида с безударным корневым О. Считается, что в этом случае «корневое О всегда переходит в ударяемое А (*вырабатывать* — *вырабатывать*)» [Розенталь 1965: 174].

³ Данные по диалектному материалу приводятся по [Обнорский 2009: 50]. Там же см. раскрытие сокращений.

2.1. Однако ряд глаголов: *ковать*, *совать*, *основать* и префиксальные образования от них — сохраняют в корне О (*подковывать*, *засовывать*, *основывать*), хотя в совершенном виде имеют ударение в посткорневой позиции. Гласный О в корне этих глаголов восходит к древнему дифтонгу — сочетание *-ов-* чередуется с *-у-*. В сочетании с суффиксом имперфектива *-ыва-* возникает омонимия с глаголами на *-овывать*, всегда притягивающим ударение на О: *организовывать*, *заколдовывать* и др. Этот фактор в глаголах указанного типа является приоритетным для удержания корневого О.

В современном языке функционирует слово *оковы*, что может служить дополнительным фактором, укрепляющим положение формы с О в корне глагола *оковывать* в настоящее время.

2.2.1. Мотивация производной основы именем, как правило, поддерживает ее связь с производящей основой, что, в свою очередь, способствует сохранению (вероятно, временному) О в корне.

139 глаголов, отмеченных в словаре с корневым О в имперфективах, входят в состав разных 60 словарных гнезд, мотивирующей основой которых в большинстве случаев (43) являются имена существительные и прилагательные (*обездолживать*, *растревоживать*, *приохочивать*, *опорочивать* и др.). Словообразовательная структура в этих случаях более прозрачна. Отыменные образования сохраняют связь слова с производящей основой и, соответственно, апеллируют в сознании носителя языка к образованиям с исконным корневым гласным. Например, достаточно долгое время сохранялась форма *успокоивать*:

- (4) *Ему хотелось оглянуться назад, но он не смел этого сделать и старался успокоивать себя и не посылать лошади, чтобы приберечь в ней запас, равный тому, который, он чувствовал, оставался в Гладиаторе* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)).

Глагол *успокоивать* имеет значение ‘делать спокойным’, и в сознании говорящего возникает слово-источник, производящая основа, что, в свою очередь, сохраняет корневой гласный.

2.2.2. Наиболее очевидно мотивирующее слово вычленяется в заимствованных словах: *обандероливать* — *бандероль*, *заиторивать* — *итор*, *урезонивать* — *резон*, *перелефасонивать* — *фасон*, *отфутболивать* — *футбол*.

Нельзя, конечно, говорить о прозрачности словообразовательной структуры слова в последнем примере, т. к. глагол *отфутболивать* не связан тесно со значением производящей основы *футбол*, здесь произошло семантическое переосмысление:

- (5) *Смутное предчувствие того, что мое согласие встретиться с немецким полковником, которого все вежливо отфутболивали, может с неожиданной стороны обернуться очередной выволочкой из-за какого-нибудь пустякового прокола, заставило меня вспомнить*

мудрое генштабовское правило (Виктор Баранец. Генштаб без тайн. Книга 2 (1999)).

2.2.3. Выделяется целая группа глаголов, соотносящихся с именами существительными, но объективно не мотивируемых ими: *проворонивать, огорошивать, обьегоривать, раздраконивать, приурочивать, распатронивать, пропесочивать, облапошивать*.

Важную роль в сохранении гласного играет народная этимология. Так, имперфектив *огорошивать* соотносится говорящими с существительным *горох*. М. Фасмер, объясняя этимологию этого глагола, сообщает: «Возможно, от *огородить*. Вряд ли *грохот*, вопреки Горяеву». Н. М. Шанский объясняет слово *огорошить* как префиксальное образование от диалектного *горошить*, которое в свою очередь связано со словом *горох*, и приводит выражение «сыпать как горох» — «быстро и непонятно говорить» [Шанский 1971: 87]. Сейчас глагол *огорошить* вряд ли связывается с указанным *горошить* и является непроизводным, но возможность объяснить его через слово *горох* вполне оправдана, т. к. ассоциативно можно через это существительное «объяснить» значение глагола, проведя параллель с устойчивым выражением *как снег на голову*: ‘удивить, словно горох высыпать на голову’.

Глагол *отшпандоривать* мотивируется существительным м. р. *шпандырь* — «немц., сапожн. натяг, ремень кольцом, которым, тачая, придерживают работу ступнею к колену. || калуж. портняжный снаряд, для натяжки ткани. || Натяг кузнечный, колесный. *Шпандорить, пришпандорить кого*, приструнить, взять строго в руки» [Даль IV, 642]. Однако гласный О в корне появляется здесь вопреки мотивирующей зависимости, вероятно, под влиянием парадигмы образования имперфективов.

2.2.4. Отыменное образование, как и любой другой удерживающий фактор, сохраняет корневой гласный в течение какого-то времени. Ранее, например, это относилось и к имперфективам, мотивированным именем числительным (*удвоивать*) и местоимением (*присвоивать*), которые были употребительны до конца XIX века:

- (6) *То, что она видит и встречает, не смущает и не страшит ее потому нимало, — напротив... — удвоивает ее энергию и указывает новые пути и новые горизонты...* (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год (1876)).
- (7) *Первые прозываются — благонадежными; вторым присвоивают наименование неблагонадежных* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (1886—1887)).

2.3. Из всех приведенных выше глаголов формы имперфективов с А в корне в Национальном корпусе русского языка зафиксированы только для глаголов несовершенного вида от *унавозить* и *обусловить*.

2.3.1. В основном корпусе зафиксировано 7 примеров с формой *унаваживать* и 16 — с *унавоживать*. Столь незначительное количество форм этого глагола объясняется довольно ограниченной сферой его употребле-

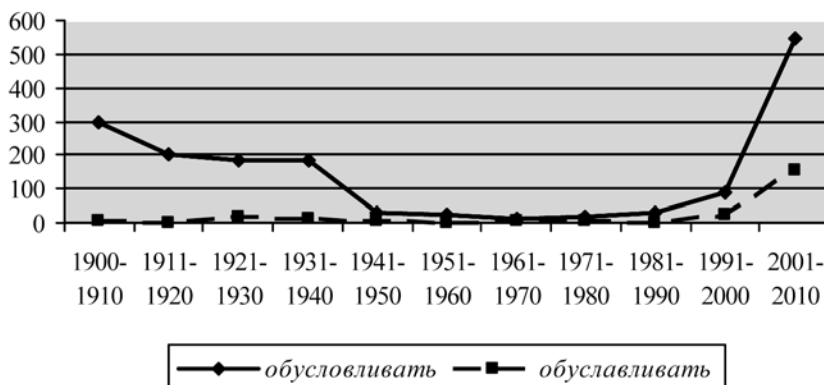
ния, и встречаются они преимущественно в произведениях художественной литературы:

- (8) *Дорожки надо будет обходить, пропускать, а земля старых клумб наверно основательно **унаваживалась** и богата перегноем* (Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945—1955)).
- (9) — *Видно, плохо **унаваживаете**, то есть позему мало кладете?* (В. И. Даль. Двухаршинный нос (1856)).

2.3.2. Что касается форм *обусловливать* и *обулавливать*, то в современном русском языке они считаются равноправными формами: оба варианта в словарях приводятся без стилистических помет.

Историю функционирования форм с *О* и *А* в корне этого глагола в XX—XXI вв. можно представить в следующем виде (по данным НКРЯ):

Диаграмма 1

Таким образом, форма *обусловливать* была широко распространена в начале XX века, однако в 40—70-е годы происходит спад употребления форм этого глагола, а начиная с 90-х годов наблюдается резкое увеличение его фиксаций.

На протяжении всего прошлого столетия формы с *А* не превосходили по количеству употреблений количество форм с *О* в корне. Однако в последнее десятилетие произошло резкое увеличение случаев использования обеих форм. При этом сократилась амплитуда колебаний между ними.

Анализ форм *обусловливать/обулавливать* в различных подкорпусах показывает, что этот глагол наиболее уместен в публицистике. В газетном подкорпусе отмечено практически равное количество форм с *О* и *А* в корне: 58 — *обусловливать*, 55 — *обулавливать*.

Для сравнения: в языке художественной литературы зафиксировано 50 форм с *О* в корне и 15 — с *А*. Эти данные подтверждают, что язык художественных произведений более консервативен.

В устном корпусе зафиксирован всего один пример интересующего нас глагола:

- (10) *...Эта ситуация будет в корне институционально обуславливать постоянное воспроизведение того / что мы называем коррупцией в широком смысле этого слова / в расширяющихся и воспроизводящих размерах* (Дискуссия об органах местного самоуправления (2001—2004)).

Таким образом, глагол *обусловливать/обуславливать* не распространен в устной речи, поэтому он некоторым образом отгорожен от влияния нормы, требующей мены О на А в подобного рода случаях.

Однако данные, свидетельствующие о широком распространении в последнее время этого глагола в периодике, позволяют утверждать, что в скором времени тенденция к предпочтению форм с А коснется и этого глагола.

Вообще тенденция к унификации словообразовательного типа слишком сильна и, на наш взгляд, в скором времени распространится даже на те случаи, где сейчас это кажется маловероятным.

2.4. Стабильно удерживается О в корне глаголов, образованных от звукоподражательных слов: (*о-, от-, об-, на-, за-, у-*)*хлопать*, (*по-, при-*)*чмокивать*:

- (11) *Он причмокивал, напевал сквозь зубы «к берегам священным Нила...» и что-то бормотал* (Булгаков. Собачье сердце).
 (12) *Западня захлопывалась, как она захлопывается за нами ежедневно...* (Петрушевская. Время ночь)

Эта группа слов, как правило, не подвергается каким бы то ни было изменениям, т. к. в сознании носителей языка такие слова воспринимаются как нечленимое целое, в котором нежелательны, а в изолированном употреблении (имеется в виду использование чисто звукоподражательных слов, а не производных от них) и вообще невозможны какие бы то ни было изменения.

Глагол *потопывать* в значении ‘стучать, бить по твердой поверхности ногами время от времени’ пишется с О в корне:

- (13) *Второй помощник, молодой и тихий, изредка потопывал по верху* (Житков Борис. Волы (1929)).

Но в переносном значении отмечается вариант с А:

- (14) *Он попробовал сбросить с себя наваждение, посмотреть на Марту спокойно и весело; но встретив ее нестерпимо пристальный взгляд, он беспомощно продолжал потапывать платком по мокрой скатерти, несмотря на то, что Драйер смеялся и отстранял его руку* (Владимир Набоков. Король, дама, валет).

Ср.: «... для проверки безударной гласной в корнях глаголов *бросать, топтать...* следует привлекать такие слова и формы, как *бросить, топчем...*, но не глаголы типа *набрасывать, вытаптывать...*, для которых характерно чередование гласных **о** — **а** (ср. *заработать* — *зарабатывать, усвоить* — *усваивать* и т. п.)» [Правила 2008: 42].

2.5. При возникающей омонимии дериватов, образованных от разных производящих основ, для семантической дифференциации были введены в XIX веке формы *раскрошивать* (от *крошить*) для отграничения от аналогично звучащего образования несовершенного вида глагола *красить* и *просоливать* (от *солить*), чтобы не смешивать с *просаливать* (от *сало*).

Согласно этому же принципу, вероятно, удерживается малораспространенная форма *переплочивать* от глагола *переплотить*, *-очу́, -оти́шь, «сов.* (к *переплочивать*), *что* (спец., обл.). 1. Сплотить (в плоты) заново. 2. Сплотить (в плоты) всё, многое. *П(ереплотить) весь сплавной лес.* 3. Преградить плотиной, бревенчатой стенкой» [Ушаков III: 177—178].

Хотя ударение в этом случае в совершенном виде падает не на корневой **О**, при образовании имперфектива гласный также сохраняется во избежание омонимии с аналогичной формой, но с **А** в корне — от глагола *переплатить*.

З а м е ч а н и е. Таким образом, традиционно принятая безусловная тенденция перехода корневого **О** «в ударяемое **А**» в имперфективах, образованных от глаголов совершенного вида с безударным **О** в корне, требует уточнения. Это правило имеет исключения в следующих случаях:

- 1) если в корне глагола имеется сочетание *-ов-*, проходящее из дифтонга: *подковать* — *подковывать, рассовать* — *рассовывать*;
- 2) если возможно возникновение омонимии — в целях семантической дифференциации: *раскрошить* — *раскрошивать, переплотить* — *переплочивать*.

В Обратном словаре А. А. Зализняка отмечена форма *залосниваться*, образованная от глагола *залосниться*: *залосниваюсь, залосниваешься, «несов. (разг.). 1. Несов. к залосниться во 2 знач. 2. Страд. к залоснивать»* [Ушаков I: 972].

К настоящему времени исчезла форма *залоснивать*, а также формы 1-го и 2-го лица: *залосниваюсь, залосниваешься*. К тому же этот глагол стал менее употребительным, ограниченным разговорной сферой употребления, в отличие от его перфективной пары *залосниться*, что связано со значением предельного процесса глагола *залосниваться*. Приоритет формы совершенного вида для данной пары определяет устойчивость корневого гласного. Однако в интернет-форумах отмечены единичные случаи употребления этого имперфектива с **А** в корне:

- (15) *Хорошо наносятся, но немного осыпаются и смазываются. Chanel — твердые и как бы сказать «залосниваются» в коробочке, после чего их трудно наносить.*

Отметим, что в (15) появляется хабитуальное значение: *зalasниваются* — это некое постоянное свойство теней, о которых идет речь в приведенном контексте. Хотя и в этом случае нет значения длительности, однако предельность процесса смягчается. Это, в свою очередь, поддерживает образование имперфектива, сопровождающееся меной гласных. Тем самым эта форма словно возрождается, следуя общему правилу.

3. Роль аффиксов в процессе мены О на А

3.1. Префиксальные и конфиксальные образования

Один и тот же глагол с разными префиксами мог вести себя по-разному — сохранять или не сохранять корневой О. Например, *оспаривать*, *проспоривать* и *переспоривать*. Можно ли утверждать, что различие гласных в основе обусловлено характером префикса — тем значением, которое он привносит?

В современном русском языке гласный О удерживается в имперфективах на *-ивать* со следующими префиксами и конфиксами:

1) *вз(вс)...ивать*: *взьерошивать*, *всклоковывать*, *всклочивать* — гласный О зафиксирован в 30 % процентах глаголов этого словообразовательного типа;

2) *за...ивать*: *закупоривать*, *замусоливать*, *замусоривать*, *занавоживать*, *застопоривать*, *засупонивать*, *засусоливать*, *заитопывать* — 15 %;

3) *из(ис)...ивать*: *измусоливать*, *иситопывать* — 7 %;

4) *о...ивать*: *озабочивать*, *опорочивать*, *охлопывать* — 15 %;

5) *обез(обес)...ивать*: *обезболивать*, *обезвоживать*, *обезволивать*, *обездоливать*, *обескровливать*, *обеспложивать*, *обессоливать*, *обесточивать* — 100 %;

6) *об...ивать*: *облапошивать*, *обмусоливать*, *обсусоливать*, *обусловливать*, *обхлопывать*, *обитопывать*, *объегоривать* — 18 %;

7) *от...ивать*: *откупоривать*, *отсрочивать* — 11 %;

8) *пере...ивать*: *перемусоливать*, *переспоривать*, *пересрочивать*, *пересупонивать*, *переитопывать* — 13 %;

9) *под...ивать*: *подзадоривать*, *подрессоривать*, *подитопывать*, *подытоживать* — 10 %;

10) *при...ивать*: *принайтовливать*, *приневоливать*, *приохочивать*, *присупонивать*, *приурочивать*, *пригноивать*, *пришпоривать* — 16 %;

11) *про...ивать*: *проворонивать*, *пропесочивать*, *проспоривать*, *просрочивать*, *прохлопывать*, *проитопывать* — 12 %;

12) *раз...ивать*: *раззадоривать*, *размусоливать*, *разнайтовливать*, *разохочивать*, *разрознивать*, *раскупоривать*, *распатронивать*, *рассоривать*, *рассредоточивать*, *рассрочивать*, *рассупонивать*, *рассусоливать*, *рastreвоживать* — 26 %;

13) *с(о)...ивать*: *сколживать*, *сосредоточивать*, *стреноживать* — 9 %;

14) у...ивать: *укупоривать, унавоживать, узаконивать, уполномочивать, упорядочивать, упрочивать, ухоложивать, уштопывать* — 21 %;

100-процентное сохранение корневого О наблюдается только в конфиксальных образованиях — *обез...ивать(-ывать)*. Это достаточно продуктивный словообразовательный тип, и при использовании глаголов этого типа носители языка достаточно четко членят слово на две морфемы, т. к. само словообразовательное значение указывает на них: значение «лишать» (передается с помощью к о н ф и к с а) того, что обозначает п р о и з в о д я щ а я о с н о в а. По этому типу легко образовать новые слова, например: *обезножить, обестелефонить* и под. Возникновение чередования влечет за собой затемнение значения производящей основы, что в данном типе нежелательно, а иногда и недопустимо. Например, при чередовании распознавание производящей основы, а поэтому и значения глаголов *обестачивать, обезваживать* или *обесплаживать* оказывается практически невозможным. Но форма *обезбаливать* зафиксирована в разговорной речи:

(16) *А вообще, можно как-то обезбаливать эту процедуру?* (Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005)).

Словообразовательное значение конфиксальных образований на *раз...ивать, у...ивать*, где О в корне сохраняется в 23 % и 21 % случаев, не столь прозрачно — в этом случае можно выделить даже не одно, а несколько омонимичных словообразовательных значений: *раз...ивать* — 1) возбудить, вызвать то, что обозначает производящая основа (*раззадоривать, разохочивать, растревоживать*); 2) развязать, распустить то, что обозначает производящая основа (*разнайтовливать, рассупонивать*); 3) неясная соотношенность (*распатронивать*) и др.

Образование новых слов по полисемичному словообразовательному типу, а также свободная интерпретация окказионализмов и неологизмов в этом случае бывает затруднена. Поэтому в этих случаях и сохраняется корневой гласный, но в небольшом количестве глаголов (20 %) этого словообразовательного типа.

В конфиксальных образованиях на *вс...ивать* также в трети образований удерживается корневой О. Начальное *вс-* (*вз-, воз-*) является древнейшим образованием, свойственным книжному стилю, однако глаголы *взьерошивать, всключивать* и *всклокочивать* не относятся к таковому — в словаре Ожегова они маркируются как разговорные, но чередование О/А, свойственное разговорной речи, здесь не отмечено.

Количество глаголов, удерживающих О в корне, с префиксами *про-*, *о-* незначительно: 12 % и 15 %.

Можно предположить, что характер префикса не играет определяющей роли для чередования О/А в корне имперфективов, однако конфиксальные образования способствуют вычленению производящей основы, а стало быть, поддерживают с ней тесную связь, что способствует более долгому функционированию форм с О в этих случаях.

3.2. Префиксальные и беспрефиксные глаголы с многократным значением

Особую роль играет наличие префиксов в так называемых многократных глаголах. Изначально суффикс *-ива-* (*-ыва-*) оформлял именно этот тип глаголов. Многократные глаголы, как правило, образовывались от беспрефиксальных основ и имели значение повторяемости.

Префиксальные многократные глаголы впервые были отмечены в XVI—XVII вв. В этот период чередование О/А было уже весьма продуктивно и новообразования входили в язык непосредственно с «новым» гласным.

К тому же многократные глаголы в сочетании с префиксом «вовлекались в сферу несовершенного вида; при этом в них значение длительности сочеталось со значением повторяемости» [Виноградов 1947: 504], т. е. эти глаголы выражали не только длительную повторяемость действия, но и длительность действия вообще. Старейшее чередование краткого и долгого гласного, передававшее значение длительности, морфологизировалось, однако дуративная семантика, характеризующая глаголы несовершенного вида, может поддерживать корневое чередование О/А.

С. П. Обнорским было отмечено, что «глаголы, образованные от существительных или прилагательных», а также «многие глаголы книжного характера» в основном не имеют «многократных образований» [Обнорский 2009: 35]. Этим, на наш взгляд, во многом объясняется изменение корневого О.

Так как многократные глаголы не образуются от имени, то степень влияния одного из важнейших факторов, способствующих удержанию О в корне, сводится к нулю.

Книжный характер глагола также, несомненно, определяет преимущественное употребление форм с О в корне. Неоднократно было отмечено и подтверждается данными Национального корпуса русского языка, что «варианты с *-а-* свойственны разговорной речи, варианты с *-о-* более употребительны в письменной, книжной и деловой речи... Если в письменных стилях зарегистрированы оба типа вариантов, часто с преимущественным употреблением вариантов на *-о-*, то в устной речи предпочитают формы с *-а-*» [Граудина 1980: 220].

Например, для глагола *сосредоточивать* в Национальном корпусе русского языка зафиксировано 1072 употребления с О в корне и 169 — с А. В устном подкорпусе этот глагол менее употребителен, однако данные в процентном соотношении показательны: форма *сосредоточивать* не зафиксирована вообще, форма *сосредотачивать* встречается 20 раз. Таким образом, в основном подкорпусе зафиксировано 15 % употребления форм с А, в устном — 100 %.

Эта норма, требующая сохранения корневого гласного в литературной, письменной речи, особенно строгая в советское время, долгое время удерживала корневой гласный в имперфективах, образованных от глаголов совершенного вида с ударным О в корне: *обуслОвить* — *обусловливать*, *подытОжить* — *подытоживать* (ср. *огородИть* — *огораживать*).

Многократные глаголы с аналогичным суффиксом образуются от глаголов несовершенного вида: *носить* — *нашивать*, *ходить* — *хаживать*. Акцентологическую закономерность, указанную выше, можно считать справедливой, но с некоторой поправкой: если в производящем слове (вид глагола здесь не принципиален) ударение падает не на корневой *О*, то в производном обязательно происходит чередование: *ловить* — *лавливать*, *распросить* — *распрашивать*. В противном случае возникают три возможных способа образования глагола с суффиксом *-ива-*:

- 1) с чередованием (*настроить* — *настраивать*);
- 2) без чередования (*узаконить* — *узаконивать*);
- 3) с колебанием форм (*обусловить* — *обусловливать* и *обуславливать*).

Эта закономерность свойственна и многократным глаголам, поэтому мы не выделяем их в особый класс, считая многократные глаголы разновидностью несовершенного вида, уже непродуктивной в настоящее время.

После того как «модель образования многократных бесприставочных глаголов утратила свою продуктивность и этот способ действия перестал быть актуальным (в литературном языке и в ряде говоров, за исключением северных), присущая ему семантика стала исчезать и у приставочных глаголов на *-ива-*, основная масса которых вновь, как и в др.-рус. языке, стала выражать только имперфективность» [Силина 1982: 271].

Итак, только для префиксальных многократных глаголов можно обозначить тенденцию к 100 %-ной мене гласных в корне. Беспрефиксные многократные глаголы могут сохранять корневой *О* в противовес префиксальным имперфективам.

3.5. Постфиксальные образования

Особое место занимают имперфективы с модификатором *-ся* (традиционно — «постфикс»): эта группа глаголов зафиксирована преимущественно с *А* в корне. Из 1352 имперфективов, где произошло или может произойти чередование, 408 имеют постфикс *-ся*, но только в 26 случаях реально зафиксировано.

На более раннем этапе развития ситуация была более разнообразна, однако экспансия форм с *А* прослеживается уже и в это время: в Словаре XI—XVII вв. отмечены формы *ганивати* и *гонивати*, однако только *ганиватися*:

- (17) *И онъ Патрикейка съ сыномъ... и со многими людьми ни съ какими съ дубьемъ не ганивался. Д. съезж. дв., 25. 1695 г.* [СРЯ XI—XVII, 4: 10].

Вероятно, это связано с тем, что «возвратная форма глаголов, т. е. осложненная частицей *-ся*, представляет собою явление вторичное на базе глаголов без *-ся*» и «залоговая функция в нашем современном значении — приобретение системой языка относительно позднего времени» [Обнорский 2009: 61]. А новые слова, которые входят в употребление, обыкновенно

«принимают сразу форму с [а], минуя стадию варьирования» [Горбачевич 1978: 164]. Однако этот вопрос требует более детального изучения.

Отметим, что наличие/отсутствие аффиксов, на наш взгляд, играет роль в развитии чередования О/А в глаголах на *-ивать (-ывать)*, однако не столь заметную: аффиксы — это строительный материал, способствующий поддержанию связи с производящей основой. Образую производные слова, аффиксы участвуют в формировании словообразовательного гнезда.

Чем внушительнее количество родственных слов с гласным О в корне, тем больше вероятность удержания его в основе имперфектива. Необходимо отметить, что новообразования обычно минуя стадию варьирования, принимая конечную форму (с А в корне), однако если в языке получают распространение сначала однокоренные образования, особенно именные, то они могут препятствовать ходу развития чередования: *узаконивать — закон, законный, узаконивание; растаможивать — таможня, растаможка, растаможивание*. При этом определяющим является не количество слов, а степень их употребительности.

4. Выводы

1. Процесс мены О на А, начавшись в довольно ранний период, охватил подавляющее большинство глаголов несовершенного вида. Кажется закономерной абсолютная экспансия форм с А в относительно скором времени. Препятствуют возникновению чередования на разных этапах развития языка преимущественно причины словообразовательного характера.

2. Главным фактором, удерживающим корневой гласный, является связь с производящей основой. Эта связь может ослабевать или набирать силу в зависимости от характера самой производящей основы или от свойств аффиксов.

3. Чередование О/А может происходить не только в корне глаголов, но и в префиксах (*заподозривать*) и в суффиксах (*ознакамливать*), поэтому справедливо говорить не о корневом чередовании, а о чередовании в основе.

4. Чередование может долгое время не происходить, если производящая основа выражена:

- именем существительным или прилагательным (*узаконивать, упрочищать*), ранее это распространялось на имена числительные (*утрочивать*) и местоимения (*присвоивать*);
- заимствованным словом (*обандероливать*);
- звукоподражательным словом (*причмокивать, поцокивать*).

5. Искусственное сохранение форм с О возможно при возникновении омонимии дериватов, образованных от разных производящих основ: *раскрошивать* от *крошить* и *раскрашивать* от *красить*, *просаливать* от *сало* и *просоливать* от *соль*, *переплочивать* от *переплотить* и *переплачивать* от *переплатить*. Это внедрение форм с О сохраняется недолгий промежуток

времени и актуально при возникновении нежелательных ассоциаций (*просрачивать, переспаривать*)

6. В глаголах, связанных народной этимологией с именами с О в корне, гласный сохраняется (*огорошивать, раздраконивать*).

7. Гласный О сохраняется в основе, содержащей сочетание *-ов-*, происходящее из дифтонга (*подковывать, засовывать, основывать*);

8. Характер префикса не имеет значения для чередования О/А.

9. В глаголах несовершенного вида с многократным значением при наличии префикса отмечены только формы с А.

10. Глаголы с постфиксом *-ся* отмечены также преимущественно с А в корне.

11. Тесную связь с производящей основой сохраняют конфиксальные образования (*обеспложивать, разохочивать*), что поддерживает гласный О в основе.

12. Разветвленное словообразовательное гнездо способствует удержанию О в основе.

Литература

Валгина 2001 — Н. С. Валгина. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. М., 2001.

Виноградов 1934 — В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1934.

Виноградов 1947 — В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1947.

Востоков 1835 — А. Х. Востоков. Сокращенная русская грамматика. 3-е изд. СПб, 1835.

Горбачевич 1978 — К. С. Горбачевич. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.

Граудина 1980 — Л. К. Граудина. Вопросы нормализации русского языка: грамматика и варианты. М., 1980.

Обнорский 2009 — С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола / Отв. ред. В. И. Борковский. 2-е изд. М., 2009.

Правила 2008 — Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2008.

Розенталь 1965 — Д. Э. Розенталь. Практическая стилистика русского языка: Учебное пособие для вузов. М., 1965.

Силина 1982 — В. Б. Силина. История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка: Морфология: Глагол / Под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М., 1982. С. 158—279.

Ушаков I—IV — Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939.

Чернышев 1915 — В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. 2-е изд. Вып. II. Части речи. СПб., 1915.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru.

Словари

Даль IV — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. IV. СПб.; М., 1882.

Зализняк 1980 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 100000 слов. 2-е изд., стереотип. М., 1980.

ССРЛЯ 1948—1965 — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948—1965.

СРЯ 11—17 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 1—16. М., 1975—1990.

Ожегов 1999 — С. И. Ожегов. Толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд. испр. и доп. М., 1999.

Фасмер 2003 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка в 4 томах. Т. 3 / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд. стер. М., 2003.

Шанский 1971 — Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.

A. SAGITOVA

DERIVATIONAL ASPECT OF THE VERBS' ALTERNATION (O/A) IN -YVA-/-IVA- FORMATION IN MODERN RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

The article deals with the description of derivational factors which influence the realization of secondary imperfective forms in modern Russian literary language and produce the O/A alternation. The origin of the alternation depends on the character of the underlying stem and affixes. In accordance with the conception of the binary structure of derived words the influence of these factors is analyzed.

Keywords: O/A alternation, secondary imperfectivation, morpheme, underlying stem, affix.

Д. О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

**СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ:
МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ
И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ИДИОМ¹**

1. Сопоставительная фразеология: общие соображения

Сопоставительная фразеология в точном смысле начала активно развиваться с середины 60-х годов XX в. Однако, если учесть сравнительно-исторические исследования, в которых так или иначе использовался фразеологический материал, эта традиция намного старше. В исследованиях конца XIX — первой половины XX в., так или иначе затрагивавших фразеологическую проблематику, основное внимание уделялось вопросам происхождения и заимствования отдельных фразеологизмов, причем в качестве материала использовались в первую очередь пословицы. Сопоставительная фразеология в современном понимании — это особое направление исследований, ориентированное на выявление сходств и различий между фразеологизмами различных языков. В данном направлении можно выделить два относительно самостоятельных подхода: в первом случае исследуются родственные языки, а для второго степень генетического родства несущественна. Первое направление представлено, например, работой В. М. Мокиенко [Мокиенко 1980]. Исследование фразеологии генетически родственных языков предполагает этимологический анализ сопоставляемых единиц. Примерами второго направления могут служить такие работы, как [Hessky 1987; Korhonen 1995; 1996; Abdullah, Jackson 1998; Cheon 1998; Kotb 2002; Chang 2003]. В качестве отдельного направления можно рассматривать проект Э. Пирирайнен, имеющий целью анализ и детальное описание фразеологизмов, широко распространенных в языках Европы [Piirainen 2011]².

¹ Данная работа выполнена при финансовой поддержке Wenner Gren Foundation (Стокгольм). Автор выражает искреннюю благодарность фонду, а также всем друзьям и коллегам, прочитавшим предварительные версии статьи и высказавшим ряд важных и полезных замечаний: Х. Кайперту, Е. В. Падучевой, А. А. Пичхадзе, А. Я. Шайкевичу.

² Основные работы по этому проекту представлены на сайте www.widespread-idioms.uni-trier.de. Их обзор содержится также в реферативной статье В. Айс-

Кроме того, как отдельное условие сопоставительного анализа фразеологии могут использоваться параметры типологической или ареальной близости; ср. [Dobrovol'skij 1988; Abraham 1989; Добровольский 1990; Piirainen 2009; 2010]. В рамках типологического подхода исследуются принципы организации фразеологических систем, связанные, в частности, с морфологическим типом языка. Так, степень аналитизма языка влияет на степень регулярности фразеологической системы. При прочих равных условиях языки с развитым аналитизмом (типа английского) проявляют большую склонность к образованию фразеологических конверсивов и каузативов, к использованию грамматикализованных, т. е. семантически опустошенных, глаголов (ср. англ. *make, do, get, go, come, take*) в составе фразеологизмов. В то же время для языков с ярко выраженными флективными признаками более характерны идиомы с уникальными компонентами, с присутствием разнообразных грамматических аномалий, с дефектами парадигм и пр.; ср. [Добровольский 1990]. Заметим, что задачи лингвистической типологии в целом достаточно сильно отличаются от задач контрастивной лингвистики. Соответственно, структурно-типологический анализ фразеологических систем преследует иные цели, чем сопоставительная фразеология в узком понимании.

Объектом исследований сопоставительной фразеологии является в принципе весь спектр формальных и семантических характеристик фразеологизмов, причем предметом анализа являются не только отдельные фразеологизмы, но и группы выражений, объединяемые по тому или иному признаку. Подробный обзор основных работ и направлений в этой области см. в [Dobrovol'skij 2002; Korhonen 2007].

Исследования в области сопоставительной фразеологии активно развиваются, что определяется их практической значимостью: результаты сопоставления фразеологических систем находят применение в преподавании иностранных языков, в двуязычной лексикографии, а также в теории и практике перевода.

2. Типы межъязыковой эквивалентности в традиции сопоставительных исследований

Долгое время основным вопросом сопоставительного анализа фразеологии оставалась классификация и описание типов межъязыковой эквивалентности. Ср. различные подходы в [Райхштейн 1980; Солодухо 1982; Арсентьева 1993; Mellado Blanco 2007]. На центральное место этих вопросов в традиционных сопоставительных исследованиях указывает в своей обзорной статье Я. Корхонен [Korhonen 2007: 586].

манна, опубликованной в справочнике по «евролингвистике»; ср. [Eismann 2010: 718—722].

В последние годы (частично под влиянием развития корпусной лингвистики) центр интереса сместился в сторону выявления индивидуальных особенностей функционирования сопоставляемых идиом в речи и совершенствовании их лексикографического представления в двуязычных словарях (см. раздел 4). Что касается традиционно выделяемых типов межъязыковой эквивалентности, они — в несколько упрощенном виде и без обсуждения отдельных точек зрения — могут быть сведены к следующим четырем классам:

- (i) «полные эквиваленты»;
- (ii) «частичные эквиваленты»;
- (iii) «фразеологические аналоги»;
- (iv) «безэквивалентные фразеологизмы».

(i) «Полные эквиваленты» — это фразеологизмы³ сопоставляемых языков L1 и L2, которые практически идентичны с точки зрения актуального значения, синтаксической и лексической структуры и внутренней формы; ср.

рус. *играть с огнем* англ. *to play with fire*,
рус. *буря в стакане воды* и нем. *ein Sturm im Wasserglas*,
англ. *to put one's hand into the fire for sth.* и нем. *seine Hand ins Feuer legen für etw.*

Некоторые «полные эквиваленты» допускают морфологическое и минимальное лексическое варьирование, не затрагивающее образной основы идиомы; ср., например, варьирование граммемы числа субстантивных компонентов в паре идиом нем. *von Kopf bis Fuß* (букв.: «с головы до ноги») и рус. *с головы до ног* или рус. *высотать из пальца* и нем. *sich aus den Fingern saugen* (букв.: «из пальцев»). Ср. также различия в выборе глагольного компонента между русской идиомой *превратиться в соляной столб* и немецкой *zur Salzsäule erstarren* (букв.: «окоченеть в соляной столб»). Подобные межъязыковые соответствия более естественно рассматривать как (i), а не (ii), хотя в литературе представлено и другое мнение. Часто «полные эквиваленты» — это интернационализмы, происходящие из единого источника; ср.

англ. *to rest on one's laurels*, нем. *auf seinen Lorbeeren ausruhen* и рус. *почивать на лаврах*,
англ. *to cherish a snake in one's bosom*, нем. *eine Schlange am Busen nähren* и рус. *пригреть змею на груди*,
фр. *prendre le taureau par les cornes*, англ. *to take the bull by the horns*,
нем. *den Stier bei den Hörnern packen* и рус. *взять быка за рога*.

З а м е ч а н и е. Важно, что само по себе происхождение из единого источника не гарантирует полной эквивалентности, поскольку пути семантического развития

³ В дальнейшем изложении в качестве языковых примеров используются в основном идиомы, хотя понятно, что сопоставительная проблематика релевантна и для фразеологизмов прочих классов.

часто оказываются уникальными для каждого языка. Так, русская идиома *мерзость запустения* означает ‘запустение, разорение’, а французское выражение *l'abomination de la désolation*, восходящее к тому же фрагменту Библии (Мф. 24: 15) — ‘великий грех, скандальное явление’ (часто с оттенком иронии) [Гак 1997: 63]. Кроме того, как показывают исследования, проводимые на большом эмпирическом материале (ср. в первую очередь [Piigainen 2011]), значимость источника для того или иного культурного ареала (например, Библии для христианского мира) не обеспечивает распространенности идиом, восходящих к данному источнику, во всех языках этого ареала. На это указывает и В. Г. Гак [1997: 56, 60]. Например, выражения *содом и гоморра* и *тьма кромешина* в русском языке являются идиомами, а во французском соответствующие выражения *Sodome et Gomorrhe* и *les ténèbres extérieures* не закрепились в качестве фразеологизмов.

(ii) «Частичные эквиваленты» — это фразеологизмы L1 и L2, актуальные значения которых (почти) совпадают, а синтаксические структуры, лексический состав и образные составляющие несколько различаются; ср.

рус. *встать не с той ноги* и англ. *to get out of bed on the wrong side*,
рус. *делать из мухи слона* и нем. *aus einer Mücke einen Elefanten machen*,
рус. *раскрыть (свои) карты* и нем. *seine Karten auf den Tisch legen*⁴.

Можно сказать, что отношение частичной эквивалентности имеет место, когда при семантическом сходстве сопоставляемые идиомы характеризуются еще и существенным (но не полным) сходством в компонентном составе и синтаксической структуре, причем сходство явно доминирует над различиями.

(iii) «Фразеологическими аналогами» называют различные идиомы L1 и L2 с близкими актуальными значениями, но различной внутренней формой; ср.

рус. *одетый с иголки* и англ. *spic and span*,
рус. *стрелять из пушек по воробьям* и англ. *to take a sledgehammer to crack a nut*,
рус. *подложить свинью кому-л.* и англ. *to play a dirty trick on sb.*,
рус. *у кого-л. не все дома* и нем. *jmd. hat nicht alle Tassen im Schrank*,
англ. *hot potato* и нем. *heißes Eisen*,
англ. *to be like a cat on hot bricks* и нем. *wie auf glühenden Kohlen sitzen*,
англ. *to buy a pig in a poke* и нем. *die Katze im Sack kaufen*.

«Фразеологические аналоги» характеризуются семантическим сходством при (почти) полном отсутствии формального сходства, т.е. сходства синтаксической структуры и компонентного состава. В разных концепциях это явление известно под разными названиями. Так, в [Mellado Blanco 2007] такое отношение между сопоставляемыми фразеологизмами называется

⁴ Заметим, что в немецком языке существует и «полный эквивалент» этой русской идиомы — *seine Karten offenlegen*, который, однако, не столь употребителен, как «частичный эквивалент» *seine Karten auf den Tisch legen*.

«функционально-семантической эквивалентностью» (funktionelle Bedeutungsäquivalenz).

В некоторых работах по сопоставительной фразеологии выделяются определенные подклассы «фразеологических аналогов». Так, в [Kozak-Opsahl 2010: 84] различаются «общие эквиваленты» (equivalence on a generic level) и «динамические эквиваленты» (dynamic equivalence). Первые характеризуются общностью концептуальных метафор (в смысле Дж. Лакоффа), лежащих в основе сопоставляемых идиом, а вторые — лишь принципиально сходным актуальным значением. В некоторых работах предлагается подразделять фразеологические аналоги на «полные» и «неполные», что вряд ли осмысленно, поскольку «аналоги», по определению, не могут полностью совпадать по всем релевантным параметрам. Следовательно, любой «аналог» характеризуется отсутствием полной эквивалентности.

(iv) «Безэквивалентные фразеологизмы» — это выражения языка L1, у которых в языке L2 нет фразеологических соответствий. Так, у русской идиомы *объяснить на пальцах* ни в английском, ни в немецком языке нет идиом-эквивалентов. Ее, конечно, можно перевести на эти языки, например на английский как *to explain as simply as possible*, но понятно, что подобные описательные переводы не являются единицами фразеологической системы языка L2. Ср. также немецкую идиому *etw. nicht übers Herz bringen können* (букв.: «не мочь пронести что-л. через сердце»), которая может быть переведена на русский только описательно, с помощью свободного сочетания слов типа *не мочь себя заставить (сделать что-л.)*.

В любом языке можно найти довольно много подобных примеров. Ср. английские идиомы *to cut sb. off with a shilling* ‘лишить кого-л. наследства’ (внутренняя форма идиомы основана на том факте, что завещатели часто оставляли лишненным наследства один шиллинг в доказательство того, что лишение наследства было преднамеренным); *to get a blow* ‘подышать свежим воздухом’; *prunes and prism(s)* ‘жеманная манера говорить’. Мотивация последнего выражения становится очевидной при обращении к первоисточнику:

“Papa is a preferable mode of address”, observed Mrs. General. “Father is rather vulgar, my dear. The word Papa, besides, gives a pretty form to the lips. Papa, potatoes, poultry, prunes and prism, are all very good words for the lips: especially prunes and prism. You will find it serviceable, in the formation of a demeanour, if you sometimes say to yourself in company — on entering a room, for instance — Papa, potatoes, poultry, prunes and prism, prunes and prism” [Ch. Dickens. Little Dorrit]. — «Папа» — более подходящая форма обращения, — заявила миссис Джeneral. — «Отец» — это довольно вульгарно, душа моя. Кроме того, слово «папа» придает изящную форму губам. «Папа», «пряник», «палисандр», «персики и призмы» — прекрасные слова для губ, особенно «персики и призмы». Было бы очень полезно, в смысле приобретения хороших манер, если бы вы время от времени, будучи в гостях или, например, входя в комнату, повторяли про себя: «Папа, пряник, палисандр, персики и призмы».

Достаточно очевидно, что выделение различных типов межъязыковой эквивалентности служит в первую очередь решению чисто классификационных задач. Как и все подобные классификации, данная типология характеризуется некоторой искусственностью и схоластичностью. Действительно, в соответствии с изложенными принципами получается, что нем. *ein Sturm im Wasserglas* и рус. *буря в стакане воды* — «полные эквиваленты», в то время как идентичная им по актуальному значению английская идиома *a tempest in a teapot* — это уже «частичный эквивалент», поскольку *teapot* — не то же самое, что *стакан воды* и *Wasserglas*, а следовательно, в их образных составляющих можно усмотреть некоторые различия. При этом понятно, что и в лексикографии, и в переводческой практике с этими тремя идиомами вполне можно работать как с хорошими эквивалентами. Аналогично, немецкая идиома *seine Karten auf den Tisch legen* имеет «полный эквивалент» в английском: *to lay one's cards on the table*, но не в русском, поскольку *раскрыть (свои) карты* отличается и по лексическому составу, и по образной составляющей, не фокусируя «стол» как слот соответствующего фрейма. Еще один пример: поскольку *to tilt* — не то же самое, что *сражаться* или *kämpfen*, получается, что русская идиома *сражаться с ветряными мельницами* и немецкая *gegen Windmühlen kämpfen* — «полные эквиваленты», а английская *to tilt at windmills* — нет.

Критерии для разграничения отдельных классов в такого рода типологиях определяются скорее интуитивно, что проявляется в наличии большого количества переходных случаев. Действительно, почему мы рассматриваем пару идиом нем. *aus einer Mücke einen Elefanten machen* и рус. *делать из мухи слона* как «частичные эквиваленты», а англ. *hot potato* и нем. *heiβes Eisen* — как «аналоги»? И в том и в другом случае они различаются ровно на один субстантивный компонент. Интуитивно понятно, что семантические различия между ‘мухой’ и ‘комаром’ (*Mücke*) скорее не существенны для внутренней формы ‘делать из некоего очень маленького насекомого какое-то очень большое животное’⁵, в то время как разница между ‘картошкой’ (*potato*) и ‘железом’ (*Eisen*) влияет на структуру исходного концепта и может проявляться в специфике актуального значения. Тем не менее очевидно, что в ряде случаев принять обоснованное решение при отнесении пары идиом к тому или иному классу межъязыковой эквивалентности крайне сложно. А главное — не очень понятно, зачем. Какую пользу для составления двуязычных фразеологических словарей или для поиска наиболее удачного способа перевода можно извлечь из знания, с каким типом эквивалентности мы имеем дело в каждом конкретном случае? Для решения практических задач преподавания иностранных языков, перевода и составления словарей важно другое: выявить и описать различия в употреб-

⁵ Здесь, кстати, сразу возникает вопрос, считать ли соответствующее английское выражение *to make a mountain out of a molehill* «частичным эквивалентом» или «фразеологическим аналогом».

лении внешне схожих фразеологизмов сопоставляемых языков и — говоря шире — помочь найти наиболее подходящий способ передачи значения данного L1-выражения средствами L2.

Несколько искусственно с точки зрения естественного функционирования языка выглядит также класс (iv). «Безэквивалентными» объявляются все фразеологизмы языка L1, не имеющие в языке L2 фразеологических коррелятов. При этом очевидно, что очень часто подобные L1-выражения имеют в L2 практически идентичные по актуальному значению и даже по внутренней форме соответствия. Ср. русскую идиому *козел отпущения* и ее корреляты в немецком и английском языках: *Sündenbock* и *scapegoat*. Хотя нем. *Sündenbock* и англ. *scapegoat* — это слова, а не идиомы, их исключение из сферы межъязыковой эквивалентности явно противоречит интуиции. Ср. еще один близкий пример: рус. *краеугольный камень*, нем. *Eckstein* и англ. *cornerstone*. Очевидно, что различия в статусе подобных лексических единиц (идиома vs. слово) мотивированы типом языка, системно заданным предпочтением того или иного способа номинации (в частности, техники словосложения), а не спецификой плана содержания сопоставляемых единиц.

Несмотря на все указанные недостатки, попытки классифицировать типы межъязыковой эквивалентности в определенном смысле полезны. Цель таких классификаций — сопоставление фразеологических систем. То, что при этом не учитывается ряд релевантных параметров (в частности, полностью игнорируется узус), является следствием такой постановки задачи. Решение этой задачи, хотя и представляется несколько схоластичным, небесполезно в теоретическом отношении. Описание, основанное на подобной классификации, дает некое (пусть достаточно огрубленное) представление о совпадениях и различиях в номинационных возможностях фразеологии сопоставляемых языков. Выделяемые на основании данных критериев эквиваленты следует рассматривать как гипотетические, поскольку описание фразеологии, ориентированное на критерии такого рода, ничего не говорит о реальном функционировании сопоставляемых выражений. Подобная классификация может использоваться как исходный пункт для исследования специфики употребления фразеологизмов с близкой семантикой в каждом конкретном языке. Понимаемую таким образом гипотетическую межъязыковую эквивалентность можно назвать **системной**⁶.

В контексте задач, ориентированных на сопоставление фразеологических систем, следует рассматривать и другие типы межъязыковой эквивалентности, выделяемые в традиционных подходах. В [Günther 1990: 506; Korhonen 2007: 577; Mellado Blanco 2007: 264, 271—272; Hallsteinsdóttir, Farø 2010: 140—141] описана так называемая «количественная» классификация типов эквивалентности, предполагающая разграничение **моно-, поли- и нулевой эквивалентности**. «Моноэквивалентность» — это такое отношение,

⁶ Об отличиях системной эквивалентности от эквивалентности в переводе см. ниже.

при котором одному фразеологизму языка L1 может быть сопоставлен в языке L2 ровно один эквивалентный фразеологизм. «Полиэквивалентность» предполагает наличие в L2 более одного фразеологизма, который может быть поставлен в соответствие данному L1-фразеологизму. «Нулевая эквивалентность» соответствует типу (iv) в рассмотренной выше классификации.

Выделение так называемой «полиэквивалентности» представляется полезным для изучения так называемой «асимметричной полисемии» [Dobrovol'skij 1999a; Dobrovol'skij, Piirainen 2005: 68—71] — довольно распространенного явления, когда многозначной идиоме языка L1 в языке L2 соответствует несколько различных идиом. Описание данного явления имеет практическую пользу для лексикографии. Кроме того, под категорию «полиэквивалентности» подпадают случаи наличия в L2 ряда синонимичных фразеологизмов, каждый из которых в определенных контекстных условиях может быть аналогом данного фразеологизма языка L1. И наконец, за «полиэквивалентностью» может скрываться контекстная обусловленность выбора L2-эквивалента, т. е. случаи, когда один и тот же (необязательно многозначный) фразеологизм L1 переводится на L2 совершенно различными способами в зависимости от контекстных условий. Ср. анализ немецких эквивалентов русской идиомы *накрыться медным тазом* в [Dobrovol'skij 1998; 2000a]. В зависимости от того, что именно *накрывается медным тазом* (*чайник, компьютер, публикация, помолвка, предстоящий концерт* и т. д.) выбор немецкого эквивалента варьирует в широком диапазоне. Из сказанного видно, что, с одной стороны, «количественная» классификация типов эквивалентности может оказаться полезной для решения каких-то практических и даже теоретических задач, но с другой — выделяет типы, за которыми стоят сущностно различные явления, т. е. представляет собой недостаточно разработанный инструментарий для сопоставительного анализа фразеологии.

Помимо рассмотренных концепций, в традиционных исследованиях по сопоставительной фразеологии предлагалась типология эквивалентов, основанная на противопоставлении плана содержания плану выражения. Ср. разграничение «эквивалентов по значению» и «эквивалентов по форме» у Я. Корхонена [Korhonen 2007: 575]. В [Wotjak, Ginzburg 1987] этому противопоставлению соответствует различие «эквивалентности» (*Äquivalenz*) и «конгруэнтности» (*Kongruenz*).

С одной стороны, это разграничение представляется само собой разумеющимся. Действительно, для того чтобы проводить сравнительный анализ выражений различных языков, эти выражения должны обнаруживать интуитивно очевидные точки соприкосновения. Это может быть либо сходное значение, либо сходная форма. Причем применительно к фразеологизмам различных языков о сходной форме можно говорить, только исходя из параллельности синтаксической структуры и сопоставимости лексического состава, т. е. из определенных параметров внутренней формы, так как материальная форма выражений разных языков не может совпадать

по определению. С другой стороны, за этим в общем-то тривиальным противопоставлением стоит серьезная исследовательская задача, которая еще весьма далека от своего решения. Когда в качестве исходного пункта анализа берется актуальное значение, задачей исследования является выявление и описание способов метафорического выражения данного значения, зафиксированного во фразеологии соответствующих языков. Если эти способы системно различаются, описание этих различий, возможно, потребует обращения к понятиям семиотики культуры. Когда же в качестве исходного пункта анализа берется внутренняя форма, цель исследования состоит в сопоставлении различных путей семантической переинтерпретации (подробнее об этом понятии см. [Баранов, Добровольский 2008]). Сходные образы могут по-разному переинтерпретироваться в разных языках и, соответственно, порождать различные актуальные значения. Теоретически это весьма интересное направление исследований, поскольку позволяет сопоставить разные лингвоспецифичные пути конвенционализованной метафоризации. Одним из вариантов такого подхода является анализ, за исходный пункт которого принимаются фразеологизмы, в которых не только внутренняя форма, но и лексический состав характеризуется значительным сходством. Если при этом оказывается, что их актуальные значения обнаруживают существенные различия, мы имеем дело с так называемыми «ложными друзьями переводчика» — явлением, еще недостаточно тщательно описанным применительно к фразеологии. Еще чаще, чем «ложные друзья», встречаются различные квазиэквиваленты (или межъязыковые квазисинонимы), т. е. фразеологизмы, близкие, но не идентичные по значению (см. подробнее в разделе 3.2).

3. Фразеологизмы в переводе и в системе языка

Для того чтобы ответить на вопрос о природе межъязыковых эквивалентов во фразеологии, нужно сначала выделить два различных аспекта эквивалентности:

- (а) эквивалентность в переводе, т. е. отношение между данным фразеологизмом языка L1 и его переводом на язык L2 в определенном тексте⁷ и
- (б) эквивалентность в системе языка, т. е. отношение между сопоставляемыми фразеологизмами языков L1 и L2 на системном уровне.

Очевидно, что выбор переводного эквивалента в большой степени зависит от контекста. Эквиваленты в системе языка — это более или менее

⁷ Важно, что переводным эквивалентом L1-фразеологизма не обязательно является L2-фразеологизм. Это может быть и слово (часто с метафорическим значением), и свободное словосочетание. Подробнее см. ниже в разделе 3.1.

(прежде всего семантически) сходные идиомы двух или более сопоставляемых языков. Поскольку такие эквиваленты чаще всего обнаруживают те или иные межъязыковые различия, термин *эквивалентность* употребляется в этом случае не вполне строго. В принципе, то же самое можно сказать и об эквивалентности в переводе, поскольку очевидно, что она задается общими параметрами текста, а не отдельными лексическими единицами, в том числе идиомами. Иными словами, переводчик ориентируется не на семантическое (и тем более формальное) сходство отдельных лексических единиц (слов или фразеологизмов), а на структуру текста в целом. Материал различных языков показывает, что подлинной эквивалентности (в понимании, максимально приближенном к математическому или логическому) во фразеологии практически не существует.

Остановимся подробнее на каждом из этих аспектов: межъязыковой эквивалентности в переводе и межъязыковой эквивалентности в системе языка.

3.1. Эквивалентность в переводе

Одно из важнейших отличий переводческой эквивалентности от эквивалентности системной состоит (помимо того, что первая ориентирована на конкретный текст, а вторая — на лексическую систему) в том, что эквивалентность в переводе — это однонаправленное отношение (*einseitige Relation*), в то время как эквивалентность в системе языка определяется как двустороннее отношение [Hallsteinsdóttir, Farø 2010: 146]. Иными словами, если фразеологизм языка L1 системно эквивалентен некому L2-фразеологизму, это значит, что и данный L2-фразеологизм эквивалентен соответствующему L1-фразеологизму. Если же речь идет об эквивалентности в переводе, утверждается лишь, что некоторое выражение языка L2 употреблено в переводе некоторого конкретного текста на языке L1 так, что между фразеологизмом L1 из данного текста и этим выражением L2 имеется отношение смыслового соответствия. Понятно, что если перевод некоторого L1-фразеологизма на язык L2 является его эквивалентом (по крайней мере относительно данного контекста), то это не значит, что данное отношение может быть обращено, т. е. L1-фразеологизм не должен рассматриваться как эквивалент выражения, употребленного при переводе этого фразеологизма на язык L2 (даже если это фразеологизм).

Вообще, перевод идиомы, употребленной в тексте оригинала, совсем не обязательно осуществляется с помощью идиомы языка-цели. Это может быть отдельное слово, окказиональное образное выражение или перифраза. Таким образом, эквивалентность в переводе — это не та эквивалентность, которую имеют в виду фразеологи, когда описывают межъязыковые соответствия различных типов.

В сферу переводческих эквивалентов попадают не только случаи перевода фразеологизмов L1 различными способами, но и — отнюдь не столь редкие — пары типа «свободное словосочетание L1 → фразеологизм L2»

или «слово L1 → фразеологизм L2». Очевидно, что изучение эквивалентности в переводе расширяет наши представления о возможностях межъязыкового перефразирования, а также о роли контекстных условий для подбора адекватного соответствия и способствует развитию как теории перевода, так и сопоставительной фразеологии.

Идеальная эмпирическая база для исследования переводных эквивалентов — это корпуса параллельных текстов. Обратимся к русско-немецкому параллельному корпусу, содержащему роман Ф. М. Достоевского «Идиот» и три его различных перевода на немецкий язык: два последних по времени — перевод Хартмута Хербота (1986) и Светланы Гайер (1996), а также перевод Э. К. Разин (псевдоним известной переводчицы Элизабет Керрик), изданный в начале XX в. и затем многократно переиздававшийся⁸. Ср. следующий пример, содержащий устаревшую идиому *бубновый валет*, употреблявшуюся в XIX в. в значении ‘мошенник, плут’ (от символической интерпретации этой карты, восходящей к французской культурной традиции)⁹.

- (1) Она всю жизнь будет меня за *валета бубнового* считать (да это-то ей, может быть, и надо) и все-таки любить по-своему; она к тому готовится, такой уж характер (Ф. М. Достоевский. Идиот).
- (1a) Ihr Leben lang wird sie mich für einen *Karo-Buben* [букв.: *бубнового валета*] halten (aber vielleicht ist es genau das, was sie braucht) und mich trotzdem auf ihre Art lieben; sie stellt sich schon darauf ein, das ist eben ihr Charakter (пер.: S. Geier).
- (1b) Sie wird mich zeit ihres Lebens für einen *miesen Gauner* [букв.: *подлого мошенника*] halten (das braucht sie vielleicht) und mich dennoch auf ihre Weise lieben; darauf stellt sie sich ein, das liegt in ihrem Charakter (пер.: H. Herboth).
- (1c) Sie wird mich ihr Leben lang für einen *dummen Jungen* [букв.: *глупого мальчишку*] halten — das ist ja aber vielleicht gerade das, was sie haben will! — und mich dabei doch auf ihre Art lieben; wenigstens bereitet sie sich dazu vor, das ist nun einmal ihr Charakter (пер.: E. K. Rahsin).

⁸ Корпус создан в рамках исследовательской программы «Корпус Австрийской Академии» (AAC — Austrian Academy Corpus) Австрийской академии наук в Вене. В статье используется также материал подкорпуса параллельных текстов Национального корпуса русского языка (www.ruscorgora.ru), корпус Института немецкого языка в Мангейме DeReKo (<https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web>), корпус немецкого языка XX в. Берлин-Бранденбургской академии наук (www.dwds.de), различные сайты Интернета, а также контексты, случайно встретившиеся при чтении.

⁹ Эта идиома была достаточно известна еще и в начале XX в. Ср. название известного художественного объединения «Бубновый валет», придуманное М. Ларионовым в противовес претенциозным и псевдоутонченным названиям, характерным для культурной жизни того времени.

Примеры показывают, насколько различными могут быть конкретные переводческие решения. Перевод, предлагаемый С. Гайер (1a), абсолютно адекватен: малопонятная русская идиома *бубновый валет* переводится с помощью такого же малопонятного немецкого композита *Karo-Bube*. При этом сохраняется образная основа выражения и его уникальный колорит. Потери в общедоступности смысла мотивированы, во-первых, тем, что и русский читатель текста оригинала находится не в лучшем положении, а во-вторых, тем, что носители немецкого языка могут при желании выяснить значение этого выражения. Известно, что немецкий язык находился в XVIII и XIX вв. под столь же сильным влиянием французского, что и русский. Перевод (1b) раскрывает семантику русского фразеологизма *бубновый валет* и в этом смысле также адекватен. Перевод (1c) менее точен, что вообще характерно для переводческой практики начала XX в. Хотя общий смысл данной реплики Гани Иволгина, обращенной к князю Мышкину, передан верно, значение идиомы *бубновый валет* искажено: ‘мошенник’ и ‘глупый мальчишка’ — весьма разные понятия. В подобных случаях вообще нельзя говорить об эквивалентности: ни о переводческой, ни тем более о системной.

Можно предположить, что подобный разброс в переводческих решениях характерен только для устаревших и малопонятных выражений, подобных идиоме *бубновый валет*. Однако это не так. Вполне употребительная и общеизвестная русская идиома *знать всю подноготную* также переводится весьма различными способами; ср. (2).

- (2) Люди, о которых они *знают всю подноготную*, конечно, не придумали бы, какие интересы руководствуют ими, а между тем многие из них этим знанием, равняющимся целой науке, положительно утешены, достигают самоуважения и даже высшего духовного довольства (Ф. М. Достоевский. Идиот).
- (2a) Die Menschen, über die sie *bis zum Schwarzen unter dem Nagel unterrichtet sind* [букв.: *знают все вплоть до черноты под ногтями*], könnten es sich nie erklären, welches Interesse sie leitet, während für viele von ihnen selbst ihr Wissen, das einer ganzen Wissenschaft gleichkommt, ein wirkliches Vergnügen bedeutet und ihnen ein Gefühl des eigenen Wertes, ja, sogar eine höhere geistige Genugtuung verschafft (пер.: S. Geier).
- (2b) Von den Leuten, deren Leben sie *in allen Einzelheiten ergründen* [букв.: *изучают во всех подробностях*], vermag sich natürlich niemand vorzustellen, was sie zu solchem Tun treibt, aber vielen von ihnen vermitteln diese einer Wissenschaft gleichkommenden Kenntnisse effektiv Trost, Selbstachtung und sogar tiefsten Seelenfrieden (пер.: H. Herboth).
- (2c) Die Betroffenen, von denen sie *alle diese Einzelheiten wissen* [букв.: *знают все эти подробности*], könnten es sich natürlich nimmer erklären, aus welchen Gründen sie sich für diese Dinge interessieren; in-

des kann ich versichern, daß viele von ihnen mit diesen Kenntnissen, die einer ganzen Wissenschaft gleichkommen, sich vollkommen zufrieden geben, in ihrer Selbstachtung bedeutend steigen und mit der Zeit sogar eine höhere geistige Genugtuung darin finden (пер.: Е. К. Rahsin).

Перевод Светланы Гайер (2а), в принципе отличающийся (как и все прочие работы этой известной переводчицы) максимальной точностью и верностью оригиналу, содержит окказиональное выражение *bis zum Schwarzen unter dem Nagel*, которое можно с некоторой натяжкой считать калькированием, в то время как два другие переводчика выбрали описательный способ передачи смысла. Однако эта квазикалька игнорирует подлинную этимологию идиомы *zuletzt* *alles* *unter* *dem* *Nagel*. Согласно словарям Фасмера, Ушакова и Ожегова, внутренняя форма слова *подноготная* содержит указание на средневековую пытку запускания игл или гвоздей под ногти и никак не связано со смыслом 'грязь под ногтями'.

Переводчики довольно часто прибегают к — иногда довольно приближительному — калькированию идиом. Понятно, что соответствия такого рода никак не могут быть признаны эквивалентами в системе языка, хотя бы потому, что калька, употребленная в L2, не является лексической единицей данного языка. Соответственно, эквиваленты в переводе и эквиваленты в системе языка — совершенно разные категории.

Случаи, подобные (1) и (2), когда переводчик выбирает нестандартный эквивалент в отсутствие стандартного, понятны. Но встречаются и случаи, когда у L1-фразеологизма в языке L2 есть полный эквивалент в традиционном смысле, а переводчики тем не менее предпочитают другое решение. Например, «хорошим» эквивалентом русской идиомы *взять себя в руки* является английское выражение *to take oneself in hand*¹⁰. Однако в контексте (3) эта русская идиома переведена глаголом *to control*.

- (3) «*Взять себя в руки*», — истерическим речитативом произнес Граф и, кашлянув, встал, подошел к окну (В. Набоков. Занятой человек).
 (3а) “You must *control yourself*”, cried Itski to Graf in a hysterical recitative. He cleared his throat and walked to the closed window (пер.: Д. Набоков)¹¹.

¹⁰ Ср. эквиваленты, приводимые в словаре [REDI 1995: 566]: X взял себя в руки — X took himself in hand; X got a grip of himself; X got (a) hold of himself; X pulled himself together; X got control of himself. Ср. также толкование идиомы *to take in hand sb., sth.* в словаре [Longman DEI 1979: 145]: ‘to take (a person or thing) under one’s control, esp. to try to make improvements’.

¹¹ *Граф Им* — это псевдоним главного героя, «псевдоним, выдуманный давно, дождливой ночью, в ожидании Парома». Дмитрий Набоков перевел этот псевдоним как *Grafitski*. Тем самым форма *cried Itski to Graf* в переводе (3а) эксплицитнее, чем в оригинале (3), указывает на то, что данная реплика героя обращена к самому себе.

Еще один подобный пример. Наиболее близким русским эквивалентом английской идиомы *to take the plunge* ‘внезапно решиться на рискованный поступок, не думая о возможных, в том числе и неблагоприятных, последствиях’ является, по-видимому, выражение *броситься очертя голову*. Ср., однако, контекст (4), в котором *took the plunge* было переведено как *взял быка за рога*.

- (4) He coughed into his fist with an unexpected cavernous sound ⟨...⟩ and then *took the plunge*: “I must warn: will have all my teeth pulled out. It is repulsive operation” (V. Nabokov. Pnin).
- (4a) Он откашлялся в кулак с неожиданно пещерным звуком ⟨...⟩ и *взял быка за рога*: «Я должен предупредить, — мне вырвут все зубы. Это отвратительная операция» (пер.: С. Ильин).

Разумеется, нередки и случаи, когда переводчики используют стандартное «словарное» соответствие; ср. (5).

- (5) “Wenn der Rabbi nur reden wollte, der könnte uns Dinge erzählen, daß *einem die Haare zu Berge stünden*”, warf er halblaut hin (G. Meyrink. Der Golem).
- (5a) — Если бы только рабби захотел, он бы рассказал нам такие вещи, что у нас *волосы стали бы дыбом*, — вполголоса заметил он (пер.: Д. Л. Выгодский)¹².

В 60-е и 70-е годы XX в. в работах по сопоставительной фразеологии часто высказывалось мнение, что переводчик должен стремиться к сохранению общего уровня «фразеологичности» текста. Иными словами, если в определенном фрагменте текста по каким-то причинам не удастся перевести идиому с помощью идиомы, то эта «потеря» обязательно должна быть компенсирована, т. е. переводчик должен вставить идиому языка L2 в каком-то другом месте, чтобы общее количество фразеологизмов исходного текста в целом сохранялось. Понятно, что подобные требования довольно наивны и вряд ли обоснованы с точки зрения критериев адекватности перевода. Фразеологизмы (даже в художественном тексте) не имеют самостоятельной ценности. Переводятся информационные структуры текста, а не отдельные лексические единицы. При этом особенности индивидуального стиля автора, которые хороший перевод должен сохранять, не привязаны к конкретным фразеологизмам. Гораздо более значимыми с этой точки зрения оказываются авторские метафоры, стилистическая окраска текста, ритмические характеристики фразы и т. п. Идиомы проявляют себя как элемент авторского стиля лишь в нестандартных употреблениях, например в случаях обыгрывания их внутренней формы, окказионального

¹² Обращает на себя внимание необычная форма *волосы стали бы дыбом* при норме *волосы встали бы дыбом*. На это отклонение мое внимание обратил Х. Кайперт.

варьирования их структуры, включения в каламбурные контексты и пр. Ср. следующий фрагмент из романа Г. Грасса «Жестяной барабан», иллюстрирующий идиомами, в том числе с авторскими игровыми модификациями, и его перевод на русский язык.

- (6) Mama konnte sehr lustig sein. Mama konnte sehr ängstlich sein. Mama konnte schnell vergessen. Mama hatte dennoch ein gutes Gedächtnis. Mama *schüttete mich aus* und *saß* dennoch *mit mir in einem Bade*. Mama ging mir manchmal verloren, aber ihr Finder ging mit ihr. Wenn ich Scheiben zersang, handelte Mama mit Kitt. Sie *setzte sich* manchmal *ins Unrecht*, obgleich *es ringsherum Stühle genug gab*. Auch wenn Mama *sich zuknöpfte*, blieb sie mir aufschlußreich. Mama fürchtete die Zugluft und *machte* dennoch ständig *Wind*. Sie lebte auf Spesen und zahlte ungerne Steuern. Ich war *die Kehrseite ihres Deckblattes* (G. Grass. Die Blechtrommel).
- (6a) Мама могла быть очень веселой. Мама могла быть очень робкой. Мама могла скоро забывать. Однако у мамы была хорошая память. Мама *выплеснула вместе с водой и меня*, и она же *сидела со мной в одной ванне*. Я иногда терял маму, но ее искатель ходил рядом с ней. Если я пением разрезал стекла, мама подавала замазку. Будучи неправа, мама часто *стояла на своем*, хотя вокруг хватало стульев, чтобы сесть. Даже когда мама была *застегнута на все пуговицы*, она оставалась для меня открытой. Мама боялась сквозняков и, однако, то и дело *поднимала бурю*. Она жила на издержки и не любила накладных расходов. Я был *рубашкой верхней карты в ее колоде* (пер.: С. Л. Фридлянд).

Этот фрагмент, в котором Оскар описывает свою маму, содержит (в явном виде и в форме аллюзий) следующие фразеологизмы: *das Kind mit dem Bade ausschütten* (вместе с водой выплеснуть и ребенка), *im gleichen (in einem) Boot sitzen* (сидеть в одной лодке), *sich ins Unrecht setzen* (быть несправедливым; букв. «сесть в несправедливость»), *sich zwischen zwei Stühle setzen* (сесть между двух стульев), *Wind machen* (хвастаться), *die Kehrseite der Medaille* (оборотная сторона медали), метафора *zugeknöpft*, приблизительно соответствующая русской идиоме *застегнутый на все пуговицы*. Во многих случаях эти выражения удачно переведены, но не во всех. Так, языковая игра, основанная на противопоставлении фразеологизмов *sich ins Unrecht setzen* и *sich zwischen zwei Stühle setzen* потеряна, хотя ее несколько компенсирует противопоставление глаголов *стоять* (как компонента идиомы *стоять на своем*) и *садиться* (ср. *хотя вокруг хватало стульев, чтобы сесть*). Языковая игра *Mama fürchtete die Zugluft und machte dennoch ständig Wind* хорошо передана с помощью противопоставления *сквозняка* и *бури* (*мама боялась сквозняков и, однако, то и дело поднимала бурю*), но значение идиомы *Wind machen* ‘хвастаться’ сохранить при этом не удалось. Словосочетание *die Kehrseite ihres Deckblattes* ассоциируется с

идиомой *die Kehrseite der Medaille*, в русском переводе *рубашка верхней карты в ее колоде* эта ассоциация потеряна. Понятно, что любое из предложенных С. Л. Фридлянд решений является — в основном, весьма удачным — переводческим эквивалентом, часто не имея при этом никакого отношения к понятию эквивалентности в системе языка.

В разобранных выше примерах отказ от использования «полного эквивалента» мотивирован, большей частью, художественными особенностями текста и творческой волей переводчика. Встречаются, однако, и случаи, когда отказ от использования «полного эквивалента» продиктован самой системой языка. Такие случаи будут рассмотрены в следующем разделе.

3.2. Эквивалентность в системе языка

Говоря о системной эквивалентности, можно было бы ориентироваться на описанную в разделе 2 традиционную типологию, считая, что тип (i) и, по крайней мере частично, тип (ii) являются хорошими представителями системной межъязыковой эквивалентности. Однако это не совсем так.

Обратимся к примеру. Русская идиома *водить за нос кого-л.* имеет в немецком языке, казалось бы, идеальный эквивалент, идентичный как по актуальному значению, так и по образной составляющей: *jmdn. an der Nase herumführen*. Даже лексические и синтаксические структуры этих двух идиом обнаруживают большое сходство. Тем не менее оказывается, что выражение *jmdn. an der Nase herumführen* может быть переведено на русский язык с помощью идиомы *водить за нос кого-л.* далеко не во всех случаях. Ср. примеры (7) и (8).

- (7) In Wahrheit hatte er [Wolfgang Schäuble] aber 100.000 Mark (...) bekommen (...). Und das hat er im Deutschen Bundestag (...) verschwiegen und hat das erst später, vier Wochen später in einem Fernsehinterview aufgedeckt und da haben viele gesagt, (...) der hat den Deutschen Bundestag *an der Nase herumgeführt* (<http://www.stroebele-online.de/themen/spendenaffaere/29273.html>).
- (7a) А в действительности он [Вольфганг Шойбле] получил 100.000 марок. Причем он скрыл это от бундестага и только позднее, спустя четыре недели, признался в этом во время телеинтервью. И многие сказали тогда: он просто *одурачил* немецкий парламент.
- (8) (...) und man rief seinen gesamten Stab zusammen und ließ verlauten, daß Richard Stuart sie alle *an der Nase herumgeführt hätte* (...) (http://www.freezone.de/german/d_zegall.htm).
- (8a) И тогда созвали весь его штаб и объявили, что Ричард Стюарт *обвел их всех вокруг пальца*.

Дело в том, что русская идиома *водить за нос кого-л.* практически не употребляется в форме совершенного вида; ср. ^{??}*провел за нос*. А немецкая идиома *jmdn. an der Nase herumführen* довольно часто встречается в контекстах, фокусирующих результат действий субъекта и требующих, таким

образом, в переводе на русский совершенного вида. Следовательно, несмотря на интуитивно ощущаемую эквивалентность выражений *jmdn. an der Nase herumführen* и *водить за нос кого-л.*, эта эквивалентность не может расцениваться как полная. В отличие от случаев, обсуждаемых в предыдущем разделе, невозможность использования «нормального» эквивалента в переводе зависит здесь не от эстетических задач соответствующего текста и не от субъективного решения переводчика, а от системных особенностей сопоставляемых идиом. Системно эквивалентными оказываются в данном случае не идиомы *jmdn. an der Nase herumführen* и *водить за нос кого-л.* в целом (как это традиционно постулировалось), а соответствующие режимы употребления этих выражений. Русская идиома *водить за нос кого-л.* — это *imperfectiva tantum* и эквивалентна немецкой идиоме *jmdn. an der Nase herumführen*, только если эта немецкая идиома употребляется в значении развивающегося процесса (*activity*). При употреблении немецкой идиомы в значении законченного действия эквивалентность отсутствует. В таких случаях более адекватными эквивалентами немецкого выражения будут глаголы *надуть*, *одурачить* или фразеологизм *обвести вокруг пальца*. Таким образом, традиционная классификация типов межъязыковой эквивалентности оказывается слишком грубой, поскольку она не учитывает все значимые системные параметры, в частности категорию глагольного вида. Традиционные типы позволяют выделить выражения, которые могут лишь претендовать на статус системной эквивалентности.

З а м е ч а н и е. Употребление русской идиомы *водить за нос* в формах совершенного вида вообще возможно, но крайне нетипично. Из встретившихся в НКРЯ (подкорпус XX в.) 170 контекстов с этой идиомой только 10 обнаруживают формы СВ. Причем 6 из них представляют собой контексты со снятой утвердительностью, в том числе и с явной отрицательной поляризацией¹³; ср. (9) и (10). В этом смысле идиома *водить за нос* в формах СВ (*провести за нос*) до известной степени напоминает выражения типа *пальцем не пошевелить, не уступить ни на йоту*; ср. анализ последних в [Апресян 1990]. В [Баранов, Добровольский 2008] подобные идиомы охарактеризованы как **слабо эксплицитно-негативные**.

- (9) ⟨...⟩ а народ не дурак, *за нос* его так просто *не проведешь* (В. Шаров. Воскрешение Лазаря (1997—2002)).
- (10) *За нос* такого *провести нетрудно*: приласкай — и верти им, любому слову поверит (М. Веллер. Колечко (1983)).

Контексты, лишенные указанных свойств, крайне редки и воспринимаются с точки зрения современного узуса как не вполне нормативные; ср. (11).

- (11) Это потом они хохотали. Потом — когда узнали, что немцы ушли. ⟨...⟩ и он смеялся, забыв вдруг, что старшина по званию, а помня только, что *провели немцев за нос*, лихо *провели*, озорно ⟨...⟩ (Б. Васильев. А зори здесь тихие (1969)).

¹³ О различиях между отрицательной поляризацией и снятой утвердительностью см. [Падучева 2011].

Идиомы представляют собой настолько сложно организованные единицы лексикона, что полного совпадения выражений разных языков по всем релевантным аспектам ожидать довольно трудно. Параметры, по которым должна осуществляться проверка кандидатов на эквивалентность, можно (с известной долей условности) упорядочить по трем основным семиотическим осям: **семантике**, **синтактике** и **прагматике**.

Часто различия между сопоставляемыми фразеологизмами обусловлены сразу несколькими параметрами. Так, несовпадение между идиомами *водить за нос кого-л.* и *jmdn. an der Nase herumführen* проявляется, с одной стороны, в сочетаемостных запретах (синтактика), а с другой — в семантических различиях (нежелательность событийного осмысления выражения *водить за нос* — часть его значения).

Говоря о роли семантики в определении межъязыковой эквивалентности, следует выделить различия в актуальном значении и различия в образной составляющей (которую мы рассматриваем как часть семантики). Так, сопоставляемые выражения могут совпадать по своему актуальному значению, но не по образной основе — и тем самым отклоняться от идеала полной эквивалентности. И наоборот: они могут обладать практически идентичной внутренней формой, но не совпадать по актуальному значению.

Остановимся на этом случае несколько подробнее. Различия в **актуальных значениях** сопоставляемых идиом могут быть трех видов. Либо речь идет о «ложных друзьях переводчика» (ср. русскую идиому *лезть из кожи вон* и немецкую *aus der Haut fahren*, означающую не ‘сильно стараться’, а ‘сильно сердиться’)¹⁴, либо о «межъязыковых квазисинонимах», т. е. о фразеологизмах, близких, но не идентичных по значению, либо об «асимметричной полисемии» (примеры см. ниже).

Примерами **межъязыковых квазисинонимов** могут служить такие пары идиом, как рус. *черным по белому* и нем. *schwarz auf weiß* или рус. *рвать на себе волосы* и нем. *sich die Haare raufen*. В первом случае семантические различия проявляются в том, что немецкая идиома *schwarz auf weiß* фокусирует официальный характер документа, «написанного черным по белому», в то время как русское выражение подчеркивает, что речь идет о чем-то абсолютно ясном и понятном; ср. *Читай внимательней! Там же черным по белому написано, что на что влияет*. Эти различия проявляются и в сочетаемости. Для русской идиомы характерно сочетание со словами *стоит* и *написано*, а для немецкой — со словами *geben* ‘дать’, *bekommen* ‘получить’, *besitzen* ‘обладать’, *haben* ‘иметь’¹⁵. Тонкие семанти-

¹⁴ Ср. также такие примеры, как англ. *to beat about the bush* ‘говорить не по существу, ≈ ходить вокруг да около’ и нем. *bei jmdm. auf den Busch klopfen* ‘пытаться осторожно выяснить что-л. у кого-л.’ или нем. *in den Wind reden/sprechen* ‘говорить, не будучи услышанным’ и рус. *бросать слова на ветер* ‘говорить, не думая, давать поспешные, необдуманные обещания’.

¹⁵ Так, в корпусе Института немецкого языка DeReKo из 223 контекстов с этой идиомой 192 описывают ситуацию получения официального документа или обла-

ческие расхождения между выражениями *черным по белому* и *schwarz auf weiß* могут быть обусловлены этимологической памятью немецкой идиомы. Своей широкой известностью она обязана следующей строке из «Фауста» Гёте: *Denn was man schwarz auf weiß besitzt, kann man getrost nach Hause tragen.*

Выражения *рвать на себе волосы* и *sich die Haare raufen* различаются тем, что русская идиома употребляется в ситуации, когда человек испытывает сильную досаду или отчаяние по поводу чего-то уже случившегося, причем чаще чего-то, что можно было избежать¹⁶, а немецкая идиома выражает, как правило, граничащую с отчаянием беспомощность перед решением предстоящей задачи.

Под **асимметричной полисемией** мы понимаем случаи, когда сопоставляемые выражения обнаруживают различные значения, лишь некоторые из которых могут рассматриваться как семантически коррелирующие. Так, русская идиома *испустить дух* имеет два значения: ‘умереть’ (*Государыня испустила дух*) и ‘перестать существовать’ («*Великий почин*» *испустил дух — субботников больше нет*), а немецкая идиома *den/seinen Geist aufgeben*, которую традиционно описывают как «полный эквивалент» имеет в современном языке только одно: ‘перестать существовать’ (значение ‘умереть’ устарело и практически вышло из употребления; поиск в Интернете не дает ни одного попадания). Это семантическое различие связано и с прагматикой (в широком понимании), поскольку частотность того или иного выражения и его временные характеристики — такие, как факторы архаизации или потери актуальности для современного словоупотребления — находятся в сфере компетенции прагматики. Даже если ограничиться сопоставлением коррелирующих значений этой пары идиом, они оказываются неэквивалентными: *испустить дух* в значении ‘перестать существовать’ говорится об идеях, проектах, организациях и т. п., а *den/seinen Geist aufgeben* — об инструментах и приборах. Так, в корпусах часто встречаются контексты, в которых речь идет о компьютерах, телевизорах, станках, снегоочистителях и пр. Сказать же по-русски ^{??} *мой компьютер/телевизор испустил дух* довольно странно. В этом случае скажут скорее *мой компьютер/телевизор сдох/приказал долго жить*. Таким образом, здесь мы имеем дело не только с различиями в семантике, но и в сочетаемости, т. е. в синтактике.

Что касается различий в **образной составляющей**, они могут быть проиллюстрированы с помощью обсуждавшейся выше пары идиом *an der*

дания им (часто противопоставляемой ситуации устной договоренности). Из 165 контекстов из НКРЯ, в которых встретилась русская идиома *черным по белому*, только 16 амбивалентны в том смысле, что допускают наличие семантического компонента ‘официально’.

¹⁶ Ср. толкование этой идиомы в [REDI 1995: 77]: «to experience utter despair or become very angry with o.s. (often after having realized that undesirable consequences of sth. could have been avoided)».

Nase herumführen и *обвести вокруг пальца*. Поскольку в тех случаях, когда выражение *водить за нос* не подходит в качестве эквивалента из-за своих аспектуальных особенностей и более удачным соответствием оказывается идиома *обвести вокруг пальца* (или глаголы типа *надуть*, *одурачить*), подлинной системной эквивалентности добиться не удастся. Внутренняя форма этих фразеологизмов настолько различна, что полными эквивалентами их считать нельзя.

Различия в прагматическом потенциале сопоставляемых единиц проявляются прежде всего в их привязке к тем или иным типам речевых актов. Приведем пример. Немецкая идиома *ich fress(e) einen Besen / will einen Besen fressen* (букв.: «я сожру метлу») имеет, казалось бы, неплохие корреляты в русском языке — идиомы *лопни мои глаза* и *провалиться мне на месте*. Конечно, эти идиомы не могут считаться полными эквивалентами даже в рамках традиционного сопоставительного анализа: они сильно отличаются друг от друга по образной составляющей и могут, следовательно, претендовать лишь на статус «фразеологических аналогов». Однако различия этим не ограничиваются. Немецкая идиома *ich fress(e) einen Besen / will einen Besen fressen* может употребляться в «контекстах уверения» и в «контекстах сомнения». Ср. Следующие примеры из словаря [Duden-11 2002: 111—112].

- (8) Wenn es nicht klappt, *fresse ich einen Besen* (букв. «Если это не получится, я сожру метлу» — ‘уверяю тебя, что это получится’).
- (9) “Mensch”, sagte jemand ziemlich vernehmlich, “*ich fress’ einen Besen*, wenn das nicht dem Jungen seine Schwester ist” (Baldwin, Übers., Welt 269) (букв. «— Послушай, — сказал он довольно громко — я сожру метлу, если это не сестра того парня» — ‘уверяю тебя, что это сестра того парня’).
- (10) *Ich will einen Besen fressen*, wenn das stimmt (букв. «Я сожру метлу, если это правда» — ‘я сильно сомневаюсь в том, что это правда’).

Русские фразеологизмы *лопни мои глаза* и *провалиться мне на месте* могут употребляться лишь в речевых актах уверения. Так, было бы очень странно использовать их в переводе контекста (10): ^{??}*Лопни мои глаза / провалиться мне на месте, если это правда*. Такое высказывание было бы возможно, только если интерпретировать его как клятву, т. е. если переосмыслить сомнение в некотором положении дел как уверение в обратном.

Контекстно обусловленное отсутствие эквивалентности задается дополнительно еще и особенностями синтактики (помимо собственно прагматических факторов). В высказываниях с этими русскими идиомами придаточное условия не может предшествовать главному предложению. Так, при переводе контекста (8) сохранить порядок слов невозможно: **Если это не получится, лопни мои глаза / провалиться мне на месте* (ср. подробнее [Dobrovol’skij 2002]). Данные русские идиомы оказываются более жестко связанными не только типом речевого акта, но и конструктивно.

В широком смысле к сфере прагматики относятся такие факторы, как принадлежность выражения к тому или иному стилевому регистру, его временные характеристики (устаревшее vs. новое), степень употребительности, привязка к конкретному типу дискурса и пр. Сюда же, видимо, следует отнести культурно-специфичные элементы внутренней формы.

Закljučая этот раздел, отметим, что исследование эквивалентности в системе языка имеет для фразеологии как теоретическое, так и практическое значение. Одна из важнейших проблем состоит в том, что между принципиально схожими идиомами сопоставляемых языков L1 и L2 практически всегда обнаруживаются определенные семантические, прагматические и сочетаемостные различия, которые должны быть выявлены и описаны. Особенно это важно в тех случаях, когда традиционное описание постулирует отношение «полной эквивалентности», но игнорирует отсутствие функциональной взаимозаменяемости соответствующих идиом. Практическая сторона системной эквивалентности — это ее отражение в двуязычных словарях. На этом мы кратко остановимся в заключительном разделе статьи.

4. Вместо заключения: лексикографические аспекты межъязыковой эквивалентности

В ходе изложения мы попытались показать, что межъязыковая эквивалентность обнаруживает два различных, относительно независимых друг от друга аспекта: (а) эквивалентность в переводе и (б) эквивалентность в системе языка.

С точки зрения решения лексикографических задач необходимо ответить на вопрос, какой из этих двух аспектов эквивалентности должен быть положен в основу составления двуязычных словарей. Заметим сразу, что хороший словарь должен ориентироваться не на (а) и не на (б), а на **функциональную эквивалентность**, находящуюся на пересечении (а) и (б). Функциональные эквиваленты могут быть определены как максимально близкие по актуальному значению и — в идеальном случае — по внутренней форме единицы, которые могут использоваться в аналогичных типах ситуаций без информационных потерь, причем это совершенно не обязательно отношение «фразеологизм — фразеологизм» (подробнее об этом см., например, [Dobrovol'skij 2000b]). Можно привести достаточно много примеров, когда наиболее удачным эквивалентом некоторого фразеологизма языка L1 является слово в языке L2, а не фразеологизм. Так, русский эквивалент немецкой идиомы *auf Eis legen* — русский глагол *заморозить*, а эквивалент немецкой идиомы *halbe Portion* — существительное *слабак* (ср. также подобные примеры из раздела 2)¹⁷.

¹⁷ Ср. также такие соответствия, как англ. *a mare's nest* «гнездо кобылы» (идиома), рус. *газетная утка* (коллокация) и нем. *Zeitungsente* (сложное слово с

Уже по этой причине понятие функционального эквивалента не совпадает с традиционно выделяемыми «полными эквивалентами» в системе языка. Можно было бы подумать, что функциональные эквиваленты ближе к переводческим соответствиям типа (а)¹⁸. Однако и это не так. Ни один словарь не может предложить все возможные варианты перевода того или иного фразеологизма, поскольку эти варианты, в силу самой природы перевода, всегда зависят от контекста, а охватить все потенциальные контексты невозможно в принципе. Как показано в разделе 3.1, переводчики часто достаточно вольно обращаются с лексическим материалом (в том числе с фразеологизмами), добываясь тем не менее адекватных результатов на уровне высказываний.

Колебания двуязычной лексикографии между эквивалентностью типа (а) и типа (б) имеют определенную историю. Известно, что традиция составления двуязычных словарей была ориентирована на системную эквивалентность¹⁹. Словарная статья большинства двуязычных фразеологических словарей состоит из фразеологизма языка L1 (в лемме) и его идиоматических — насколько это возможно — коррелятов в L2. Можно рассматривать эти корреляты как эквиваленты данного L1-фразеологизма? Да и нет. С одной стороны, они должны быть хотя бы «частичными эквивалентами» или «фразеологическими аналогами», иначе их нельзя было бы поместить в соответствующую словарную статью. С другой стороны, часто они не могут быть использованы при переводе конкретных текстов. Причина в том, что, как правило, сопоставляемые фразеологизмы языков L1 и L2 обнаруживают определенные различия в семантических, прагматических и сочетаемостных особенностях. Они могут рассматриваться как межъязыковые эквиваленты только при довольно приблизительном сравнении идиом данных языков, образуя исходный пункт для тщательного контрастивного анализа, цель которого — выявить уникальные черты каждой идиомы и тем самым усовершенствовать лексикологическое и лексикографическое описание фразеологии. Решение этой задачи, естественно, требует обращения к значительному по объему массиву текстов.

метфорическим элементом) или англ. *full of beans* «полный бобов» (идиома) и неидиоматичные слова-эквиваленты нем. *lebhaft* и рус. *оживленный*.

¹⁸ Соответствия типа «фразеологизм — слово» часто встречаются в аутентичном материале — ср. (11), что, однако, само по себе не является доказательством того, что категории функциональной и переводческой эквивалентности совпадают.

(11) Dr. Hulberts umfassende Gesetzeskenntnis wurde das Bollwerk für alle die, denen die Polizei zu scharf *auf die Finger sah* (G. Meyrink. *Der Golem*).

(11a) Всеобъемлющее знание законов, которым обладал доктор Гульберт, стало оградой для всех, на кого полиция слишком внимательно *посматривала* (пер.: Д. Л. Выгодский).

¹⁹ Ср., например, обзор немецко-русских и русско-немецких фразеологических словарей в [Dobrovolskij 1999b].

С появлением корпусов текстов (и в особенности, параллельных корпусов) произошла определенная переориентация фразеографических поисков. Появилась надежда, что с помощью корпусов параллельных текстов удастся выявить «настоящие» эквиваленты каждого фразеологизма, отбросив «системные» соответствия как ошибочные, не подтверждаемые реальным употреблением. На необоснованность подобных ожиданий указывают, в частности, С. Лубенская и М. Мак-Шейн: обращение к корпусам само по себе не решает проблему поиска адекватных эквивалентов, корпусный анализ — это лишь один из инструментов лексикографии [Lubensky, McShane 2007: 920]²⁰.

Если вернуться к разобранным выше примерам идиомы *водить за нос* и ее немецких эквивалентов, можно показать, что исключительная ориентация на тексты без учета системных соответствий вряд ли даст адекватные результаты. «Нормальным» эквивалентом русской идиомы *водить за нос кого-л.* является немецкая идиома *jmdn. an der Nase herumführen*. Сомневаться в том, что эти идиомы в принципе эквивалентны, было бы несколько странно: они идентичны по актуальному значению и по образной составляющей. Тем не менее, как было показано, выражение *jmdn. an der Nase herumführen* может быть переведено на русский язык с помощью идиомы *водить за нос кого-л.* далеко не во всех случаях. Для лексикографа, заинтересованного в максимально точном описании материала, такие случаи оказываются проблематичными. Либо мы признаем, что *jmdn. an der Nase herumführen* и *водить за нос кого-л.* эквивалентны, но тогда нужно объяснить, почему в ряде контекстов «нормальный» эквивалент оказывается неприемлемым. Либо мы отрицаем, что между выражениями *jmdn. an der Nase herumführen* и *водить за нос кого-л.* есть отношение межъязыковой эквивалентности, и ориентируемся исключительно на перевод конкретных контекстов, но такое решение противоречит интуиции. Видимо, соответствующая словарная статья должна содержать различные эквиваленты с объяснениями контекстных и ситуативных условий их адекватного употребления.

Понятие функционального эквивалента оказывается одновременно и уже, и шире понятий (а) переводческой и (б) системной эквивалентности. Функциональный эквивалент уже переводческого, так как не все соответствия, найденные в текстах, могут быть включены в словарь. Но он и шире, так как эквивалентами могут потенциально быть не только те из соот-

²⁰ «Parallel corpora of the languages being described can highlight the degree of syntactic correlation between phrasemes with a given meaning in different languages, and indicate to what extent phraseme correlations between the given languages are fixed or, conversely, to what extent context-sensitive descriptive turns of phrase are employed. (...) However, despite the advantages that new corpus-based methods afford, they do not solve the most difficult lexicographic challenges; they are just a tool like any other» [Lubensky, McShane 2007: 920].

ветствий, которые реально встретились в проанализированных текстах. Даже если «полный эквивалент» данной идиомы ни разу не встретился в тексте, это еще не значит, что он должен быть вычеркнут из словаря (за исключением тех случаев, когда речь идет о «ложных друзьях переводчика»), но и они могут быть включены в предусмотренную для этого зону словарной статьи с соответствующим комментарием). Функциональный эквивалент шире системного, поскольку им может быть не только фразеологизм L2, но и любая другая лексическая единица этого языка. Но он и уже системного эквивалента, так как «хорошие» соответствия (и даже так называемые интернационализмы) не всегда согласуются, как было показано выше, по всем релевантным параметрам. Это объясняется тем, что идиомы представляют собой весьма сложные образования в семантическом и концептуальном отношении. План содержания всех мотивированных идиом включает два уровня: актуальное (т. е. лексикализованное, конвенционализированное) значение и образную составляющую, т. е. семантическую структуру, зафиксированную во внутренней форме. Кроме того, идиомы часто обнаруживают специфические комбинаторные ограничения и непредсказуемые прагматические особенности. Шансы, что все эти параметры совпадут в L1 и в L2, абсолютно минимальны (ср. Dobrovolskiĭ 1999a; Corpas Pastor 2004: 254; Schindler 2005: 43).

В словарном описании в таких случаях необходим подробный комментарий или толкования сопоставляемых единиц; ср., например, [REDI 1995].

К цели выявления функциональных эквивалентов можно идти двумя путями. Либо исходной точкой анализа являются различные тексты, и тогда мы отбираем нефорсированные, стандартные контексты и сравниваем полученные результаты с нашими представлениями об устройстве фразеологических систем данных языков, т. е. идем от *речи к языку*. Другой путь предполагает, что исходной точкой является сопоставление соответствующих фразеологических систем, причем эти данные уточняются в результате обращения к аутентичным текстам, т. е. к реальному употреблению. В этом случае направление анализа — от *языка к речи*. Очевидно, что два выделяемых здесь аспекта эквивалентности (а) и (б) — это как бы две стороны одного явления или два способа его изучения.

Единственно возможный способ добиться в словаре функциональной эквивалентности — это сочетание анализа устройства фразеологических систем сопоставляемых языков с анализом большого количества текстов и их переводов, а также сочетание L2-эквивалентов с описанием условий их употребления. Технически этого можно будет добиться, если — в соответствии с известным требованием Л. В. Щербы — для каждой пары языков разработать четыре фразеологических словаря.

Основная теоретическая задача сопоставительной фразеологии состоит в выработке общих параметров, по которым выражения различных языков могут быть осмысленно противопоставлены, — параметров, подобных тем, которые обсуждаются в данной статье. Такие параметры могут быть

выработаны только на основе детального анализа конкретных идиом различных пар языков.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1990 — Ю. Д. А п р е с я н. Языковые аномалии: виды и функции // *Res philologica. Филологические исследования*. М., 1990.

Арсентьева 1993 — Е. Ф. А р с е н т ь е в а. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского словаря: Дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 1993.

Баранов, Добровольский 2008 — А. Н. Б а р а н о в, Д. О. Д о б р о в о л ь с к и й. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.

Гак 1997 — В. Г. Г а к. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // *ВЯ*. 1997. № 1. С. 3—18.

Добровольский 1990 — Д. О. Д о б р о в о л ь с к и й. Основы структурно-типологического анализа фразеологии современных германских языков: на материале немецкого, английского и нидерландского языков: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990.

Мокиенко 1980 — В. М. М о к и е н к о. Славянская фразеология. М., 1980.

Падучева 2011 — Е. В. П а д у ч е в а. ИмPLICITное отрицание и местоимения с отрицательной поляризацией // *ВЯ*. 2011. № 5. С. 55—65.

Райхштейн 1980 — А. Д. Р а й х ш т е й н. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.

Солодухо 1982 — Э. М. С о л о д у х о. Проблемы интернационализации фразеологии: на материале языков славянской, германской и романской групп. Казань, 1982.

Abdullah, Jackson 1998 — K. A b d u l l a h, H. J a c k s o n. Idioms and the Language Learner: Contrasting English and Syrian Arabic // *Languages in Contrast*. Vol. 1. 1998. № 1. P. 83—107.

Abraham 1989 — W. A b r a h a m. Idioms in contrastive and in universally based typological research: toward distinctions of relevance // *Proceedings of the first Tilburg workshop on idioms* / Ed. by M. Everaert, E.-J. van der Linden. Tilburg, 1989. P. 1—22.

Chang 2003 — H. C h a n g. Chinesische und deutsche sprichwörtliche Redensarten. Eine kontrastive Betrachtung unter sprachlichen, funktionellen und kulturhistorischen Aspekten am Beispiel von Tierbildern. Hamburg, 2003.

Cheon 1998 — M.-A. C h e o n. Zur Konzeption eines phraseologischen Wörterbuchs für den Fremdsprachler. Am Beispiel Deutsch-Koreanisch. Tübingen, 1998.

Corpas Pastor 2004 — G. C o r p a s P a s t o r. Fraseología y traducción // *Diez años de investigación en fraseología: análisis sintáctico-semánticos, contrastivos y traductológicos* / Ed. by G. Corpas Pastor. Madrid, 2004. P. 245—273.

Dobrovolskij 1988 — D. D o b r o v o l ' s k i j. Phraseologie als Objekt der Universalienlinguistik. Leipzig, 1988.

Dobrovolskij 1998 — D. D o b r o v o l ' s k i j. Russian and German idioms from a contrastive perspective // *Contrastive lexical semantics* / Ed. by E. Weigand. Amsterdam; Philadelphia, 1998. P. 227—242.

Dobrovol'skij 1999a — D. Dobrovol'skij. On the cross-linguistic equivalence of idioms // «Langue» and «parole» in synchronic and diachronic perspective. Selected proceedings of the XXXIst Annual Meeting of the Societas Linguistica Europae, St. Andrews, 1998 / Ed. by C. Beedham. Amsterdam; Oxford, 1999. P. 203—219.

Dobrovol'skij 1999b — D. Dobrovol'skij. Phraseologische Wörterbücher Deutsch-Russisch und Russisch-Deutsch. Stand und Perspektiven // Germanistische Linguistik 143—144. Studien zur zweisprachigen Lexikographie mit Deutsch IV / Hrsg. H. E. Wiegand. Hildesheim, New York, 1999. S. 141—175.

Dobrovol'skij 2000a — D. Dobrovol'skij. Contrastive idiom analysis: Russian and German idioms in theory and in the bilingual dictionary // International journal of lexicography. Vol. 13. № 3, 2000. P. 169—186.

Dobrovol'skij 2000b — D. Dobrovol'skij. Idioms in contrast: a functional view // Las lenguas de Europa: estudios de fraseología, fraseografía y traducción / Ed. by G. Corpas Pastor. Granada, 2000. P. 367—388.

Dobrovol'skij 2002 — D. Dobrovol'skij. Phraseologismen in kontrastiver Sicht // Lexikologie: ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen / Ed. by D. A. Cruse et al. 1. Halbband. Berlin; New York, 2002. S. 442—451.

Dobrovol'skij, Piirainen 2005 — D. Dobrovol'skij, E. Piirainen. Figurative language: cross-cultural and cross-linguistic perspectives. Amsterdam; Oxford, 2005.

Duden-11 2002 — Duden — Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. 2., neu bearb. und aktualisierte Auflage. Duden Band 11. Mannheim etc., 2002.

Eismann 2010 — W. Eismann. Phraseologische Gemeinsamkeiten der Sprachen Europas // Handbuch der Eurolinguistik / Hrsg. von U. Hinrichs. Wiesbaden, 2010. S. 711—727.

Günther 1990 — K. Günther. Äquivalenzbeziehungen in der Phraseologie // Zeitschrift für Slawistik. Vol. 35 (4). 1990. S. 505—509.

Hallsteinsdóttir, Farø 2010 — E. Hallsteinsdóttir, K. Farø. Interlinguale Phraseologie: Theorie, Praxis und Perspektiven // Yearbook of Phraseology (2010). Berlin; New York, 2010. S. 125—158.

Hessky 1987 — R. Hessky. Phraseologie. Linguistische Grundfragen und kontrastives Modell deutsch — ungarisch. Tübingen, 1987.

Korhonen 1995 — J. Korhonen. Studien zur Phraseologie des Deutschen und des Finnischen I. Bochum, 1995.

Korhonen 1996 — J. Korhonen (Hrsg.). Studien zur Phraseologie des Deutschen und des Finnischen II. Bochum, 1996.

Korhonen 2007 — J. Korhonen. Probleme der kontrastiven Phraseologie // Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung = Phraseology: an international handbook of contemporary research / Ed. by H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn, N. R. Norrick. Vol. 1. Berlin; New York, 2007. S. 574—589.

Kotb 2002 — S. Kotb. Körperteilbezogene Phraseologismen im Ägyptisch-Arabischen. Wiesbaden, 2002.

Kozak-Opsahl 2010 — K. Kozak-Opsahl. Polish idioms and their equivalents in Norwegian. A cross-linguistic analysis. Ph. D. thesis. Oslo, 2010.

Longman DEI 1979 — Longman dictionary of English idioms / Ed. by T. H. Long, D. Summers. Harlow; London, 1979.

Lubensky, McShane 2007 — S. Lubensky, M. McShane. Bilingual phraseological dictionaries // Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung = Phraseology: an international handbook of contemporary research / Ed. by

H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn, N. R. Norrick. Vol. 2. Berlin; New York, 2007. P. 919—928.

Mellado Blanco 2007 — C. Mellado Blanco. Die Frage der Äquivalenzkriterien in der kontrastiven Phraseologie // Puente entre dos mundos: Últimas tendencias en la investigación traductológica alemán-español / Ed. by B. Santana, S. Roiss, Á. Recio. Salamanca, 2007. S. 261—272.

Piirainen 2009 — E. Piirainen. Phraseology from an areal linguistic perspective // Beiträge zur Phraseologie aus kontrastiver Sicht / Ed. by M. Álvarez de la Granja. Hamburg, 2009. P. 19-44.

Piirainen 2010 — E. Piirainen. Common features in the phraseology of European languages: cultural and areal perspectives // Phraseologie global — areal — regional. Akten der Konferenz EUROPHRAS 2008 vom 13.—16.8.2008 in Helsinki / Hrsg. von J. Korhonen. Tübingen, 2010. P. 15—27.

Piirainen 2011 — E. Piirainen. Widespread idioms in Europe and beyond: The oldest layers of the «Lexicon of Common Figurative Units» // Inner and Global Eurolinguistics. Proceedings of the SLE Meeting in Lisbon (9—12 September 2009) and the International Conference in Moscow (June 20—26, 2010) / Ed. by P. Ureland. Berlin, 2011 (forthcoming).

REDI 1995 — S. Lubensky. Random House Russian-English dictionary of idioms. New York, 1995.

Schindler 2005 — C. Schindler. Untersuchungen zur Äquivalenz von Idiomen in Sprachsystem und Kontext. Münster, 2005.

Wotjak, Ginzburg 1987 — B. Wotjak, L. Ginzburg. Zu interlingualen Äquivalenzbeziehungen bei Phraseolexemen // Das Wort: Germanistisches Jahrbuch 1987. Moskau; Zwickau, 1987. S. 67—78.

D. O. DOBROVOL'SKIJ

CONTRASTIVE PHRASEOLOGY: CROSS-LINGUISTIC EQUIVALENCE AND TRANSLATION OF IDIOMS

The notion of cross-linguistic equivalence in the field of phraseology can be defined in two different ways. One way is to look for translations of a given idiom in authentic texts, for instance, in parallel corpora. Another way is to compare phraseological systems of languages under consideration. In both approaches cross-linguistic equivalents can be found. They are, of course, not absolutely parallel and display equivalence only in certain respects. So they have rather to be labeled *near-equivalents*.

What is ultimately to be desired [stet] in both the theory of phraseology and practically oriented research is what is termed *functional equivalence*. Functional equivalents are counterparts which can be used in the same concrete situations without any informational loss. Functional equivalents have to be fixed in an ideal bilingual dictionary of idioms of the languages L1 and L2. To find them out we have to simultaneously go two ways: from text to language system (as typical of investigating translational equivalents) and from language system to text (as typical of discussing the so-called systematic equivalents). Not all systematic equivalents can function as counterparts in authentic texts and, on the other hand, not all translational equivalents can be included in the dictionary as parallels suitable for using in neutral contexts.

Not all correlating idioms of L1 and L2 turn out to be functional equivalents. Often one-word lexical items or collocations meet the criterion of functional equivalence better than a pseudo-equivalent idiom. Functional equivalents can be discovered only through the thorough linguistic analysis using all available data sources: dictionaries, corpora (both monolingual and parallel), surveys, or research results achieved by other linguists.

Keywords: contrastive phraseology, idiom, cross-linguistic equivalence, types of equivalence, translational equivalence, systematic equivalence, functional equivalence, bilingual lexicography.

У. ДОЛЕШАЛЬ, В. В. ДУБИЧИНСКИЙ, Т. РОЙТЕР

**СУРЖИК: ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ
И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**
(на материале аутентичных аудиозаписей телепередачи)

1. Введение

Авторским коллективом Клагенфуртского и Харьковского технических университетов начато исследование языковой ситуации в Украине. Исследования проводят Урсула Долешаль (социолингвистический аспект), Владимир Дубичинский (сопоставительный аспект), Тильманн Ройтер (грамматический аспект).

Адресатом нашего исследования является лингвист, владеющий русским и в достаточной мере украинским языками и желающий разобраться в языковой ситуации в современной Украине.

Целью данной статьи является исследование живой устной речи жителей Украины, и в частности суржика. Тем самым мы намереваемся внести вклад в разъяснение вопроса о том, что же понимается под суржи́ком.

Мы предлагаем рабочее определение одного типа суржика в виде гипотезы и проверяем ее посредством лексико-грамматического и социолингвистического анализа.

Актуальность статьи заключается в том, что последние годы ведется активное обсуждение языковой ситуации в Украине, как в научной литературе, так и в средствах массовой информации. При этом особенно остро обсуждается явление суржика, зачастую в сугубо эмоциональной форме¹.

По нашему мнению, несмотря на то что за последние 20 лет было опубликовано немало статей и книг о суржике (см. напр. [Ставицька, Труб

¹ Суржик — «кровосмесительное дитя билингвизма» (писатель Ю. Андрухович), «название деградировавшего, убогого духовного мира человека и оторванности от родного» [Антисуржик], «разворачивание языковой болезни» [Масенко 1999], «первая стадия той болезни, которая называется отмиранием языка» (газета «Вечерний Киев», 1998), «язык для духовно бедных, квинтэссенция душевной структуры “одномерного” человека, метафизическая модель жлобской души» [Окара 2001] и мн. др. (*перевод авторов статьи*).

2007; Del Gaudio 2010; Flier 1998; 2008; Bilaniuk 2004; Масенко 2004; 2008] и др.), все-таки остается неясным или даже загадочным, какое именно языковое явление (или какие именно явления) сводится к этому понятию, если вообще слово *суржик* можно понимать как термин. Ведь слово *суржик* употребляется широко в повседневной речи (см. определение из [СУМ] ниже), и в то же время кажется, что повседневное значение влияет и на понятие *суржик* среди лингвистов. Лингвистами смешивается глобальное понимание суржика как смешанной речи и суржика как речи с низкой оценкой. Поэтому необходимо найти более точное определение понятия *суржик* со структурной, и с социолингвистической точек зрения, а также, пожалуй, более точное и нейтральное название этого явления. Отметим, что в литературе указывается на существование разных видов суржика, напр. [Flier 1998: 115—116; Bilaniuk 2004].

Что касается **структурного определения**, главный вопрос состоит в том, является ли суржик стихийной смесью двух языков (точнее, русского и украинского языков, см. [Масенко 2008]), или же смешение языков подвергается определенным закономерностям (см. [Flier 1998]). К этой проблематике примыкает также вопрос о том, существует один тип суржика или их несколько, как утверждает Биланюк (см. [Bilaniuk 2004]).

Что касается **социолингвистического определения**, то вопрос состоит, в первую очередь, в том, какие разновидности речи воспринимаются языковым сообществом (speech community) как суржик, или, другими словами, какие именно смеси русского и украинского языка принято называть *суржи́ком* в Украине. Как показывает перцептивная социолингвистика (ср. [Preston 1999]), носители языка обычно располагают четкими представлениями о классификации отрезка речи относительно принадлежности к территориальной или социальной разновидности данного языка (см., напр. [Krause et al. 2003]). Часто, но не всегда, эти оценки сходятся с научными классификациями. Ввиду недостаточной определенности термина в лингвистике, такое «наивное» определение особенно ценно и дополняет интуицию лингвистов, которые рассматривают суржик, с одной стороны, с позиции носителей языка, а с другой — с позиции ученых.

Достаточно полный **обзор определений суржика** даётся в работе [Ставицька, Труб 2007]. Сами авторы предлагают следующее определение: «Суржик — это некодифицированный просторечный язык, который возник вследствие долгого контактного украинско-русского двуязычия в его диглосной форме. Суржик формируется в результате системной интерференции на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях; он репрезентируется цельнооформленными лексемами — суржикизмами, которые накладываются на украинскую или русскую языковую основу; проявляет себя на базе региональных разновидностей украинского языка как языковой код у людей с разным типом языковой компетенции, в разнотипных социально-корпоративных и коммуникативных сферах» [Там же: 77] (*перевод авторов статьи*).

Дополнительно приведём еще несколько авторитетных мнений.

1. «В восточных и юго-восточных областях Украины, преимущественно в городах (Запорожье, Донбасс, Кривой Рог, Одесса), а также в Крыму с XVII—XVIII вв. бытует так называемый “суржик” (исходное значение “смесь ржи с пшеницей, ячменя с овсом и т. п.”) — просторечие, сложившееся в результате механического соединения преимущественно украинской диалектной фонетики и грамматики с лексическим материалом преимущественно русского языка» [Жовтобрюх, Молдован 2005: 515].

2. «Суржик (*перен., разг.*) — элементы двух или нескольких языков, объединённые искусственно, без придерживания норм литературного языка; нечистый язык» [СУМ] (*перевод авторов статьи*).

3. «Распространённое в Украине разговорное название ненормативной индивидуальной речи определённого лица и социолекта определённой группы, которое строится на основе смешения, интерференции элементов двух или больше языков (...). Чаще всего под суржи́ком как социолектом понимают определённый структурный, функциональный компонент украинского просторечия с заметной примесью русизмов, который стал разговорным языком и фактически основным способом общения большинства украиноязычного населения страны в результате массового длительного украинско-русского двуязычия в её ассиметричной диглоссной форме» [Тараненко 2004: 665—666] (*перевод авторов статьи*).

4. «Ученые, занимавшиеся вопросами суржика, часто обращали внимание на отсутствие чёткого определения этого термина. По этой причине и на основе наблюдения и лингвистического анализа материала о суржике, а также для лучшего семантического определения языковых сегментов и текстов мы ввели понятие *прототипа украинского суржика*.

Определение нами этого термина базировалось на констатации существования языкового варианта, который часто употребляется как постоянный способ коммуникации для широких слоёв населения; а вычленение этого лингвистического варианта из массы других языковых смесей, таких, например, как простая интерференция, переключение кодов, альтернатива кодов, разговорная и диалектная речь, требовало разработки авторской методики» [Del Gaudio 2010: 304].

5. «Суржик иногда считают городским сленгом, с чем нельзя согласиться, поскольку сленг — элемент парадигмы разговорно-обиходного языка, а суржик — некодифицированного разговорного языка малообразованных людей...» [Ставицька 2005: 263] (*перевод авторов статьи*).

6. «Украинскому просторечию, прежде всего на территории восточной и южной Украины, свойственно явление суржика — смешивания украинского и русского языков, что более всего проявляется на лексическом уровне, напр.: бомажка, да, долг, канешно, нізя, обізатільно, обішати, п'ятно, цвітний» [Бондар и др. 2006: 275] (*перевод авторов статьи*).

Как следует из приведенных цитат, суржи́ком обычно называется смесь украинского и русского языков. Точный лингвистический характер такой смеси, однако, пока не совсем ясен. Отметим, что о наблюдаемых лексических, морфологических и фонологических регулярностях писал М. Флайер еще в 1998 году [Flier 1998]. По его описанию, структурно различаются:

суржик на базе украинского языка с русскими примесями (admixture) (украинско-русский суржик) и суржик на базе русского языка с украинскими примесями (русско-украинский суржик). Поскольку в нашем материале (см. ниже) первый тип представлен намного чаще, чем второй, мы рассмотрим его как **основной (или прототипический)**. Поэтому, когда в дальнейшем будем говорить о суржике, имеем в виду именно первый, основной тип (украинско-русский суржик).

Исходя из сказанного мы можем представить своё определение суржика в виде гипотезы, которая подвергается проверке.

Суржик — это разновидность украинского языка с примесями, которые мы относим к русскому языку и которые проявляются на лексическом, фонетическом, морфологическом, синтаксическом и семантическом уровнях.

Следует отметить, что наблюдаемые случаи примесей из украинского просторечия выносятся (анализируются) нами отдельно — значит, суржик, в нашем понимании, не отождествляется с просторечием украинского языка².

Иначе говоря, нами рассматриваются все элементы в речи, которые хоть в чем-то отличаются от норм украинского литературного языка и могут относиться к литературному русскому языку. При этом мы осознаем, что определение «русизмов» осложняется тем фактом, что многие лексические элементы, которые могут считаться русизмами, встречаются и в украинских говорах или художественных произведениях (но не являются элементами современного украинского литературного языка). Поскольку, как пишет [Кузнецова 2000: 80] (цитируем по [Ставицька, Труб 2007: 43]), «такие формы в речи одного информанта являются диалектизмами, а в речи другого — они результат давления русского языка» (*перевод авторов статьи*), мы не беремся судить о диалектизмах, а, наоборот, исходим из русского и украинского литературных языков. Этот подход оправдывается и тем, что суржик нередко считается субстандартом, и всякий элемент, который не принадлежит к стандартному языку, должен поэтому восприниматься как «примесь». Откуда происходит такая примесь, для нас не является существенным, если она синхронно воспринимается как русизм. Конечно, как употребление, так и восприятие элемента речи в качестве примеси или в качестве органической составляющей зависит от региональной принадлежности и от языковых навыков воспринимающего такую речь человека. Поэтому, кроме рассуждений профессиональных

² «Под просторечием (как понятием социолингвистики, а не стилистики и лексикографии) понимают наддиалектный и не ограниченный узко социальный подвид национального языка, основной формой функционирования которого есть сфера разговорно-обиходной речи лиц, незнакомых в необходимом объёме с литературными нормами (преимущественно в результате недостаточной образованности)» [Тараненко 2008: 15].

лингвистов, нужны еще и оценки «простых» носителей языка, чтобы определить статус и характер речевого отрывка³.

Насколько нам известно, пока не было предпринято эмпирических исследований ни относительно оценки суржика, ни относительно его определения членами украинского языкового сообщества. Речь идет о так называемом метаязыковом сознании говорящих. Изучение этого сознания важно не только с теоретической точки зрения (наблюдения над развитием языка и языковым изменением), но и с нормативной точки зрения: ведь, если не известно, как носители языка понимают суржик, то трудно проводить политику языкового планирования и культуры речи.

Исходя из вышесказанного, мы в своей исследовательской работе предприняли попытку эмпирического изучения суржика. Следует отметить, что речь идет о пробно-поисковом исследовании, поэтому наши результаты в определенном смысле предварительны и должны подвергаться проверке другими экспериментами и обсуждаться среди лингвистов.

В качестве объекта исследования выбрана речь участников телепередачи центрального украинского канала «Интер» «Ключевой момент». Временные рамки анализируемых речевых блоков: июль 2008 — февраль 2009 г.

Для научной объективности анализа и возможности проверить экспериментальные данные применяется **методика сплошной транскрипции** речи участников (из отдельных фрагментов передачи), а также **методика оценки** аудиофрагментов членами языкового сообщества в Украине.

Новизна исследования заключается в том, что мы, во-первых, анализируем **достаточно однородный аутентичный материал** в четких временных границах, представляющий различные территориальные, возрастные и социальные речевые варианты. Во-вторых, мы попытаемся выяснить посредством **анкетирования**, совпадает ли наше мнение с наивным мнением говорящих относительно оценки речи как суржиковой.

Материал исследования. Мы выбрали для нашего анализа популярное ток-шоу «Ключевой момент» телеканала «Интер» (<http://inter.ua/uk>). Программа посвящена обсуждению жизненных проблем людей, их рабочих и семейных отношений и, как правило, поиску утраченных родственников, в котором помогает съёмочная группа телепередачи.

Диалог протекает следующим образом. Ведущая обращается к участникам передачи на нормативном украинском языке. Обсуждение проводится в условиях свободного выбора языка общения. Как правило, диалог ведётся разными лицами на украинском, иногда на русском языке, а зачастую и на языке, который предлагаем называть суржиком. Кроме диалогов, в передаче присутствуют вставленные монологи на основе материалов съёмочной группы.

³ Отметим также, что вопрос об условиях формирования индивидуальной речи и оценки наших респондентов, безусловно, важен, однако в данной работе не рассматривается.

Выбранная телепрограмма адекватно представляет языковую стихию современного украинского общества, так как:

— участниками телепередачи являются жители различных регионов Украины;

— участниками являются люди различного возраста (от школьного до пенсионного);

— присутствует гендерный аспект речи (выступают мужчины и женщины);

— участниками являются люди различных профессий и уровня образованности⁴;

— диалоги ведутся на различные темы личной жизни, что предполагает использование различных пластов лексики.

Отметим, что на основании записанного видеоматериала можно чаще всего с достаточной четкостью установить географическую принадлежность, возраст, социальный статус, образование героев телепередачи, что составляет **речевой паспорт коммуникативной ситуации и её участников**.

Отметим также, что речь участников телепередачи естественна по всем параметрам, что позволяет нам присвоить ей высокую значимость для нашего исследования. При этом мы осознаем, что следует иметь в виду две особенности ситуации общения: а) фактор публичного выступления и б) возможное (неосознанное) влияние речи ведущей на речевое поведение участников.

Запись телепередач велась в режиме временных блоков: за период с июля 2008 г. по февраль 2009 г. в течение шести произвольно выбранных недель было снято в среднем по три передачи подряд. Мы осознаем, что такой подход не соответствует случайной выборке в статистическом смысле. В целом наш материал состоит из 17 передач, в которых выступают в среднем по 2—3 героя и их родственники.

Мы просмотрели все передачи и отобрали те места, где проявляется смешение языков, и установили также, какого рода это смешение:

1. Когда суржиковые явления появляются в украинской речи?

2. Когда суржиковые явления появляются в русской речи?

Выяснилось, что данные два случая встречаются неравномерно и имеют различную частоту встречаемости (различный частотный индекс): случаи

⁴ Нам с самого начала исследования не показалось целесообразным ограничить круг потенциальных говорящих на суржике социальными признаками, как это делал, напр., [Del Gaudio 2010] и как широко принято в таких описаниях суржика, которые рассматривают суржик как явление просторечия и, следовательно, характерное для необразованных людей. Мы, конечно, не исключаем такую связь между суржиком и образованием, но, с другой стороны, известно, что молодые люди независимо от уровня образования утверждают, что говорят на суржике, потому что им это ближе, менее принужденно (ср. [Ставицька, Труб 2007: 38]) Поэтому мы допускали, что связь между использованием суржика и социальной принадлежностью заранее не определена.

появления суржиковых явлений в украинской речи, по нашим материалам, более частотны, чем в русской. Поэтому, как уже было сказано выше, мы решили заниматься пока только первым случаем и на его базе попытаться определить, что такое суржик.

2. Анализ языкового материала

По нашим наблюдениям, факты русско-украинской интерференции проявляются на всех языковых уровнях и подуровнях: фонетическом, лексико-семантическом, морфологическом, словообразовательном и синтаксическом.

Транскрипционный анализ мы проводим на основе литер русского языка с добавлением ограниченного количества дополнительных символов.

Редукция гласных описывается по упрощённой форме. Например, в первом, четвёртом и пятом слогах слова [народьблас'а] фонема ⟨а⟩ имеет различные звуковые реализации, но для данного анализа авторы посчитали возможным пренебречь этим обстоятельством. В данном случае предлагаемая транскрипция носит не звуковой, а фонемный характер: существенным является факт различения фонем ⟨а⟩ (первый, четвёртый и пятый слоги) и ⟨о⟩ (второй слог).

Приведем три примера аудиофрагментов и их транскрипции в виде, обоснованном выше. Под каждым примером подаётся поуровневый лингвистический анализ: указываются все случаи расхождения с нормами украинского литературного языка⁵.

Характеристика аудиофрагментов А и Б (Телепередача «Ключовой момент» от 03.09.2008). В телестудии ведущая встречает женщину Наталью, 36 лет, из села Бахмач-2 Бахмачского района Черниговской области. Наталья живет с бабушкой, матерью и сыном. Ищет своего дядю Юру, племянника ее бабушки. В аудиофрагменте А представлена речь бабушки, которая находится в зале телестудии. Ей около 70 лет. В аудиофрагменте Б представлена речь дяди Юры, 50 лет, который живет в селе Зелений Бір Васильковского района Киевской области, по профессии рабочий.

Аудиофрагмент А (отсчет времени по записи: 12.25-13.08) — Монолог бабушки:

Участница: [Ну воньі жылы на... и робылы. Маты робыла на гальвас'к'ий птыцэфабрыц'и сэло Западънйивка... Маты знала адрэс... А...

⁵ В литературе предлагаются разные системы описания смеси русского и украинского языков, напр. [Flier 1998; Ставицька, Труб 2007; Del Gaudio 2010]. Наиболее развита, однако, по нашему мнению, система описания трясанки Герда Хенчеля [Hentschel 2008], которую следует в дальнейшем применить и к нашему исследованию.

Вона до мѐнѐ прыйизджала дѐс'... нѐ знайу ужѐ ск'ик'и рѐк'ив назад. Йа ж пытайу за Йѐру. Вона... В'ин живѐ в сус'идн'ому сѐл'и... А йак жѐ так. А сѐло йак называѐц'а? И вона мѐнѐ за... нѐ за нѐ шос' она кѐжѐ она кѐжѐ шо... и н'и рѐзу нѐ сказѐла. Вона два рѐза прыйиздѐла и н'и рѐзу нѐ сказѐла. Жывѐ жѐнѐивс'а два хлѐпц'ив мѐйѐ ж'инку. Оцѐ тѐкѐ нам скажѐ и всѐ].

Уровни:

Фонетический:

[ск'ик'и] — украинское просторечие, укр. литер. [скѐл'кы]).

Морфологический:

[(на) птыцѐфабрыц'и] — лексема *птицефабрика* русская, укр. *птахофабрика*; флексия с чередованием *к/ц* украинская; произношение украинское; [адрѐс] — лексема *адрес* русская, укр. *адреса*; нулевая флексия русская⁶, укр. вин. ед. ч. [адрѐсу]; произношение украинское;

[жѐнѐивс'а] — лексема *жениться* украинская, наряду с русск. *жениться* *несов* и *сов.*; суффикс глагола прошедшего времени *-в* украинский; произношение украинское. Следует, однако, иметь в виду, что в украинском языке существует синонимическая видовая пара *одружуватися/одружитися*.

Синтаксический:

[пытѐйу за Йѐру] — украинское просторечие, укр. литер. *питаю про Юру*; [два рѐза] — конструкция *два раза* русская, укр. [два разы]; произношение общее (русское и украинское).

Семантический:

Словоформа [робѐлы] употребляется в значении 'работали', а такое употребление зачастую считается классическим примером суржиковой речи, ср. литературное украинское *працювали* (между тем как укр. *робили* = русск. *делали*). Тем не менее словари украинского языка приводят для слова *робити* нужное нам здесь значение: 'займатися якою-небудь, переважно фізичною, працею; працювати...' [ВТС] или '*розм.* займатися якою-н. (перев. фізичною) роботою' [СТС]. Поэтому мы не считаем себя вправе отнести словоформу [робѐлы] к суржику — это скорее всего элемент разговорного украинского языка.

Словоформа [ж'инку] употребляется в значении 'жену' / 'супругу', а такое употребление также зачастую считается примером суржиковой речи, ср. литературное украинское 'дружина'. Однако словари украинского языка приводят для слова *жінка* и в этом случае нужное нам значение: 'заміжня особа стосовно до свого чоловіка // взагалі заміжня особа жіночої статі' [ВТС] или 'заміжня особа стосовно свого чоловіка' [СТС]. Поэтому мы не считаем себя вправе отнести словоформу [ж'инку] к суржику — это скорее всего тоже элемент разговорного украинского языка.

⁶ По данным М. Флаера [Flier 1998: 119], в суржике флексии обычно украинские, за исключением имени существительного, где встречаются и русские окончания.

Аудиофрагмент Б (отсчет времени по записи: 17.19—18.43) — Монолог дяди Юры с музыкальным сопровождением):

Участник: [Цэ йа Рудэнка Йу́р'ий Мько́лайовыч. А цэ м'ий фрэ́зэрный станок на йако́му йа прац'у́йу. Прац'у́йу йа в ынст'итут'и в МД'ИМ'И прац'у́йу фрэ́зэрóвщыком. Ран'ишэ прац'ува́в на восэво́й птыцэфáбрыц'и. А тэпэр пэрэйшóв с'уды́. Брыга́да попáлас'а хоро́ша. Хло́пц'и п'идка́жут помага́ют. Так шо робóта мэн'и подóбайэт'с'а.

Жыву́ йа нэдалэ́ко в сэл'и Ээлэ́ный б'ир. Ж'инку зва́ты Ва́л'а, прац'у́йэ в Бо́рыц'и в роддо́м'и. Дво́йэ сын'ив. Одно́го Са́шка, дру́гый Ал'о́шка. Ста́рший Са́шка жэна́тый. Жывэ атд'эл'на. Ал'о́шка з на́мы щэ пака́. Са́шка прац'у́йэ на пылора́м'и. А Ал'о́шка в Кы́йэв'и на ав'иазаво́д'и. Так шо все́ у мэ́нэ до́брэ.

Колы́ на т'ий нэд'ыл'и получы́в запро́шэн'н'а мэн'и було́ аж... аж зды-вувáв'а сам в'ид ко́го цэ воно́ мо́жэ и бут'. Ну йа скор'ишэ ве'óго дума́йу шо цэ в'ид двойу́р'идных брат'ив и сэстэр. Бра́та Ива́ном зва́ты, а сэстру́ Ла́рийэй, з йако́йу нэ ба́чылыс' тры́дц'ат' ро́к'ив. Так жыт'г'а склáлос'а.

Так шо пойы́дэм встрэ́ча́тыс' на «Кл'учо́вый момэ́нт». Побáчы́м хто там, а то ж'инка шу́ткуйэ шо мо́жэ л'убо́вныц'а. Так шо встрэ́т'имс'а там, на «Кл'учо́вом момэ́нт'и». До зу́стр'ич'и].

Уровни:

Фонетический:

[шо] — украинское просторечие, укр. литер. [шчо];

[атд'эл'на] — лексема *отдельно* русская, укр. *окремо*; произношение русское;

[в роддо́м'и] — лексема *роддом* русская, укр. *пологовий будинок*, флексия в словоформе *роддоме* русская; произношение украинское (без аканья);

[хоро́ша] — лексема *хороший* общая — украинская и русская; флексия в словоформе *хороша* украинская; произношение украинское (без аканья, место ударения). Следует, однако, иметь в виду, что в украинском языке существует синонимическая лексема *гарний*;

[жэна́тый] — лексема *женатый* русская, укр. *жонатий, одружений*; произношение русское. В [СТС] *жонатий* приводится с пометой *розм.* (розмовне — разговорное);

[пака́] — лексема *пока* русская, укр. *досі, поки*; произношение русское;

[фрэ́зэрóвщыком] — лексема *фрезеровщик* русская, укр. *фрезерувальник*, суффикс в словоформе *фрезеровщиком* русский; произношение украинское;

[л'убо́вныц'а] — лексема *любовница* русская, укр. *коханка*; произношение украинское;

[встрэ́т'имс'а] — лексема *встретиться* русская, укр. *зустрітись*, флексия в словоформе *встретимся* русская (по-украински *зустрінемося*); произношение украинское;

[помага́ют] — лексема *помогати* украинская, наряду с русск. *помогать*; флексия русская, ср. укр. *помагають*; произношение украинское (без аканья в первом слогe). Следует, однако, иметь в виду, что в украинском языке существует синонимическая лексема *допомагати*;

[«Кл'учовом момэнт'и»] — словосочетание *ключевой момент* русское, укр. *ключовий момент*; флексии в конструкции *ключевом моменте* русские⁷, укр. *ключовому моменті*; произношение украинское.

Морфологический:

[(на) птыцэфабрыц'и] (см. выше);

[бут'] — лексема *бути* украинская, русск. *быть*, показатель инфинитива *-ть* русский;

[встрэчат'ыс'] — лексема *встречаться* русская, укр. *зустрічатися* (*зустрічатись*); аффикс *-тись* украинский; произношение украинское;

[шутк'уйэ] — лексема *шутковать* русская просторечная, укр. литер. *жартувати*; флексия глагола третьего лица ед. ч. *-є* украинская (русск. *-ет*). Отметим, однако, что словарь [Želechovskyj, Nedil'skyj 1882—1886] приводит украинское слово *шуткувати* со значением 'spassen, scherzen', а словарь [Kurimský, Šišková, Savický 1994] дает 'žertovat, vtipkovat' с пометой *ob. zř.* (разговорное, редкое);

[побачым] — лексема *побачити* украинская, русск. *увидеть*; флексия глагола первого лица множественного числа *-м* русская (укр. *-мо*).

Синтаксический:

[скор'ишэ вс'ого] — конструкция *скорее всего* русская, укр. *скоріше за все*; словоформы *скоріше* (русск. *скорее*) и *всього* (русск. *всего*) украинские.

Семантический:

[ж'инку] (см. выше);

[нэд'ил'и] употребляется значениями 'неделе' (укр. *тижні*), а укр. *неділі* = русск. *воскресенье*.

Характеристика аудиофрагмента В (Телепередача «Ключовий момент» от 12.11.2008). В телестудии ведущая встречает женщину Лидию Пантелеймоновну, 70 лет, из Харькова, где она проживает с 1982 г. Лидия Пантелеймоновна выросла и проживала до 1948 г. в селе Вільхівці Чеме-ривского района Хмельницкой области, потом переселилась в Каменец-Подольский. Ищет своего брата по отцу Эдуарда, 60 лет, который живет в Ивано-Франковске, военный по профессии, на пенсии. В аудиофрагменте В представлена речь Лидии Пантелеймоновны.

Аудиофрагмент В (отсчет времени по записи: 13.10—13.50) — Диалог ведущей с Лидией Пантелеймоновной:

Ведущая: [То ск'ик'и цэ вжэ бат'ко л'икува'вс'а?]

Участница: [Нэ. Бат'ко дужэ довго л'икува'вс'а. В'ыл'икував в'ин н'огы но в'ин л'икува'вс'а и продолжав л'икува'тыс'. Так в'ин говорыв. До матэр'и в'ин прыйизджав до нас в э'л'о дужэ р'идко].

В.: [Пр'отягом ск'ил'к'ох?...]

У.: [В'ин був там до п'ид'ис'ат ш'остого року].

В.: [А ма'ма чэка'ла йог'о тым часом?]

⁷ О русских флексиях в суржике см. сноску 6.

У.: [Ну. Ма́ма дога́дувалас'а нав'э́рна. Ё́а так ду́майу. Но брат прац'ува́в в гус'а́тынс'кому райдо́ротд'э́л'э].

В.: [Ваш брат Анато́л'ий?]

У.: [Брат. В'ин п'ишо́в тод'и́ йак раз со́рок с'о́мый р'ик. Був дужэ́ важ-кый р'ик. В'ин нас факты́чно в'ин вжэ́ кормы́в с'имйу́. Тому́ шчо́ нэ́ було́ шо́ йи́сты а пайкы́ тод'и́ дава́лы. Тым хто прац'ува́в дава́лы пайкы́].

Уровни:

Фонетический:

[нэ] — природа частицы [нэ] не вполне ясна;

[п'ид'ис'ат] — лексема *пятьдесят* русская, укр. *п'ятдесят*; произношение русское;

[нав'э́рна] — лексема *наверно* русская, укр. *мабу́ть*; произношение русское;

[но] — лексема *но* русская, укр. *але*; произношение русское;

[в райдо́ротд'э́л'э] — лексема *райдо́ротдел* русская, укр. *райдо́рвіділ*; флексия в словоформе *райдо́ротделе* русская; произношение русское;

[пайкы́] — лексема *пайок* украинская, наряду с русск. *паё́к*; словоформа *пайки* общая — украинская и русская; произношение украинское.

Морфологический:

[продолжа́в] — лексема *продолжать* русская, укр. *продовжува́ти*; суффикс прошедшего времени глагола *-в* украинский; произношение украинское (без аканья);

[кормы́в] — лексема *кормить* русская, укр. *годува́ти*; суффикс прошедшего времени глагола *-в* украинский; произношение украинское (без аканья).

Итак, анализ на языковых уровнях выглядит таким образом:

Лексический уровень рассматривается нами по умолчанию, т. к. мы строим наши наблюдения, прежде всего исходя из лексического материала.

Фонетический уровень. Артикуляционная база — украинская.

1. Исследуемые вставляют в свою речь **русские словоформы с очевидной русской фонетикой**: [нав'э́рна] — мабу́ть, [атд'э́л'на] — окремо, [но] — але, [п'ид'ис'ат] — п'ятдесят, [пакá] — поки, [в райдо́ротд'э́л'э] — у райдо́рвіділі, [в роддо́м'и] — у пологовому будинку, [жэ́на́тый] — жо́натий, одружений, [встрэ́'имс'а] — зустрінемо́ся. Эти словоформы выступают в потоке речи в качестве «цитат» из русского языка.

2. Исследуемые вставляют в свою речь **русские словоформы с украинским произношением**: [фрэ́зэрóвщыком] — фрезерувальником, [л'убо́в-ныц'а] — коханка, [«Кл'учо́вом момэ́нт'и»] — «Ключовому моменті».

3. Наблюдается также похожий случай, т. е. **лексическая единица, которая встречается и в русском, и в украинском языках, произносится с украинской артикуляцией**: [пайкы́] — пайки (украинское заднее [ы]; [помага́йут] — помага́ють, допомага́ють (украинское/южнорусское фрикативное [г], а не [r]; сохраняется твердость конечного [т]).

4. Присутствуют случаи украинского просторечия: [ск'и́к'и], [шо].

Морфологический уровень. Морфологическая база — украинская.

1. Исследуемые вставляют в свою речь **русские лексемы с украинской флексией**: [а́дрэс] — адреса, [птыцэфа́брыц'и] — птахофабриці, [встрэча́тыс'] — зустрічатися.

2. Исследуемые вставляют в свою речь **русские лексемы с украинскими грамматическими аффиксами**: [кормы́в] — годував, [продолжа́в] — продовжував.

3. Наблюдается также противоположный случай, т. е. **при украинском лексическом материале присутствует русская флексия**: [бу́т'] — бути (*рус.* быть), [побачы́м] — побачимо (*рус.* увидим).

4. Исследуемые вставляют в свою речь общие русские и украинские лексемы (из единого восточнославянского словарного фонда) с украинской флексией: [хоро́ша] — *рус.* хорошая.

Синтаксический уровень. Синтаксическая база — украинская.

1. Исследуемые вставляют в свою речь **русские синтагмы**: [два ра́за] — два рази, [ско́р'и́ше вс'о́го] — скоріше за все.

2. Присутствуют случаи украинского просторечия: [пыта́йу за Йу́ру] — питаю про Юру.

Семантический уровень.

1. Единица [нэд'и́л'и] классифицируется как **ложная лексическая параллель**, т. е. имеются внешне сходные, но семантически различные, лексемы русского и украинского языков:

рус. **неделя** = *укр.* тиждень 'единица исчисления времени, равная семи дням';

укр. **неділя** = *рус.* воскресенье.

2. Единицы [робы́лы], [ж'и́нку] часто приводятся в качестве примеров для суржиковой речи, т. е. они в таком случае воспринимаются как ложные лексические параллели, *рус.* **жена** 'супруга', *укр.* **жінка** 'женщина' ≠ *укр.* дружина 'супруга'; *рус.* **работать** 'заниматься каким-л. делом, трудиться', *укр.* **робити** 'делать' ≠ *укр.* працювати 'заниматься каким-л. делом, трудиться'.

Однако, как указал один из рецензентов и как подтверждают словари (см. выше: [ВТС; СТС]), неверно, что *укр.* **робити** не имеет значения 'работать', а *жінка* не имеет значение 'супруга'. Мы относим словоупотребления [робы́лы], [ж'и́нку] к разговорному украинскому языку.

Резюмируя лингвистический анализ, можно сказать следующее: речь участников телепередачи в отобранных нами аудиофрагментах стоит на прочном украинском фундаменте, т. е. преобладает украинский лексический материал; артикуляционная база, принципы словоизменения, синтаксические конструкции — украинские. Лексические примеси, синхронически относимые нами к русскому языку, проявляются на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях, что позволяет нам все три аудиофрагмента отнести к суржику.

Отметим также, что лексемы [ск'йк'и], [шо] и словосочетание [пытáйу за Їуру] получили характеристику украинских просторечных, т. к. в них отсутствует соотносительность с какими бы то ни было единицами русского языка.

Помимо этого, в данной работе мы не делаем никаких утверждений исторического/этимологического характера, сосредоточив наши исследования исключительно на синхроническом аспекте.

3. Социолингвистический эксперимент

Анализируемые нами материалы были предложены респондентам в двух украинских городах — в Харькове и в Херсоне, чтобы проверить, насколько наш анализ материала как суржикового совпадает с наивным мнением говорящих. Чтобы сосредоточить внимание респондентов на самой речи, а не на визуальных стимулах, мы приготовили фрагменты в виде аудиофайлов. Целью эксперимента является оценка характера речи носителями русского/украинского языков.

Для эксперимента мы выбрали 10 аудиофрагментов телепередачи «Ключевой момент» (продолжительностью от 40 секунд до 2 минут). При этом большинство фрагментов, по нашему мнению, представляет примеры суржика, два отрывка, однако, — достаточно чистую украинскую речь. Фрагменты с достаточно чистой украинской речью служили контрольным материалом, чтобы установить достоверность суждений информантов (ср. [Krause и др. 2003], где применяется подобный метод). Следует указать на тот факт, что все респонденты относили эти отрезки однозначно к украинскому языку.

Группам респондентов предлагались аудиофрагменты со следующей анкетой⁸:

АНКЕТА УЧАСТНИКА

Год рождения _____
 Место рождения _____
 Пол: муж. жен. (подчеркните)
 Национальность _____
 Образование (подчеркните):
 неоконченное среднее;
 среднее;
 среднее специальное;
 незаконченное высшее;
 высшее (гуманитарное, естественно-научное, техническое).
 Профессия _____
 Место проживания в настоящее время
 (город, село, район, область) _____

⁸ За основу взята анкета из книги [Беликов, Крысин 2001: 289].

Место, где Вы проживали длительное время _____
 Ваш родной язык _____

УВАЖАЕМЫЙ УЧАСТНИК ИССЛЕДОВАНИЯ!

Вам предлагается прослушать 10 аудиозаписей телепередачи «Ключевой момент». В телепередаче участвуют ведущая и приглашенные.

Охарактеризуйте речь приглашенных участников крестиком. Если необходимо, дайте дополнительные комментарии.

1. русский язык
 украинский язык
 суржик
 что-то другое
 комментарии: _____

2. русский язык
 украинский язык
 суржик
 что-то другое
 что-то другое
 комментарии: _____

...и так далее все 10 аудиофрагментов.

Анкета предлагалась респондентам на выбор в русском и украинском вариантах. Мы считаем возможность выбора языка анкетирования важным социолингвистическим критерием, исключающим нежелательное влияние исследователя на ход эксперимента.

Аудиофрагменты озвучивались однократно с короткими (до 1 минуты) паузами для осознанного письменного ответа в анкете. Ниже приведем результаты оценки трех анализируемых в предыдущем разделе фрагментов вместе с социологическими данными респондентов.

1) Харьковская группа респондентов:

Количество участников анкетирования — 37.

Год рождения: 17—25 лет — 22 человека, 26—50 лет — 7 человек, 51 год и старше — 8.

Пол: 5 — мужчины, 32 — женщины.

Место рождения: Харьков, Харьковская область, г. Полтава, Донецкая область, Луганская область, г. Житомир, Запорожская область, Одесская область, г. Керчь, г. Орел (Россия), г. Сарапул (Россия), г. Иркутск (Россия).

Национальность: 28 — украинцы, 9 — русские.

Образование: незаконченное высшее — 22, высшее (гуманитарное) — 15.

Профессия: 22 — студенты-филологи, 15 — преподаватели украинского и русского языков.

Место проживания в настоящий момент: все участники — жители Харькова.

Место длительного времени проживания: Харьков, Харьковская область, г. Миргород, Луганская область, Запорожская область, г. Керчь.

Родной язык: 3 — украинский и русский, 20 — русский, 12 — украинский, 2 — не определено.

Попросили анкету: 17 — на украинском языке, 20 — на русском языке.

Результаты анкетирования аудиофрагмента А:

Украинский язык: 2

Русский язык: —

Суржик: 34

Что-то другое: 1

Результаты анкетирования аудиофрагмента Б:

Украинский язык: 9

Русский язык: —

Суржик: 27

Что-то другое: 1

Результаты анкетирования аудиофрагмента В:

Украинский язык: 5

Русский язык: —

Суржик: 32

Что-то другое: —

2) Херсонская группа респондентов:

Количество участников анкетирования — 33.

Год рождения: 17—25 лет — 30 человек, 26—50 лет — 2 человека, 51 год и старше — 1 человек.

Пол: 2 — мужчины, 31 — женщины.

Место рождения: г. Херсон — 9, Херсонская область — 11, Николаевская область — 1, г. Берислав — 1, г. Голая Пристань — 1, г. Симферополь — 1, АР Крым — 1, Днепропетровская область — 1, Львовская область — 1, разные сёла — 5, г. Душанбе — 1.

Национальность: 31 — украинцы, 1 — русская, 1 — без ответа.

Образование: незаконченное высшее — 29, высшее (гуманитарное) — 4.

Профессия: 29 — студенты-филологи, 4 — преподаватели-филологи.

Место проживания в настоящий момент: г. Херсон — 31, Херсонская область — 2.

Место длительного времени проживания: г. Херсон — 6, г. Цюрупинск — 1, село Низомне — 1, село Н. Збурьевка — 1, село Ингулец — 2, село Радянское — 1, село Комры — 1, ПГТ Чаплынка — 1, село Гавриловка-2 — 1, В.-Александровский район — 2, село Новорайск — 1, Новокаховский район — 1, село Александровка — 1, село Нововасильевка — 1,

село Костогрызово — 1, село Садок — 1, ПГТ В. Рогачик — 1, село Роздольное — 1, Голокрестанский район — 1, село Первомайское (Николаевская область) — 1, АР Крым — 1, г. Симферополь (до 1999 г.) — 1, г. Душанбе — 1, без ответа — 3.

Родной язык: 5 — украинский и русский, 6 — русский, 19 — украинский, 3 — суржик (!).

Попросили анкету: все анкеты были розданы на русском языке.

Результаты анкетирования аудиофрагмента А:

Украинский язык: 21

Русский язык: —

Суржик: 12

Что-то другое: —

Результаты анкетирования аудиофрагмента Б:

Украинский язык: 19

Русский язык: —

Суржик: 14

Что-то другое: —

Результаты анкетирования аудиофрагмента В:

Украинский язык: 16

Русский язык: —

Суржик: 15

Что-то другое: 2

Обобщение результатов анкетирования

	Аудиофрагмент А (Харьков//Херсон)	Аудиофрагмент Б (Харьков//Херсон)	Аудиофрагмент В (Харьков//Херсон)
Украинский	2 // 21	9 // 19	5 // 16
Русский	— // —	— // —	— // —
Суржик	35 // 12	28 // 14	33 // 15
Что-то другое	1 // —	1 // —	— // 2

Бросается в глаза тот факт, что респонденты в Херсоне зачастую нечётко различают суржик и украинский язык, во всяком случае, намного слабее, чем респонденты в Харькове. Причем распределение по родному языку респондентов следующее:

	Харьков	Херсон
Украинский	12	19
Русский	20	6
Суржик	—	3
Украинский и русский	3	5
Фарси	1	—
Без ответа	2	—

Наблюдается следующее соотношение: в группе респондентов, где преобладает родной русский язык (Харьков), преобладает и характеристика «суржик»; в группе респондентов, где преобладает родной украинский язык (Херсон), преобладает характеристика «украинский язык». Иначе говоря, имеется два пропорциональных соотношения: русскоязычные респонденты чаще отличают суржик от украинского языка, тогда как украиноязычные респонденты зачастую воспринимают суржик (в нашем понимании) как украинский язык.

Создается впечатление, что для украиноязычных респондентов восприятие и идентификация «русизмов» менее очевидны, чем для русскоязычных. Этому может способствовать принадлежность ряда лексем (которые можно классифицировать как принадлежащие к русскому литературному языку) к украинским диалектам. Не исключено, что поэтому такие лексемы воспринимаются украиноязычными респондентами не как русизмы. Проблема, насколько это верно и для других языковых уровней, подлежит дальнейшему исследованию.

Детальное исследование результатов анкетирования⁹

17—25 лет	26—50 лет	51 год и старше
ХаРус и ХеРус — 14, ХаУкр и ХеУкр — 29, ХеРусУкр — 5, ХеСур — 3	ХаРус и ХеРус — 8, ХеУкр — 1, ХаРусУкр — 1	ХаРус и ХеРус — 6, ХаУкр — 1, Ха0 — 2
14 — русскоязычные, 29 — украиноязычные, 5 — двуязычные, 3 — суржикоязычные	14 — русскоязычные, 2 — украиноязычные, 1 — двуязычный, 2 — не определено	
Русскоязычные (14) Аудиофрагмент А: Суржик — 12, Украинский язык — 2. Аудиофрагмент Б: Суржик — 8, Украинский язык — 1, Укр. язык с ошибками ¹⁰ — 5.	Русскоязычные (14) Аудиофрагмент А: Суржик — 12, Украинский язык — 2. Аудиофрагмент Б: Суржик — 13, Украинский язык — 1.	

⁹ Ха — Харьков, Хе — Херсон, Рус — родной русский язык, Укр — родной украинский язык, Сур — родной язык суржик, РусУкр — родные языки русский и украинский, 0 — родной язык не определён.

¹⁰ Введённая рубрика «украинский язык с ошибками» основывается на комментариях респондентов.

<p>Аудиофрагмент В: Суржик — 12, Украинский язык — 1, Укр. язык с ошибками — 1.</p> <p>В ы в о д: Практически все носители русского языка младшего возраста точно выделяют суржик или дают характеристику «украинский язык с ошибками»</p>	<p>Аудиофрагмент В: Суржик — 12, Украинский язык — 2.</p> <p>В ы в о д: Практически все носители русского языка среднего и старшего возраста точно выделяют суржик</p>
<p>Украиноязычные (31)</p> <p>Аудиофрагмент А: Суржик — 18, Украинский язык — 10, Украинский язык с ошибками — 1, Что-то другое — 2.</p> <p>Аудиофрагмент Б: Суржик — 23, Украинский язык — 8.</p> <p>Аудиофрагмент В: Суржик — 22, Украинский язык — 7, Что-то другое — 2.</p> <p>В ы в о д: Значительная часть (25—30 %) респондентов считают суржик украинским языком</p>	
<p>Двуязычные (6)</p> <p>Аудиофрагмент А: Суржик — 2, Украинский язык — 4.</p> <p>Аудиофрагмент Б: Суржик — 2, Украинский язык — 4.</p> <p>Аудиофрагмент В: Суржик — 1, Украинский язык — 5.</p> <p>В ы в о д: Билингвы склонны избегать понятия «суржик» и большей частью относят аудиофрагменты А, Б, В к украинскому языку</p>	

Суржикоязычные (3)

Аудиофрагмент А:
Украинский язык — 3.

Аудиофрагмент Б:
Украинский язык — 3.

Аудиофрагмент В:
Украинский язык — 3.

В ы в о д: Суржикоязычные респонденты относят все аудиофрагменты к украинскому языку

Подводя итоги социолингвистического анкетирования, можно сказать следующее.

Тот факт, что в суждениях украиноязычных респондентов часты случаи смешения суржика (в нашем понимании) и украинского языка, можно интерпретировать по-разному:

а) либо украиноязычные респонденты не имеют ясного представления о нормах украинского литературного языка,

б) либо следует считать, что суржик — действительно разновидность украинского языка, иначе говоря, результаты лексико-грамматического и социолингвистического анализа подтверждают нашу гипотезу. На это также указывают и многие комментарии респондентов, которые при оценке аудиофрагментов добавляют мнение, что это «украинский язык с ошибками».

4. Заключение

Следует заметить, что авторы располагают многочасовым видео- и аудиоматериалом, что позволит в дальнейшем расширить и углубить лексико-грамматический анализ исследуемых явлений.

Совершенно очевидно, что необходимо социолингвистическое исследование более широкого масштаба с учетом как территориального, так и социального характера.

В связи с этим возможен также учет и диалектной базы респондентов (см., например, [Del Gaudio 2010]).

Л и т е р а т у р а

Антисуржик — Антисуржик. Вчимося ввічливо поводитись і правильно говорити / За заг. ред. О. Сербенської. Львів, 1994.

Беликов, Крысин 2001 — В. И. Б е л и к о в, Л. П. К р ы с и н. Социолингвистика. М., 2001.

Бондар и др. 2006 — О. І. Бондар, Ю. О. Карпенко, М. Л. Микитин-Дружинець. Сучасна українська мова. Фонетика. Фонологія. Орфоепія. Графіка. Орфографія. Лексикологія. Київ, 2006.

ВТС — Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. Київ, 2004.

Жовтобрюх, Молдован 2005 — М. А. Жовтобрюх, А. М. Молдован. Украинский язык // Языки мира. Славянские языки. М., 2005.

Кузнецова 2000 — Т. В. Кузнецова. Мова білінгвальної сім'ї у функціональному аспекті: Дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2000.

Масенко 1999 — Л. Т. Масенко. Мова і політика. Київ, 1999.

Масенко 2004 — Л. Т. Масенко. Мова і суспільство. Постколоніальний вимір. Київ, 2004.

Масенко 2008 — Л. Т. Масенко. Суржик: історія формування, сучасний стан, перспективи функціонування // *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk. Structural and social aspects of their description and categorization*, ed. by Gerd Hentschel and Siarhiej Zaprudski. Oldenburg, 2008. С. 1—37.

Окара 2001 — А. Окара. На захист російської мови // *Кур'єр Кривбасу*. 2001. № 134. С. 3—10.

Ставицька 2005 — Л. Ставицька. Арго, жаргон, сленг. Соціальна диференціяція української мови. Київ, 2005.

Ставицька, Труб 2007 — Л. Ставицька, В. Труб. Суржик: суміш, мова, комунікація // *Українсько-російська двомовність. Лінгвосоціокультурні аспекти*. Київ, 2007. С. 31—120.

СТС — Сучасний тлумачний словник української мови: 65000 слів / Уклад. Н. Д. Кусайкіна, Ю. С. Цибульник / За заг. ред. В. В. Дубичинського. Харків, 2006.

СУМ — Словник української мови в 11 томах. Київ, 1978. Т. 9.

Тараненко 2004 — О. О. Тараненко. Суржик // *Українська мова. Енциклопедія*. Київ, 2004. С. 665—668.

Тараненко 2008 — О. О. Тараненко. Українсько-російський суржик: статус, тенденції, оцінки, прогнози // *Мовознавство*. № 1. Київ, 2008. С. 14—30.

Bilaniuk 2004 — L. Bilaniuk. A typology of suržyk: Mixed Ukrainian-Russian language // *International Journal of Bilingualism* 2008. 8/4, 409—425.

Del Gaudio 2010 — S. Del Gaudio. On the Nature of Suržyk: a Double Perspective // *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 75*. München; Berlin; Wien, 2010. S. 328.

Flier 1998 — Michael S. Flier. Suržyk: The Rules of Engagement // *Harvard Ukrainian Studies*. Harvard, 1998. С. 113—136.

Flier 2008 — Michael S. Flier. Suržyk or suržyks? // *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk. Structural and social aspects of their description and categorization* / Ed. by G. Hentschel and S. Zaprudski. Oldenburg, 2008. 39—56.

Hentschel 2008 — G. Hentschel. Zur weißrussisch-russischen Hybridität in der weißrussischen «Trasjanka» // *Slavistische Linguistik 2006/2007*. [= *Slavistische Beiträge* 464]. München. 2008. S. 169—219.

Krause et al. 2003 — M. Krause, V. Ljublinskaja, C. Sappok, A. Evdokimov, A. Kopylova, E. Moškina, V. Podrušnjak. Mentale Dialektkarten und Dialektimages in Russland: Metasprachliches Wissen und Bewertung von Dialekten // *Zeitschrift für Slawistik* 48. 2003. 188—211.

Kurimský, Šišková, Savický 1994 — A. Kurimský, R. Šišková, N. Savický. Ukrajínsko-český slovník. Praha, 1994.

Preston 1999 — D. R. Preston. Handbook of perceptual dialectology. Amsterdam, 1999.

Želechovskyj, Nedil'skyj 1882—1886 — J. Želechovskyj, S. Nedil'skyj. Ukrainisch-deutsches Wörterbuch, I—II. Lemberg 1882—1886. Nachdruck von O. Horbatsch (in 3 Teilen). München, 1982.

U. DOLESHAL, V. DUBICHINSKY, T. REUTER

**SURZHYK: A LEXICO-GRAMMATICAL AND SOCIOLINGUISTIC ANALYSIS
(ON THE BASIS OF AUTHENTIC MATERIAL FROM A TV-SHOW)**

The article aims at clarifying the concept of «surzhyk» (the mixture of Ukrainian and Russian speech). For this purpose, data from the TV-show «Ključevoj moment» and from interviews conducted in Kharkov and Kherson are analyzed both from a linguistic (phonological, grammatical and comparative) and a sociolinguistic point of view.

Keywords: bilingualism, surzhyk, sociolect, dialect, substandard, mixed language.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

В. М. ЖИВОВ

ВЕНОК НА МОГИЛУ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ИСАЧЕНКО. К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ: ПИСЬМА А. В. ИСАЧЕНКО В. М. ЖИВОВУ

На 3 января 2012 г. приходится столетие со дня рождения выдающегося слависта ушедшей эпохи, лингвиста и филолога, Александра Васильевича Исаченко. О дне своего рождения он писал мне (в письме от 13 мая 1976 г.), когда его чествовали в Австрии по поводу его шестидесятипятилетия: «Я родился (фактически) 3 янв. 12-го года (по новому стилю), но в моих бумагах почему-то значится совсем другая дата и я махнул рукой. На этот раз было весьма торжественно, получил особый австрийский фестшрифт (что меня очень тронуло), от своих учеников, конечно, ни слова, но зато здесь всякие почести и очень сердечное отношение. Упомянутых учеников не обвиняю — им виднее» (речь идет о чехословацких ученых, оставшихся в Чехословакии). А. В. легко смирился с переменной датой своего юбилея: из массы тех вещей, с которыми ему приходилось смиряться, эта была отнюдь не худшей.

Уроки смирения были у него разные — сначала эмигрантского мальчика, отправленного в неудобную школу в Клагенфурте, потом начинающего ученого, не располагавшего теми возможностями жизнеустройства, которые приходили сами собой к его выросшим у себя на родине коллегам. Чужой хлеб пах полыньей, и борьба за него была некрасивым и неприглядным занятием. А. В. согласился занять место профессора в университете Братиславы весной 1941 г.: места опустели, поскольку многие ученые бойкотировали словацкие культурные и политические институты, поддерживавшиеся нацистской Германией. Бывший коллаборационизм можно прикрыть только новым коллаборационизмом, и когда Словакия была занята советскими войсками и началось установление коммунистического режима, А. В. вступил в коммунистическую партию. Сколько нужно было смирения и отвращения от самого себя, чтобы прожить эти годы, трудно представить, а тому, кто судит, не зная испепеляющего душу эмигрантского опыта, трудно понять.

А между тем родился А. В. в весьма приличной семье, левой, как это нередко бывало с интеллигенцией, но сохранявшей то высокое чувство достоинства и социальных обязательств, которое в те годы русского расцвета было характерно для большей части образованного общества.

А. В. пишет о своем отце: «Наша семья прогрессивна, чтобы не сказать левая. Недаром гости декламируют “Буревестник”, все у нас ненавидят Распутина, Императрицу, Николай Николаича; у папы серьезные идеологические споры с престарелым дедушкой, верноподданным сенатором, долго не могшим согласиться с папиными вольнодумными выходками (защита в процессе Бейлиса, киевского еврея-часовщика, обвиняемого русской охранкой в ритуальном убийстве). Юный и многообещающий адвокат лишается права практики, ему грозит арест. Отец с (первой) женой вовремя выезжает в Германию. Здесь папа возобновляет занятия по юриспруденции, пишет диссертацию о кодексе Октавиана (...) В Россию он возвращается в 1908 году, во времена Государственной Думы, когда русским либералам могло казаться, что Россия пойдет по линии парламентской демократии» (А. В. Исаченко, Жизнь прожить, *Russian Linguistics*, vol. 4, n. 2, p. 134). Так они и жили вдумчивой, неторопливой жизнью, полной разных «культурных» радостей — музыки, литературы, путешествий. Мать А. В. (Соколова) была несколько лет актрисой МХАТ’а.

А потом пришли революции (которые Исаченки временно приняли), а 20 февраля 1920 г. семья покинула Россию. Как подчеркивает А. В., «мы вовсе не “эмигрировали”, как принято было говорить впоследствии. Мы просто временно выехали, чтобы переждать случайные успехи большевиков. Как только окрепнет фронт в Крыму, мы, разумеется, вернемся и будем следовать за победоносными армиями до самого Петрограда» (там же, с. 140). Как и многие русские, эмигрировавшие с юга, Исаченки застряли в Югославии и, проводя время в Каринтии, решили отдать сына в гимназию в близлежащем Клагенфурте. Эту гимназию, в целом малосимпатичную, он и окончил. После этого он поступил в Венский университет, где стал учеником (а позднее и зятем) Н. С. Трубецкого. Защитив в 1937 г. диссертацию, он после этого провел год в Париже у Мейе (а также у Вайана и Мазона), а потом год в Праге, где стал членом Пражского лингвистического кружка.

В 1939 г. он написал работу *Narečje vasi Sele na Rožu* и стал приват-доцентом Люблянского университета. Там он готовил к публикации Фрейзингенские отрывки. С 1941 г. он работал в Братиславе, главным памятником этого времени остаются два тома *Грамматического строя русского языка в сопоставлении со словацким*. Какое-то время в начале 1960-х годов он проработал в Берлине; его ученые контакты с Германией запечатлелись в его сопоставительной *Die russische Sprache der Gegenwart*. В 1965 г., когда времена стали либеральнее, А. В. возглавил Институт языков и литератур в Праге, и там работал до катастрофы августа 1968 г. В 1964 г. он был избран в Германскую Академию наук, в 1968 — в Чехословацкую.

Во время оккупации 1968 г. А. В. был в Австрии, и в дважды коммунистическую Чехословакию решил не возвращаться. Он уехал в Лос-Анджелес и там в веселой, дружеской и насыщенной научной обстановке (в UCLA) прожил до 1971 г. Калифорния, однако, была новой эмиграцией, новым пространством, в котором надо было обзаводиться приемлемыми

жизненными условиями; недовольный американскими перспективами, Исаченко в 1971 г. решает переехать в знакомый с детства (но не слишком любимый) Клагенфурт, другого «дома» все равно не было. Впрочем, он продолжал время от времени уезжать оттуда в Лос-Анджелес.

Последние без малого десять лет были поразительно плодотворны для А. В. Он занимается экспериментальной фонетикой и пишет *Spektrografická analýza slovenských hlások*. Он, вместе со своими американскими коллегами, увлекается генеративной морфологией и публикует ряд статей, которые стали хрестоматийными. В этот же период он все в большей степени начинает заниматься историей русского языка. Собственно, начало этим исследованиям было положено еще в 1957 г. его образцовой работой о русской лексике в книге Сигизмунда Герберштейна *Regum Moscoviticarum Commentarii*. Но в это время он замышляет монументальную Историю русского языка, соединяющую в себе и формальную историю (историческую грамматику), и культурную историю (историю русского литературного языка).

Здесь надо сделать небольшое отступление. Я уже говорил, что в жизни А. В. нередко приходилось смиряться с тем, что было ему отвратительно. Не то чтобы он от этого погружался в меланхолию, он был живым и веселым человеком, сопровождал себя на маленьком укулеле и пел, виртуозно играл с йо-йо, заботился о своей барственной внешности и т. п., но черная злоба, святая злоба в нем, конечно, росла. И когда он окончательно разделался с коммунизмом и гнилым коммунистическим истеблишментом, дар смирения у него полностью иссяк, но зато появился дар обличения и издевательства. Поросль коммунистических патриотов типа Ф. П. Филина и его присных вызывала у него кипучую ненависть. И поскольку эти деятели советской науки переписывали историю русского и церковнославянского языка, неискусно и затхло подделывая ее под убогие идеологические требования, А. В. своим пламенным мечом сражался с этой дурной порослью.

Сначала он пишет провокационную статью *Если бы в конце XV века Новгород одержал победу над Москвой*, основная идея которой состоит в том, что Москва замкнула ворота для свежего западного ветра и породила самодержавие, коммунистический тоталитаризм и «ночных пташек» (Ф. П. Филина), которые резвятся на этом пространстве, тогда как Новгород был бы окном на Запад и его победа сделала бы Россию нормальной страной. Каковы бы ни были исторические достоинства данной схемы, одной цели А. В. добился — его противники были взбешены. Ряд других работ по истории русского литературного языка не был столь откровенно эпатажным, но давал, конечно, куда более занимательную и плодотворную концепцию, включая сюда и обсуждение проблемы диглоссии; имею в виду работы *Vorgeschichte und Entstehung der modernen russischen Literatursprache* [*Zeitschrift für slavische Philologie*, Bd. 37 (1974), Hf. 2, 235—274] и *Mythen und Tatsachen über die Entstehung der russischen Literatursprache*. Wien, 1975 [Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungberichte. 298. Bd., 5. Abhandlung]. В то же время А. В. ра-

ботаает и над различными проблемами исторической грамматики русского языка. Последним его трудом была История русского языка (*Geschichte der russischen Sprache*. 1 Band. Von den Anfängen bis zum Ende des 17. Jahrhunderts. 2 Band. Das 17. und 18. Jahrhundert. Heidelberg, 1980—1983). Последний том не был завершен, он был собран из черновики и набросков Д. С. Вортом.

Еще одним большим делом клагенфуртского периода в жизни А. В. была организация журнала *Russian Linguistics*, много лет остававшегося единственным лингвистическим журналом по русистике в мире. А. В. занимался этим со страстью — и просто видя, насколько не хватает такого журнала, и используя его как плацдарм для боев с затхлой советской наукой. Он неутомимо писал рецензии — не только на книги, но и на отдельные статьи; рецензии на статьи составляли особую библиографическую часть журнала. Как известно, этот замечательный опыт ни одним славистическим журналом не был повторен — труд немедленного письменного реагирования оказался непосильным для нашего ученого сообщества.

Я вступил в переписку с А. В., стремясь внести свой вклад в эту плодотворную деятельность, и в течение нескольких лет писал обзоры статей по фонетике русских говоров. Довольно скоро сюжеты нашей переписки стали расширяться и расширяться — как я полагаю, к нашему взаимному удовольствию и растущей душевной близости. Мы переписывались и о фонетике, и об истории русского языка, и о той обстановке, в которой мы жили и работали. Мне думается, что письма дают представление о живом уме и чрезвычайном таланте А. В. Как-то утром я вынул из почтового ящика письмо с черным ободком. Оно сообщало о кончине моего далекого друга, случившейся 19 марта 1978 г. в Клагенфурте от сердечного приступа. Да упокоит Господь душу усопшего раба Божиего Александра. Вечная память.

Там, где темные волны омывают
Нашу пропащую судьбу,
Никто, никто там больше не бывает,
Да и я захожу только раз в году.

Письма А. В. Исаченко В. М. Живову¹

Klagenfurt, 28 января 1974 г.

Глубокоуважаемый коллега!

Крайне благодарен Вам за Ваше любезное письмо от 12 января. Ваше предложение для нашего журнала тем более интересно, что найти за рубежом специалиста по фонетике русских говоров очень трудно. Я буду ждать Ваше обозрение для третьего или четвертого выпуска первого тома, т. е. до

¹ Письма А. В. Исаченко публикуются с сохранением орфографии и пунктуации оригинала. Сокращения раскрываются по мере необходимости. Машинопись передается прямым шрифтом, рукописный текст — курсивом.

конца декабря 1974 г. Прошу приводить хотя бы название и таких публикаций, научное качество которых Вам представляется малоинтересным. Наш журнал предоставляет автору бесплатно 25 оттисков. Одновременно прошу уже сейчас начать подготовку следующего обозрения на 1974 г.

Искренне Ваш
А. Исаченко

Klagenfurt, 11 февраля 1974 г.

Глубокоуважаемый коллега!

Прошу включить в Ваше обозрение статьи Войтович и Пшеничновой, помещенные в 6-м вып. ВЯ за 1973².

Краткая рецензия может содержать оценку, и желательно привести «в кавычках» хоть одно положение автора, поставив в скобках страницу, напр. (69).

Для оформления реферативных рецензий прошу строго придерживаться прилагаемых образцов. Каждая статья должна быть изложена отдельно. Просьба соблюдать принятые условности и сокращения.

С нетерпением жду Ваших «текстов».

Искренне Ваш
А. Исаченко

Klagenfurt, 27 апреля 1974 г.

Глубокоуважаемый коллега!

В ближайшем будущем будет отослан в типографию второй выпуск первого тома нашего журнала. Очень хотелось бы знать, как продвинулась Ваша работа по диалектологии русского языка. Был бы Вам крайне обязан, если бы Вы смогли мне сообщить, когда именно Вы рассчитываете прислать рукопись. От этого срока будет зависеть ряд решений, связанных с составлением очередного номера.

Получили ли Вы ИНСТРУКЦИЮ по составлению рукописи?

Жду Вашего ответа и остаюсь
искренне Вас уважающий
А. Исаченко

Спасибо за прекрасные марки. Если Вы филателист — черкните, и я буду Вам регулярно присылать новые австрийские марки.

² Речь идет о статье Н. Т. Войтович «О позиционной долготе гласных и развитии аканья» (ВЯ, 1973, № 6: 68—79) и Н. Н. Пшеничновой «Статистический анализ многочленного диалектного соответствия» (ВЯ, 1973, № 6: 80—91). Обзоры напечатаны: Russian Linguistics 1 (1974): 405—407, 416—417.

Klagenfurt, 13 окт. 1974 г.

Глубокоуважаемый и дорогой коллега!

(Простите, я не знаю Вашего имени и отчества).

Большое Вам спасибо за Ваше письмо и за теплые слова. Рецензии я получил и приношу Вам искреннюю благодарность. Придется, кажется, разбить рукопись на две части: ведь мы стараемся печатать актуальные рецензии, «обзоров», как Ваш, мы пока не печатали и впредь будем просить Вас присылать рецензии исподволь, а не все сразу (номер журнала содержит около 100 страниц и библиогр. отдел не должен быть гипертрофичен). Никаких изменений я вносить не буду. Если хотите, пришлю Вам корректуры с тем, чтобы Вы их вернули как можно скорее. К сожалению, у нас пока еще нет постоянного (и надежного) корректора. Просим авторов тщательно провести правку.

Картину о нашем журнале можно будет себе составить лишь в конце года. Естественно, что первые статьи носят несколько случайный характер (не было из чего выбирать), но сейчас редакция располагает уже достаточным количеством рукописей (в общем, на весь том).

Позвольте попросить Вас уже сейчас начать рецензировать продукцию 1974 года.

Ваши замечания относительно отдельных статей очень ценны. Флайер совсем не глуп и получается у него неплохо, хотя я сам не признаю «глайдов», т. е. фонем, не являющихся ни гласными, ни согласными. А вот реплику на Вейренка я буду всячески приветствовать³. Ведь для диалога и создается такой журнал. Прошу не превышать 18 машинописных страниц (включая сюда аппарат). Инструкции Вам высылаю. Вопрос управления заслуживает самого пристального внимания и Ваши замечания на этот счет мне кажутся весьма важными.

Первый номер журнала будет разослан по приведенным Вами адресам, в первую очередь институтским библиотекам. К сожалению, число экземпляров, предоставленных мне из-ством, ограничено.

Как у Вас с языками? На каких языках Вы свободно читаете? Спрашиваю, потому что мечтаю о постоянном сотруднике, который смог бы взять на себя отдел, скажем, фонологии совр. языка и следил бы за доступными ему отечественными и иностранными журналами. Напишите, сделайте одолжение. Ведь не могу же я вечно писать обозрения сам.

Читал Вашу статью в ВЯ и очень сожалею, что не смогу о ней реферировать ввиду слишком универсального подхода.

Не нуждаетесь ли Вы в литературе? Может быть я смогу Вам чем-либо помочь?

³ *Flier M. S. The Glide Shift in Russian Deverbal Derivation // Russian Linguistics. Vol. 1. № 1 (Jul., 1974). P. 15—31; Veyrenc J., Глагольная валентность и номинация // Там же. P. 37—45.*

Прошу передать привет Борису Андреевичу⁴. Желаю Вам всяческих успехов.

Искренне Вас уважающий
А. Исаченко

ПС. Не надо хоть раз расшифровать инициалы?

Klagenfurt, 24 окт. 1974 г.

Глубокоуважаемый коллега!

Не дожидаясь Вашего ответа на мое последнее письмо, спешу сообщить Вам, что Обзор будет целиком напечатан в выпуске 3—4 первого тома, кот. должен выйти в свет еще в декабре. Вам в некотором смысле «повезло», ибо в нормальном выпуске в 100 стр. было бы немислимо уделить Обзору целых 37 машинописных страниц. Я еще и еще раз прошу Вас учесть, что обзор за истекший год желательно получить к марту месяца следующего года. Посылать такой обзор осенью — рискованно.

Мое чтение Ваших заметок доставило истинное удовольствие. Чувствуется культурность школы, простота и вместе с тем сжатость слога, теоретическая уверенность, элгантность.

Формулировки вроде «преграждает читателю путь к радости постижения» мне пришлось по вкусу. Буду счастлив, если в будущем получу от Вас не только Обзор, но и самостоятельную статью. С радостью напечатаю рецензию на заслуживающую Вашего внимания книгу.

Несколько вопросов: присылать Вам гранки? Пришлось бы их возвращать в ускоренном порядке. К сожалению в нескольких немногих случаях я недоумеваю.

Что обозначает символ вроде [Б] в рец(ензии) на Сталькову? Чем заменить символ, если его не окажется?

Вы настаиваете на сохранении лишь инициалов во всех случаях? Ведь можно поместить полную фамилию (с инициалами) в качестве подписи под Обзором, добавив место работы. Прошу сообщить.

По существу хочется сказать, что многие из рецензированных Вами работ отличаются умозрительностью. Рассуждения о наличии/отсутствии того или иного противопоставления по X мало что дают для истории языка и свидетельствуют скорее о сообразительности автора, чем о реальных фактах. Признаться, я не поклонник рассуждений о «группофонемах», еще менее о «диэзности» и «бемольности» (ведь такого в природе нет!), хотя самого Ж.⁵ я очень люблю и уважаю, но считаю, что он перебарщивает. Сам же он, наоборот, жалуется на то, что, мол, «недорборшил»... Как фоне-

⁴ Речь идет о Б. А. Успенском.

⁵ В. К. Журавлев.

тист я себе просто ничего не могу представить под термином «полумягкие» (какие акустические, какие артикуляционные параметры?). Боюсь, что без эксперим. данных о таких тонкостях лучше не говорить. Все это относится к самим статьям. Ваша метастатья отличается четкостью и просто грамотностью, кот. я так ценю. Не сомневаюсь, что наши читатели будут крайне благодарны за Вашу статью, за надежную информацию и за элегантную аннотацию.

Буду ждать Вашего ответа в самом ближайшем времени.

Не нуждаетесь ли Вы в литературе, что бы Вам прислать из моей личной продукции последних лет?

С самыми искренними пожеланиями

Ваш

А. Исаченко

Klagenfurt, 9 декабря 1974 г.

Дорогой Виктор Маркович!

Насчет гранок не беспокойтесь, мы их прокорректировали на месте. Вашу диалектологическую работу в ВЯ я, конечно, читал с интересом. Обзор работ по диалектологии может быть написан и «в рассрочку». Было бы хорошо получить отчет о первом полугодии 1974 года в конце марта. Прозодический сборник я постараюсь достать.

Я был крайне польщен Вашей всесторонней осведомленностью о моих последних публикациях. Статью о Новгороде⁶ Вам высылаю.

Жду подробного письма о Вайренке, о фонологических аннотациях и т. д.

Желаю Вам всего самого наилучшего,

Ваш

А. Исаченко

Klagenfurt, 26 марта 1975 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Виктор Маркович!

Ваше интереснейшее письмо от 17-го марта с. г. получил и извлек из него ряд стимулирующих мыслей. Но прежде всего хочу спросить: получили ли Вы оттиски в достаточном количестве? Это делается без меня и всегда возможны промахи. Если Вам нужны еще экземпляры, я постараюсь достать, хотя издательство держит нас в черном теле. Хорошо бы получить Ваши мини-рецензии до конца апреля, у меня ввиду слишком бы-

⁶ *Исаченко А.* Если бы в конце XV века Новгород одержал победу над Москвой // Wiener slawistisches Jahrbuch. Bd. XVIII. 1973. S. 48—55. Об этой статье см. вводные заметки.

строго выпуска номеров поредел портфель, а вот поляки прислали свою полную библиографию за 1974 г.

С Вами я совершенно согласен, что в обозреваемых мною периодических изданиях по фонологии появляются весьма слабые статьи. Колесова я тоже не особенно люблю, а всякие там бемольности погружают меня в тоску. Одни бемолят, другие просодят. Вот Реформатский выпустил книжицу, кот. меня во многом потрясла. Тут и интонемы, и просодемы, и тонемы, и аллоэмия, и изэмия, и даже какие-то жуткие мерасмы. В интонации досточтимый А. А., явно, совершенно не разбирается, но хуже всего то, что этот ученый, с которым я близко знаком и кот. я всегда ценил за некоторый непосредственный тон изложения, за страстные поиски нового, за любовь к фонетическому эксперименту (без аппаратов) вдруг помещает в двух местах мои мысли, без ссылки на источник. В статье в СЛАВИИ (1958) я привожу в качестве «семантической конденсации» зачётка из зач. книжка, Третьяковка и Александринка, а у А. А. те же примеры в том же порядке. Вероятность выбора именно этих примеров и именно в этом порядке в двух друг от друга независимых текстах — минимальна. Он, правда, ссылается, на каких-то «чехов» (СЛАВИА?), полемизируя со словом универб(из)ация, т. к. в русском языке, видите ли, основа VE(R)B тесно связана не с понятием «слово», а с «понятием «глагол», но нет ссылки на источник, как ее нет и в другом месте, где «кстати» речь заходит о фразовом ударении и объясняется окончное ударение в аббревиатурах типа МГУ́, отражающих полные конструкции Моск. Гос. Университёт. Моя статья о фраз(овом) ударении появилась в том же сборнике, как его статья и мне все это непонятно и больно. Или же имеется приказ по армии?⁷

Меня очень привлекает мысль получать рецензии (как бы смягчить побольше согласных, чтобы выразить семиотику уменьшительности?) по синтаксису. Напишите мне, что Вы хотите рецензировать и я это оставлю за Вами. Действительно: диалектная фонология — этого мало. Будьте любезны, выскажитесь по этому поводу. Я понимаю, что мы все завалены работой, но Ваша помощь нужна и крайне полезна.

Позвольте ответить Вам хоть в самых общих чертах на некоторые Ваши возражения. Талантливый немецкий фонолог Веннеманн, строящий свою теорию на моей двуфонемной интерпретации велярной носовой в нем. яз. показал, что (северо-нем.) [ŋ] не может быть «монофонемой», ибо в морфологии ведет себя также, как сочетания «носовая плюс звонкая взрывная». Ср. в аблауте глагола: так rinnen — rann — geronnen, sinnen — sann — gesonnen, schwimmen — schwamm — geschwommen ({i a o}), но не */ziŋ-en/ — /zaŋ/ — /gəzɔŋ-en/! Зато глаголы sangen, schwingen, klingen, ringen обнаруживают тот же аблаут как, binden, finden, winden, ср. singen — sang — gesungen, binden — band — gebunden etc. Мне представляется, что такого ро-

⁷ Ссылки на Исаченко из журналов могли вымарываться. Сохранения их нужно было добиваться, и это бывало нелегко.

да аргументы нас вовсе не «уводят от фонетической (или языковой) реальности», ибо реально вовсе не (только) то, что подлежит тривиально-непосредственному наблюдению. Учтите далее, что значительная часть нем. говором (и основанных на этих говорах орфоэпических систем — напр. в Австрии, в Баварии) оглушают -ŋ в конце слова: Ding [diŋk], Prüfung [-uŋk]. Общая глубинная структура позволяет объединить произносительные варианты в одной глубинной форме при помощи совершенно реальных и простейших правил. Я не согласен с Вашим отрицанием того, что Вы называете «бестактными конструктами». Ведь наука-то движется именно ими, ибо конструкты лежат в основе всякой современной гипотезы в любой области знания. «Реальность» (если угодно «материальность») таких конструктов дана тем, что они мыслятся как внеположенные, т. е. не элементы нашей мысли, а как некие правила. Поверьте мне, поиски таких конструктов привели меня к совершенно неожиданным для меня результатам, позволившим мне сделать обобщения, еще недавно представляющиеся мне дикими.

Насчет «семиотики» палатальности в нем. языке я с Вами никак согласиться не могу. Ничего подобного никогда не было отмечено. На севере произносят в иностр. словах начальное ch как [ç]: Chemie [çe'mi:], но там нет и намек на «уменьшительность». Я пока не вижу необходимости отказать от моей гипотезы «природного» толкования [x']→[ç] после [i] и «усечения» этого i, как видно из ряда других примеров, приведенных мною там же.

Относительно моих новгородских этюдов, Вы, конечно, понимаете, что это набросок, связанный с определенной датой, определенной целью (кот. он и выполнил) и требующий глубинной обработки, если отстаивать некоторые высказанные там положения детально и последовательно. Я не считаю себя «западником», я просто думаю, что в силу каких-то непонятных для меня причин русское православие заморозило весьма одностороннюю культуру, абсолютно уничтожив народное творчество, фольклор, национальную музыку, создав как бы две «нации», появившиеся с петровскими мероприятиями (причем меня глубоко потрясли семиотические соображения Бориса Андреевича относительно антихриста). Вот Вам небольшой образец. В 1418 г. новгородский владыка пишет в Ригу следующее послание: см. приложение⁸

Заметьте, это не какой-то там «жилец» или полуграмотный автор берестянок, а архиепископ. А вот за три года до отправления этого письма (если вообще можно так выразиться) некто Ян Гус умирает мученической смертью на костре в Констанце, тот Гус, кот. писал на прекрасном, бога-

⁸ В приложении грамота новгородского архиепископа Симеона в Ригу по делу Труфанова 1418 г., опубликованная в «Хрестоматии по истории русского языка» С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова (М.; Л., Т. 1. 1938. С. 147).

том, гибком чешском языке не только о душеспасительных материях, но и о своем же языке. Тут речь вовсе не о расинах, а об адекватном языке науки. Расинов могло и не быть, а вот связь с Ренессансом, с Гуманизмом и т. д. была своевременно осуществлена и Польшей⁹, а граф Толстой, ездивший в Италию в конце XVII в. пишет о «харях», кот. венецианцы носят на масленницу и о «чуланах», в кот. сидят знатные люди в театрах. Интересно далее, что византийский образец диглоссии не был полностью воспринят вост. славянами и позже русскими. Ведь в Констант(инополе) читали и изучали на всем протяжении истории труды Платона и Аристотеля, существовала литература на «народном» языке, но кто-то цензурировал все это и на Русь все это не попадало. Нет ни одного образца, ни одной попытки даже перевода с «народного» греч. языка. Но при помощи дательных самостоятельных невозможно писать о геометрии и астрономии, а других средств не было. Реформация это только «возможность» и я сам ее терпеть не могу. Караимов я отвергаю, но не могу здесь вдаваться в подробности. Это и не важно. И не кажется ли Вам, что наши историки склонны страшно переоценивать Филофея. Ведь об этом «Третьем Риме» в литературе весьма мало сказано.

В Орду ездил не только Калита, но все духовенство, вспомните ярлыки митрополитам. Тут «сотрудничество с оккупантами» было позорным и никакие ссылки на Дмитрия Донского не могут снять этого позора. А что касается «краха» Византии, то я имел в виду унию, отказ от всего того, чем жила Империя. Носителями православия оказались «говедари» сербских гор и полуграмотные болгарские попки. Возмущает меня и спесивость не только Палеологов, но почти всех их предшественников. А Вы бы послушали, с каким презрением теперешние грекосы относятся к России (новой и старой). Я вижу, что нам с Вами стоило бы поговорить обо всех этих делах, да в письме все это сложно и без «фидбэка».

Просодический сборник не найден. Я писал члену редколлегии Варду, но он не откликнулся. Напомню. А вот словарь древнерусского языка и этим. словарь Трубачева мне страшно нужен и будет рецензирован в журнале. Что мне можно Вам прислать взамен? Бернштейн скучноват, я не сторонник его несколько архаического подхода. В свое время написал длинную рецензию на первый том (в ОЛЯ), но без последствий. Не стоит.

Благодарю Вас еще раз за Ваше письмо и за готовность мне помочь. Желаю Вам всяческих успехов в Ваших типологических изысканиях. Пишите!

Искренне Вас уважающий
А. Исаченко

Простите опечатки: у меня все ухудшается способность реализовать и координировать запланированные «дигитальные» движения.

⁹ Коперник! (Прим. А. В. Исаченко.)

Klagenfurt, 29 апреля 1975 г.

Глубокоуважаемый Виктор Маркович!

Ваше письмо от 21 апреля в моих руках. Вы мне опять доставили большое интеллектуальное удовольствие. Ваша оценка последнего сборника Реформатского почти дословно совпадает с моей. Именно: почему берутся писать о том, чего не знают. Если я не ошибаюсь, статья об «изоморфизме» расплывчивости гласных/согласных и глагола/имени принадлежит перу Скалички; ведь он особенно усердно (хотя довольно бездарно) занимался тиположеством. После Вашего письма не знаю, стоит ли вообще тратить бумагу на отчет об этой книжице.

Сам термин «сист. фонемик левель» меня злит, и я — а priori — тоже склонен признать необходимость самостоятельной фонологии, что объясняется отчасти и моим воспитанием. Но вот в исследовательской работе меня все больше привлекает «глубинность» фонологических (морфонологических) конструктов, кот. на мой взгляд объясняют (а не только описывают) целый ряд проблем, остававшихся мне неясными. Тут у меня некая раздвоенность. Представляется, что постулирование велярной носовой в нем. языке мало что дает, не является «инсайтфуль». Не буду продолжать спора об уменьшительности. Откровенно скажу, что «уменьшительные» фонемы мне неизвестны, хотя я знаком с женским «сладкоречием» и прочими приемами, кот. когда-то называли «дю поди сюда».

Я бы не стал так категорически отрицать связь новгородских и других северных еретиков с Реформацией и с веяниями начала 16-го века. Появились довольно интересные работы о переводах библии Геннадия, о связи некоторых новгородских еретических текстов с ниже-немецкими писаниями. Тут еще надо будет серьезно поработать и филологам, и историкам. Ситуацию русскую я всегда сравниваю, конечно, не с польской, т. к. и православию ведь совсем не славянское. Почитайте труд Козьмы Пресвитера, познакомьтесь с абсолютным запретом заниматься не только языческими плясками, песнями, спектаклярными видами искусства, но и вообще ряздиться, стричься и пр. Вспомните, что всякие скоморохи и гудцы, и смычцы (изображения которых имеются в Софии Киевской) упоминаются в наших (клерикальных) памятниках исключительно в обществе блудниц — это подонки общества, исчадия ада. Вы (немного демагогически) норовите сравнить ситуацию с польской, я же имею в виду Францию, Италию, даже Сербию, Германию. Ведь там сохранились и какой-ниб. Гильдебранд, и Роланд, посмотрите, что из дохристианской литературы уцелело у скандинавов или ирландцев, вспомните средневековые (ранне(!)средневековые) мистерии, всю театральную традицию в Италии и убожество, кот. можем похвастаться мы, да и то не раньше 17 века. И потом у Вас есть прием, довольно типичный для определенного рода полемики: а почему вы «преувеличиваете то или иное?». Можно ответить, а почему ВЫ преувеличиваете Москву? Потому что в конце концов «так вышло»? Согласитесь, что

фольклор, имеющийся в записях Ричарда Джеймса, ведь тоже убог. А о том, какими путями киевский цикл попал на Ладогу даже нет приемлемых догадок.

А вот насчет Калиты и Дм. Донского вы, очевидно, ошибаетесь, не учитывая классового подхода. Ведь очевидно, что Дмитрию и другим его коллегам было гораздо выгоднее собирать дань для себя и не сдавать ее в Орду. Ведь мы же знаем, какими мотивами движется история...

Я недавно имел возможность беседовать с президентом Австр. Акад. Наук, Хунгером, крупным византинистом. Он, естественно, ничего не знает о выборе переводной литературы на Руси. То, что мне представляется неясным, сводится к следующему: раз опус X прошел через византийскую цензуру, раз тамошние епископы и монастыри дали свое согласие к его публикации, почему же киевские, владимирские, московские и др. представители духовенства применяли к ним более строгие требования? Почему в 11—12 вв. на Руси «издаются» произведения 4—6 веков? Почему нет никакой античной философии, каковая никогда не прекращалась в Константинополе? И вот еще: ведь нет всего этого и у болгар, и у сербов. Откуда такое согласование? И вообще: какими путями православие попало на Русь? Если «из Византии», то почему в болгарско-македонском травести? Где сказано хоть словечко о роли Болгарии, мощного и весьма враждебного Византии государства? А как и откуда попало христианство в Новгород? Не из Моравии и Чехии ли? Почему культ св. Вячеслава (в Минеях), откуда памятники «моравского происхождения» (Соболевский), откуда глаголица в новгородских памятниках? Все это — на подобие истории мидян — покрыто мраком неизвестности. А мне с Вами потому так интересно спорить, что я очень ценю Вашу диалектику, удивляюсь Вашими знаниями и вообще питаю к Вам самые искренние чувства. Напишите мне как-нибудь, что является главной областью Ваших теперешних интересов. И вообще черкните что-нибудь в Рашн.

Оттиски и целый комплект журнала Вам отосланы. Прошу сообщить, когда получите. Лехисте с Ладефогдом я заказал. Осенью буду в Лос Анджелес и там попрошу самого Ладеф. выслать Вам экземпляр, если не удастся здесь достать. Наш богоспасаемый Клюгенвурст — еще страшно провинциален и книготорговцы еще не поняли, что у вуза свои требования, выходящие, так сказать, за пределы обывательских интересов. Им страшно трудно связываться с англо-саксонскими изд-ствами, т. ч. мы заказали через Вену. Увидим. Мне совестно, что не удалось получить английской публикации, но член редколлегии Уард как-то даже не отозвался.

А нельзя бы написать совсем коротенькую рецензию на «Развитие совр. р. яз.» (Земская), приводя и разбирая только стоящие вещи? Так страницы на три?

Спасибо Вам за оттиски и за внимание. Но прошу беречь свои экземпляры: ведь ВЯ я получаю и жалко на меня тратить ценный материал.

Да, неужели я забыл поблагодарить Вас за Словари, кот. дошли и производят впечатление?¹⁰ Насчет др.-русского у меня будут примечания по существу (толкование некоторых слов), а Трубачевский словарь производит весьма положительное впечатление. Он очень развился за последние годы и от него можно ожидать лучшего, чем от трех остальных этимол. словарей слав. языков: чешского (Копечный), Славского (Краков) и Задник (ее почитатели называют ее Садник). У Трубачева серьезная теоретическая база и жесткие требования. А вообще этимология наука сомнительная. То, что и без словаря очевидно — повторяется во всех изданиях, а в остальном это набор курьезных анекдотов и перечень разногласий.

Вот Мокиенко напр. не принимает моей этимологии фразы «у черта на куличках» (= «у черта на яйцах») и ищет все те же «кулыги» и пр. Но на это он имеет полное римское право.

Шлю сердечный привет, желаю всяческих успехов и буду ждать ответа (хотя не на что отвечать).

Ваш преданный

А. Исаченко

Клагенфурт, 7 мая 1975

Дорогой Виктор Маркович!

Надеюсь, что оттиски дошли до Вас. Очень прошу Вас своевременно подтвердить посылку. С журналом у меня много хлопот и совершенно лишних волнений. Как Вам известно, печатается он в Голландии, причем там вот уже второй раз меняется руководящий состав.

Иногда очень трудно, да просто невозможно уследить за всем, что некоторые «эдиторы», «правщики» и вообще импровизаторы делают.

Представьте себе, совершенно не предвиденные в рукописи слова, имена, целые фразы появляются в готовом издании, и я не имею возможности протестовать или похерить лишние вставки и своевольные выпуски. Я просто не знаю, как с этим бороться. Покуда там работал тип, с которым я лично разговаривал, все было ясно.

Теперь же у каждого чинуши свои «идеи», так что иногда получается просто невероятно глупо. Поверьте, что ни я сам, ни мои здешние сотрудники не виноваты в таких недосмотрах или в чрезмерном рвении типографов.

Читаю присланный Вами словарь и несколько удивляюсь общей довольно низкой «фактурой» окупа. Мало ли кто состоит в редакции (а кто из состоящих активно работал по истории языка?), но ясно, что те, кто непосредственно «делали» — не разбираются. Не вижу настоящего размежевания между вост.-слав. и ц.-слав. пластами, меня удивляет наивное ото-

¹⁰ Если уже поблагодарил, с удовольствием повторяю благодарность. (Прим. А. В. Исаченко.)

жествление двух совершенно разных языковых систем. И переводы свидетельствуют о том, что не все было понято и правильно интерпретировано. В своей рецензии я смогу, однако, обратить внимание лишь на главные факты.

В след. номере появляется довольно длинная и несуразная рецензия на Тарановского (Славич Поэтикс)¹¹. Не надо было этого делать, а если уж, то дать делать одному. Но Вард почему-то прислал рецензии только на статьи на англ. языке, пришлось быстро заказывать вторую часть, одним словом, Вам это не понравится, но я считаю, что там и по существу нет почти ничего сверхъестественного. Впрочем, я очень рад, если рецензии появляются не только на русском языке, ведь далеко не все заграничные русисты свободно читают по-русски. Многие авторы пользуются только инци(тивной) и я это тоже поддерживаю.

Смею Вас заверить, что такая оплошность больше не повторится.

Очень буду благодарен, если Вы сообщите мне, чем Вы в данный момент особенно интенсивно занимаетесь. Книги были заказаны.

Еще и еще прошу Вас извинить всех нас, но мы тут, действительно не при чем.

Жму руку и остаюсь

искренне Вас уважающий

А. Исаченко

Klagenfurt, 30 мая 1975 г.

Глубокоуважаемый и (разрешите мне так обратиться к Вам)
дорогой Виктор Маркович!

Сию над редактированием возмутительно недисциплинированных рукописей (не в пример Вам) и вот почтальон приносит мне Ваше письмо.

Рад бросить на время правку безграмотных квази-русских фраз и перенестись хоть временно в духовную обстановку, мне столь близкую и, увы, недостижимую. Но сперва о делах.

Благодарю за Ваше великодушие и еще раз прошу поверить, что мы тут совершенно не при чем. Повторяю: такое повторяться не будет. Какие-то супер-умницы в из-стве норвят «исправить» наш текст. Первый номер Вам высылается немедленно.

Глубоко благодарен за примечания и в общем очень лестный отзыв. Я имел в виду номинализацию милицейский (— милиционер), и забыл о существовании прилагательного. Мне тоже приходится слышать гиперизм типа қфэ и именно у парвеню: одна дама, произносящая такое, недавно отказалась от второй порции пирожного, воскликнув: «Фу, как мне мерси». Не знаю, как трактовать «джерсовый», тут, видимо, две основы. Мне пи-

¹¹ Slavic Poetics. Essays in Honour of Kiril Taranovsky. Hague, 1973.

ся, основах. А «три дюжины» универсалий — это уже ОЧЕНЬ много. Пользуетесь ли Вы импликациями типа «если X то Y» или «если X то не-Y»? Ромка¹² в свое время баловался (с типологией просодических элементов в слав. языках), но все это оказалось сложнее. А как обстоит дело с «тройной» долготой в эстонском? Мне все не верится. Вы упоминаете «последние» работы Гринберга, кот. мне, очевидно, остались пока неизвестными. Заедает журнал.

Вторая Ваша тема чрезвычайно близка и моим (тайным) интересам. Признаюсь, что меня не удовлетворяет то, что приходилось читать не только у профессиональных богоискателей, но и у православных феологов.

Это, все же, значительно слабее Фомы Аквинского¹³ или даже современных просвещенных аббэ. Но прибавлю, что и протестантское богословие, его антимистический псевдо-рационализм и игра словами меня не удовлетворяет. Зато протоколы соборов читаются как детективы, там оттачивалась, там сгущалась мысль, кот. последующие поколения по-моему уже не были в состоянии воспринять. Чего стоит хотя бы прение о «транскреации», ликвидация «левацких уклонов» у Онуфрия, тончайшая аргументация против Ариана (sic! — В. Ж.). Вообще в этой теологии обращает на себя внимание органическая близость с (нео)платонизмом, диалог между христианами и языческими ФИЛОСОФАМИ, чего на Западе никогда не было: выучи Отче наш по-латыни, а если не можешь, то кнутом (из постановления западного собора в Вормсе 803 г.).

До чего изящно оттачивался текст резолюции, известной под названием «кредо». Ведь западный (кат.) вариант — просто пародия, с его чистилищем, и другими ересями. Мне пришлось раз проштудировать значительную часть литературы, посвященной выражению «насущенный» — это увлекательно до чрезвычайности. А расхождения в интерпретации понятия «греха» («ошибки»), чисто человеческого несовершенства) в отличие с лат. пекатусом — нарушение кодекса, влекущее за собой автоматически санкции, как и подобает римскому мышлению.

Ник. Серг. создал в свое время термин «обрядового исповедования» (нет, вдруг изменила память, и я явно соврал, но Вы помните, наверное). Корни всего этого мне не ясны, но обрядность как культурный фактор — очевидны. Я до сих пор никак не пойму Аввакума, вкладывающего столько «религиозной нагрузки» именно во внешнюю обрядность.

Так что Вы считаете, что «фильтр», процеживающий переводную литературу находился в Византии? Я говорил с нашим президентом Акад. Наук, Хунгером, ему мои вопросы показались дикими. Но кто-же тогда на Руси «манипулировал»? И почему?

Все что Вы говорите об образах в поэзии, о XVIII в. — крайне важно, злободневно и методологически обосновано. Я, признаться, XVIII веком не

¹² Р. О. Якобсон.

¹³ *предвижу возражения!* (Прим. А. В. Исаченко.)

увлекаюсь (хотя признаю его решающее место в ряде процессов) и уж совсем ничего не знаю о богословской мысли этого периода. Кстати: когда и где появился первый перевод Библии на русский язык и кем он был сделан? Была ли вообще общественная реакция на этот, на мой взгляд, крайне существенный факт? Будьте добры, научите! О славянизмах у разных поэтов я буду счастлив напечатать статью любого объема (не превышающую, однако, 30 машинописных). А как Вы относитесь к цитатам у поэтов серебряного века? На фоне таких вопросов возмущает пошлятина Щедрина. Но занимаясь цитатами, надо выйти из заколдованного круга «неполногласных» форм (набивших несколько оскоми́н) и взяться за другие, не менее показательные критерии.

Проблемы типологии меня интересуют давно. Постараюсь Вам прислать несколько этюдов (отчасти довольно уже древних). В типологии важно суметь связать разные факты, явления разных ярусов, но это не всегда получается убедительным. Мой б. коллега Скаличка пытался, но, по моему, малоубедительно. Вы упоминаете Гуссерля. Рома педализировал его, но, кажется, только вербально. На самом деле не феноменология, а — в позднейший период — довольно темная-с философообразная паточка Пирса оказала на Ромку решающее влияние. Об этом недавно (остроумно и убедительно) писал М. Шапиро (из Калифорнии).

Кстати: Один из членов редколлегии получил письмо от Колесова, в кот. критикуется уровень статей РЛ.: «и уж во всяком случае не стиховедческие!». «Серьезные специалисты» якобы «не решаются печататься» ввиду невыявившейся пока «научности» журнала. Так ли это? Я, вообще, ценю работы Колесова и с удовольствием принял бы статью, но он немного мономан. А рецензия на Тарановского действительно не удалась (по разным причинам).

Я рад (и одновременно посрамлён) Вашей неожиданной покупкой Просодика. А мы здесь так и не получили даже ОТВЕТА на наш запрос. А Вы еще жалуетесь, что, мол, «ничего нужного»!

Сборник статей ВВВ¹⁴ не высылайте — у меня они (статьи) есть. А вот в Словаре русского (!) языка XI—XVII вв. нахожу много перлов, среди них такой: *Азь¹ название первой буквы слав. алфав.* и тут же экземплекат: *Азь есмь алфа и ѿ, зачатъкъ и коньць.* А ведь будут обижаться и считать меня «предвзятым», если я помешу это в рецензии.

«Закругляюсь». Письма подобного рода только еще больше раздражают аппетит и «фрустрируют», как выражаются теперь на всех языках. Как важно было бы заняться совместно настоящим делом, вот вроде Суб специи хисторие или Адодуровым. Не знаю, как Вы отнесетесь к моей (надеюсь все же еще возможной) истории русского языка. Там будут, вероятно, коробящие Вас утверждения, но это только потому, что нельзя было зара-

¹⁴ В. В. Виноградов.

нее договориться и определить взаимные позиции. Это я Вам обязан за интереснейшие письма и за общение с крайне «созвучным» интеллектом.

Уважающий Вас

А. Исаченко

Р. С. Рецензию на Земскую жду. 30-го июля конец приема рукописей для II, 3—4, а 30 октября — для III, 1.

Klagenfurt, 24 июля 1975 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Виктор Маркович!

Спасибо Вам за содержательное и такое «компактное» письмо от 5 с. м. Приводимые Вами перебои типа *кофе/кофею* типичны и скорее говорят в пользу моей гипотезы о (необязательном) переключении кода. Не помню, писал ли я Вам, что и в словенском языке все иностранные слова на гласную, не интерпретируемую как флексия, принимают в косв. падежах обязательно (пропуск в оригинале).

К вопросу о туманности сакрального языка хотелось бы сообщить еще две подробности. Моя племянница в детстве была страшно набожная, у нее в комнате был алтарик и она, в каком-то фантастическом одеянии, «служила». Надо же было ее послушать: «Господи, аще! Господи, иже еси! Убо, Господи!» Шли «святые» слова, действующие (и нагруженные семантикой) исключительно в силу того, что они были совершенно непонятны. А моя жена (словачка, из б. униатов, семья приняла православие после 1920 г.) так никогда и не могла понять, почему в молитве обещают «чаю», да еще только в воскресенье (чаю воскресения мертвых...). Вам, конечно, известно, что «хокус-покус» (и русск. фокус) происходит от лат. «сие есть тѣло мое» — *hoc est corpus Tuum*, тут что-то «меняется», таинственно превращается, чем не «фокус»? И «сила слова».

Причины «бытового исповедования» (так Н. С. называл это явление) именно в России мне тоже непонятны. Одно возможное объяснение: на Руси церковь не должна была бороться с сильными, влиятельными «кересями», обошлось без альбигойцев и катарцев (так, кажется) не надо было приспосабливаться, вот и существовали условия для консервации прото-, самых исконных установок.

О «насущном» я не писал или только вскользь: уж слишком велика и необозрима существующая филологическая литература. А толкование в смысле «ежедневные» — невероятная пошлятина, не правда ли?

Спасибо за указания относительно перевода Библии. Очень Вы мне помогли, и я с благодарностью ссылаюсь на Вашу помощь. А все ж таки просто невероятно! Ну почему нельзя было попробовать хоть в 17 в. Ведь она переведена на навахо и хупи, даже были попытки с бэзик англиш. У меня имеется русск. перевод, но сравн. молодой.

Ад воцем Гуссерль: на днях ездил в Любляну, это рукой подать отсюда, я там начал свою акад. карьеру (был «приват-доцентом») и сохранил не только нежные воспоминания, но и самые сердечные отношения с поколением, которое у меня начинало учиться структурализму (но не доучилось ввиду моего отъезда). Так вот в одной из книжных лавок «набрел» на «Картезианские медитации» и сразу купил. Вы только подумайте: народу-то всего не полных два миллиона, а есть Карт. мед.! И теперь читаю, вместо газеты. Есть письменные, вернее печатные изречения Шапино по поводу якобсоновского гуссерлианства, но я их здесь с собой не имею (простите варваризм). Как только вернусь в город, постараюсь найти, а то в сент. буду в Калифорнии и попрошу Мишу, чтобы тот Вам прямо прислал. Я, признаться, забыл, какие именно типологические труды Вас интересуют. Будьте любезны, учтите склероз и повторите.

Рома. Я его искренне люблю и уважаю, преклоняюсь перед его находчивостью, ясностью мысли, оригинальностью. Как-то в 67 он читал в Йейле (просто не знаю, как транскрибировать сей университет) и нам обоим было ясно, что из всех присутствующих адекватно понимал (и ценил) его только я — с полуслова, пражские подтексты, семиотика российских риторических интонаций. В Калифорнии мы встречались еженедельно (он с Кристиной¹⁵ снимал домик неподалеку от нас), полная идиллия. Но вот между нами стоит вопрос издания корреспонденции с Ник. Серг. Еще в 1947 г. княгиня передала ему его письма, а он сохранил все оригиналы Н. С., хотя и у того остались черновики (тогда такое еще было). Было обещано издать переписку не позже 1950 г. В 71 Роман что-то еще «дописывал», требовал от меня разных справок, книга, мол, вот-вот выходит. Остальное Вам известно. А между тем машина пропаганды работала и продолжает работать; создается «прижизненная легенда», некое житие гласомудрца Романа, иже изнаиде гласословие пражское, гласотворьчьством же и гласописаниемь преисполньшее вселенную. Знаете, в этой легенде нет места для Ник. Серг., он просто так, занимался историей языка, а вопросами систематики занимался вяло, так, между прочим. Когда Р. О. в 57 г. впервые после войны прибыл в Чехослов. и прочел ряд блестящих лекций, он НИ РАЗУ не упомянул имя покойного Ник. Серг. Создается впечатление, что тут как-то замешаны проблемы приоритета и мне больно за него, за нашу дисциплину, за замечательного русского ученого Трубецкого. Вот это как-то и портит не мои отношения с ним, а мое отношение к нему.

Интердисциплин я, как и Вы, терпеть не могу. А была (в Вене) даже биофонетика!

Спасибо за справку о «серьезных специалистах», а то я уже начал думать, что оно и впрямь так. Оказывается — «чернуха». А стиховедческие статейки действительно немножко того. Ну, Бог простит. А Словарь — маститый, вот будет весело писать рецензию.

¹⁵ Жена Р. О. Якобсона Кристина Поморска.

Ковтуна очень прошу прислать. Видно серьезная работа. Но что же мне Вам послать, если Вы не изъявляете пожеланий? Прошу, будьте потребовательнее.

С журналом дело обстоит так: по разным причинам, а также и вследствие того, что мне предстоит некая поездка, было решено в этом году издать два двойных выпуска. Срок сдачи ркп для II/3—4 до 15 авг., вряд ли справитесь. Значит, будем ждать к 1 ноября (это уже для III/1). Очень прошу!

В процессе работы зачитывался перепиской Иоанна IV. Это же мимикрии, хамелеонство, сплошная шизофрения стилистическая. Как он пародирует монашескую риторику в письме к св. отцам, как он вульгарничает со «своим в доску» Грязным (Крымцы так не спят, как вы, да вас дрочон, умеют ловити...), Вы заметили? Я отказываюсь переводить это слово как «неженка». А в переписке с королем польским он, Проше пана, приспосабливается к мове и стилизуется под дьяка литовского. Замечательно! Он бы мог перевести и Библию, если бы захотел. Только ради Бога не подумайте, что я этого палача уважаю.

Буду ждать писем. Пока желаю Вам приятно и с пользой провести лето. Будьте здоровы и счастливы.

Искренне Ваш

А. Исаченко

В граде Ангельсце, 20 янв. 1976 г.

Дорогой Виктор Маркович!

Передо мной лежит Ваша открытка и мне страшно совестно (помните у Чехова: мне стало так неприлично...). Но есть объективные /как всегда/ причины: мои странствования, пересылки через океаны, наконец — ляст нат лист — некий мною только что прожитый, переменявший мою жизнь в масленницу, юбилей. К тому же и уважительные причины: разговоры с Ладефогетом, переписка со Стэнфордом, поиски нужной книги. Все, что называется, утряслось. Книгу Л. я послал, здешний департамент Лингв(истики) обещал выслать имеющиеся Рабочие тетради, а из Ст(энфорда) пока еще нет ответа. Прошу мне при случае написать, как Вы нашли книгу Ладефогета. Все остальное в полном порядке, в срок и без изъяна. Вышло отгиски, когда сам получу. Спасибо огромное, все прекрасно сделано и «фактура» культурнейшая.

А ведь мне с Вами переписываться очень полезно. Чистовича я нашел в одной из здеш. библиотек и (не без стыда) прочел все релевантное. Включая сюда и процитированные Вами варианты. Спасибо за указание. А вот недавно удосужилось прочесть книгу Трубицина (название фольклорное, сейчас не припомню) о быте русской элиты конца XVIII — начала XIX века. Крайне поучительно. Оказывается, наряду с менуэтами, севрскими сервизами и лакеями в ливреях они любили некую русскую обстановку, с пля-

ской, рожками, пирогами и песельниками, причем дело редко доходило до блева и лапанья. Прекрасна дана социологическая стратификация русского общества той поры. Советую заглянуть.

Мне прислали письмецо, направленное Колесовым одной коллеге — приторно-сюсюкающее о новом словаре «русского» языка XI века. По одному тону я вижу, с кем имею (или, вернее, слава Богу не имею) дело. Распространяться на этот счет считаю излишним. А его реконструкция метрики (!) Слова о п. И. — курам на смех. Поврежденный текст чорт знает какого века, вообще подозрительный, и вот, оказывается, можно восстановить «размер».

Не думаю, чтобы можно было напечатать статью о диглоссии в Ленг.¹⁶, хотя категорически ничего утверждать не могу. Действительно, сейчас здесь тон задает третье поколение хомства, ничего определенного и довольно таки скучно. Да, вы угадали: жизнь языка, культурный фон, социолингвистика в настоящем смысле слова — все это ускользает от молодого поколения. У нас один молодец читает целый курс о 16 типах аканья/яканья, довольно слабо объясняясь на российском литературном языке, но зато обильно снабжающий безударный вокализм, плюсами, минусами и метками признаковости-беспризнаковости. Совершенно непонятно, к чему все это. А вот находятся адепты, продолжающее это дело. Одна дамочка пишет о конструкции «у волков хожено» (не разбираясь в глаг. видах), другая генеративно ковыряется в цокании. Я просто не понимаю, что делается. Еще пять лет тому назад такого не было. Вот я и пытаюсь всячески привить молодежи культурный подход к языку, знаете, не «отрывать» ну, там одного от другого и пр. Серьезно. Оказывается, нельзя «отрывать». И вот читаем мы и Кирилла Туровского, и летописи и выясняется, что и стсл. они знают ну как изучают язык хупи или наваха — «систем, ю ноу». Оказывается, старшие члены педсостава как-то отошли от подготовки начинающих, но оказывается также, что и с аспирантами одними нельзя работать, если сам их не подготовил. Впрочем, надо попробовать пустить в Ленг., даже если надо будет ждать. Ведь Фергусона они в свое время тиснули. А между прочим и я страстный сторонник диглосс(ии). Я ведь готовлю большую книгу об истории языка и все строю на диглоссии (т. е. с лингв. точки зрения на наличии двух отдельных друг от друга языковых систем). Только что отпечатал 12 главу (Средневековье кончается). В связи с этим увлекся Ключевским и скажу Вам, буржуазный, не буржуазный, а замечательный стилист, изумительно гуманный человек, умища, полиистор и непревзойденный «обобщитель». Скажете: «западник». Да, и я тоже в некотором смысле западник. Во всяком случае я просто органически ненавижу и презираю неистового попа-обскуранта, которого многие так расхваливают, называют «величайшим писателем» (Горький, Робинзон), и находят в нем даже какие-то элементы «барокко» (Лихачев). Но суть 17 века я понял лишь прочтя III часть Курса (по которой в свое время сдавал экза-

¹⁶ Журнал Language.

мен в Вене). Очень хотелось бы подробно поговорить на разные темы, связанные с культурной историей страны, но придется отложить пока.

Как объяснить Вам мое служебное положение? Я пока еще состою в К(лагенфуртск)ом ун-тете, но собираюсь летом уйти в отставку, ибо здешний ун-тет вернул мне звание профессора. Но буду я тут лишь часть года, с конца сентября по март. Остальное время в Австрии. Дела много, журнал, книга, да и кое-какие другие затеи. Дивный калифорнийский климат охраняет от гриппозных заболеваний, а лето я провожу в небольшом деревенском домике в Альпах, где провел все свое детство, или хоть знач. часть оного. Пока еще могу свободно передвигаться, буду жить так. Здесь я могу остаться, кажется, до 79 г., а потом, при желании, возобновить контракт. Редакция пока остается в К. и прошу туда и писать. На сей раз я возвращаюсь 27 февраля (и пробуду до конца сентября).

Мне необходим тартуский сборник, в котором у Б. А. имеется прекрасная статья о семиотике культуры XVIII века (точное название забыл). Кажется, Б. А. мне послал эту книгу и мои ассистенты переслали ее сюда, но она почему-то не дошла, а нужна до зарезу. Даже достаточно прислать только копию данной статьи (кажется, вместе с М. Л.)¹⁷. За второй том Трубачевского словаря буду крайне благодарен, но прошу Вас не слишком баловать меня.

Недавно вышла давно ожидаемая переписка Р. О. с моим учителем, Н. С. Тр. Вернее — только письма Н. С.-а. Я с ужасом узнал, что мой любимый учитель, оказывается, не верил в мою научную звезду, считал меня «неоперившимся птенцом» и сомневался в том, правильно я поступил, избрав научную карьеру. Было больно и странно читать это, тем более, что меня с ним связывали и семейные узы, и я ни на минуту не сомневаюсь, что он меня очень любил. Но иногда бывает так, что совершенно неожиданно жизнь строит глупые гримасы, никому не нужные, и, в общем, даже неважные. А читать его мемуары, или, вернее, его комментарии увлекательно. К сожалению у меня у самого пока еще нет экземпляра.

Р. О. благоденствует, редактирует свои Селектид и проявляет активность. Ларри Хайману я тоже написал, увидим. Во всяком случае все будет исполнено точно.

Примите самые искренние пожелания, а также просьбу продолжать в том же духе. Очередной номер выходит в августе (двойной), (III, 2—3) до начала мая принимаю рукописи. Пишите, если смогу, обязательно Вам помогу.

Искренне к Вам привязавшийся
и глубоко Вас уважающий
А. И.

¹⁷ Речь идет о статье: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьбина русского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва) // Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 358. [Труды по русской и славянской филологии, XXIV] Тарту, 1975. С. 168—322.

Klagenfurt, 15 апреля 1976 г.

Дорогой Виктор Маркович!

Надеюсь, что Вы успели получить обещанные публикации. Если Ladefoget не выслал — сообщите, я ему напомню. У меня все еще лежит Мусиль. Он Вам еще нужен? Когда Вы собираетесь прислать новый обзор диалектологии за 1975 год? До Вас дошли оттиски?

У меня к Вам следующая просьба: можете ли Вы написать рецензию (не больше 7 рукописных страниц) на книгу «Русские говоры», Москва 1975?

Если нужно, я Вам немедленно вышлю экземпляр.

Буду с нетерпением ждать ответа.

Искренне Вам преданный Ваш

А. Исаченко

13 мая 1976 г.

Дорогой Виктор Маркович!

Ваше письмо от 6 с. м. в моих руках; приношу Вам за него горячую благодарность. Я уже начал беспокоиться, не имея от Вас так долго никаких вестей.

Книгу писать (и издавать!) «и впрямь» не шутка. Особенно неприятно, когда печатанье откладывается и автор рискует «не учесть» ряд возможных публикаций по данному вопросу. Но верю, что Ваша книга настолько оригинальна, что никакие там побочные авторы ничего испортить не смогут¹⁸. А у меня наоборот — большая радость. Я, кажется, упоминал, что пишу историю русск. яз. (сочетающую и традиц. ист. грамм., и так наз. истор. литязыка). И рукопись все росла и росла. Я боялся предложить своему издателю выпустить опус в двух томах, но все же рискнул, опасаясь возможных новых публикаций и связанной с этим возни. И представьте себе, г-н Винтер с восторгом принял мое предложение. Следовательно, за лето я надеюсь закончить весь текст и сдать в набор том I под заглавием «Допетровский период». Остается лишь очерк развития вост.-слав. синтаксиса до 1700.

Второй том будет посвящен периоду 1700—1978. Кроме журнала я перестал писать статьи, не принимаю участия в фештшифтах, ибо хочу поспеть сдать II том.

Возможно, наши с Вами толкования диглоссии не полностью совпадают, но это и не важно: отсюда возможна лишь плодотворная дискуссия.

А то ведь уши вянут от выступлений разных ночных птиц и его малюток¹⁹. Не пропускаю случая ударить по усам. Вы, надо полагать, следите.

¹⁸ Речь идет о моей книге «Очерки по синтагматической фонологии», М., изд-во МГУ, 1980. Книга была написана в 1975 г. и пять лет пролежала в издательстве.

¹⁹ Имеется в виду Ф. П. Филин и его сотрудники.

Именно в память Г. Побѣдоносца состоялось торжественное заседание нашего у-тета по случаю моего юбилея. Вы не сокрушайтесь: все равно с датой моего рождения неладно. Я родился (фактически) 3 янв. 12-го года (по новому стилю), но в моих бумагах почему-то значится совсем другая дата и я махнул рукой. На этот раз было весьма торжественно, получил особый австрийский фестшрифт (что меня очень тронуло), от своих учеников, конечно, ни слова, но зато здесь всякие почести и очень сердечное отношение. Упомянутых учеников не обвиняю — им виднее. А в Калифорнии стиль был совершенно иной, скорее фривольный, но очень смешной и удачный. Мы с женой «промежду прочим» решили туда больше не ездить, а сидеть на месте. От добра добра не ищут, а работать там (при всей исключительно дружеской атмосфере) все же в мои годы трудновато.

Не знаю, почему не удалось организовать нужные публикации из Стэнфорда. Я им писал, они сообщили, что того номера, кот. Вам именно нужен, у них нет. Не знаю, как они поступили с остальным. Ладефогет, вообще, неглупый, сейчас он тешится машиной, кот. показывает положения языка в полости рта и соотносит оное с формантами, причем имеются и отрицательные величины, когда, например, спинка языка выходит за пределы полости рта... Был в Санта Барбара (где до моего отъезда работал ныне покойный Делаттр), но там Малэко, французик без фантазии, собирающий данные по анализу гласных франц. языка в скороговорках. Ничего не получается, а он очень доволен собой. Ладефогету напишите — он будет очень рад получить от Вас отзыв.

Отгиски обзора будут. Не беспокойтесь.

Тезисы статьи по диглоссии до меня не дошли. Но не беспокойтесь, статья выйдет — прочту.

Очень прошу не забывать «обзор». И буду Вам крайне обязан за рецензию на «Русские говоры». То, что Вы — почему-то — считаете для себя непригодным, пропустите или дайте лишь самое поверхностное описание. Прошу оформить рукопись так, чтобы первая страница начиналась во второй трети страницы. Объем — 7—8 рукописных страниц. Раз у Вас имеется экземпляр, то я Вам не посылаю рецензионный.

Вопрос о причастиях в говорах меня волнует и, отчасти, возмущает. Мои юные сотрудники в ЛА (я Вам кажется о них писал) не видят в настоящий момент ничего интереснее, чем «глубинную структуру» конструкций типа у волков идено. Вообще в Америке сейчас (по-моему нездоровый) интерес к русскому диалектному синтаксису. Нездоровый потому, что литературный синтаксис им представляется затруднительным по той простой причине, что у молодежи там начинает сказываться недостаток лингвистической грамотности. То, что Ромка успел дать своим ученикам, в третьем поколении вылущено и разбавлено, а непосредств. ученики Ромки заняты делами иными, как то: директорствуют где следует, заведуют кафедрами, пишут монографии, а преподаванием почти не занимаются. И вот уже четвертое поколение выращается недоучками, типами, кот. никогда не слыхали о конструкции «я лучше твоего знаю» или «поживи

с м о ё», считая эти конструкции «выдумками» своих питомцев. Меня постоянно преследовали юные русисты и расспрашивали, «можно» ли по-русски сказать «мать попросила сына приехать о д н о м у». Конечно можно, но я бы так не сказал и вообще не вижу проблемы. Юные русисты там и не подозревают, что до 18 в. в русском яз. не было пассива на -ся с указанием агенса и что твор. падеж в пассивных конструкциях — очень новое явление. Вот они и «постулируют» всевозможные «глубинные» структуры, глубинность которых восходит к подражанию немецких, лат., и франц. конструкций в конце 18 в. И никто не задумывается о том, почему это по-русски не говорят «Наташа любитя Петей» или «Горы видятся туристами», хотя в зап.-евр. языках такие конструкции вполне тривиальны. Я был глубоко разочарован «третьим поколением» и должен признаться, что «четвертое» явно льнуло к моим семинарам. А жалко. Боюсь, что в конце концов восторжествует опять некая «хокус-покус-лингвистикс» — выхолощенная смесь хомства и шведовщины.

О библейских образах я не читал и очень прошу прислать. У нас тут в Клюгенвурсте (как говаривала моя покойная матушка) в апреле (как всегда) была Лингвистише вохе, на этот раз посвященная поэтике (в частности рифмике) и семиотике. Гастролировал Нильсон. Было довольно удачно и оживленно, к нам приезжают аспиранты, докторанты, доценты и профессора из 11 стран. Вот хорошо бы было пустить насчет образов...

Я полностью разделяю Ваше отношение к поэзии до-державинского (или даже до-пушкинского) периода. Не воспринимаю и вполне сочувствую. Итс куайт анридебль. И преклоняюсь перед теми, кто может увлечься виршами.

Посылаю Вам о хэв-би и по рифме²⁰.

Не забывайте нас, пишите. Передайте самый сердечный привет Б. А., которого я все больше уважаю.

Искренне Ваш

А. Исаченко

9 июля 1976 г.

Дорогой Виктор Маркович!

Ваше письмо от 6-го мая, а также подтверждение получения Уоркинг пейперс получил и очень рад. Разделяю Ваши тревожения по поводу задержки с печатанием книги. И со мною случалось подобное.

²⁰ Речь идет о статье: *Isačenko A. V. On 'Have' and 'Be' Languages (A Typological Sketch)* // *Slavic Forum: Essays in Linguistics and Literature* / Ed. by M. S. Flier. The Hague, Paris: Mouton, 1974. P. 43—77; и рукописи, изданной посмертно: *Исаченко А. В. †, Рифма и слово* // *Russian Poetics. Proceedings of the International Colloquium At UCLA, September 22—26, 1975* / Ed. by T. Eekman, D. S. Worth. Columbus, Ohio: Slavica, 1983. P. 147—168.

С моим юбилеем сплошной конфуз. Родился я 21 дек. 1911 г. (по старому стилю), но местные чинуши почему-то записали эту дату, но «составив» меня на год. Так я и живу с этой датой и до сих пор мне всегда этот факт помогал. Так что если уж «переориентироваться», то только на 82-й!

Вы правильно подметили относительно Ладефогета: он любит наблюдения, но сейчас просто «играется» с каким-то вычислителем, кот. одновременно меняет два основных форманта в шагах по 20 герц, а на экране показывает положение языка, ларинкса, губ.

Есть «иррациональные» позиции, когда спинка языка выходит за пределы полости рта. Не знаю, кому это нужно. Вообще сейчас они все помешались на вычислительных машинах. Малекó (в Санта Барбаре) заставляет компьютер анализировать все гласные сплошного франц. текста (вовсе не оптимального кода) и вписывать координаты (двух же формантов) в таблицу. Получается таблица с площадью покрытая точками, а какие звуки представлены оными — неясно-с. Признаться, после Делаттра я больше ничего не ожидаю от американских фонетистов, разве еще от Труби²¹. Ваши соображения о центре и периферии получил. Об этом много и подробно писал Вахек (даже том новых Траво посвящен этому делу), но я как-то не вижу возможности (кроме чисто статистической) отличить центр от периферии.

Почему /ф/ в РЯ — периферия? а /ж:/ — вовсе не фонема. Маленькая неточность: село, упоминаемое Вами — Ладомирова, а не Ладомирофф! Там был большой православный монастырь, славившийся своей типографией.

Отправляю Вам несколько оттисков, в том числе Хэв-Би. Бирнбаум полемизирует со мною (в том же издании болонском), но вяло. Если изменить семантическую нагрузку глагола ХЭВ (в каком-то неопределенном направлении), то надо будет включить сей глагол в универсалии. Ох уж мне эти универсалии! — как справедливо писала Шведова в свое время. Всегда вспоминаю Эд. Сейпира, подчеркивавшего, что если вы хотите сравнивать два языка, то полезно (юзфул) знать хотя бы один из них.

Письма Н. С. вызывают в лингв. кругах мягко выражаясь недоумение. Их научное содержание — не слишком веско, зато они вредят «имеджу» Н. С. как человека: уж очень строго и едко он отзывался о своем окружении. Так мне недавно писали из Энн Арбора.

Обзор за '75 я должен получить не позже начала августа²². Очень прошу взяться за Русские говоры²³, я считаю себя просто некомпетентным, а

²¹ Н. М. Truby, специалист по экспериментальной фонетике.

²² Только что прочел, что Вы можете взяться за такую работу «в конце июля». Настойчиво прошу приступить к работе несколько раньше — я очень дорожу злободневностью журнала. (Прим. А. В. Исаченко.)

²³ Пусть Вас не смущают синтаксические и морфологические хитросплетения. Научившись фонеме, да и всю грамматику в башку (Вятская губ.). (Прим. А. В. Исаченко.)

Моя рецензия на сборник «Русские говоры» (М., 1975) была напечатана в Russian Linguistics. Vol. 6 (1981). № 1. P. 151—161. (В. Ж.)

знатоков здесь нет, хотя многие американцы увлекаются и захлебываясь восстанавливают «глубинную структуру» таких конструкций, как у волков идено, она не ёбшись, и даже составляют набор правил о умеренно-якоющих говорах. Не знаю, но славистическая (в частности, русистская) атмосфера ТАМ мне не нравится (может я Вам уже об этом писал). Поколение, воспитанное непосредственно Ромкой, ушло в администрацию, а следующее поколение либо хомствует лукаво, либо еще хуже. Ничего толкового за все это время я там не видел и (спешу прибавить) решил, что собираюсь доживать свой век здесь, в тихой Европе, где у меня под окном «благодарное население» еще говорит на славянском диалекте и где можно спокойно дописывать Историю РЯ. А я ее дописываю: издатель просит выпустить первый том как можно скорее. Хочу закончить до осени, а то ведь опасность, что с новыми публикациями (ну, скажем, Вашими...) придется все переделывать. Так что ждите: первый том до примерно 1700 года. Шышнаццить глав.

Не завидую Вам относительно поэзии 18 века. Признаться и я не слишком обожаю рифмачей этой эпохи. Да и Державина признаю лишь отчасти и условно. Но тема — явно важная и придется поработать. Но утешьтесь: что, если бы Вам пришлось заниматься поэзией 17 века!

Как нужно бы было встретиться и потолковать обо всем. Ваши письма для меня (и для моих сотрудников) всегда праздники. Не скупитесь!

С самыми искренними чувствами

Ваш

А. Исаченко

Р. С. Насчет Мусия — моя ошибка. А вот нельзя ли получить Тезисы конференции «Диатезы и залогии», Л. 1975?

[без даты (возможно, сентябрь 1976)]

Дорогой Виктор Маркович!

Спасибо за посылку. Но вот беда: наше издательство почему-то решило перенести типографию в Англию и в связи с этим у нас страшная задержка, все еще не вышел номер III/1. Обзор по диалектологии сдан в печать, но должен выйти (если не ошибаюсь) в III/2. Придется подождать до IV/1 с очередным обзором. Ради Бога, не взывайте — я сам не понимаю, почему такая задержка.

Про лекинский говор можете не писать: Фарелл всегда пользуется вторичным материалом и всегда скучноват. Все рецензии подписаны инициалами, но строчными буквами, как было в некоторых Ваших рукописях. Или вы предпочитаете прописные? А рецензию подпишем так, как Вы предлагаете.

Меня потрясают два факта: невероятный упадок качества печатаемых в ВЯ статей (откуда они набирают этих зубров) и восхваления Марра. На этот

счет я уже принял меры и в одном из ближайших номеров я беспощадно дам отпор. Никаких заслуг, один бред; хорош Гельгардт: надо, мол, проявлять терпимость. Бросьте, для этого существуют специальные дома...

Было бы ценно узнать хоть вскользь Ваши соображения насчет свершающегося.

Прошу передать привет Б. А. Очень Вам благодарен и Прошу не забывать.

Искренне Вас уважающий

А. Исаченко

А статья о двуязычии²⁴ очень хорошая!

Klagenfurt, 2 ноября 1976 г.

Дорогой Виктор Маркович!

Издательство все еще не выпустило первый номер: ссылаются на «реорганизацию», ликвидировали свою собственную (прекрасную!) типографию и теперь печатают где-то в Англии. Отсюда — потери рукописей, неразбериха, пререкания с типографией и пр.

Первый номер обещали выслать на этой неделе, второй — читаю вторые корректуры, третий будет двойным, но когда он выйдет — неясно. Правда, они всячески обещают исправиться.

В связи с библиографией. Названия монографий, а также журналов или сборников даются БЕЗ кавычек, но курсивом (следует подчеркнуть), названия же статей (так сказать, несамостоятельных изданий) даются в «одинарных» кавычках ('Ж' у Реформатского), но не курсивом. Некоторые части обзора я сам не видел, мои сотрудники пропустили «тонкости» и теперь уже трудно заставить издательство менять набор (да и опасно, ведь у них нет руссофонных правщиков). Очень прошу принять мою просьбу к сведению.

Меня волнуют мелькающие в специальных журналах и обзорах чрезмерно лестные упоминания «нового учения». Не знаю, как на это смотреть и намерен ли кто-либо из вас дать отпор. У меня приготовлена ноут (с довольно постыдными цитатами ночных птиц в период борьбы с вульгаризацией и т. д.), кот. я могу пустить в любой момент, но только при условии, что языковеды сами не смогут справиться с новоявленными яфетитами. Черкните мне на этот счет, важно ориентироваться.

Основная «масса» отзывов появится в номере ¾. Я очень рад, что Вы так нежно, и притом так беспощадно охарактеризовали Колесова (почему не Колесов?). Он вообще парень, кажется, недалекий.

²⁴ Живов В. М., Успенский Б. А. Типологические аспекты диглоссии // Soomi-Ugri rahvad ja idamaad. Orientalistikakabineti teaduslik konverents 12—14.XI.1975. Tartu, 1975. P. 77—83.

Прошу готовиться к обзору на текущий год.
С сердечным приветом Б. А. и лично Вам,
искренне Вас уважающий
А. Исаченко

Клагенфурт, 23 февр. 1977 г.

Дорогой Виктор Маркович!

На Ваше столь содержательное и интересное письмо от 3 января с. г. отвечаю с почти непростительной задержкой. Но были объективные причины, не позволившие мне засесть за машинку и ответить Вам «по заслугам»: жена оперировалась, я кончал свою Историю русского языка (до 1700 г.), были всякие внутриавстрийские пикантерии — словом «приношу свое искреннее сожаление». Благо у католиков сегодня марди гра — конец масленицы и придется заменить шутовской колпак — сермяжной рубахой.

Премного благодарю за Ваши соображения относительно нового учения. За этим следить надо, со стороны все это приобретает, может быть, несколько гипертрофические формы, но, вспомните русскую поговорку (в передаче мистера Кука из Угрюм-реки): Пуганный ворон водку дует. Вообще-то общая настроенность центральных журналов заставляет прислушаться: тут и псевдо-, и лже- и идеализм. Конечно, по сравнению с лексикой тридцатых годов наблюдается некая облагороженность, но в этом ли суть дела? Будь во главе ВВВ — все бы шло по несколько более культурной линии, но чего ожидать от ночных птиц? А о том, что «сундучный запах» не выветрился (это Ваша метафора) — и говорить не приходится. М. б. пушу нечто обобщенное в Лг.

Пишете, что читали прекрасную рецензию Ланта на Словарь. А мою Вы читали? Я послал Вам отгиск. Самое пикантное в этом деле, что наши критические замечания почти не перекрываются. Т. е. в итоге остается сума высказываний Л. и моих. А это уже довольно внушительно. А ведь в редакции сидят академики и доктора наук, но, видимо, они свои обязанности недооценивают.

Вы пишете о массовом занятии псевдо-наукой. Этот феномен весьма странен и здесь. Вокруг увеличившихся кадров истинных лингвистов нарастают какие-то дельцы, автопропагандисты, вульгаризаторы (не популяризаторы), толкущиеся на всех международных «съездах», устраиваемых ими же и для себя же. Не так давно мне говорила одна дама (не из породы «филологических дамочек», кот. я особенно люблю), что безразлично, преподносить ли истину или поиски истины или просто ловкие силлогизмы — лишь бы дитя тешилось. И преподносят. В отличие от описанного Вами изменения книжного рынка у Вас здесь ничего подобного нет. Публика читает популярные полунаучные трактаты, все больше насчет здоровья, рака, вселенной, древних инков, а делом не интересуется. Крайне уди-

вительно, что немецкая область, в которой, собственно, и развилась филология и лингвистика 19 в., совершенно отстала от лингв. науки. Пишут о том, что мы живем в «безъязычную эпоху», что «язык создан как орудие “прижима” непривилегированных классов». Вы не можете себе представить, на что похожа современная лирика на нем. языке или какие тексты пишутся на вульгарнейшие мотивы совр. музыки. Это непостижимо. Томаса Манна из 57 моих студентов-германистов НИКТО не читал (анонимный опрос), а в книжном магазине покупаются в лучшем случае КОМИКС. Это тоже апокалипсис, но иной. Вы спросите англистов-американистов о Т. Драйзере — решительно никаких ассоциаций. Зато в моде частушки на венском диалекте (сик!), в котором преобладает нецензурная лексика. Появился термин — «тривиальная литература», это, в общем, все, что интересно и приятно читать, ну Саган, Набоков, даже Бёлль. У нас в университете какой-то юнец читает курс о «комиксах». Здесь заниматься наукой — вовсе не социальная выделенность. На кой чорт нужна эта ваша наука! Вы покажите, как язык используется для угнетения колониальных и других народов, вы покажите, что школы созданы для того, чтобы внедрить чуждые народу языковые нормы. Как видите, все это имеет в разных странах чрезвычайно разнообразные преломления.

Ваши критические примечания относительно моих ХЭВ и БИ совершенно справедливы. Речь идет о типичных конструкциях (получить значение — приобрести значение, без донора), отсюда категоричность моего «невер». А вот что касается clerical error — Вы немного ошибаетесь; вовсе не «клерикальный», а именно «канцелярский» (ср. clerc).

Значит Вы совершенно правы, считая «имеющий быть» — канцелярски-официальным. Хотелся Вам сказать, что я сам до своей продолжительной деятельности в Лос Андж. не подозревал, что значит слово clerical.

Как продвигается Ваша диссертационная работа? Литургикой занимался и я (ведь именно из литургии в р. яз проникли наиболее многочисленные и наименее осмысленные цитаты из цсл.). Ключевского я люблю как стилиста, как гуманиста и барина, во всяком случае предпочитаю его Платонову. Видите ли: историк во что бы то ни стало пытается связать ряд установленных хронологических точек в линию, дать «направление» истории, «осмыслить» ее. Но ведь и наши сведения, и наши познания системности современных нам социологических фактов настолько жалки, что любая такая попытка неминуемо вселяет «недоверие». Все что Вы пишете о Новгороде — совершенно справедливо и прошу Вас не принимать мою статейку всерьез. Вы, м. б., помните, в каком контексте и в каком году она была написана и для кого.

А вот серьезные проблемы, с кот. я столкнулся в ходе своей работы по истории языка. Как проявлялось (проявлялось ли вообще) «крепостное право» на Севере? Почему к XVI/XVII в. начинается массовое переселение с Севера на Юг? Сколько процентов (какой процент) населения остался на старых землях на Севере? Как проявилась чума начала XVII в.? Как объяс-

нить абсолютную неспособность социальной верхушки справиться с проблемой рабочей силы, продуктивности труда, «материальной заинтересованности» (если хотите)? На это я не нашел пока ответа и тут Ключевский тоже «пас».

Мой тезис до крайности упрощен: «реформы» (Киприана, Никона и кого угодно), сводящиеся к восстановлению архаических норм, лишили страну возможности создать собственный свой язык, на котором можно было писать не только Св. Писание, но и трактаты об астрономии, алгебре, механике, на кот. можно было бы перевести сочинения Галилея, Кеплера, Меланхтона, Эразма и пр. К сожалению я для своей книги уже не смог использовать ни Карташева, ни Владимирского-Буданова, ни Тимофеева. Да правда ли, что эти точки на временной оси действительно связаны, действительно имеют телеологию?

А между прочим я сомневаюсь, что затруднения с майоратом у Рюриковичей «сохранились» в недрах русского народа. Не по коню корм.

В университете я избрал вторым своим предметом восточно-евр. историю, держал в руках оригиналы писем Годунова, читал даже реферат о мундирах гвардейских полков от Петра до Александра I. Но в то, что «хистория — люкс темпорум» как-то не уверовал.

Все Ваши статьи дошли. А Вы все ж таки двиньте Лг статью о диглоссии. Меня начинает серьезно беспокоить безграмотность наимладшего поколения американских славистов, их дерзость, невежество и поверхностность. Был Ромка — он воспитал настоящих полнокровных языковедов. А вот эти-то языковеды уже не смогли передать, так сказать, факел, и третье поколение славистов (русистов) в США — ученики неглупого, но фокусничаящего Хале, хоть гирше, та инше.

Я очень, очень тронут Вашим вниманием (Вы упоминаете мой день рождения). Мне бы хотелось Вас как-нибудь отблагодарить. Пишите, ради Бога, не стесняйтесь!

Искренне уважающий Вас
А. Исаченко

Посылаю Вам последний свой «ёвр».

17 мая 1977 г.

Дорогой Виктор Маркович!

Примите мою искреннюю благодарность за Ваше пасхальное письмо, за Ваши теплые слова и за Ваши, как всегда, столь ценные мысли.

И позвольте Вас поздравить с защитой — это все ж таки знаменательная вежа и я от души радуюсь за Вас и за всех тех, кто Вам желает добра.

Мне, правда, так никогда и не пришлось «защищать» работы, но помню, как меня мучили профессора люблянского университета (где я в 1939 году

подавал работу на соискание степени «приват-доцента»), спрашивая меня о восточной границе бука, о северной границе пшеницы, о переселениях лангобардов, об освоении славянами металлургической техники и пр.

Ваше отношение к ВЯ мне вполне понятно: я ведь выписываю этот журнал по «долгу службы». В самом деле, его провинциальность уступает лишь халтурщине основных статей. Требования, касающиеся сближения науки с «самой» жизнью мне небезызвестны. Вот маленький эпизод 50-х годов, когда я еще работал в одной из славянских стран. Занятия «историей» языка считались в те годы пагубными и излишними, особенно, если этот исторический аспект был связан с термином «церковнославянский». И чтобы спасти этот предмет, чтобы обеспечить лекции и практические занятия, я предложил факультету курс, всецело построенный на церковнослав. цитатах, найденных в трудах классиков, а также в романах сов. авторов (Леонова «Соть», Федина «Первые радости», Шишкова «Угрюмка»). Я доказывал, что без знания этого инкриминируемого языка нельзя понять такие важные цитаты, как «Х с товарищи», «Х и иже с ними», «им же несть числа», «пределы, их же не преjdeши» и пр. Я просил присутствующих указать мне, что значит глагол «обряцеть», имеющийся в известной цитате И. В.²⁵ «ищите, и обряцете». И мне — позволили читать этот курс, тесно связанный с современностью и с нуждами трудящихся. А с западными «теориейками» мне приходилось бороться неоднократно. Но я не сказал бы, что истинно научные занятия обречены быть архаичными.

Мне очень лестно было увидеть в Вашем письме свое имя в одном ряду с Ник. Серг. и Р. Осип. Я Вас прошу не путать поколения: я — 1912 года (невзирая на иные данные в моих бумагах) и приехал (был привезен) в Австрию восьмилетним. Здесь я окончил гимназию, получил прекрасное гуманитарское образование (мы «вот этими руками» раскапывали римский город Верунум и на уроках латыни читали эпиграфы «в первый раз»). У меня была совершенно «нормальная» биография, если не считать бегства из окуп. Австрии, гестаповской тюрьмы и пр. Лично я «враждебного мира» не испытывал, да и мой тесть Ник. Серг. не ощущал свое окружение, как враждебное. О Ромке и говорить не приходится: он несмотря на все был крайне популярен, хотя в профессуре ему долго отказывали.

Мне совестно, что Вам пришлось «твердить азы» о крепостном праве, причем для меня Ваш блестящий эскиз оказался крайне полезным и информативным. Особенно вопрос Севера Вами освещен прекрасно, за что я Вам приношу свою глубочайшую благодарность. Вообще моя затея писать историю русского языка должна Вам показаться дикой, но м. б. сам материал заслуживает изложения, и интерпретация там — от лукаваго. (Она, к сожалению, выходит по-немецки).

Спасибо за хорошие слова по поводу избранных работ. Сборник, как Вы сами догадываетесь, предназначен западному читателю, т. к. многие

²⁵ И. В. Сталин.

издания именно там недоступны. Об общелингв. работах как-то не говорили, а вот хотят выпустить сборник моих работ по германистике, я ведь в некотором смысле «узкоколейный» германист и много писал о нем. фонологии, да и сейчас балуюсь вопросами нем. сценического произношения и его несвоевременности. Постараюсь выслать Вам отпечаток рецензии на словарь.

С журналом имеются затруднения. Просто издательство со дня на день перестало существовать. Правда, преемники согласны издать еще целый том (IV), но я веду напряженные переговоры с другими издательствами и кое-что, как будто, наклеивается (я не в силах употреблять слово «вроде» в синтагмах типа «вроде наклеивается»). Сейчас предстоит получить корректуру 3/4 номеров III тома, а к IV тому хорошо бы иметь Ваш текст. Достаточно, если Вы займетесь обзором в сентябре. Ладефогд оказался свиньей. Он мне обещал регулярно высылать Вам требуемое, но в то время (зима 1976) он увлекался игрушкой: компьютер, на котором можно было переходить по 20 гц в двух первых формантах и одновременно видеть на экране пунктиром положение глотки, языка и губ. Особенно меня привлекали такие формантные величины, кот. в природе не существуют и где пунктир спинки языка выходил далеко за пределы твердого неба. Вот этим-то Л. и увлекался и Вам должно быть понятно, что при такой напряженной работе о посторонних журналах думать невозможно. Но я сегодня же пишу куда следует и постараюсь еще раз навести порядок.

Мне очень неприятно, если расположение рецензий в какой-то мере не совпало с Вашими пожеланиями. Номер верстал не я, а насчет Войтович мне кажется, что была прислана особая рецензия от лица, кот. трудно было ее вернуть. Ради Бога простите нам наши оплошности — они не будут повторяться.

Сборники об Изб. 1073 г. и том ТОРДЛ здесь имеются. Вероятно пустим рецензии. О «Слово» мне лень спорить, да я сам и не уверен. Только в своей книге я оговариваюсь, что в виду «спорности» текста я не буду приводить примеров из СПИ. А знаете ли Вы, что ВВВ во что бы то ни стало пытался провести Зимина и этим самым посадить в калошу Ромку, рьяного сторонника исконности Слова.

Ваши универсалии мне понравились. Вы ведь проверяли на большом числе языков и в этом отношении я Вам полностью доверяю. Хорошо будет получить всю работу. Но вот я никак не могу понять, почему в языках, часто очень близких, раз осуществляется, а раз не осуществляется конечное оглушение звонких. Не ясны мне также случаи прогрессивного глушения (как в польском). Геннинг Андерсен связывает это с признаком «тенс» / «лэкс» (если не ошибаюсь). Я еще вернусь к Вашей работе, кот. успел прочесть лишь поверхностно.

Очень рад, что летом Вы сможете отдохнуть, хотя не совсем вижу, почему занятия литературой XVIII в. Вам дают больше занятий по языку данного периода. Но Вам виднее — эдакий фичер может и в самом деле (на время) набить оскомину.

Я же жду-недождусь конца унив. занятий и айда к себе до хаты, где и буду продолжать свои излияния по поводу русского языка все того же XVIII и даже XX века. В августе в Вене состоится Межд. конгресс лингвистов, мне следует прочесть доклад перед пленумом (Он сэмантик чейндж), да как-то не хоцца, и жара, и многолюдно и все переливание из пустого в порожнее и всякая «фонология наизнанку» (видели в последнем Лэнгуэдже?)

Шлю Вам самый сердечный привет и надеюсь, что мои «усовещевания» Ладефогда возымеют последствия.

Ваш

А. Исаченко

Открытка «Klagenfurt mit Koshuta»

21/VI/77

Дорогой В. М.! Спасибо за письмецо. Кое-какие оттиски Вам отправлены. Автореф. получил и вернись к нему. Ладефогду и Фромкиной настойчиво писал. Был бы очень благодарен за Максима Грека. Недавно встретился опять с Н. И.²⁶ и увижу его через неделю. Было так хорошо поговорить с ним о далеких друзьях. Лекции к сожал. еще не кончились. Шлю душевный привет

А. Исаченко

Klagenfurt, 21 января 1978 г.

Дорогой Виктор Маркович!

Давно собираюсь написать Вам обстоятельное письмо, но вот, перед самыми (кафолическими) праздниками мне пришлось лечь в больницу и проделать две операции. Сейчас восстанавливаю силы дома и располагаю необходимым временем для выполнения своего намерения. А письмо от 7 окт. я не получил — ей Богу!

Журнал. Третий номер (вернее: номер 3/4 третьего тома) печатается и выйдет с годовым опозданием, как мы надеемся, в самое ближайшее время. Первый выпуск IV тома (содержащий ряд рецензий В. З.²⁷) мною отредактирован, но пока не ясно, когда он будет печататься. Вам, вероятно, трудно понять тот безнадежный беспорядок, кот. вот уже несколько лет господствует в западно-евр. и, в частности, в голландском издательском деле. Весь кавардак сводится к следующему. Традиционный машинный

²⁶ Н. И. Толстой

²⁷ Т. е. V. Z. — Victor Zhivov.

набор (лайнотайп) заменяется новой технологией (композер), где текст не «набирается», а просто пишется на машинке, причем правый край выравнивается автоматически при помощи вычисл. машины. Текст не «печатается», а воспроизводится «офсетом», т. наз. «кул копиинг». Это усовершенствование влечет за собой необходимость уволить большую часть типографического персонала, против чего справедливо протестуют профсоюзы — в результате издательства ведут бесплодные переговоры, ищут заграничные типографии, свертывают продукцию. С нашим журналом (или, вернее, с нашим издательством) получил то же самое. К тому же у них свихнулся ихний компьютер и перепутал все адреса подписчиков. Я разговаривал с представителем издательства во время съезда лингвистов в Вене (Вы ничего не потеряли!), а одновременно вел переговоры с другими издателями. Один вот-вот уже «клюнул», как вдруг выяснилось, что он того, спятил с ума и невменяем. Другой — крайне ненадежный. Теперь «наш» исконный издатель непрочь возобновить дело, но надо найти новую типографию (Рейдель имел одну из самых богатых типографий мира — я даже подозреваю, что Петр заказывал гражданский алфавит именно у него, или у его предшественника, но эту типографию он закрыл или продал). Получается так, что ввиду некоторых обстоятельств, связанных с производством, мы сможем выпускать в год не больше 250 стр. Отсюда — необходимость тщательного выбора. Мне придется отказаться от обзоров, и ограничиться мини-рецензиями только единичных, чем-либо (положительно или отрицательно) выдающихся статей. Но пока некуда спешить, дальнейший ход еще не налажен.

Я рад, что Ладефогд, наконец, откликнулся. Он, знаете, просто охамел в Калифорнии. Я напишу друзьям, чтоб его заставили выслать Рабочие тетради.

Относительно звонкости я бы советовал попробовать в обоих журналах и посылать в редакцию, а не через Лад. Объем играет решающую роль. Никто Вам не станет печатать статью, превышающую 25 машинописных страниц. Продукций разрастается, печатают всякую чушь, т. ч. и для серьезных работ отводится мало места. М. пр. Б. А. страдает отсутствием «глазомера»: ведь работа о Царстве теней — это великолепная монография, а помещена в каком-то здесь почти недоступном журнале²⁸. Очень Вас прошу учесть эти условности. Кстати: мы с ассистентом за последние годы измеряли всякие параметры австрийских п-б, т-д, к-г в разных позициях и пришли к интересным результатам. Но здесь решающим, по видимому, является энергия («сила», длительность), а не присутствие/отсутствие работы голосовых складок. Несколько иное дело — с-з. Повторяю: т. об. мы устанавливаем значительный признак, по которому в Австрии узнают немца и вице верза.

²⁸ Имеется в виду статья «Споры о языке...», о которой шла речь в письме от 20 января 1976 г.

За присылку 16 номера — преобольшущее спасибо! Ведь в наших широтах это просто сказочно. А статья о М. Греке — прекрасна.

Вы все сейчас увлекаетесь XVIII в. Я-то это делаю по необходимости (требует книга), а Вам зачем «лезть» туда? Я, откровенно говоря, терпеть не могу «литературы» этого периода (она для меня «нечитабельна»), но вполне понимаю, что Ваша постановка вопроса обоснована. Глаг. уязвить точно переводит фр. vulnérer, отсюда уязвимый — vulnerable. Выражение язвить, очевидно, бурсацкое. Ср. Аще не виждж на ржкоу его я з в ы гвоздиинья (Ю. XX, 25).

Моя История (I том) уже в производстве, уже прошла первая корректура (гранки), обещают, что выйдет в этом году. А II том как-то туго подвигается (из-за м. б., моего недолюбивания XVIII в.). А теперь Б. А. еще грозитя большой работой о Тред(иаковском)!

Пошлю Вам кое-что из оттисков (германистика). Прошу подтвердить получку. Напишу, как только окончательно выяснится статус журнала.

Желаю Вам в наступившем Новом году всяческого благополучия, рабочего вдохновения и иных радостей.

Искренне Вас ценящий

А. Исаченко

РЕЦЕНЗИИ

Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX в.: В 2 т. / Сост. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко и др.; Отв. ред. Т. Н. Буцева.

Ин-т лингвистических исследований РАН.

СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. — Т. 1 (А—К). — 813 с.

Рецензируемый словарь, как отмечается во введении, «четвертый в серии словарей, представляющих новую и обновленную лексику русского литературного языка в рамках очередного десятилетия XX в.»¹. Предыдущие словари включали соответственно неологизмы 60-х, 70-х, 80-х гг.

Все эти словари органично вписываются в тройственную систему словарей, отражающих обновление русской лексики в разные по длительности неологические периоды: словари-ежегодники («Новое в русской лексике. Словарные материалы—77. М., 1980; то же: 78...95. М.; СПб., 1981—2006), словари, охватывающие десятилетие (Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1971 (2-е изд. — 1973); то же: ...70-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой. М., 1984; то же: ...80-х годов / Под ред. Е. А. Левашова. СПб., 1996), и словари, охватывающие тридцатилетний период (Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х годов) / Под ред. Н. З. Котеловой. СПб., 1995). Среди отличительных черт ежегодников самая существенная — отбор лексики только по принципу новизны, без учета ее узуаль-

ности и нормативного критерия. В словники десятилетних словарей не включаются слова однократной фиксации, индивидуально-авторские, окказиональные образования, т. к. они не являются узуальными (узуальность понимается прежде всего как воспроизводимость, частотность конкретной лексемы, соответствующей также критерию нормативности). В них фиксируются лишь те неологизмы, которые в учтенный период проявили активность (неоднократность) употребления, т. е. те, которые стали единицами языка. Словарь новых слов тридцатилетнего периода охватывает максимальный срок, «когда новации ощущаются в качестве новых применяющимися их поколениями: родителей, детей, внуков» [Денисенко 2006: 43]. В нём отбор лексики в основном осуществлен на основе других неологических словарей по критерию большей закрепленности и жизнеспособности в языке. Вся лексика имеет узуальный характер и, по мнению составителей, принадлежит литературному языку.

Рецензируемое издание во многом продолжает лексикографическую традицию неологии, представленную словарями, охватывающими десятилетний период. Как отмечает во введении Е. А. Левашов, этот словарь «не описывает лексическую систему {...} своего времени». Объектом описания является «только верхний десятилетний {...} слой новых лексических, семантических, фразеоло-

¹ И на этапе составления, и на этапе издания словарь был поддержан грантами Российского гуманитарного научного фонда.

гических поступлений в современный русский литературный язык», причем слова, включенные в словарь, охватывают «узкое временное поле» и «не дают гарантии того, что останутся в языке надолго или навсегда».

Словари десятилетнего среза создавались на основе специально собранной неологической картотеки, материалов Большой словарной картотеки ИЛИ РАН. Картотека слов и цитат из массово читаемых источников 90-х годов, главным образом, газетной периодики, как исходная база рецензируемого словаря создавалась исконным в лексикографии «ручным» способом, без использования компьютеров и Интернета, однако при подготовке рукописи словаря к печати составителями использовались данные сетевого источника — Интегрума, в информационно-поисковой базе которого представлена практически вся центральная и региональная российская пресса.

По мнению составителей словаря, десятилетний период — оптимальное время для собирания новаций и их оценки. «По десятилетним периодам оцениваются исторические, общественно-политические, культурные, научные и другие процессы» [Денисенко 2006: 40]. Рецензируемый словарь «отражает десятилетие, отличное в российской действительности во многом от предыдущих. 90-е годы XX в. — переломный период в истории современной России. Распад СССР, (...) отказ от государственного социализма и авторитаризма, политические преобразования в обществе, гласность, внедрение рыночных, капиталистических отношений, ускоренное развитие науки и техники, заметная культурно-идеологическая и языковая экспансия Запада, вызвавшая невиданный напор иноязычных заимствований, усиление воздействия на общее сознание средств массовой информации и сопутствующие всем этим процессам явления вызвали невиданные

подвижки в современной русской лексике, ее зримое обновление».

Для данного словаря, как и для других словарей десятилетнего периода, характерно расширение (по сравнению со словарями общего типа) круга лексики производной, специальной, нормативно ограниченной (стилистически маркированной), появление разрядов слов «на злобу дня»; увеличение объемов комментариев — лингвистических, энциклопедических, культурно-исторических; развернутое цитирование, необходимое для понимания семантики, стилистической окрашенности слова; указание на другие источники с контекстами, демонстрирующими степень употребительности лексики.

Словарь содержит следующие языковые единицы, появившиеся и укрепившиеся в русском литературном языке в 90-х гг. XX века:

1) слова, возникшие на словообразовательной почве русского языка (*автогражданка, быстройсуп, горбачевщина, гэкачепист*);

2) слова, заимствованные из других языков, — внешние заимствования (*Байер, бизнес-вумен, гламур, евро, консалтинг, постер, эвтаназия*);

3) слова, заимствованные литературным языком из функциональных подязыков (профессиональных сфер, жаргонов, народных говоров), — внутриязыковые вхождения (*ботан, брюлики, геймер, емеля, расчлененка*);

4) семантические неологизмы (*ботаник, голубой, гуру, донор, раскрутить*);

5) актуализированные слова и словосочетания — относительные неологизмы (*акционировать, биржа труда, гимназия, губернатор*);

6) неразложимые, фразеологические сочетания слов (*богатый буратино, дети Арбата, лететь как фанера над Парижем, не делать резких движений, ножки Буша, по барабану, с тараканами в голове*);

7) устойчивые сочетания слов нефразеологического характера (*ближнее (дальнее) зарубежье, брачный договор (контракт), гостевой брак, гуманитарная помощь, сексуальное меньшинство, тайский массаж*);

8) инициальные и фрагментарные сокращения и их производные (*ГИБДД, ГКЧП, РАО, СКВ, СНГовский, ЭМЧэ-совцы*);

9) новые (либо с новыми значениями) серийные первые и вторые части сложных слов — аффиксоиды (*астро..., демо..., топ-, фолк-*);

10) цельные слова (чаще заимствования или аббревиатуры), выступающие в сложных словах в роли аналитических прилагательных (*арт-, бизнес-, вип-, ВИЧ-, интернет-, шоу-*).

Как отмечают исследователи, лексические инновации, представленные в словарях неологизмов, отражают коренное переустройство власти, экономики, мировоззрения, противостояние оценок, взглядов, образа жизни людей, смену ценностных приоритетов в современном российском обществе [Попцева 2003: 83]. И в этом отношении рецензируемый словарь не исключение. С полным правом его можно считать лингвистическим портретом России на исходе столетия.

Структура словаря включает введение, два фрагмента предисловий к двум первым десятилетним словарям: к аналогичному словарю Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина, охватывающему 60-е гг. прошлого века, и к словарю Н. З. Котеловой, включающему новую лексику 70-х гг. (которые важны для авторов как содержащие «обоснование темы в теоретическом и лексикографическом отношениях»), раздел «Состав словаря», списки сокращений для названий источников, словарей и сокращений для отдельных слов, используемых в словарных статьях, и лексикографических помет и, наконец, алфавитную последовательность словарных статей, обра-

зующих собственно словарную часть издания. Словарь планируется авторским коллективом как двухтомный; первый том охватывает слова от А (*акционерный банк*) до К (*клептоманский*) и включает 4250 словарных статей.

Словарная статья содержит характеристику слова, достаточно полное его толкование, текстовые иллюстрации, включая добавочные цитатные источники в справочной части; указание на происхождение слова, способ его образования и словообразовательную структуру в русском языке. Наличие в справочной части словарной статьи словообразовательно-этимологической справки вместе с толкованием «создает каркас словарной статьи, вносит общие языковые значения корня, аффикса или аффиксоида, исходного значения слова и т. п., обнажает словообразовательные семантические связи» [Денисенко 2006: 41]. В справочной части отражается и фиксация слова в других словарях, предшествующих данному. Следует положительно отметить разветвленную систему функционально-стилистических помет и использование двойных помет — стилистических и эмотивных (например: *разг., неодобр.; публ., презрит.*), а также отражение в словаре вариативности слова, в том числе и орфографической (например, *аквапарк* и *аква-парк; веб-страница, вэб-страница, web-страница* и *www-страница; кикбоксинг* и *кик-боксинг* и др.).

Было бы странно ожидать от издания подобного масштаба и сложности полного отсутствия дискуссионных решений, спорных моментов выбора источников и абсолютной лексикографической последовательности в подаче материала. Высоко оценивая данную работу в целом, позволим себе все же поделиться некоторыми соображениями критического и дискуссионного характера.

Начнем с замечаний по поводу источниковедческой базы словаря. Она

охватывает около 400 периодических изданий и в целом производит самое положительное впечатление и своим объемом, и критериями отбора источников. Всё же остается только пожалеть, что столь солидный список источников, представленный продуманной системой сокращений, не включает названия региональных изданий, что несколько обедняет картину словарных источников. Не вполне убеждает и обоснование включения в справочный отдел тех или иных терминологических словарей. По этому поводу авторы пишут: «Из современных терминологических словарей в справочный отдел включены только «Универсальный бизнес-словарь» (УБС) и «Толковый словарь пользователя РС» (Ваулина), поскольку 90-е гг. в первую очередь характеризуются развитием в стране рыночно-финансовых отношений и компьютерно-информационной техники». Заметим в этой связи, что, к сожалению, те же годы в неменьшей степени характеризуются ростом преступности и наркомании, становлением нелегального бизнеса и терроризма, причем терминологические словари, относящиеся к соответствующим сферам деятельности и знания, имеются (см., например, словари [Ивасенко 2000; Лепехин 2007]). Трудно также понять без специального объяснения выбор в качестве источников всего двух-трех научных журналов типа «Вопросы философии» или «Русский язык в школе» и неиспользование в том же качестве других научных периодических изданий.

Отдельный вопрос — статус помещенных в начале словаря, непосредственно после введения, уже упомянутых выдержек из предисловий к предшествующим словарям данной серии. Само по себе включение выдержек из предисловий к предшествующим словарным изданиям «Новых слов и значений» можно только приветствовать как дань

признательности серьёзной академической традиции и как свидетельство приверженности тем же принципам, которые были заложены и использованы предшественниками авторов. Но в этих условиях было бы крайне желательным, чтобы авторы ясно высказались о том, имеются ли по прошествии тридцати лет какие-либо инновации в принципах составления и организации словаря или он, за исключением, разумеется, материала, полностью повторяет предшествующее издание. К сожалению, однако, таких высказываний введение к словарю не содержит. Кроме того, остаётся без объяснения «дискриминация» словаря новых слов и значений по материалам прессы и литературы 80-х гг., фрагменты предисловия которого не приводятся.

В ряде случаев спорны критерии разграничения разных значений одного слова. Иногда создаётся впечатление, что некоторые значения, представленные в словаре как различные, вполне могли бы быть объединены в одно. В чем, например, различие представленных в рецензируемой работе значений прилагательного *антипримаковский*: «1. Направленный против государственной деятельности Е. М. Примакова; выражающий враждебное отношение к нему, несогласие с его действиями» и «2. Настроенный, выступающий, действующий против этого политика, его деятельности»? Аналогичный вопрос возникает по отношению к толкованиям многих заголовочных лексем, начинающихся с приставки *анти-* (*антиприватизационный*, *антиноменклатурный*, *антипрезидентский* и т. п.), да и далеко не только их. Вот, например, столь же спорная полисемия слова *капитализация*, представленная, согласно словарю, третьим и четвертым значениями этого слова: «3. Возвращение к капиталистической ориентации в жизни общества (после советского социали-

стического периода)» и «4. О появлении буржуазных отношений в современном российском обществе; об обогащении (публ.)». Сказанное относится и к вокабулам *архизамечательный*, *астропсихологический*, *бомжовый* (в первом и пятом значении), *инвесторский*, *ингушско-осетинский* (в первом и втором значении) и др.

Сделаем еще одно более частное замечание. По-видимому, в списке источников указаны не все сокращения. Например, в словарной статье *Биотерроризм* в качестве источника примеров указывается (в сокращенной форме) «МПР-П», но в списке сокращенных названий источников такого нет (хотя имеются «МПР-Р» (Московская правда — Ракурс), «МПР-С» (Московская правда — Спорт) и др.).

Несмотря на отмеченные недостатки, рецензируемый словарь следует признать новым достижением отечественной неологии и неографии, особенно в антропоцентрической парадигме научного знания. Словарь дает богатейший материал для осмысления актуальных направлений концептуализации действительности. В этом отношении чрезвычайно интересны лексические группы, которые, скорее всего, недолго задержатся в русском языке, — от лексических единиц типа производных от фамилии *Гайдар* (*гайдаризация*, *гайдаризм*, *гайдарики*, *гайдаристы*, *гайдарки*, *гайдаровка* ... *гайдарята* — всего 14 единиц) до уникального, не имеющего производных, *гном* («обычно *мн.* О крупных швейцарских банках и их менеджерах со штаб-квартирами в Цюрихе»). Материал издания определенно подтверждает высказанную во введении к словарю мысль: «Всякий толковый словарь историчен, потому что отражает движущуюся языковую современность. Прежняя лексика в таких слова-

рых соседствует с новой. Неологические же словари историчны по своей сути: они содержат только новую лексику определенного времени...». Другой автор справедливо пишет по этому поводу, что словари новых слов «регистрируют приобретения и потери в языке, позволяют увидеть реальную динамику лексикона, выявить те его зоны, которые отражают реальный прогресс общества и языка, развитие науки, техники и культуры» [Черняк 2006: 171].

Л и т е р а т у р а

Денисенко 2006 — Ю. Ф. Денисенко. Типы неологических словарей ИЛИ РАН и формирование их системности // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления): Мат-лы Межд. конф. СПб.: Изд-во Лема, 2006.

Ивасенко 2000 — В. Б. Ивасенко. Оперативно-розыскная деятельность и незаконный оборот наркотиков: Словарь терминов и понятий / 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. воен. ин-т Федер. погранич. службы РФ, 2000.

Лепехин 2007 — Е. А. Лепехин. Современные термины и понятия терроризма и безопасности: глоссарий. Омск: Омский ин-т (фил.) РГТЭУ, 2007.

Поцепня 2003 — Д. М. Поцепня. Изменения в словарном составе языка и новые лексикографические идеи // Современные языковые процессы: Межвуз. сб. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003.

Черняк 2006 — В. Д. Черняк. Фрагменты русской языковой картины мира в зеркале неологических словарей // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления): Мат-лы Межд. конф. СПб.: Изд-во Лема, 2006.

Л. В. Рацибурская, С. Д. Шелов

НОВЫЕ КНИГИ

**Б. И. Осипов. Судьбы русского письма:
История русской графики, орфографии и пунктуации.**

М.: Ин-т русского языка РАН;

Омск: ИЦ «Омский научный вестник», 2010. — 320 с.

В основе книги лежат опубликованные ранее работы автора «История русской графики» и «История русской орфографии и пунктуации», привлекаются также и результаты более поздних исследований автора и его учеников и некоторых других исследователей русского письма.

Во введении формулируются те теоретические понятия и положения, на основании которых далее классифицируется, описывается и оценивается материал.

Наука о письме и его истории имеет свой собственный объект описания и собственные методы. История письма как собственно лингвистическая дисциплина не совпадает ни с историей письменности, ни с палеографией, ни с историей языка. Объектом этой дисциплины является «эволюция отношений между единицами языка и изображающими их графическими знаками».

Основопологающим для автора монографии является различение правила — как сформулированного, кодифицированного закона письма, нормы — как исполнения закона письма, сформулированного или не сформулированного, и узуальной нормы — «некоторой установки, существующей в сознании пишущего и устанавливаемой на основании узуса, но необязательно выдерживаемой в нем полностью». Принятый в истории подход к описанию письма как «объективной данности», отвлеченной от сформулированных правил, рас-

пространяется в исследовании и на анализ современного письма, и на оценку существующих правил — как с точки зрения отражения реального состояния дела, так и с точки зрения соответствия историческим тенденциям.

В первой части книги «История графики» с обозначенных теоретических позиций дается описание истории русской графики: инвентаря графических единиц и принципа их взаимодействия. История букв заключается не только в изменении их состава и начертаний, но в изменении их значений, то есть соотношений с фонологической системой языка. Аналогично описывается и изменение состава и значений диакритических знаков. Прослеживается эволюция принципа русской графической системы, изменение той роли, которую играли на разных этапах «побуквенный» и «сочетательный» принципы. Рассматривается и судьба строчных, прописных и надстрочных начертаний букв, изменение значения и сферы применения этого графического приема. Кратко описываются также небуквенные знаки, использовавшиеся в русском письме в разные эпохи: точка в конце строки, точка в середине строки, запятая, двоеточие, крест, змейца, различные комбинации точек и черточек, тире, точка с запятой, вопросительный и восклицательный знаки, скобки, кавычки и т. д., а также знаки специального назначения, знаки-символы.

Во второй части книги «История орфографии» описание строится не по истории отдельных орфограмм, а по этапам изменения орфографической системы, по выражению этих изменений в конкретных памятниках, у отдельных книжников. Подытоживая главу, автор выделяет четыре типа орфографических изменений, произошедших за всю историю письма: 1) изменение написания слов в результате изменения фонемного состава, 2) утрата прямого соответствия с фонемным составом, то есть за изменением фонемного состава не последовало изменение написания, 3) изменение написания при неизменном фонемном составе, 4) изменение статуса орфографической единицы: ни написание, ни фонемный состав не изменился, но написание стало орфограммой. Оценивая выделенные типы изменений с точки зрения действия принципов орфографии, автор делает вывод, что благодаря

интуиции писцов, «нащупавших компромисс между фонетическими и историческими написаниями», современная орфография является наиболее последовательным «воплощением морфологической разновидности традиционного принципа».

В небольшой по объему третьей части книги рассматривается история пунктуации — тоже как история пунктуационной системы: изменение арсенала пунктуационных средств и изменение принципов пунктуационного членения текста. Пунктуационная система переходила от «коммуникативно-синтаксического принципа древней русской пунктуации» через переходный этап в пунктуационной системе XVIII в. к «конструктивно-синтаксическому принципу современного письма».

Е. В. Бешенкова

Categorie verbali e problemi dell'organizzazione testuale. Studi contrastivi Slavo-Romanzi / Глагольные категории и проблемы организации текста. Сопоставительное описание славянских и романских языков / A cura di Anna Bonola e Olga Inkova. Milano: EDUCatt, 2011 (L'analisi linguistica e letteraria, XVIII, 1/2010, Numero Speciale). — 280 p.

Настоящий сборник издан как специальный выпуск итальянского журнала *L'analisi linguistica e letteraria* и содержит статьи участников I Международного семинара Проблемной группы по сопоставительной лингвистике текста (*Gruppo di studio di linguistica testuale contrastiva*), состоявшегося в феврале 2010 года в Милане.

Сборник разделён на две части: «Глагольные категории» и «Текст». Статьи первой из них посвящены сравнительному описанию видовременных глагольных систем (либо же ещё более узко — отдельно взятой грамматической формы) одного из славянских (как

правило, русского) и одного из романских языков. В целом следует отметить достаточно высокий уровень статей и, среди прочего, отсутствие ставших, к сожалению, уже столь привычными ошибок в русскоязычных примерах. Интересные — правда, скорее с точки зрения психолингвистики и методики преподавания, чем аспектологии — результаты представлены в статьях Л. Геберт и А. Крайсберг (обе на итальянском языке) об усвоении глагольной категории вида в итальянском языке носителями русского и польского. Работы И. Н. Кузнецовой и Р. Гусмана Тирадо посвящены сопоставлению видовремен-

ной системы русского языка с, соответственно, французской и испанской. З. Генчева сравнивает отдельные граммы — болгарские имперфект и аорист с французскими *imparfait* и *passé simple*. Завершается первый раздел статьёй А. Ленатовской об акциональной классификации русских и итальянских предикатов.

Вторая часть сборника открывается работой И. М. Кобозевой, посвящённой функционированию различных коннекторов (*потому что, по причине того что, чтобы, так как* и др.) в русском языке. Тематически связана с ней статья Ф. Бьяджини о русских составных союзах, где вторым компонентом выступает элемент *чтобы* (*для того чтобы, затем чтобы, ради того чтобы* и т. п.). В статьях М. Гатти и А. Бонолы делается попытка описания ряда русских частиц (главным образом, частицы *ведь*) в рамках развиваемого в итальянской лингвистике особого «семантико-прагматического подхода к связности текста», названного Теорией конгруэнтности. О. Инькова сравнивает структуру русских и французских соотносительных предложений различных типов: сложноподчинённые предложения со сравнительными отношениями между главной и зависимой частями (*На ней то же платье, что и вчера*), сложноподчинённые предложения, характеризующие степень признака (*Она так*

устала, что не могла говорить) и др. Строгого определения понятию «соотносительное предложение» в статье не дается, О. Инькова отсылает читателя к известным работам В. А. Белошапковой. В двух заключительных статьях сборника — Р. А. Говорухи и М. Изолы — сопоставляются основные параметры коммуникативной организации текста в русском и итальянском языках.

Статьи написаны на итальянском, русском, испанском и французском языках; в конце сборника также приводятся краткие аннотации на английском. Привлекается материал основных романских языков — испанского, итальянского, французского; славянские языки представлены русским (в подавляющем большинстве случаев), а также польским (в работе А. Крайсберг) и болгарским (в работе З. Генчевой). Отметим, однако, отсутствие обращения к данным румынского языка, что в рамках заявленной темы (славяно-романская сопоставительная лингвистика) является некоторым упущением — румынский материал, без сомнения, заметно обогатил бы сборник. Издание может представлять интерес как для аспектологов и типологов в целом, так и для специалистов, занимающихся обучением иностранным языкам.

Кс. П. Семёнова

**О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. Частотный словарь
современного русского языка
(на материалах Национального корпуса русского языка).**

М.: Азбуковник, 2009¹. — 1087 с.

Новый частотный словарь русского языка охватывает тексты, созданные

¹ Фактически словарь вышел в 2011 г. Электронная версия доступна на сайте <http://dict.ruslang.ru>.

после 1950 года, и состоит из алфавитного и рангового списков, отдельных частотных списков различных частей речи, списков текстовых жанров (художественных, публицистических, научных, устных текстов), списков значимой

лексики различных жанров (например, слово *медленно* с большей вероятностью появляется в художественной литературе, *соответственно* в научной, а *прикольно* в устной — теперь мы можем дать этим субъективным ощущениям чёткое количественное выражение) и ряда вспомогательных списков, известных специалистам, однако достоянием собственно лингвистической общности не становившихся (например, частотности русских букв, двух- и трёхбуквенных сочетаний).

Данный словарь, безусловно, является событием в русской лексикографии и квантитативной лингвистике. Предыдущий частотный словарь русского языка (составленный Л. Лёнгренном) вышел в 1993 г. С тех пор сменилась эпоха. Словарь Лёнгренна, а также его предшественники — словари Э. А. Штейнфельд (1963 г.), Л. Н. Засориной (1977 г.) и др., по тем временам самые передовые и до сих пор сохраняющие научное и методологическое значение, отражают тогдашнюю языковую реальность, где ранги слов типа *советский* и *товарищ* были сопоставимы с рангами некоторых служебных слов. Новый словарь содержит как общую статистику за период 1950—2005 гг., так и (в разделах, посвященных типам текста) отдельную статистику за более мелкие периоды. Благодаря этому он позволяет и получить представление о динамике языка, и кое в чем уточнить данные прежних словарей. Ведь частотный словарь — может быть, единственный тип словаря, который даже теоретически немислим без корпуса. А в те годы еще не было репрезентативного корпуса русского языка. Какими бы ни были недостатки НКРЯ, он всё же гораздо ближе к идеалу корпусной основы исследований, чем тогдашние сравнительно небольшие по объёму выборки.

Составители словаря учитывают, помимо ранга и частоты на миллион,

ряд параметров, призванных «сгладить» неизбежные всплески частот в отдельных текстах, не мотивированные языковыми факторами. Так, указывается, в скольких произвольно выделенных равных фрагментах корпуса (из 100) встречается то или иное слово. Таким образом, если в одном тексте о хоббитах слово *хоббит* встретится 1000 раз, у него будет высокая абсолютная частота, но указанный индекс у него будет низок в отличие от слов, действительно имеющих высокую общеязыковую частоту. Например, слово *призёр* частотнее слова *призма* (часто встречается в текстах о спорте), зато слово *призма* лучше распределено по корпусу (встречается в 80 фрагментах из 100, тогда как *призёр* — в 56). Особенно это важно для имён собственных (в англоязычной корпусной лингвистике эта проблема получила название «проблемы Норвеги» по имени панамского генерала, часто упоминавшегося в новостях за ограниченный период). Другой коэффициент — логарифмического правдоподобия — определяет значимую вероятность появления того или иного слова в определённом подкорпусе (например, для устной речи наибольшее значение этого коэффициента имеет слово *ну*, вообще говоря, частотное и в художественной литературе).

Словарь представляет собой и просто интересное чтение, приглашая читателя подумать о том, почему слова *интересный* и *факт*, или *добрый* и *хозяин*, или *немец* и *победа* стоят в ранговом списке рядом или почти рядом — случайно ли это? (Роль случая тут гораздо больше, чем кажется на первый взгляд, но, кажется, всё же не абсолютна: ранги могут сближаться, в частности, из-за устойчивых коллокаций и жанровых предпочтений).

Д. В. Сичинава

М. Г. Колбенева, Ю. И. Александров. Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка. Лингво-психологический словарь.
М.: Языки славянских культур, 2010. — 368 с.

Словарь составлен в Институте психологии РАН. Он отражает, по сравнению с «чисто лингвистическими» словарями, специфический, но интересный взгляд на русскую лексику. Помимо тематики, объявленной в названии словаря, в нём читатель встретит и ряд других сведений о русских прилагательных.

В отличие от более привычных так называемых *ассоциативных словарей*, содержащих списки реакций-ассоциаций на различные стимулы, словарь содержит классификацию русских адъективов (всего корпуса прилагательных литературного языка) по двум параметрам: во-первых, связано ли то или иное прилагательное с ощущениями или не связано, во-вторых — с каким именно из пяти классических чувств (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание — последнее сокращается как «кожн.») респондент ощущает связанным это прилагательное. Словарь сопровождается обширным теоретическим введением и описанием методики сбора материала.

Основные части словаря — первые две; списки слов, соответственно не связанных и связанных с ощущениями. На первый взгляд кажется, что не было надобности включать первую часть — полный список «неэмоциональных» адъективов (почти треть тома). Однако и тут небезынтересны реакции меньшинства респондентов (например, *волокий* для современного носителя существенно «эмоциональнее» — 13 «за», 23 «против» — чем *нэповский*, где соотношение 2:40; в эпоху НЭПа, по-видимому, всё было не совсем так), а также не связанная прямо с тематикой словаря, но чрезвычайно важная информация об известности слова носителям (например, по колонке «не знако-

мо» можно выделить общеязыковую лексику и агнонимы вроде *нефелиновый*, *межеумочный* и *гуцульский*). Из второй части лингвист может извлечь информацию, связанную прежде всего с коннотативным спектром прилагательных, особенно рассматривая гнезда родственных и семантически близких слов. Например, из ряда прилагательных *девический* — *девичий* — *девственный* — *девчачий* — *девчоночий* (с. 171) наиболее эмоционально окрашено *девчоночий*, наименее — *девичий*. *Девчачий* и *девчоночий* сильнее всего связаны со слухом, для *девичий* связь уже меньше, для *девственный* (предсказуемо) отрицательная. Зато *девичий* слабее всего связанное с ощущениями в целом, сильнее всего коррелирует с чувством обоняния. Связано ли это с коллокациями типа *девчачий смех* и *девчья свежесть*? Диктуется ли это фоносемантикой (ср. яркая аллитеративность *девчоночий* и *девчачий*)? Всё это тема для дальнейших исследований, и данный словарь предоставляет для них богатую пищу.

В конце словаря приложены отдельные списки оценки прилагательных по шкалам «приятно/неприятно» для молодых и пожилых людей. Возможно, неплохо было бы в дальнейшем добавить «возрастной» параметр не только в этот список, но и в основную часть словаря, где эмоциональная характеристика прилагательных более дробная. Данные опроса респондентов по этим спискам пересчитаны в трехбалльную систему и могут быть легко извлечены из таблицы. В списках также приводятся типы чувства, с которыми те или иные прилагательные связаны преимущественно. Из этих списков можно извлечь

информацию (иногда экстралингвистического характера), связанную с предпочтениями поколений. Например, слова типа *автомобильный* пожилыми людьми расцениваются отрицательно, а *англезычный* — нейтрально; для молодёжи то и другое уже попадает в «слабый плюс». При этом поколения предсказуемо объединяются на почве любви к *ананасному* и нелюбви к *визгливому*. К сожалению, нет отдельного списка слов, для которых оценки разными поколениями значимо различаются.

Очень ценна для исследования усвоения родного языка приложенная к словарю таблица «Возраст понимания прилагательных», хотя она и не имеет прямого отношения к заявленной тема-

тике словаря. В ней указано, в каком возрасте опрошенные в ходе эксперимента дети начинают узнавать те или иные прилагательные. К рано усваиваемым относятся названия пищи *апельсинный, булочный, геркулесовый, грибной, земляничный...* Позже дети осваивают абстрактные понятия (интересно, что начинают, по-видимому, с обозначений звука), а до слов типа *канифольный, розмаринный* и *стереофонический* дорастают уже средними и старшими школьниками.

Желательно издание словаря также в электронном виде — для более удобной сортировки и сопоставления материала.

Д. В. Сичинава

**А. М. Бруни. Византийская традиция и старославянский перевод
Слов Григория Назианзина. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2010.
Т. I (Россия и Христианский Восток. Библиотека. Вып. 9). — 288 с.**

Книга А. М. Бруни продолжает исследование греческой и славянской традиций Слов Григория Богослова, начатое автором в монографии 2004 г. (см. РЯНО 10, 2005/2). Новая книга состоит из двух частей. Первая часть посвящена проблемам текстологии и палеографии греческих рукописей Слов Григория Назианзина, а также вопросу об объединении отдельных Слов в сборники (коллекции). Автор доказывает, что значение славянской версии для истории греческого текста принципиально, а существующее мнение о первичности текста латинской и армянской версий по отношению к дошедшей до нас греческой традиции не может быть принято (с. 32). Вторая часть книги содержит издание четырех Слов в славянском переводе, выполненном в Болгарии в конце IX — первой трети X в.: Слова на Крещение (XXXIX), Слова на погребение Василия Великого (XLIII),

Слова на Просвещение (XL) и Слова о Рождестве Христовом (XXXVIII). Это первое критическое издание славянского перевода после издания А. С. Будиловича 1875 г., в котором был воспроизведен древнейший список сборника 13 Слов, датирующийся XI в. А. М. Бруни использует этот же список в качестве основного и приводит разночтения в общей сложности по 18 славянским рукописям, из которых 17 — древнерусского извода и одна — болгарского (в зависимости от текстологических особенностей каждого Слова варианты подводятся по разному количеству списков). Среди списков, использованных в критическом аппарате, — рукописи сборника 16 Слов Григория Назианзина с Толкованиями Никиты Иракийского, поскольку некоторые из издаваемых Слов в собрании 16 Слов с толкованиями представлены в том же переводе, что и в сборнике 13 Слов без толкова-

ний. Издание А. М. Бруни впервые дает возможность проследить, хотя бы на ограниченном материале, как видоизменялся первоначальный текст, сохранившийся в сборнике 13 Слов, при включении в сборник 16 Слов. Эта информация ценна для изучения сборника

16 Слов с Толкованиями, который до сих пор не опубликован. Иногда в критическом аппарате приводятся чтения латинской и армянской версий.

А. А. Пичхадзе

Борисоглебский сборник. *Collectanea borisoglebica*. Вып. I / Под ред. Константина Цукермана [Occasional Monographs, II. Published by the Ukrainian National Committee for Byzantine Studies]. Paris, 2009. — 364 с.

Сборник статей посвящен разным аспектам борисоглебской проблематики: здесь есть и археология (статья: В. Зоценко. Древнерусский Вышгород: Историко-археологический обзор, с. 15—56), и искусствоведение (статья: Э. С. Смирнова. Ранние этапы иконографии святых князей Бориса и Глеба. Вопрос византийских образцов и сложения русской традиции, с. 57—116; Е. Архипова. Каменная иконца с Тамани с изображением воина-мученика св. Глеба, с. 157—182), и история литературы (статья: Л. С. Соболева. Воплощение святости Бориса и Глеба в духовных стихах, с. 307—340; В. Аристов. Нарративная функция мотива «старейшинства» в летописной повести о Борисе и Глебе, с. 341—352). Для русской филологии важны следующие работы: Е. В. Уханова. Древнейшие изображения св. князя Бориса. К истории библиотеки Владимира Мономаха, с. 117—156; К. Цукерман. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи, с. 183—306; С. А. Иванов. Несколько замечаний о византийском контексте борисоглебского культа, с. 353—364.

В статье Е. В. Ухановой миниатюры с портретом князя в рукописях ГИМ, Син. 262 (Учительное Евангелие Константина Преславского) и ГИМ, Чуд. 12 (Слово Ипполита, папы Римского, об антихристе) идентифицируются как изображения св. Бориса (страстотерпца) —

в противность обычной точке зрения, согласно которой они представляют собой воспроизведения болгарских миниатюр с изображениями Бориса-Михаила и Симеона, скопированных вместе с текстом болгарского перевода. Изготовление этих рукописей автор связывает с перенесением мощей Бориса и Глеба в 1115 г., на основании чего она передатирует эти рукописи началом XII в. (вместо обычной датировки концом XII — началом XIII в.). Автор утверждает, что палеографические и орфографические черты этих рукописей поддерживают такую датировку; мне этот аргумент не кажется бесспорным, скорее можно было бы говорить о середине — второй половине XII в. Контекстом для появления данных миниатюр автор считает разрастание культа св. Бориса при Владимире Мономахе. В этой связи она полагает, что обе рукописи (а также ГИМ, Син. 108 [Богословие Иоанна Дамаскина]) принадлежали библиотеке Владимира Мономаха. Если новая идентификация изображений князя кажется бессмысленной, гипотеза о составе княжеской библиотеки представляется чрезмерно поспешной, а аргумент, согласно которому эти рукописи должны были путешествовать из Киева во Владимир при Андрее Боголюбском, а из Владимира в московский Кремль, где они и обрелись в начале XVII в., малоубедительным. Автор без

достаточных оснований утверждает, что все рукописи, находившиеся в Киеве в 1240 г., погибли. Мы слишком мало знаем о перемещениях домонгольских рукописей, чтобы основывать на этом какие-либо выводы, а существование княжеских библиотек остается ничем не доказанным предположением.

Работа К. Цукермана посвящена реконструкции первоначального повествования об убийстве Бориса и Глеба, которое, по мнению автора, завершало некое Сказание 1016/1017 г., легшее в основу всего последующего восточнославянского летописания. Реконструируя это Сказание, автор пересматривает все принятые (или дискуссионные) положения об истории текста ранних летописей. Он следует, впрочем, ряду основополагающих решений А. А. Шахматова (рассматривая, в частности, Новгородскую первую летопись младшего извода как отражение древнейшего летописания) и пользуется теми методами расчленения летописных пластов, которые были разработаны А. А. Гиппиусом, но во многих моментах не соглашается ни с одним, ни с другим. Как полагает К. Цукерман, на первоначальное Сказание (Сказание об *origines gentium*) в 1076 г. была наложена анналистическая сетка, в ряде случаев бессмысленно разорвавшая повествование (я бы относил наложение анналистической сетки к немного более раннему времени). В контексте этой общей ревизии борисоглебских текстов пересматриваются и соот-

ношения между летописной статьей, Чтением, Сказанием и паремийными чтениями. Ряд решений вызывает шок и не до конца уходящее несогласие, однако аргументы изощренны и порою захватывающи и провоцируют на размышление даже тогда, когда не убеждают.

С. А. Иванов пишет о том, что у культа князей-страстотерпцев был византийский прецедент. Обычно считается, что политическое убийство не может сообщить его жертвам святости, и в силу этого византийское духовенство не хотело принять почитание Бориса и Глеба как святых. С. А. Иванов указывает, что в Византии имело место почитание императора Никифора II Фоки; он также был жертвой политического убийства, а не мучеником за веру, и в прославляющей его как святого литературе встречаются те же мотивы, что и в литературе борисоглебского цикла (например, сопоставление с Каином и Авелем). Автор предполагает, что и слово *страстотерпец* возникло как подражание греч. *ἄθλοφόρος*, прилагавшемуся к Никифору. С. А. Иванов выявляет в Сказании о Борисе и Глебе ряд грецизмов (в дополнение к тем, которые были отмечены Лудольфом Мюллером). Несколькими фантастическая гипотеза о том, что Сказание могло быть написано византийцем, к концу статьи перестает казаться такой уж фантастической.

В. Ж.

О. Н. Киянова. Поздние летописи в истории русского литературного языка: конец XVI — начало XVIII веков. СПб.: Алетейа, 2010. — 320 с.

Книга посвящена языку русского летописания позднего периода, материалу чрезвычайно мало исследованному, исключительно интересному и имеющему важное значение для понимания судеб русского литературного языка. Обсле-

довано весьма значительное число памятников, так что работа может претендовать на роль обобщающего труда по данной обширной теме. Монография воспроизводит докторскую диссертацию автора, перепечатанную, видимо, без

всякой переработки: автор называет книгу диссертацией (с. 7), сохраняет множество опечаток и ряд бессмысленных утверждений, которые должны были бы быть устранены при внимательном чтении текста (ср.: «Что касается формы аориста, то л-форма может использоваться как в исконно присущем ей значении, так и в значении имперфекта», с. 170).

Книга состоит из трех глав. В первой («Место летописных текстов в учении о литературном языке Древней Руси») рассматриваются теоретические вопросы и дается обзор литературы. Во второй («Вопрос языковой нормы русских летописных текстов конца XVI—XVII вв., созданных в центре Российского государства») дается описание многочисленных «нелокальных» летописей, разделенных автором на официальные и неофициальные; рассматриваются также «новые типы летописных текстов» и переходные типы исторических памятников (такие, как Записки Желябужского). В третьей главе («Характеристика грамматической нормы языка провинциальных летописей конца XVI — начала XVIII вв.») анализируются памятники местного (устюжского, вологодского, сибирского и т. д.) летописания.

Автор рассматривает летописи как памятники церковнославянского языка «сниженной» нормы (с. 20); впрочем, в других местах она также именуется их памятниками гибридного языка. Представляется очевидным, что разные наименования языка летописей («сниженная» норма, гибридный язык, гибридный регистр, вульгарно-литературный язык и т. д.) описывают одно и то же явление и исходят из сходных представлений о его основных параметрах. Ясно, что в летописной «норме» очень немного нормативного, так что, например, не кажется осмысленным даже упоминать грамматику Смотрицкого как регламентирующее пособие (с. 25—26). По существу, главным предметом

описания является эволюционирующий узус, находящийся под возрастающим воздействием некижского языка. Понятие нормы, однако, отвлекает от узуса, сосредоточивает внимание не на исторической преемственности, а на синхронной упорядоченности (или, в случае летописей, неупорядоченности), и это оказывается контрпродуктивным для разбираемой работы. Автор в целом игнорирует лингвистическую гетерогенность летописей и предпочитает надуманные синхронные объяснения раскрытию истории текста. Так, скажем, анализируя статью 6448 г. в вологодской летописи, автор полагает (с. 184—185), что формы имперфекта «усиливают драматизм повествования» (*Рѣсь же <...> вметяхъста в водѣ морскѣю*), игнорируя тот факт, что эта фраза заимствована из Повести временных лет (ПСРЛ, I, стлб. 43); так же обстоит дело с разбором статьи 1240 г. в устюжском летописце Льва Вологодина (с. 170) и со многими другими рассуждениями.

Характер описания языка летописей вызывает неоднозначную оценку. Рассматривается употребление прошедших времен, дв. числа, конструкций со значением причины, цели, условия и времени (в основном приводятся наборы союзов и союзных слов) и оборота дательного самостоятельного. По неясным причинам и эти параметры описаны не для всех памятников и не всегда в одном и том же порядке. Другие моменты, которые могли бы характеризовать тип языка, игнорируются. Качество объяснений того, как выбирается тот или иной способ выражения из числа доступных летописцу, вызывает уныние. Оказывается, скажем, что формы имперфекта «помогают передать автору весь трагизм и ужас происходящего» (с. 40), и такие импрессионистические фантазии заменяют нормальный семантический анализ (см., например, множественность действия как причину упо-

требления имперфекта во фразе: «слепини и хроми и нѣми волѣзни одержими <...> изцѣлахъся, такожъ <...> прибѣгахъ недужнии», с. 84; «усиление изобразительности» здесь явно не при чем). Вообще концептуальный аппарат описания беден, автор не знаком с рядом важнейших работ по затрагиваемым ею темам (например, с работами К. Р. Сконефельда и Э. Кленин об употреблении претеритов, с работами О. Ф. Жолобова и В. Б. Крысько о дв. числе).

Обиднее всего, что автор обходится без всякой статистики, подменяя ее нечеткими определениями типа «больше», «меньше», «часто», «редко» и т. д. Увидеть динамику процессов, происходящих в языке летописей, при таком способе описания невозможно. Собранные автором с известным старанием данные оказываются малопригодными для ис-

следователя, желающего ими воспользоваться. Так писали полстолетия назад, но у современного ученого должны быть иные стандарты. Отдельные наблюдения, раскиданные по книге, любопытны — например, о том, что в заключительной части Летописи Льва Вологодина из всех книжных средств употребляется один дательный самостоятельный, который и становится, таким образом, единственным маркером книжности (с. 177). Однако от описания языка малоизученных памятников ожидаешь все же большего. Рецензируемая книга, представляя известный интерес для истории русского языка, лишь в малой степени прикрывает ту лауну, которая образуется в ней неописанностью позднего летописного языка.

В. Ж.